

СЕВЕР

автор

Синякова Елена

Blue_Eyes_Witch

Вы когда-нибудь бывали в лесу? Настоящем, древнем, могучем? Не для того, чтобы собрать грибочки и умилиться белочкам, а чтобы выжить. Чтобы понять, что это мир, полный тайн, загадок и мистики. Ведь тот, кто говорит, что мы знаем о лесе все, и лишь океан изучен на 5 % просто никогда в нем не бывал! Как Мия, которая родилась среди могучих елей, потеряла своего родного человека, чтобы встретиться лицом к лицу с могущественным врагом, от которого нельзя сбежать, нельзя скрыться, нельзя спастись... нельзя, и не хочется!

**«Я — хуже, чем ты говоришь
Но есть молчаливая тайна:
Ты пламенем синим горишь,
Когда меня видишь случайно...»**

— Убей меня! Я знаю, что ты пришел за мной!..

«Дочка, медведи самые опасные хищники нашего леса. Они бесшумны, умны, проворны. Чтобы остаться в живых нужно вести себя тихо...»

— Давай, черт тебя побери!!!!

«...не привлекать внимания хищника и не делать резких движений...»

Что было силы, я кинула корзину в сторону огромного хищника, едва не попав в массивную морду, снова закричав:

— ДАВАЙ! Вот она я!..

Медведь зарычал, обнажая огромные клыки, чуть опустив свою большую голову, и не сводя с меня своих глаз... жутких глаз. Таких осмысленных и... синих.

— Я знаю, что это был ты...это ты убил моего дедушку три дня назад. Люди говорят, что все медведи похожи. Это неправда. Вы — разные, у вас есть свои лица, и твое я не забуду никогда...

Я не знаю, был это адреналин, или страх, или безумие, только я продолжала разговаривать со зверем, который был больше меня, как минимум в 5 раз, сползая на мокрую от россы траву.

Он не понимал меня, но это было не важно.

Больше не было смысла что-то понимать, когда тебе оставалось жить считанные секунды.

— ...ты забрал у меня мой мир, — зубы стучали так сильно, что я едва могла понимать сама себя, пока сквозь слезы всматривалась в огромную морду животного, — ты оставил меня совсем одну. Ты убил моего деда, и больше у меня никого нет. Мне не за чем жить, мишка....

Я всхлипнула, обхватывая себя руками, пыталась прогнать прочь из головы события последних дней... умирая, я хотела видеть перед собой не эту пасть и клыки, а улыбающееся доброе лицо дедушки.

Ведь мы всего лишь собирали лечебную траву, когда появился этот зверь...

Мой дед всю жизнь отдал этому лесу и его животным. Он спасал и лечил бесчисленное множество обитателей нашего заповедника, отпуская их на волю. Зимой мы подкармливали всех, кого только могли...ловили охотников и браконьеров, сдавая их полиции. Он защищал и любил здесь каждую травинку и пылинку, чтобы погибнуть жуткой смертью...чтобы быть растерзанным этими огромными лапами с когтями, что были больше всей моей кисти.

— ... ты не оставил мне ничего. Я даже не могу похоронить останки....

«Дочка, беги!!!!!!»

Крик дедушки стоял в моей голове сквозь рев медведя, который сейчас шумно дышал на другом конце поляны, глядя на меня, но не пытаясь приблизиться, не смотря на все мои

попытки натравить его на себя.

Во мне не осталось больше ничего, кроме боли, разъедающей все внутри.

Хотелось кричать и выть, подобно зверю на несправедливость судьбы и эту чудовищную ночь.

— ДАВАЙ ЖЕ!!!!

Пронзительно закричала я на медведя, содрогнувшись от ужаса, когда тот наконец зарычал с такой силой, что задрожали деревья вокруг.

Я хотела смерти, но была такой трусихой...

Родившись в этом лесу и прожив в нем большую часть осознанной жизни, не считая учебы в университете, я, как никто другой знала, что мощь медведей не сравнится ни с каким другим зверем. Один удар этой огромной когтистой лапы способен разнести мою голову на мелкую щепку...

Эти когти способны вспороть меня, словно лезвием...

А еще я знала, что смерть может быть мучительной и долгой, если мишка решит начать пир например с моей руки...или ноги....я умру от невыносимой боли, видя, как он будет грызть меня...и это было страшнее самой смерти.

— ...только прошу тебя, сделай это быстро... — прошептала я, начиная заикаться от ужаса, когда медведь двинулся ко мне, шумно дыша и порываясь.

Если бы только они могли понимать человеческую речь...

Опустившись на колени, и склонив голову, я ждала смерти от лапы истинного короля наших лесов, заставляя себя дышать ровно и вспоминая дедушку. Своего любимого дедушку, который рассказывал мне легенды о том, что когда-то медведи были людьми. Большими славными воинами, которых заколдовали, чтобы они не могли рассказать тайны злой ведьмы...

Дедушка знал много таких историй, которые завораживали меня. Про лисиц и кабанов. Про зайцев и сов. Он учил меня слышать то, что никто не услышит. Видеть следы и уметь прятаться. Учил выживать, если я вдруг потеряюсь. Находить дорогу. Искать себе пищу и не привлекать лишнего внимания. Он учил меня выживать в этих диких условиях, до тех пор, пока он не найдет меня...и я всегда в это свято верила. Верила в то, что, чтобы не случилось — дед всегда будет рядом, всегда придет на помощь, подскажет, как быть и что делать...он учил меня искать лечебную траву и помогать людям, что жили в поселке неподалеку.

Он был самым лучшим, искренним и добрым человеком, из тех, кого я знала...и я должна была стойко вынести свою смерть, чтобы не опозорить его. Пути назад не было...

Именно это я понимала с ужасающей ясностью, когда тяжелое горячее дыхание зверя коснулось моего затылка. Еще доля секунды и он вгрызется в мою шею, сломав позвоночник и отпуская меня к дедушке....

Сознание стало ясным и чистым, даже слезы перестали бежать по холодным щекам, когда я напряженно ждала острой боли, молясь, чтобы все было кончено за считанные секунды.

В такие моменты все говорят, что целая жизнь должна пронестись перед глазами в эти последние секунды, а я видела лишь лес с его могучими елями и соснами. Аромат цветов и кристальной свежести после дождя. Радугу. Дедушку, который смеялся, собирая грибы...погибшую много лет назад маму, чей образ был лишь неясным ореолом в моей памяти. И странные улыбки парней и девушек, с которыми я училась, словно они видели перед собой сумасшедшую...мне не было места в этом мире.

Постепенно стук сердца замедлялся, и в голове все события и поступки проносились не просто чередой, а становились осознанными ступенями к тому, что ждало меня сейчас....

Медведь снова шумно фыркнул так, что на моем затылке разметались волосы, в секунду став влажными от его обжигающе горячего и очень влажного дыхания.

И, кажется, от этого ожидания я начинала медленно, но верно сходиться с ума!

Послушайте, чего уж там греха таить, но медведи жутко пахнут.

Они **ВОНЯЮТ** просто невообразимо, потому что сложно представить себе тушку в 1 метра ростом и весом более 300, а то и все 500 и даже 700 кг, чинно моющуюся в пруду и подтирающую себе зад, каждый раз, когда он покакает...а какают мишки довольно часто!..

Надо ли говорить, что мишки не чистят зубы? Не причесываются и вообще ведут себя мало чистоплотно, заворачиваясь лишь тремя вещами в этом мире — что можно поесть, когда надо ловить самок для спаривания, и где залечь в спячку, чтобы на тебя зимой не свалился обкаканый от страха человек, которого вообще-то вполне можно съесть?...

Так вот. Этот медведь не вонял. Совсем. Абсолютно. Даже мокрой псиной, которая обычно очень отчетливо ощущается на влажной шерсти...он него же пахло землей и хвоей... ароматом ночного леса, когда его свежесть ощущается особо отчетливо.

С каких это пор в нашем лесу стали обитать столь чистоплотные медведи?!..

— ...ну, ты будешь меня кусать или как?... — хрипло пробормотала я, все-таки не посмев пошевелиться.

Медведь снова фыркнул над моей головой, словно сам обнюхивал, и пытался понять, какой из ароматов Камэй я использую, когда моюсь, пока не бегаю по лесу в окровавленной одежде.

Чуть дыша, и чувствуя себя так странно, как никогда, я с усилием подняла тяжелые мокрые ресницы, рассматривая шерсть зверя, который находился так близко, что тепло и мощь этого огромного звериного тела покалывала мою холодную кожу, как если бы я сидела у костра....

У него была черная шерсть. Густая. На вид словно плюшевая. Я могла рассмотреть каждую волосинку, которая лоснилась и блестела от здоровья.

...дедушка всегда гордился тем, в каком отличном состоянии были звери в нашем заповеднике. У них была в достатке еда и вода, а с приходом холодов дед разносил специальные витамины и ящики, наполненные свежей рыбой, чтобы звери не страдали от недостатка витаминов...

В нашем лесу жили бурые медведи...и по моим ощущениям они были поменьше. Не то, чтобы я постоянно находилась так близко к мишкам, но этот медведь был явно не здешний.

Пару лет назад, когда на юге страны были сильные лесные пожары, и сгорело много гектаров леса, в нашем заповеднике жили пришлые медведи. Они были темнее наших родных, и с белыми полосками на груди...позже они ушли. Вернее, наши бурые медведи оттеснили их со своих границ.

Кажется, этот медведь не был похож на тех черных...

Медведь снова фыркнул, наклонившись надо мной так сильно, что я почувствовала его влажный нос на собственном затылке, и каждый волосок на моем теле встал от ужаса — ну вот и пришел мой конец.

Стиснув зубы до скрежета, чтобы не закричать от страха и зажмурившись, я приготовилась к тому, что эти острые огромные клыки разорвут мою шею...

...лишь бы все случилось быстро....только бы умереть сразу.

Сердце истерично стукнуло 12 раз, но медведь по-прежнему не шевелился, продолжала дышать на меня сверху, заслоняя мир своим огромным массивным телом.

Когда влажный нос снова уткнулся в мой затылок, я всхлипнула, дернувшись всем телом:

— Боже, да сделай же это уже! Я скоро с ума сойду от страха!..

Но мишка снова звучно фыркнул и снова уткнулся носом в затылок, уже с небольшим усилием, отчего я едва не пробурила собственным носом влажную землю, распластавшись у мощных лап, как раздавленный кузнечик.

Какой дятел вселился в эту огромную морду!..

Мишка — веган?! Или я настолько мелкая и невкусная для него, что он пытался меня прогнать?...

Осторожно отклонившись назад, я села на колени, держа руки по швам, и как можно медленнее подняла голову, чувствуя, как от холодного пота прилипает к телу грязная рубашка.

Медведь и правда был гораздо больше тех, что мне доводилось видеть за свою жизнь в лесу.

Упираясь широкими мощными лапами в рыхлую землю, он пристально всматривался в кусты на другом конце поляны, мало обращая внимания на меня, едва живую и дышащую от страха.

Его горячее тяжелое дыхание вырывалось урывками, отчего в воздухе появлялся пар. Он принюхивался, отчего его черный влажный нос шевелился и словно морщился.

Я бы никогда не спутала этого медведя с другим, потому что никогда я не слышала, чтобы у зверей были синие глаза...хаски не в счет!

Какая мутация была в этом звере?

Черт, из-за цвета своих глаз, он казался мне таким...человечным! Словно сказки дедушки о великих воинах, спрятанных внутри шкуры, были реальностью!..

Как сумасшедшая я всматривалась в эти синие медвежьи глаза, дрожа всем телом, когда зверь ошетинился, оттолкнувшись от земли и глухо зарычал, приглушенно и словно предупреждающе.

Оскалившись, он не отрывал своего взгляда от кусов, выглядя в этот момент таким жутко осозанным и мудрым, что волосы вставали дыбом....

Может я уже умерла? Или витаю где-то на грани собственного безумия?...

Оборотней не существует.....

Неожиданно медведь поднялся на задние лапы, издав оглушительный рев, который отразился в каждой клеточке моего тела холодным ужасом. Сказать, что он был огромным — это не сказать ничего! Казалось, что он затмил собой небо, вытягиваясь во весь свой медвежий рост...и заставляя снова чувствовать себя чокнутой во всю голову, потому что медведи не были накаченными!

Мишки не таскали гири, и не были гребанными атлетами, чтобы мышцы выделялись так рельефно под слоем черной шерсти! Мишки были пузатиками, а слой подкожного жира был настолько толстый, что прострелить шкуру, и ранить медведя, было задачей не из легких!

Мишки не были сородичами кенгуру или горилл, у которых мышечный рельеф был весьма четким, что позавидовали бы человеческие мужчины, знающие толк в прокачке!..

— Мать Божья! — запищала я, когда медведь снова опустился на передние лапы, обернувшись ко мне и боднув своей головой, отчего я просто полетела вперед, протаранив

мокрую траву и влажную землю, которые тут же забились в мой лифчик и ошметками грязи прилипли к волосам. Я сама себе напоминала несчастного кота Тома из мультиков, который вечно вытирал своей мордой любую поверхность, утыкаясь в какие-нибудь углы или какашки, с поднятым вверх задом.

— Что ты делаешь?!..

Подумать только, я разговаривала с медведем?..

С синеглазым накаченным медведем, который, то стучал по моей голове, как дятел, то бодался, как лось, выпихивая меня своей головой, лоб которой был как минимум в два раза шире моих плечей.

Он не пытался меня укусить, не пытался навредить...он прогонял меня с поляны, недовольно фыркая своей недовольной медвежьей мордой.

Вы видели когда-нибудь НЕДОВОЛЬНЫХ медведей?

Нет? Значит ваша крыша пока еще на месте...но не моя — это точно!

— Господи, да что происходит?!..

Повалившись на землю в очередной раз, выплевывая изо рта траву и мох, я снова пыталась подняться на ноги до того, как медведь боднет меня, готовая уже закричать, мол, какого хрена он делает и что тут происходит, когда, наконец, поняла.

Из-за кустов, куда так пристально смотрел синеглазый мишка, медленно и вальяжно показалась еще одна медвежья голова. А потом и тело...и помоги нам, святая Дева, потому что тот медведь был еще больше...и шире...и, как оказалось, был далеко не один.

Не было времени думать каких гребанных радиоактивных грибов наелись эти товарищи в черном, когда синеглазый медведь снова оглушительно зарычал, поднимаясь на задние лапы во весь свой огромный рост...и пряча меня от глаз пришедшей шайки косолапых, которые явно не были настроены дружелюбно.

Я задержалась лишь на секунду, оторопело уставившись на массивную спину синеглазого медведя, когда мишка обернулся, снова фыркнув мне. Этой секунды мне хватило, чтобы понять, что пора делать ноги и бежать так, как я не бегала еще никогда в своей жизни.

Он защищал меня!..

И, судя по габаритам других медведей, не факт, что синеглазого надолго хватит....

БОЖЕ, Я СХОДИЛА С УМА!!!!!

— Я не оставлю тебя здесь! Беги за мной! Дома мы будем в безопасности!

Три медведя в кустах звучно фыркнули, и была отчетливо слышна насмешка, но я смотрела только в синие глаза:

— ...послушай, я не знаю, понимаешь ты меня или нет, но ты должен пойти со мной. Пожалуйста!..

В следующую секунду один из тройки чужих огромных зверей кинулся в мою сторону, и я закричала, наблюдая, как синеглазый медведь, отрезал ему путь, снова загородив меня собой.

От рева двух огромных хищников, сцепившихся в схватке, под моими ногами сотрясалась земля!

Лишь на секунду передо мной снова возникла черная морда с синими глазами, когда медведь отчаянно зарычал на меня, словно давая пинка под зад...и я побежала.

Я неслась, словно сумасшедшая, не обращая внимания на острые ветки, которые хлестали меня по лицу и телу, оставляя жалящие отметки.

Я неслась по направлению к дому, ощущая затылком, как хрустят ветки под тяжелыми лапами, не в силах обернуться и посмотреть бежит ли за мной синеглазый мишка...или это другие.

Не было времени разбираться в причинах и следствии, когда я окрестила синеглазого медведя — защитником, а других — врагами. Возможно позже я приду в себя и смогу понять, что произошло...почему меня не съели и не растерзали...но не пощадили моего дедушку.

— ПОКА не съели и не растерзали!.. — прохрипела я сама себе, едва дыша, когда наконец, смогла добежать до нашего лесного дома, ввалившись в него и хватая ртом прохладный вечерний воздух. Легкие горели так, словно гелевый шарик, который поджаривали на медленном огне, отчего он слипался, не в силах больше втягивать в себя кислород.

Но некогда было отдыхать!

У дедушки было ружье и патроны, которыми можно было ранить медведя...если попасть в голову, потому что шерсть и жир этого хищника не давали убить его сразу. А те хищники на поляне, боже...было жуткое чувство, дергающееся в копчике, что их в принципе практически невозможно убить! Может, пули должны быть освященными и серебряными? Или не знаю...кол из осины?

Крыша, не улетай далеко, ты можешь мне еще пригодиться, если я останусь в живых.

Они были огромными! Такими огромными, что я не могла себе даже представить.

Яне успела захлопнуть дверь, спотыкаясь и падая, когда неслась с тяжелым заряженным ружьем наперевес, слыша оглушительное рычание и топот, словно вокруг дома бегало стадо бизонов голов так в 200.

Вся нифига не дружная компания медведей рычащих и кидающихся друг на друга была уже у дома.

Черный синеглазый не пускал их...

Я видела его мощные спину и массивные плечи. Его длинные огромные руки с острыми когтями, когда он бился против трех других, которые были немного больше его...и тоже не походили на медведей настоящих. Земля содрогалась каждый раз, когда он отбрасывал от себя нападающих медведей, рассекая воздух своими огромными лапами...

Он был ранен. Даже на смоляно-черной шерсти отчетливо виднелась красная кровь.

И я не могла позволить ему умереть!

Было бы гораздо проще, если бы я когда-нибудь практиковалась стрелять! Но было поздно размышлять об этом, когда я пыталась прицелиться, стоя на пороге, в постояннодвигающихся волосатых великанов, не выронив тяжелое скользкое ружье...и не попав случайно в своего защитника!

БА-БАХ было громким и суровым. Но чертовски бесполезным, потому что я не попала ни в одного врага, но улетела в дом, больно приземлившись на зад от отдачи.

Хотя на секунду звери замолкли, уставившись на меня, распластанную на пороге дома с явным недоумением. Обернулся и синеглазый медведь, когда, воспользовавшись моментом, его противник с силой толкнул его когтистыми лапами. В воздухе прозвучало жуткое долгое ВЖЖЖЖИК и с ужасом я смотрела, словно в замедленной съемке, как синеглазый медведь падает у порога, обхватив мощными лапами свой живот.

— Отвалите от него! Что вам надо, уроды?!

Злость придавала мне безумия, когда, вскочив на ноги, я принялась палить без разбору,

быстро перезаряжая ружье и не позволяя другим медведям приблизиться к порогу и раненному синеглазому мишке.

— Пошли вон! Вы не получите его, ясно?!

Хрип и стон были дурным знаком, но пока не было возможности посмотреть, что происходит с моим защитником. Я боялась даже моргнуть, стреляя в каждого из трех других медведей, которые были ловкими, проворными и явно жутко злыми.

В чем была проблема? Что рано или поздно патроны должны были закончиться.

И это произошло быстро и весьма неожиданно.

—..мать божья... — прошептала я, когда ружье издало глухие щелчки, красноречиво говорящие, что наше время с моим защитником быстро и верно подошло к концу.

И все-таки меня убьет медведь. Пусть не этот синеглазый...и даже не один, а целая компания.

Очередной оглушительный рев сотряс воздух, словно мелкое землетрясение, и на поляну перед домом выскочила еще пара медведей, заставив меня приглушенно застонать — что, еще?!

Здесь была какая-то супер интересная вечеринка для всех проходящих мимо медведей?! Откуда их взялось сразу столько на мою больную голову?!..Словно весь лес решил собраться и посмотреть на фееричное шоу с моим расчлениением....

Вновь прибывших было четверо.

Двое были почти такими же черными, как мой синеглазый защитник, один родной бурый и....

....крыша, ты все-таки решила уехать, не дожидаясь окончания банкета?!..

...и белый! БЕЛЫЙ ПОЛЯРНЫЙ МЕДВЕДЬ!

Оба глаза дрогнули практически одновременно от увиденного зрелища, и сердце заколотилось в груди, потому что если синеглазый медведь казался мне огромным, а эти трое нападавших великанами, то белый мишка был просто за гранью фантастики! Он просто не мог быть реальным!

Я никогда в своей жизни не видела белых медведей, но то, что знала о них из рассказов бабушки...

А что я знала?

Что их определенно не может быть в наших краях!!!!

Новые медведи заняли круговую оборону вокруг порога, заслоняя нас собой, и вытягивая шею так сильно, как только могла, с открытым ртом я наблюдала, как белый медведь вальяжно прошагал до тех, кто напал, совершенно не реагируя на рев и предупреждающее фыркание, говорившее о предупреждении. Он просто шел, бесшумно ступая своими мощными огромными лапами до первого врага, который встретил свою смерть от одного ужасного удара белой лапой.

Белоснежная шерсть окрасилась в багровый цвет крови, когда медведь с жутким ревом кинулся на оставшихся врагов, буквально кромсая их на мелкие части!

Это было не просто жуткое зрелище, это была настоящая мясорубка, и от ужасного аромата крови и воплей умирающих медведей тошнота сдавила мой живот с такой силой, что я плюхнулась на колени, отрывисто дыша и пытаюсь сдержаться, когда мой взгляд упал на моего защитника...

Вернее...откуда я поняла, что это именно он?

По его синим глазам.

Потому что на пороге лежал не огромный медведь. А большой обнаженный мужчина.

Он тяжело дышал, иногда задерживая дыхание, повалившись на левый бок и по-прежнему держась за живот, откуда вытекала багровая кровь, впитываясь в деревянные ступеньки и стекая в землю.

Боже мой, столько крови!

— Держись, ладно?...пожалуйста, только не умирай.....

Ноги тряслись так сильно, что я была просто не в состоянии идти, поэтому я подползла к нему, на секунду растерявшись и боясь прикоснуться.

Оборотень! Он был именно тем, о ком рассказывал мой дедушка!

Если только я не сходила с ума и мои глаза не видели то, что я видела перед собой сейчас.

— Потерпи немного. Я постараюсь затащить тебя в дом...

Его кожа была гладкой и такой невероятно горячей, когда я осторожно коснулась его мощного плеча, пытаюсь сообразить, как я смогу сдвинуть с места этого огромного мужчину, который был явно почти 2 метра ростом и сплошь сплавом из стальных мышц. От него приятно пахло, даже не смотря на жуткий стойкий аромат крови. Он пах землей и хвоей. Ночным лесом.....

Я не знаю, куда делись два черных медведя, которые недавно появились, словно свита огромного белого медведя, но бурый остался. Его широкая спина загоразивала нас собой, словно пытаюсь скрыть то, что творил белый медведь, и я истерично вздрогнула, когда большая бурая голова оказалась рядом со мной, как только я попыталась просунуть руки под плечи раненного синеглазого оборотня.

Резко обернувшись, он предупреждающе фыркнул, сверля меня своими глазами цвета янтаря.

Слепому скунсу было бы понятно, что этот медведь один из них. Он тоже оборотень. И за этой бурой шкурой прячется еще один огромный воин с удивительными глазами.

— Я не причиню ему вреда, клянусь. Я пытаюсь затащить его в дом, чтобы помочь...

Я все еще не знала, понимают ли они человеческий язык и могут ли говорить, когда прошептала бурому медведю, не отстраняясь, даже когда его большая морда приблизилась почти вплотную к моему лицу, и черный нос быстро обнюхал меня, к счастью не поморщившись.

Он фыркнул, отступив назад, и снова повернулся мощной спиной, внимательно наблюдая за белым медведем, который продолжал крошить в мелкую соломку сопротивляющихся врагов.

Это было согласие и одобрение? Как научиться понимать того, кто не говорил?...

Боже, я была благодарна этому ясноглазому мишке за то, что он загоразивал собой обзор, потому что, даже судя по звукам, то, что происходило по ту сторону его большого тела, было ужасным.

Стараясь абстрагироваться от мыслей, и страшных звуков умирающих в агонии врагов, я изо всех сил тянула на себя большое тело обернувшегося оборотня, упираясь ногами в пол. Я тянула его так, что мои руки тряслись от напряжения и низ живота начинал ныть от натуги, но едва ли это как-то помогало. В поте, грязи и крови я барахталась с большим телом, чья кожа обжигала мои ладони, но смогла протащить его лишь на немного в дом, и длинные обнаженные ноги по-прежнему были за порогом.

Не было времени и возможности думать о том, что он был сложен, как самое

прекрасное создание.

И что он был совершенно голым...

Он был без сознания, а кровь по прежнему хлестала из его уродливой раны, которая словно три реки начинались от груди и, пробородав по боку и животу, опускались к бедру...его расплосовали.

Из-за меня....

Я вскрикнула от неожиданности, когда прямо перед моими глазами оказались две очередные голые коленки, и мощные руки с легкостью подняли синеглазого оборотня, отрывая его от пола и меня — потную, грязную и задыхающуюся от своей ноши.

— Куда его положить? — прозвучал низкий красивый мужской голос, и, чувствуя, как начинаю краснеть и стараться не пялиться на другого совершенно обнаженного мужчину, я подскочила с пола на трясущихся ногах, отрывисто махнув в сторону кровати.

Черт побери, было чертовски сложно НЕ видеть голого упругого, как орех зада, когда он был гораздо ближе к уровню твоих глаз, чем лицо!

— Вы понимаете нашу речь? — пролепетала я, поспешив за вторым мужчиной, который осторожно уложил Синеглазого на кровать дедушки, которая была ему явно коротковата, и заканчивалась сразу под коленями.

— Угу...

— И можете говорить на человеческом?..

Мужчина обернулся, склонив голову, чтобы посмотреть на меня с высоты своего роста, чуть усмехнувшись:

— Очевидно, что можем.

Глупый был вопрос да, но я не планировала познакомиться с целой командой лесных оборотней!

Удивительные глаза, в который плескалось расплавленное солнце, с интересом уставились на меня.

Бурый мишка.

Я задержала дыхание, позволяя ему закончить осмотр, отмечая про себя, что шикарное телосложение было отличительной чертой их рода. И огромный рост. Да, явно метра два... как бы не больше.

Только у этого были смешливые глаза с озорными искорками. Они казались теплыми и добрыми.

И он пах осенью. Пшеницей и медом.

— Ты сможешь ему помочь?..

В теплых осенних глазах появилась очевидная боль, когда мужчина уставился на меня серьезно и пронзительно. Это именно то, что я собиралась сделать — помочь. Но рана выглядела просто ужасно. Синеглазый явно потерял много крови. Тяжело дышал и был на грани смерти, пока я пялилась на его собрата!

— Я надеюсь....

Я хотела сказать, что мои познания в лечении не были столь обширны, как у дедушки, но я всем сердцем хотела спасти синеглазого, который, не задумываясь, встал на мою защиту...про то, что он сделала с моим дедом, а главное за что, мне бы тоже хотелось узнать...и для этого Синеглазый должен выжить.

Только я не успела больше и пикнуть, потому что мой дом уменьшился до размеров спичечного коробка, когда на пороге появился еще один мужчина. Он был, кажется, выше

Синеглазого и Осеннего! Чтобы войти внутрь дома ему пришлось пригнуться...

Белый медведь.

Его кожа была светлой и совершенно идеальной на вид. Широкие плечи. Длинные руки и ноги.

Светлые волосы, прядки которых падали на его красивое необычное лицо...и голубые глаза.

Холодные, словно лед, острые словно сталь.

Великий король. В этом не было и доли сомнений. Огромный. Жестокий. Невероятно сильный...и безумно притягательный. Он возвышался над всеми, словно арктический ледник, сверля недовольными голубыми глазами, и глядя на него, я понимала какой мелкой, никчемной и жутко незащитной я была....

Моя макушка не доходила бы даже до его живота, подойди я ближе...

Но я бы не смогла сделать это, потому что мои колени мелко дрожали, и тело сжалось в единый комок, принимая мощь и силу этого огромного мужчины.

А ведь кто-то до сих пор сомневался в наличии невидимых импульсов. Интересно, что бы сказали эти глупые люди, оказавшись рядом с этим великаном с блондинистой шевелюрой, прядки которой местами были словно выжжены солнцем почти до бела... как-то с трудом верилось, что он мог ходить в салон медвежьей красоты, чтобы сделать модную прическу и осветлить волосы.

Сделав шаг вперед, он зашел в дом, выпрямившись в свой великий полный рост, глядя свысока так холодно и отрешенно, что я даже не заметила, как отступила назад, словно само тело знало, что от него нужно держаться на расстоянии, чем дальше, тем безопаснее. Ведь не смотря на свою белокурую внешность мысли об ангеле посещали голову в самую последнюю очередь. Он выглядел ужасающе в своей силе и отрешенности, измазанный в крови растерзанных врагов, которая выступала багровыми разводами по его подбородке и шее. Огромные длинные руки были в крови тоже, как и ступни, которые оставляли за собой кровавые следы на деревянном полу...Если он и мог быть ангелом, то только Смерти. Страшной, беспощадной, болезненной смерти.

Медленным холодным взглядом он обвел весь дом, задержав взгляд на Синеглазом, но даже тогда нечего не изменилось в глубине этих голубых глаз, словно бирюзовый лед, озаренный солнцем, который был не способен растаять.

Заворожено и испуганно я наблюдала за блондином, отмечая про себя каждый взмах ресниц, и пытаюсь понять и найти хоть одну эмоцию на красивом лице, когда голубые глаза остановились на мне, заставив покрыться холодным потом, и задрожать сильнее. Снова ничего не изменилось в его взгляде, словно ему было невообразимо скучно, когда раздался красивый и удивительно мягкий голос, от которого я просто впала в ступор. Мужчина не рычал, не грохотал басами, он говорил так плавно и мелодично, словно мурлыкал:

— Убейте её.

Но я продолжала заморожено смотреть на него, не сразу поняв смысл сказанного, вздрогнув и спустившись в этот мир из грез, лишь когда широкая спина Осеннего загородила меня так резко и быстро, словно он и стоял передо мной до этого, даже не шелохнувшись. Вернее не совсем спина....

Черт бы побрал их рост! Потому что перед моими глазами то и дело мелькали накаченные зады и кое-что еще, что располагалось спереди....тоже ужасающе внушительное!!!! И не то, чтобы я видела много детородных органов мужчин...в реале не

видела ни одного. Но на картинках они были явно намного меньше!

— Подожди!

Судорожно сглотнув, я осторожно выглянула из-за спины Осеннего, чтобы краем глаза наблюдать за Белым, понимая, что вряд ли смогу увидеть на его необычном красивом лице хоть какие-то эмоции.

Светлая бровь изогнулась, когда он перевел свой холодный взгляд на Осеннего, ожидая от него явных объяснений.

— Она — прямой потомок Хранителя леса...

— ...всего лишь внучка....

— Но она всю свою жизнь прожила рядом с ним, в ней те же знания!

Ледяной взгляд Белого снова остановился на мне с высоты его роста, принявшись рассматривать медленно и надменно, начиная с грязных волос и заканчивая босыми грязными ногами, заставляя покрываться меня испариной...и отчаянно краснеть. Он словно забирался мне под кожу, оценивая и раздавливая мои хрупкие эмоции.

— ...непохоже, чтобы она была уверена в том, что она что-то знает...

Губы Белого изогнулись в насмешке, которая была сколь очаровательной, столь и пугающей, потому что помимо белоснежных ровных зубов красовались два выпирающих клыка. Но даже эта насмешка не изменила его холодного взгляда, который он снова перевел на Осеннего.

Я смутно понимала, о чем они говорили и почему называли дедушку Хранителем леса, но в груди становилось больно и обидно. Да, пускай я не выглядела уверенной и наглой, но я была уверена в том, что вложил в меня дед за годы нашей жизни в лесу, которому он был верен до самой смерти. И он был воистину великим человеком...пусть не таким сильным и огромным, как эти типы, но его душа была огромной. Он бы никогда не бросил их на пути к смерти...

— Если она может спасти брата, дай ей шанс!..

— А она может? — от насмешливого мягкого голоса, который резал меня мягко и упорно, хотелось просто разрыдаться. Дело было не во мне! Меня он мог оскорблять сколько было угодно этой гребанной ледяной душе! Но никто не посмеет унизить память о моем деде, его труды и учение!

— Ты ведь и сам понимаешь, что рана слишком серьезная, — голос Осеннего зазвучал напряженно и явно излишне настойчиво, когда светлые брови Белого сошлись на переносице и холодные глаза опасно сверкнули, — сами мы не сможем помочь ему! Я не хочу потерять брата из-за твоей заносчивости!..

Ой, блин....

Я не могла даже тяжело сглотнуть, потому, что все колом застряло где-то в горле, когда плечи Белого напряглись, и где-то в области его широкой мощной груди завибрировал низкий рокочущий звук, похожий на рычание, которое съели, а теперь оно рвалось наружу.

— Она всего лишь мелкий никчемный человечек, — по-прежнему обманчиво сладко и мягко произнесли губы Белого, откуда были отчетливо видны его клыки, но его глаза сверкали, словно сотня серебряных стрел, которые были нацелены на Осеннего такого же непреклонного и заносчивого.

— Она может помочь!

— Она ДОЛЖНА умереть!.. — в этот раз рев Белого вырвался наружу с такой силой, что задребезжали стеклянные предметы в доме, и я подпрыгнула, едва не взвизгнув, и подумав

про памперсы от оборотней. Можно мне сразу парочку? Потому что, видимо, противостояние только начиналось.

Когда в дом влетели еще двое огромных мужчин, я едва истерически не захихикала.

Опа, какой сюрприз! И опа, — снова совершенно обнаженные!

И на первый взгляд абсолютно одинаковые!

Они были как две капли воды — темноволосые и зеленоглазые.

Оборотни-близнецы! Господи, прелесть какая.....

Но все-таки они были меньше Белого. Все четверо, включая, кажется, и Синеглазого, который был уже без сознания, истекая кровью, пока его братья были готовы друг другу перегрызть горло.

— Успокойтесь, — напряженно проговорил один из близнецов-оборотней, когда братья заняли оборонительную позицию между Осенним и Белым, видимо, готовясь отразить удар, как с одной стороны, так и с другой.

— Это придумал не я, есть закон, — звенящим от напряжения ледяным голосом проговорил Белый, продолжая хмуриться, но пока не пытаюсь напасть, — тот, кто видел наш род должен умереть.

— Я не пытаюсь противоречить закону, — мышцы на спине и руках Осеннего были напряжены так, что казалось в воздухе скоро раздается звон, — просто дай ей время. Позволь попробовать вылечить его!

Близнецы закивали, тем не менее, не позволяя себе расслабиться, когда я снова вздрогнула, потому что обжигающе холодный взгляд голубых глаз снова остановился на мне. Он не насмеялся и не выглядел надменно-расслабленным, раздавливая меня на мелкие молекулы, словно проверяя на прочность.

— ...я просила его убить меня, — прошептала я, глядя в эти ледяные глаза, чуть кивнув на раненного Синеглазого, чувствуя, как стучат мои зубы и дрожит голос, — там, в лесу, я хотела, чтобы он сделал это...но он не убил. Он защищал меня, не пропуская тех медведей в дом. Его ранили из-за меня...

Осенний обернулся, хмурясь и недовольно сверкая своими яркими желтыми глазами, словно предупреждая, что я говорю совсем не то, что нужно. Кажется, мне и правда было лучше молчать, но теперь я не могла остановиться, чувствуя в себе то, что называлось одним коротким весомым словом «совесть», — и теперь я в долгу у вашего брата. Я вылечу его, чего бы это мне не стоило, а потом...потом вы можете сделать то, что не сделал он.

— Можешь в этом даже не сомневаться, — отрезал Белый, в последний раз сверкнув своими ледяными глазами, и вышел из дома так же резко и неожиданно, как и появился здесь, оставляя за собой моё дрожащее в истерике сердце, трясущиеся колени, которые хотели сложиться где-нибудь поближе к полу, а лучше сразу под пол, и три пары ошарашенных глаз оборотней.

— Кажется, он только что согласился? — еле дыша, запрокинула я голову, чтобы заглянуть в солнечные глаза Осеннего, что возвышался надо мной, подобно огненной горе.

— Похоже на то...

— Не злись на меня, ладно? Я должна была это сказать, — я попыталась улыбнуться огромному оборотню, что стоял передо мной в облике красивого мужчины с теплыми глазами. Наверное, именно из-за цвета его глаз и широкой улыбки он совсем не казался чудовищем, располагая к себе так быстро, словно мы были знакомы целую вечность до этой нежданной встречи.

— Ты чертовски странная, — сокрушенно покачал своей каштановой копной волос Осенний, но все-таки ослепительно улыбнулся, продолжив, — но очень отважная!

— И кто это мне говорит про странности! — фыркнула я, окинув многозначительным взглядом его обнаженную фигуру, до талии, и поспешно отвернувшись, когда услышала приглушенный смех и фыркание трех оборотней, что занимали все свободное пространство в доме.

— Я могу прикасаться к нему?.. — быстро кивнула я на Синеглазого, который начинал метаться в берду, вздрагивая и стискивая крепкие белые зубы до скрежета, — раз ваш главарь дал добро....

— Разве ты не трогала его до этого? Делай все, что считаешь нужным, только не щекочи...

Я бы улыбнулась на попытки Осеннего шутить, если бы дело не обстояло так плачевно. Рана была глубокая и с рванными неровными краями.

Когти зверей не отличались особой стерильностью. Ко всему прочему, он потерял очень много крови. Его жизнь была в моих руках и полностью зависела оттого, как я смогу применить все то, чему меня учил дедушка всю мою жизнь.

Боже! Ведь он не был человеком! Как я смогу определить необходимую дозу, когда буду готовить отвар?! Я не знала совершенно ничего о том, кем он являлся и как сильно они отличались от нас...

Новый приступ тошноты скрутил живот с такой силой, словно мне дали пинок под ребра.

— Мы будем на улице.

Голос одного из близнецов привел меня в относительное чувство, когда мужчины быстро покинули дом, сверкнув своими голыми задами, и яркие глаза Осеннего уставились в ожидании на меня.

— Ну?...

— Мне нужна вода, лекарства и травы... — время было самым дорогим в нашем случае, и я ринулась к выходу, увидев, как белый медведь и два черных мирно лежали у дома, словно огромные песики, вылизывая свою окровавленную шерсть, и заледенев у порога, как только холодные голубые глаза впились в меня, подобно двум кинжалам.

— Тебе лучше оставаться в доме, — напряженно произнес за моей спиной Осенний, покосившись в сторону белого медведя, который сидел, не шелохнувшись, но разъедаая нас глазами.

— Но мне нужно в сарай...

— Что там?

— Там ящик с травами и аптечка...

— Я принесу, а ты зайди в дом и закрой дверь.

Это было явно здравой идеей, учитывая, что желание Белого разорвать меня на мелкие части читалось даже на этой постной медвежьей морде.

Осенний запихнул меня за порог, мелькая обнаженным стройным задом и захлопывая дверь, когда я поморщилась, подумав о том, что если эта медвежья компания собиралась находиться здесь и дальше, то стоило их попросить прикрывать хотя бы ПЕРЕД! Не факт что они послушают, еще больше я сомневалась, что они сделают это, но попытаться нужно было...

— Я не знаю, как твое имя, и вообще мало что знаю о тебе, но, по крайней мере, теперь

я знаю, что ты меня можешь понимать, — разговаривала я с Синеглазым, бегая по дому в поисках чистого белья, и пытаюсь собраться с мыслями, — так вот я хочу, чтобы ты услышал меня, и уяснил одну простую вещь — ты не умрешь! Даже не думай об этом! И если увидишь светлый туннель или...берлогу...то беги от нее как можно дальше, хорошо? Дедушка говорил, что когда человек находится без сознания, то он все-равно все слышит. Ты ведь немного человек, да? Значит, ты должен слышать! И вообще, я тебе могу надоесть своей болтовней, поэтому тебе придется прийти в сознание, чтобы сказать мне «замолчи уже, коза!»...

Наш дом был выстроен по старинке. В нем не было электричества. Была связь, и это было единственным атрибутом современной жизни в глухом лесу, но она ловилась только если залезть на дерево повыше.

Мы готовили на огне в печи, а еду хранили подполом.

Вот и сейчас я быстро разводила огонь, чтобы согреть воду и начать приготовления к операции.

— До чего же вы длинные... — пробормотала я, подставляя пару табуреток под ноги Синеглазого, которые просто не помещались на кровати дедушки, — и жутко тяжелые....

А еще невероятно красивые....

Осторожно укрыв мужчину простыней, краснея от его красивого тела и зажмуриваясь, чтобы случайно не посмотреть в область бедер, я осторожно смывала куски грязи и крови, мысленно восхищаясь тем, как он выглядел. Все они. Сплошные мышцы и ни грамма лишнего жира, как положено мишкам. Помимо синих глаз, у этого оборотня были длинные черные ресницы и черные чуть вьющиеся волосы. Вообще-то он был настоящим красавчиком — правильные черты лица, широкие скулы, волевой подбородок.

— Я все принес!

Я даже не слышала, как влетел Осенний, поставив у моих ног большую коробку с засушенными травами и большую аптечку, где был минимальный набор таблеток, микстур и уколов, которыми дедушка категорически не любил пользоваться.

— Ты меня напугал! — приложив мокрую окровавленную трупку в груди, где колотилось сердце, я запрокинула голову, заглядывая в лицо Осеннего, на что мужчина сконфуженно улыбнулся, чуть дернув плечом:

— Прости, я хотел постучаться, но обе руки были заняты!

— ...сказала бы я тебе, чем именно ты мог бы постучать.... - пробормотала я, надеясь, что он не услышит или не поймет, но, кажется, у оборотней был неплохой слух, потому что он прыснул от смеха, озорно сверкнув своими солнечными глазами:

— В следующий раз так и сделаю!..

Потоптавшись, Осенний перевел свой взгляд на меня, вмиг став серьезным:

— Ты справишься?...

— Да. Я должна.

— Будет лучше, если я буду на улице с парнями...но если тебе нужна еще помощь..

Я покосилась на распахнутую дверь, продрогшим копчиком ощущая, что ледяные глаза Белого смотрели на нас даже сквозь бревна дома.

— Нет, все в порядке, теперь у меня есть все необходимое.

— Хорошо. Если я понадобится, просто свисни.

Я чуть улыбнулась, подумав, что не умею свистеть, но все-таки кивнула, обернувшись, когда Осенний уже зашагал к выходу:

— С тобой будет все в порядке?...

И от нескольких минут, проведенных в обществе Белого, становилось очевидным, что этот тип не прощает никого, а идея о моей помощи не была воспринята им на ура.

— Конечно, не беспокойся. Он не такой безжалостный, как может казаться, — широко улыбнулся Осенний, напоследок продефилировав своим упругим задом до двери, и я надеялась, не услышав, как я приглушенно фыркнула себе под нос:

— Серьезно? Да он просто душка, чего уж там....

Естественно, он услышал все, покидая дом с приглушенным смехом. Лишь бы их слух не был столь феноменальным, чтобы мои слова смог услышать даже Белый, находящийся в самом дальнем углу поляны перед домом.

Я постояла пару секунд, ожидая, что этот холодный великан ворвется в ярости, и убьет меня без сожалений одним ударом своей огромной лапы...но значит, все-таки не услышал.

Эта ночь была ужасной.

Второй по степени ужасности после того дня, как я поняла, что дедушка мертв и больше не вернется в наш дом.

Станным было штопать того, кто забрал у меня единственного любимого и родного человека. Мою семью. Еще более странным было искренне переживать за этого Синеглазого, видя его мучения и отмечая, что даже в бреду, он не позволял себе стонать от боли.

Его рана была не просто страшной, она была ужасающей, когда я трясущимися руками смыла с него всю грязь и кровь. Разорванные края плоти пульсировали на концах, заставляя меня содрогаться каждый раз, когда я пыталась очистить их, чтобы можно было зашить рану.

Я сходила с ума от его боли, снова и снова разговаривая с воином — оборотнем, словно это могло помочь мне не бояться, а ему уменьшить боль хоть на чуть-чуть. Я рассказывала ему все, что собиралась делать, предупреждая, что он должен быть очень стойким и терпеливым, потому что я впервые держала странную, изогнутую буквой «С», иглу, накладывая стежок за стежком и стараясь делать это как можно быстрее и аккуратнее.

Часто я видела, как это делает дедушка. Пару раз ему приходилось зашивать таким образом людей, но чаще — раненных животных. Не понимая до конца, кто лежал передо мной, я вколола ему двойную дозу обезболивающего, чтобы только хоть как-то уменьшить эту боль.

Мои руки и спина буквально задеревенели, когда, наложив последний шов, я попыталась выпрямиться и подняться с колен.

— Ну вот и все, а я боялась, — в очередной раз обратилась я к мужчине, который не приходил в сознание ни на секунду, — прости, если было больно, я правда старалась быть аккуратной. Сейчас обработаем твои раны антисептиком и наложим повязку, хорошо?...

Сделав все, как это делал дедушка, я вздрогнула, обернувшись, потому что во все три окна дома внимательно смотрели три медвежьи морды, припав к стеклу черными носами, отчего их пипки смешно расплющивались, оставляя на стекле разводы. Наблюдали все. Кроме Белого. Естественно.

— Не помню, чтобы я просила высшие силы об ассистентах на операции, — устало улыбнулась я, подходя к одному из окон, где светились яркие глаза Осеннего. Большая бурая морда фыркнула и кивнула, тут же исчезая из вида. Через секунду входная дверь приоткрылась, и Осенний уже в обличье человека заглядывал внутрь, бросая тревожные взгляды на своего забинтованного брата.

— Он в порядке?...

— Сложно сказать... — лишь когда я опустила на деревянный стул у круглого обеденного стола, то почувствовала насколько эта ночь вымотала меня, и какими тяжелыми стали плечи, давя на все тело к полу, — я сделала все, как надо...чуть позже поставлю антибиотики, чтобы точно не было воспаления. Но никто не знает, выживет ли он...раны на самом деле очень глубокие. Знаешь, как говорил дедушка — если переживет следующие сутки, то выкарабкается однозначно.

В груди снова заныло при мысли о том, что деда нет рядом, и я тяжело помассировала

лоб, пытаюсь прогнать печаль и тоску.

— Как ты?...

Второй стул жалобно скрипнул, когда большое тело Осеннего опустилось рядом со мной, и яркие солнечные глаза уставились на меня тепло и поддерживающие.

— Я? Кажется, схожу с ума, потому что сижу вот так спокойно рядом с оборотнем, и даже не пытаюсь упасть в обморок или закричать, — сонно улыбнулась я ему, подпирая подбородок кулаком и рассматривая его красивое лицо и такие необычные глаза, — вы все такие красивые и мускулистые, или это только ваша дружная компания является составом медвежьего модельного агентства?

— Конечно только мы! — фыркнул Осенний, поворачиваясь за стол, который был явно маловат для его большой фигуры, и, вытягивая под столом свои длинные ноги, так, что теперь они торчали с другого угла, но я была благодарна за это, потому что теперь бедра мужчины были запрятаны под столом. Кажется, к обнаженным задом я уже начинала привыкать, а вот к переднему....

— И мы не оборотни!

— А кто же вы тогда? — заинтересованно подалась я вперед, но видя, как Осенний растерялся и покосился в сторону двери, поняла, что это тема была запретной для разговоров, — впрочем, это не так уж и важно... чай будешь?

— Только если есть сладкие печенки! — широкая озорная улыбка Осеннего меняла его лицо до неузнаваемости, делая из него шептунского мальчишку, а не большого грозного воина.

— Есть, — улыбнулась я ему, поднимаясь со своего места, чтобы поставить чайник, и проходя мимо окна, сконфуженно остановилась, отчего-то смутившись.

— ...его нет. Ушел разведать обстановку в лесу, — приглушенно за моей спиной отозвался Осенний, заставив меня покраснеть от мысли о том, что я думала про этого жуткого Белого, и это было столь очевидно для окружающих, — Печенки сама делала?

— Очевидно, что белочки с соседнего бора, — улыбнулась я, быстро прошагав мимо окон, и с радостью слыша очередной взрыв заразительного смеха.

Достав корзинку со сладостями, и проходя мимо окон в очередной раз, я показала корзинку оборотням-близнецам, видя, как две большие медвежьи морды вытянулись от явного удивления, а через пару секунд, братья уже стояли на пороге в облики людей, вынюхивая, что я несу под недовольное бурчание Осеннего, что это я сделала зря, потому, что ему теперь ничего не достанется.

Кажется, чай нужен был только мне.

И когда я усаживалась на свое место, заглядывая в пустую корзинку, где еще не так давно была масса сладостей, я чувствовала себя уютно и умиротворенно. Даже в окружении этих огромных мужчин, которые умели становиться жуткими хищниками...и возможно убивали не только других медведей.

Я старалась не делать это, но перед глазами снова возник образ Белого, когда он явил себя в человеческом облики — огромный, жуткий, холодный и окровавленный...но все-равно по своему притягательный.

— Почему у вас нет клыков? — тихо обратилась я к мужчинам, когда в их разговоре возникла пауза и три пары ярких глаз в непонимании уставились на меня, — В человеческом облики, я не вижу у вас клыков, как у....

— Потому что он чистокровный, — пожал плечом один из близнецов, тут же явно получив пинок под столом, потому что быстро замолчал, покосившись на Осеннего и своего

брата, явно сожалая, что не удержал языка.

— Прошу прощения, что спрашиваю о вас, просто я и представить не могла, что вы существуете. А теперь я сижу в вашей компании, и не испытываю страха, хотя наверное должна бы.

Мои слова не помогли, и мужчины по прежнему молчали так, словно над их головами нависла одна большая голубоглазая секира, когда я устало выдохнула, повертев в руках теплую кружку с ароматным травяным чаем.

— ...выживет ваш брат или нет, я все-равно умру. Я знаю, что он не оставит меня в живых при любом раскладе, это очевидно, — я уставилась в кружку, чтобы не видеть погрузневшие глаза мужчин и их поджатые губы, — и я не пытаюсь выведать о вас что-то для каких-то дурных целей, а просто пытаюсь познакомиться. В конце концов, я всегда буду под вашим контролем, пока Синеглазому нужна моя помощь, да и вряд ли мне кто-то поверил бы, скажи я, что общалась с оборотнями, которые вовсе не оборотни.

Я пыталась улыбаться, глядя в их глаза, но, кажется, мужчин уже было не взбодрить.

— Я даже не знаю ваших имен, называя вас в своей голове по-своему.

— И как же ты нас называешь? — лучик интереса загорелся в глазах Осеннего, когда он, наконец, поднял свою голову, посмотрев на меня.

— Вашего брата Синеглазым, ты — Осенний...

— Осенний? — недоуменно улыбнулся мужчина, с интересом подавшись вперед и забыв о печальном.

— Да, у тебя необычные глаза. У вас у всех необычные и очень яркие. Но ты пахнешь как осень — медом, пшеницей и желтыми листьями на росе.

— Я — Янтарь, — чуть помедлив, наконец, выдавил тот, кого я называла Осенним, — Синеглазый брат — Север. Братья близнецы — Туман и Ураган.

— ...а Белый?..

— Лютый.

— О! — это все, что я могла выдохнуть, заморожено уставившись на красивые улыбающиеся лица. Имена были необычными, но подходили им просто идеально.

— Янтарь, Туман, Ураган и Север, я рада с вами познакомиться, — искренне улыбалась я, — я — Мия. И у меня еще есть в запасе конфетки!..

До восхода солнца было не так много времени, но я провела его в чудесной компании, с большим интересом слушая необычных мужчин, которые рассказывали о лесах и их нравах, о которых я не могла даже догадываться. Я больше не пыталась спрашивать их о том, кем они были, не пыталась что-то узнать, в глубине души понимая, что те рассказы и легенды, что я слышала о чудовищах, которые рвали на куски и убивали ради забавы, едва ли были правдой...если только не думать о Лютом.

В течение этих нескольких часов каждый из мужчин подходил к Северу, осторожно касаясь его и что-то приглушенно говоря.

— Нам пора, — выдохнул Туман, откидываясь на спинку и кивая на алеющие снизу облака бескрайнего неба за стеклом, — скоро рассвет...

Видимо это означало, что Лютый скоро вернется, и они не хотели бы быть застигнутыми врасплох.

Я их понимала. Тяжело было выносить холодный пронизывающий взгляд на себе 24 часа в сутки.

— Спасибо белочкам за печеньки, — улыбался Янтарь, поднимаясь из-за стола и как

всегда легкой походкой шагая к двери вслед за Туман и Ураганм, словно был облачен в дорогую одежду, а не в костюме Адама!

— Обязательно передам им при встрече! Янтарь, — он обернулся уже на ступенях за порогом, и мне пришлось снова запрокидывать голову, чтобы заглянуть в его глаза, игнорируя его наготу, — я не могу выходить из дома?....

Мужчина чуть нахмурился.

— Прямого указания не было, но тебе лучше оставаться за стенами...так будет безопаснее для тебя.

— Безопаснее от Лютого?...

Почему имя этого холодного бездушного типа, вызывало внутри меня массу странных эмоций! К счастью, часть из этих эмоций были явно отрицательные....но только часть.

— От чужих.

— Что, прости?

Янтарь поморщился, быстро осмотревшись по сторонам, словно у каждого листика дерева или кустов были глаза и уши, прежде чем сдержанно произнес:

— Те медведи, что напали на тебя и Севера. Они вернуться. Это вопрос времени. И мы должны быть готовы к нападению. Поэтому тебе нужно быть в доме как можно чаще.

Внутри меня разверзлась темная пустота, полная ужаса и омерзения.

Не прошло еще и суток с того момента, как те три медведя были жестоко убиты Лютым. Их рев все еще стоял в моей голове, как бы я не хотела об этом думать! Тяжело сглотнув, я покосилась за пределы поляны вокруг дома, пытаюсь отыскать изувеченные трупы, но к счастью в полумраке отступающей ночи не смогла увидеть ничего.

— Они вернуться отомстить вам за смерть своих?

— Не знаю, Мия, — голос Янтаря странно дрогнул и он впервые отвел глаза в сторону, когда говорил со мной. Это было ложью. Он знал, зачем они придут, и для чего будут биться, но видимо, я об этом знать не могла, как и обо всем том, что касалось их необычного вида в целом, — Почему ты спросила об этом? Ты хотела куда-то пойти?...

Янтарные глаза снова смотрели на меня, чуть прищурившись, когда я быстро кивнула в ответ:

— Хотела пойти в баню, — слыша, как он прыснул от смеха, я лишь сокрушенно покачала головой, начиная улыбаться в ответ, — и это не смешно! На мне тонна грязи, травы, крови и...чего только на мне нет! Я просто хотела помыться, но раз так, придется сделать это в доме...

Видя, как шаловливая улыбка изогнула уголки красивых губ Янтаря, и его яркие глаза озорно засияли, я лишь погрозила пальцем, демонстративно фыркнув, как часто это делали мужчины:

— И не вздумайте подсматривать!

Его тело было таким же твердым и горячим, как у Севера, когда я легко вытолкала его с лестницы под легкий смех Янтаря, закрывшись и зашторив все окошки на время, чтобы ничьи любопытные медвежьи морды неожиданно не появились, маяча своими черными носами.

Соорудив некое подобие ширмы, и поставив ее так, чтобы я была скрыта со стороны двери и окон, но могла видеть Севера, я с трудом притащила большой таз, наполнив его уже прилично остывшей водой.

Сил уже не оставалось ни на что, даже чтобы согреть себе воду. Было непохоже, чтобы

Север неожиданно мог очнуться, но на всякий случай, прислушиваясь к его тяжелому дыханию, я быстро стащила с себя грязную разорванную рубашку и штаны, поминая, что эти вещи проще сжечь, чем попытаться реанимировать...

Вода была исцеляющим источником и смывая с себя траву, грязь, и засохшую кровь, я, наконец, почувствовала себя намного лучше и бодрее, свыкаясь с мыслью, что мир никогда не станет прежним...и что мне осталось жить ровно столько, сколько Север будет без сознания.

И все-равно я искренне желала ему выздоровления и была готова сделать для этого все, что только могла.

Услышав, как хлопнула дверь, открываясь, я едва не взвизгнула, отчетливо понимая, что кроме кучи грязной одежды, валяющейся у тазика, в котором я стояла мокрая и совершенно обнаженная, мне больше нечем прикрыться, я лишь возмущенно выдохнула:

— Ну, я же просила не входить!..

Естественно Янтарь не удержался, чтобы выдать того, что никто не ждал!

И прислушиваясь из-за ширмы, я пыталась понять, почему в доме было так тихо, начиная думать уже о том, что возможно, дверь распахнулась сама от порыва ветра?...или Янтарь притаился за ширмой, чтобы неожиданно выскочить и напугать?...

— Я знаю, что ты здесь, и ты меня не испугаешь! — на всякий случай проговорила я, хотя мой голос прозвучал совсем неуверенно, и снова воцарилась абсолютная тишина, заставляя меня сомневаться в собственном психическом здоровье и равновесии.

Хотя, о каком здоровье могла идти речь, когда вокруг моего дома расположилась почти целая стая оборотней?...так что начать разговаривать с собой и пытаться услышать то, чего не было, выглядело вполне себе обыденно.

Кажется, я уже даже вполне расслабилась, когда рядом с кроватью Севера, показалась большая белая голова, выросшая словно из самого полумрака, заставляя меня покрываться мурашками и отключая способность думать.

ЛЮТЫЙ!

Кровать, где лежал Север, прикрытый чистым покрывалом, была единственным местом, откуда меня было видно всю без прикрас, и, начиная покрываться багровыми пятнами от смущения, я во все глаза смотрела на огромного белого медведя, голубые глаза которого были устремлены только на Севера.

Влажный черный нос коснулся щеки мужчины, словно Лютый пытался по запаху определить, что происходит с его братом, или возможно это был такой способ сказать, что он был рядом?

Я не слышала даже тяжелого медвежьего дыхания, пока он был рядом, совершенно не обращая на меня никакого внимания, словно я была лишь парящей пылинкой. Не знаю, как Лютый не оглох от моего колотившего сердца, удары которого, кажется, были слышны даже на улице.

— ...я сделала все, что могла...теперь только время покажет, выживет ли он... — я не знаю, зачем я прошептала это, прикрываясь краем ширмы, сооруженной из белой простыни, которая тут же прилипла к моему мокрому телу. Пыталась оправдаться? Утешить этого огромного зверя? Увидеть взгляд холодных голубых глаз?...

Но Лютый не посмотрел на меня, даже услышав мой голос, заставляя меня сомневаться, не была ли я бестелым призраком, которого не видно и не слышно окружающим. Постояв над Севером еще пару секунд, он просто развернулся и ушел, оставляя за собой аромат

ледяного океана и лютого мороза...и чувства потерянности, хотя было очевидно, что вряд ли бы он обратил на меня внимание, даже если бы я была облачена в самый сексуальный наряд с кружевным бельем, чулками и...противогазом! Я была для него пустым местом, мелкой козявкой, которую нужно будет растереть по полу, когда его брат будет здоров.

Вылезая из тастика и обворачиваясь влажной простыней, я была потеряна и раздавлена собственными эмоциями, этими днями, и чувством жуткого одиночества.

Хотелось просто уснуть и обнаружить ясным солнечным утром, что это был всего лишь странный сон и не больше. Что дедушка жив, и что сегодня мы пойдем снова искать лечебные травы, пока роса на траве не высохла. Что нет этих странный полулюдей — полумедведей...что все в мире осталось по прежнему.

Захлопнув за Лютым дверь, и демонстративно не глядя на улицу, словно ему могло быть до этого дело, я открыла шторы на окнах, и подтащила свою кровать, скрипя по деревянному полу, поближе к Северу, чтобы быть рядом и помочь в случае необходимости.

Он не морщился и не скалился от боли. Его красивое лицо выглядело удивительно умиротворенным, и, приглаживая черные слегка вьющиеся волосы, чтобы отбросить их осторожно со влажного лба, я тихо прошептала:

— Выздоровливай, ладно? Борись за свою жизнь, где бы не была твоя душа сейчас. Ты нужен своим братьям. Они переживают за тебя.

Я надеялась, что Север меня слышал все это время, даже если его черные ресницы не дрогнули, и не изменилась ни одна черточка на красивом лице.

Его кожа была такой горячей, что держать ладонь на его лице, было сродни ожогу, и это беспокоило меня. Температура должна была быть определено, потому что организм должен бороться за свое выздоровление, но, кажется, он просто пылал, словно пламя. Капельки пота стекали с его лба в густые черные волосы, и прежде чем лечь на свою кровать рядом с ним, я притащила влажное полотенце, вытирая периодически пот с его лица, шеи и широкой груди.

Сон никак не шел, даже не смотря на смертельную усталость. Мозг продолжал отчаянно работать, извлекая из памяти картины, о которых я хотела бы забыть навсегда. Не помогали даже милые овечки, которых я старательно считала до 113, измучившись от этого состояния еще больше.

С приходом дня Северу стало только хуже. Он снова метался, его мышцы судорожно напрягались от боли, а кожа горела настолько жутко, что на нем можно было даже готовить...

Поставив пару уколов, которых оставалось катастрофически мало, и, убедившись, что Север немного успокоился и снова уснул глубоким сном, я наконец поднялась, натянув на себя очередную рубашку и джинсы, и осторожно выглянув в окно, прикрывшись шторкой.

Вот она реальность новой жизни — три больших медведя спали вокруг дома. Вернее спали только два, Лютый как всегда сидел у величественного дуба — отрешенный, холодный и жестокий даже в своем плюшевом обличии, словно ему были неведомы сон, боль и прочие чувства. Янтарь спал развалившись почти звездой, и кто-то из близнецов спал у порога, положив свою большую темную морду на ступеньки. Второй близнец видимо был в дозоре...

Признаюсь, что я задержала дыхание, когда Лютый поднял свою белую морду, уставившись ледяными голубыми глазами прямо на меня, словно мог видеть меня даже сквозь ткань.

Ведь я совершенно ничего не знала о них. Может они смотрели рентгеновским

взглядом? Могли читать мысли? Или слышали на расстоянии сотен ярдов?...или это все и сразу?

Поспешно отойдя от окна, я устало опустилась на стул

...я не могу выходить из дома.

Чем же тогда занять себя?

Для начала приготовить завтрак...и не только себе.

Если судить по многочисленным фильмам, снятым про оборотней — они всегда были голодными и очень много кушали, и сегодняшняя ночь, кажется, была явным подтверждением того, что это было правдой.

С трудом отыскав самую большую сковородку, ящик с яйцами и вяленое мясо, я принялась готовить яичницу с беконом, которая должна была войти в книгу рекордов медвежьего Гиннеса, если бы такая только существовала. Несколько килограмм бекона и 40 штук яиц, по 10 на каждую отдельную порцию — это было размером мишек-оборотней, правда казалось, что и этого будет мало, чтобы эти огромные тушки наелись.

Аромат жареного мяса явно был им приятен, потому, что стоило только начать готовить, как в окне показалась первая мохнатая морда. Янтарные глаза приветливо сверкнули, и я помахала рукой медведю, видя, какой довольной стала морда при взгляде на немислимых размеров тарелку...откуда они только у нас такие взялись в доме?...

Было необычно и забавно научиться замечать, как меняется выражение медвежьих морд, когда сразу за Янтарем, во втором окне замаячила довольная морда Тумана или Урагана. Я пока не могла отличить их в зверином облике.

Ожидать, что Лютый вот так вот упрется черным носом в стекло было глупым и бессмысленным занятием. Даже когда я вышла на порог дома, с трудом открыв дверь, потому что держала две большие тарелки с горячей едой, он даже не шелохнулся, продолжая сидеть у дерева и смотреть на меня своими холодными, отрешенными глазами.

— Доброе утро, — приглушенно и сдержанно кивнула я Янтарю, который двинулся ко мне, не обращая внимания на явно недовольные взгляды Лютого, и, присев на корточки, я поставила перед ним тарелку, — я не знаю, что вы едите на завтрак...

Мохнатая бурая морда смешливо фыркнула, и, начиная жутко нервничать от прямого взгляда Лютого, я хотела поскорее вернуться в дом, чувствуя, как кровь во мне начинает буквально застывать, словно мороз забирался мне под кожу.

Вытащив на поляну 3 тарелки, и сжимая в руках вилки, я понимала, как глупо и нелепо выгляжу, стоя со столовыми приборами среди огромных зверей, чьи человечески глаза смешливо переливались в лучах солнца. У всех, кроме одного...и набравшись смелости, я быстро прошла до Лютого, заставляя свои ноги нести меня вперед, а не бежать в ужасе в дом, когда поставила последнюю 4 тарелку перед ним, быстро удалившись.

Он не будет есть.

В этом не было сомнений.

И быстро вернувшись в дом, я закрыла осторожно дверь, борясь с желанием снова подойти к окну, чтобы посмотреть на него, надеясь, что в этот раз он не заметит. Но нет... каким бы не было большим желание, этот холодный магнит не будет пылать радостью.

Остаток дня я провела в доме, иногда замечая движение медведей за пределами дома, и постоянно находясь рядом с Севером, состояние которого явно ухудшалось.

Когда ночь опустилась снова, дверь осторожно открылась и на пороге показалась высокая мускулистая фигура Янтая в человеческом облике и грудой пустых чистых

тарелок.

— Тоже белочки? — улыбнулся мне он, повертев тарелками и ставя их на стол, чтобы подойти к кровати, где беспокойным глубоким сном спал Север. Его раны воспалились, и приобрели жуткий бордово-синий цвет, а я по прежнему не знала, какую дозу обезболивающего и антибиотиков ему нужно ставить, чтобы была реальная помощь от их действия.

Когда я опасливо покосилась на окно, мужчина лишь дернул плечом:

— Лютый в ночном дозоре...

Очевидно, что так оно и было, раз дверь была открыта, а Янтарь вошел и показал себя человеком.

— Как он? — тихо опустил он на стул рядом со мной, кивая на Севера, и начиная хмуриться.

— Плохо....- я тяжело потеряла слегка опухшие веки, тоже переведя взгляд на воина оборотня, который периодически метался в бреду, говоря что-то совершенно непонятное, — раны воспалились, температура не спадает, но, думаю, так оно и должно быть, если бы я только могла понять нормально ли это для вас...

Янтарь протянул ко мне свою большую руку, на которую я удивленно уставилась.

— Ты чего?....

— Потрогай меня.

Удивленно моргнув пару раз, я осторожно перевела взгляд на лицо Янтаря, пытаюсь понять все ли с ним в порядке. Это что еще за предложения эротического характера у койки с больным братом?...

— Прошу прощения?...

— Прикоснись ко мне, — снова кивнул Янтарь, придвинув руку ближе ко мне, и в его глазах не было и доли веселья или озорства.

— Э....с тобой все в порядке? — осторожно выдавила я, не представляя, что смогу сделать, если с ним было что-то не так, потому что спастись бегством от тех, кто двигался быстрее тебя в несколько раз, было занятием как минимум не логичным.

Закатив глаза и фыркнув, Янтарь взял мою ладонь, положив на свою руку:

— Мы всегда горячие, и едва ли хватит шкалы градусника, чтобы узнать точно температуру Севера, но ты можешь узнать об этом хотя бы приблизительно, сравнив с моей температурой тела.

— А! — на мой облегченный выдох, Янтарь удивленно изогнул бровь, но все-таки промолчал, не мешая мне, пока я сосредотачивалась на собственных ощущениях в пальцах, положив вторую ладонь на лоб Севера, — он определенно горячее тебя. Иногда мне кажется, если оставить ладонь на его коже больше, чем на 10 секунд, то можно обжечься....

Какое то время мы просто молчали, глядя на беспокойный сон Севера, погрузившись каждый в свои мысли.

— Температура тела — это особенность оборотней? — наконец тихо обратилась я к Янтарю.

— Это медвежья кровь. И мы не оборотни.

— Ясно...

На мой быстрый кивок и взгляд, что я все поняла, хотя не поняла совершенно ничего, Янтарь улыбнулся, чуть покачав головой, и тихо добавил:

— Учитывая наш образ жизни и то, что мы живем в лесу, наша кровь просто обязана

быть горячее, чем у вас, людей, иначе мы бы просто замерзли до смерти в первую же зиму...

— Да...и вы не оборотни...

— Все верно.

Конечно язык просто зуделся задать вопрос, который мучил меня с того момента, как я увидела этих странных мужчин — кто же вы такие, если не оборотни? Но отчетливое понимание того, что это не моего ума дело, не давало мне открыть рот снова.

Север снова зашевелился, что-то забормотав, и я взяла влажную прохладную тряпку, чтобы в очередной раз протереть его лоб, лицо, шею и грудь, осторожно обходя воспаленные раны.

— То, что говорит Север — это какое-то особое наречие? — снова повернулась я к Янтарю, заглядывая в его яркие глаза, что не отрываясь смотрели на своего брата, и мужчина медленно кивнул.

— Это наш язык.

— И о чем говорит Север?...

— Я не знаю... — Янтарь тяжело выдохнул, уперевшись локтями в колени и облокотился подбородком о сложенные ладони, склонившись над раненым воином.

— Не знаешь?

— Нет... — в этот раз Янтарь говорил правду, чуть помолчав, он пожал широким плечом, — это особенный язык, который знают лишь единицы. Ему обучают специально. Я знаю всего несколько слов и фраз, которые означают приветствие, прощание, подчинение и уважение.

— Ого...

— Да. Но Север говорит что-то другое.

Мы снова замолчали, глядя на брата, когда в дом вошел Туман, а за ним и Ураган.

— В округе все тихо, — быстро проговорил Туман, оглядывая дом, словно в него могли проникнуть незаметно мишки, что были размером с бронепоезд и дышали так же громко и шумно. Убедившись, что все в порядке, но оставив дверь открытой, братья-близнецы опустились на пол, усевшись на корточки почти синхронно у изголовья Севера. И снова мне казалось, что они приносятся, как это делал утром Лютый, будучи в обличье зверя.

— Могу я спросить еще кое-что?

Янтарь хмыкнул, повернув голову ко мне:

— Ты ведь сделаешь это в любом случае, любопытное создание!

— ...у меня есть имя!

— И я все еще помню его, — рассмеялся Янтарь и снова его глаза были подобны расплавленному солнцу, или прозрачному душистому меду, с крапинками озорства и смешливости, — спрашивай уже, что опять мучает тебя.

— Вы обнюхиваете Севера?

— Угу. Тебя это смущает? — его лукавая усмешка была все-таки очаровательной и доброй, чего нельзя было сказать о Лютом.

— Ну...нет. Я просто пытаюсь понять, зачем вы это делаете?

— Чтобы узнать, не начался ли процесс разложения, — приглушенно ответил Ураган, повернувшись ко мне, пока его брат Туман прислонился лбом к влажной щеке Севера, закрыв глаза.

Сердце пропустило один удар, заглохло и застучало с двойной силой.

— И что вы чувствуете?....

— Все в порядке, — мягко улыбнулся Ураган, неожиданно подавшись вперед и осторожно сжав мою дрожащую руку в своей большой горячей ладони, — Север — боец, и не уйдет от нас без боя.

— А что вы можете учуять?

Мужчины пожали плечами практически одновременно, словно говорили о игре в покер, которая ничего для них не значила.

— Всё. Всё, что для нас важно.

— Звучит просто фантастически, — ошарашено выдохнула я, снова посмотрев на Севера, — и что вы чувствуете у него? Ну, т. е с ним все в порядке?...

— Его кровь чиста, — кивнул Туман, переглянувшись с братьями, словно советуясь, стоит ли это говорить, — место раны пахнет словно паленым, но это можно объяснить тем, что кровь на концах кожи запеклась и вычистить ее полностью невозможно. Мы не чувствуем гниения, значит рана чистая, и должна зарости.

— Слава богу, — облегченно выдохнула я, чувствуя в душе окрыленность оттого, что мои самые жуткие опасения не подтвердились, и уткнувшись носом в горячее плечо Янтаря, блаженно закрыла глаза. Север будет жить! Мужчины рассмеялись надо мной, когда нос Янтаря приземлился на мою макушку, чуть стукнув, и смешливый низкий голос надо мной промурлыкал:

— Ну, мы будем ужинать или как?...

— И все-таки фильмы не врут о вашей прожорливости! — улыбнулась я, поднимаясь, чтобы приготовить этим вечно голодным не оборотням много-много еды с большим количеством мяса, которое с такими темпами закончится уже через пару дней, хотя было рассчитано на всю зиму. Только стоило ли об этом переживать, если я знала, что до зимы не доживу.

Всю ночь мы снова провели вместе, приглушенно говоря и наблюдая за Севером.

— Так выходит, что часть легенд и сказок о вас, все-таки говорит правду?

— Например? — улыбался лукаво Янтарь, откинувшись на стуле, и положив руки на округлившейся живот от плотного ужина, третьей кружки чая с медом и остатками вчерашних конфет.

— Вы постоянно голодны.

— Не совсем так. Мы много двигаемся, быстро бегаем и чтобы поддерживать тело в должном состоянии мы вынуждены часто питаться. Или редко, но много.

Почему то не хотелось уточнять, чем именно они питались в лесу, но, по крайней мере, сегодня я увидела своими глазами, что эти мужчины, будучи зверьми, неплохо управлялись с вилками.

— Лично я мог бы есть пиццу и итальянскую пасту хоть каждый день. Часто и много, — улыбался мечтательно Туман, когда я уставилась на него, чуть приоткрыв рот, — а Ураган с ума сходит по суши.

— Суши?! — то, что я подавилась своим чаем, развеселило мужчин лишь еще больше.

— Ролы я тоже люблю, — ослепительно улыбался Ураган, отправляя в рот очередную конфетку, — знаешь, какой был мой рекорд по поеданию суши? 108 штук!

— Ага, и знаешь, что случилось с ним после этого, и по каким кустам мы искали этого любителя восточной кухни? — хохотал Янтарь, толкая локтем в бок смеющегося Тумана.

— А Север любит пироги с яблоками.

— ...а Лютый?

Янтарь чуть откашлялся, словно не зная, стоит ли говорить, когда пожал плечом, вымолвив, наконец:

— Мясо. Сырое. Желательно еще живое.

Стараясь не думать о подробностях питания Лютого, я пробормотала лишь, что я так и думала. Было очевидным лишь одно, что среди всех остальных Лютый был самый звериный по натуре.

Как всегда, на рассвете Янтарь, Туман и Ураган, сытые и довольные, поспешили выйти из дома, растянувшись у крыльца, и закрыв за собой дверь.

Я уже домывала в тазике посуду, когда дверь распахнулась, и на пороге появился величественный и ледяной белый медведь.

Его огромные широкие лапы мягко ступали по деревянному полу, не производя ни единого шороха, словно он парил по воздуху, не касаясь земли. Его дыхание было таким же неслышным, словно он и не дышал вовсе, а вот я, кажется, напоминала паровоз... сердце стучало, как паровой двигатель, словно в него только что вывалили тонну угля, ну и пар, куда же без него? Не знаю, шел ли он из ушей или других отверстий в теле, только Лютого это совершенно не трогало.

Величественно проплыв к Северу, он, как и в прошлый раз, уткнулся черным носом в щеку своего брата, на секунду замерев, а я растерянно думала, когда настанет тот день и Лютый решит, что моя помощь им больше не нужна. Может уже завтра? Если остальные братья уже подтвердили, что с Севером все в относительном порядке, то Лютый знал это наверняка без их слов.

Он снова даже не взглянул на меня своими холодными голубыми глазами, когда так же неспеша и величественно вышел из дома, оставив меня замороженной статуей с мокрой тарелкой в руках.

Я не могла пошевелиться еще какое-то время, видя через окно, как он прошествовал до своего любимого места у дерева, усевшись там, и больше не шевелился.

Судорожно выдохнув, я быстро положила тарелку на стол, пока не уронила ее.

Животный магнетизм — не иначе! Странное чувство ужаса и восторга обуревали меня каждый раз при виде белого медведя. А еще я скучала по его человеческому облику... остальные братья, словно из уважения, всегда входили в дом, как люди, и лишь Лютый плевать хотел на меня и этот мир. Последующие несколько дней прошли в таком же режиме, с одним лишь отличием, что я стала наконец спать под бдительным присмотром не оборотней, которые круглосуточно дежурили у порога дома, и проводили все ночи в доме со мной, пользуясь отсутствием Лютого. Нелепо было думать, что он не знал об этом, учитывая, что они могли унюхать друг друга на расстоянии многих сотен миль. Станным было то, что он молчал на этот счет.

Он не ел ничего из приготовленного мной, кормясь видимо ночами, когда уходил исследовать лес и округу. Но каждое утро я все-равно готовила его порцию, которую потом обязательно съедал Янтарь.

Я больше не пыталась заговорить с ним на рассвете, когда он приходил, чтобы проверить состояние Севера. Теперь каждый раз я демонстративно ложилась спать до его прихода, делая вид, что крепко сплю и плевать хотела на его появление. Хотя на самом деле все внутри меня замирало каждый раз, как только дверь открывалась, и не могло успокоиться еще долго, даже когда Лютый уходил, оставляя меня наедине со своим морозным ароматом океана.

Только относительная идиллия нашего существования не могла длиться вечно.

Пошел 11 день нашего неожиданного знакомства, и Лютый по-прежнему сидел у старого дуба, не шелохнувшись. Иногда казалось, что он словно находится в какой-то нирване, не наблюдая ни за кем конкретно, но при этом замечая все.

Этот день выдался излишне жарким и удушливым.

Такое бывает обычно перед большой грозой, когда воздух становится тяжелым и липким, а припекающее солнце словно издевается, добавляя к духоте свою жару.

Ураган был в дозоре, пока Туман и Янтарь растянулись в тени кустов, раскинув свои мощные лапы, чтобы их шерсть обдувал хоть какой-то ветерок.

Чтобы в доме было свежее, я мочила простыни и покрывала холодной водой, развешивая их вокруг Севера, и распахнула дверь на тот случай, если хоть какое-то дуновение ветра сорвется в этот жаркий день. Именно тогда я с удивлением заметила, как неожиданно вытянулся Лютый, приподнимаясь на задние лапы и словно приносиваясь по ветру.

Не прошло и секунды, как Туман и Янтарь подскочили, ринувшись к нему уже в облики людей.

Не смотря на свой рост, они были ниже белого медведя, который неожиданно фыркнул и оскалился, опускаясь снова на все четыре лапы, чтобы обернуться человеком тоже.

То, что случилось что-то плохое, было ясно сразу.

— Они перешли границу, — от голоса Лютого в облики мужчины по моему телу пошли сумасшедшие мурашки, и в горле застрял ком, пока я бессовестно пялилась на мужчину, которого так отчаянно хотела увидеть именно человеком. Он возвышался над Янтарем и Штормом хмурясь, и, кажется, выглядел еще красивее, чем я запомнила его в тот единственный раз, в момент ранения Севера. Белокурые волосы были каким-то образом зачесаны назад и непослушные прядки снова свисали на лоб и его яркие голубые глаза, которые даже в этот момент были подобны льду. Серая щетина выступала на его скулах и подбородке, делая лицо еще более воинственным и привлекательным.

— Мы не сможем отразить нападение?

— Их много, — странным было слышать красивый голос Лютого, который звучал снова словно песня, как колыбельная холодных ветров, — нужно уходить сейчас же.

Я видела, как напряглись плечи и могучие спины Янтаря и Тумана, когда Лютый двинулся вперед к дому, где на крыльце стояла замороженная я, начинающая понимать, что, кажется, настало время моей смерти. Вот так резко и неожиданно. Разве не для этого шел Лютый плавно и целенаправленно, словно подкрадывался для решающего прыжка.

— Север еще слишком слаб, чтобы перенести долгий путь по лесу.

Прямо перед моим носом оказалась широкая спина...вернее сказать копчик...Янтаря, когда он взлетел по лестнице, опережая Лютого, и заслоняя от меня его могучее тело.

— У Севера нет иного выбора. Мы уходим. — Лютый не говорил резко, или излишне властно, он словно мурлыкал каждое слово, но от его холодного решительного голоса становилось не по себе. Было совершенно очевидно, что перечить ему весьма глупая и очень опасная затея...но Янтарь любил риск больше, чем еду!

— Мы можем потерять брата, если начнем тащить его!

— Мы можем погибнуть здесь все, если не рискнем. И я не собираюсь давать им шанс разорвать вас на мелкие куски, как это сделал я с их братьями! Возможно, Северу хватит сил перенести эту дорогу...

— А если нет?

— Послушай, — Лютый оказался на пороге так резко и неожиданно, что я подпрыгнула, находясь даже за спиной Янтаря, когда он подошел к своему брату почти вплотную, склонившись над ним так, что их носы почти соприкасались, и прорычал, — не думай, что ты любишь Севера больше, чем я. У меня ледяное сердце, но его осколки принадлежат только вам. Мне тяжело делать этот выбор, но я не могу позволить вам умереть из благородных побуждений. Север сильнее, чем ты думаешь. Он будет стараться выжить.

— ...возьмем Мию с собой.

Я икнула от удивления, запрокинув голову, чтобы посмотреть в затылок Янтаря, держа в себе желание ущипнуть его за упругую голую попу, чтобы выразить свой протест. Черт, я была готова умереть, к чему снова эти сложности?

— Мы теряем драгоценное время... — в этот раз голос Лютого опустился практически до вкрадчивого шепота, но в нем было столько угрозы и сдерживаемой ярости, что я сделала шаг назад.

— Благодаря ей Север не умер. Она сможет следить за его состоянием в дороге...

— Из-за нее Севера ранили!

— Но она спасла его! — не отступал Янтарь, смело глядя в пылающие яростью холодные голубые глаза мужчины, который превосходил всех не только своим ростом, но и сумасшедшей силой, — по нашим законом мы не можем убить ее, она вернула ему жизнь взамен на свою!..

Грудное рычание Лютого доносилось, словно из глубины его мощного большого тела, вибрируя где-то в широкой груди, когда мужчина оскалился, обнажив свои белые острые клыки.

— Она знает о нашем роде слишком много!

— Поэтому мы будем держать ее рядом с собой.

— Это всего лишь жалкий мелкий человек. Она не перенесет дороги.

— Тогда не будет и проблем, — холодно отрезал Янтарь, заставив меня удивленно заморгать. С одной стороны в душе я понимала, что он говорит это лишь для того, чтобы спасти мне жизнь. Но ведь я не просила об этом.

— Слушайте, я готова умереть... — наконец смогла опомниться я, удивившись тому, как твердо и спокойно прозвучал мой голос. Настрой последних дней давал о себе знать. И оба огромных мужчины уставились на меня. Глаза Лютого как всегда не выражали совершенно ничего, сверкая в лучах солнца прозрачным льдом, а Янтарь недовольно поджал губы, предупреждая дернув своей бровью.

— Мия, молчи.

— Но я действительно готова, — впервые я перевела свой взгляд, смотря прямо в удивительные глаза Лютого, который возвышался надо мной так высоко, что моя шея просто затекла от такого положения. И впервые он смотрел прямо на меня, хотя его глаза были как всегда холодные и колкие, — если есть какие-то проблемы с тем, что вы не хотите делать это сами, то просто оставьте меня здесь. Те другие медведи придут сюда, и все решится само собой...

— У нас нет проблем с тем, чтобы свернуть твою маленькую шею, — изогнув светлую бровь, усмехнулся Лютый, наклоняясь вперед поверх напряженного плеча Янтаря, ближе ко мне так, что я смогла ощутить его морозный аромат на своем лице. Впервые он был так близко, и это было так страшно и волнительно. Я отчетливо понимала, что в любую секунду

он может просто сделать резкий выпад и меня не сможет спасти даже близость Янтаря, но в то же время я не могла думать о смерти сейчас...

Голубые глаза полыхнули, когда взгляд Лютого неожиданно прошелся по моему телу, начиная от кончиков волос и заканчивая босыми ногами, и светлые брови сошлись на переносице.

Что было не так?

Затаив дыхание, я всматривалась в эти голубые глаза, когда на пороге появились напряженные Туман и Ураган, заняв оборонительную позицию по обе руки от Янтаря и меня, спрятанной за его широкой спиной.

— Лютый, пожалуйста. Позволь ей пойти с нами. Мы сами проследим за ней в дороге.

Напряженный голос Тумана слегка подрагивал, но зеленые глаза мягко и по-доброму смотрели на Лютого, даже если он по прежнему не сводил странного взгляда с меня.

— Север защищал ее, — так же напряженно, но миролюбиво произнес Ураган с другой стороны от Лютого, — это что-то значит. Но мы не сможем понять почему, пока он не придет в себя, а Мия сможет помочь ему сделать это.

Я отдала бы пол жизни, чтобы понять, о чем думал Лютый в тот момент, когда он медленно моргнул, отводя свой пронзительный взгляд от меня и выпрямляясь, чтобы снова возвышаться над остальными мужчинами, проговорив в своей прежней холодной, мягкой, отрешенной манере:

— Я не буду ждать и сбавлять темп, только потому, что ваша ручная зверушка устала.

Развернувшись, он просто спустился со ступеней, обернувшись снова белым медведем, который скрылся в кустах.

Янтарь, Туман и Ураган выдохнули тяжело и синхронно, словно репетировали, как только мохнатое белое тело медведя скрылось из вида.

— Он оставил нас? — почему то испугалась я, слыша, как фыркнул Янтарь:

— Лютый проверят дорогу, прежде чем мы пойдем все по ней...И если бы у нас было больше времени, то я бы надрал твою мелкую задницу!

Яркие глаза Янтаря прожигали меня насквозь, когда мужчина запрокинул мою голову вверх, взяв за подбородок своими длинными пальцами, заставляя смотреть на него:

— Иногда твоя отвага доводит меня до бешенства!

— ...но я не хочу уходить из своего дома... — попыталась было я возразить, слыша, как Янтарь предупреждающе рыкнул и поспешно захлопнула свой рот.

— Не заставляй меня связывать тебя, Мия! Лучше беги в дом, и бери с собой всю еду, которая не пропадет на солнце...больше ничего не надо, пойдем налегке.

— Но как вы собираетесь нести Севера? — упиралась я пятками, пока Янтарь впихивал меня в дом без каких-либо усилий, просто упираясь горячей большой ладонью в мою спину.

— Скорей всего его придется привязать сверху к кому то из нас...

— Но швы на ране могут разойтись!

Трое мужчин возвышались над Севером, который по прежнему был без сознания и скорей всего даже не подозревал, что происходило, пока я с ужасом представляя, как тело Севера будет болтаться, привязанное к несущемуся галопом медведю. Проще было убить его прямо здесь и сейчас. Как и меня.

— У нас нет других вариантов, — Янтарь тяжело вздохнул, склоняясь над Севером и осторожно подхватывая его, чтобы поднять на руки, — вынесем его на улицу. Когда я обернусь, привяжите его ко мне...Мия, найдешь подходящую по длине веревку?

— У нас есть повозка!

— Что?..

— Повозка! Мы можем положить в нее Севера, укутав его в мягкие одеяла и подушки, чтобы тряска была как можно меньше! Дедушка говорил, что у нее специальные колёса, которые могут проехать по любой местности...зимой мы брали в ближайшем поселке лошадь, и развозили по лесу витамины и еду для животных. Она стоит в сарае.

«Пожалуйста, согласитесь!» — молилась я мысленно, заглядывая в глаза Янтаря, когда он, наконец, кивнул, обернувшись к братьям-близнецам.

— Туман, вытащи телегу из сарая. Ураган, а ты помоги Мие собрать все, что она скажет, чтобы сделать гнездо для нашего брата.

Никто не спорил, все ринулись по разным углам, и, закидывая на Урагана подушки, одеяла, пледы и матрас, я едва могла дышать.

Я все еще была жива.

Видела Лютого так близко, и собиралась в поход с теми, кто был загадкой. Просто с ума сойти....

Уже через минуту телега стояла у самого порога, и совместно с близнецами не оборотнями, мы устраивали мягкое место для Севера, куда его аккуратно положил Янтарь, бережно прикрыв белым тонким покрывалом до груди. По крайней мере, это было гораздо лучше, чем трястись на горбе медведя! В телегу я закинула и аптечку, запихав в нее все, что только смогла, а так же свой рюкзак, с хлебом и орешками, натягивая на ноги удобные кроссовки, когда надо мной прозвучал голос Янтаря:

— Запрыгивай к Северу, будешь придерживать его.

— Ты шутишь? Я вешу не 5 килограмм, а Север и того больше, как вы...

— МИЯ!

— Все. Ладно. Уже залезла....

Когда на поляне появился Лютый, окинув взглядом нашу дружную компанию во главе с Янтарем в облике медведя, который временно исполнял обязанности лошадки-каталки, мне казалось, что даже медвежья морда способна ухмыльнуться. Но это был бы не Лютый, если бы на этой белой мохнатой морде появились хоть какие-то эмоции. Голубые глаза были как всегда холодными и сосредоточенными, когда он фыркнул, и Янтарь устремился за ним, прямо в кусты, толкая телегу со мной и Севером с такой легкостью, словно он нес в зубах воздушный шарик. Туман и Ураган были замыкающими, прочесывая лес справа и слева от телеги.

После нескольких дней в пути, тебе уже наплевать на многочисленные кочки и толчки, когда круглые колеса собирают собой все неровности и выпуклости земной поверхности. Ты просто болтаешься или прыгаешь, или подскакиваешь, или ударяешься головой в очередной раз...про отбитую насмерть попу можно даже не упоминать.

Больше всего я переживала за то, как эту сумасшедшую дорогу перенесет Север. Первые несколько дней я упорно хватала его за плечи, упираясь ногами в бортики телеги, чтобы поддерживать его в качестве буфера, пока у меня не онемели руки и ноги.

Я не понимала, куда мы несемся сквозь заросли и многочисленные кусты, удивляясь тому, как бедная телега выдерживала и еще не разлетелась на части от бега этих медведей атлетов, которые словно не знали потребности во сне, еде и отдыхе.

За эти несколько дней Лютого я не видела вовсе, словно он бросил нас, убежав далеко вперед.

Янтарь постоянно был рядом, таща за собой телегу со мной и Севером. Туман и Ураган периодически тоже пропадали, но в целом всегда их можно было рассмотреть неподалеку в нескольких метрах от нас, как всегда по обе стороны.

Несколько дней я просто молчала...потому что не с кем было разговаривать.

Медведи были слишком напряжены и явно озабочены обстановкой, не обращаясь в мужчин ни на секунду. Поэтому догрызая последние орехи из рюкзака, и выбрасывая остатки хлеба, который все-таки пропал, я с тревогой думала, куда же мы идем...вернее куда несутся эти мишки, унося меня молча за собой.

Еды больше не было, и я не знала, как долго смогу экономить бутылку воды, но боялась даже пикнуть лишней раз, понимая, что могу, наверное, помешать...в конце — концов Лютый ведь сразу предупредил, что я не выдержу этой поездки. Кажется, он был чертовски прав.

Дни проходили за днями снова, и, измученная бесконечной тряской, я проваливалась в беспокойный сон, словно падала в черню бездну, резко просыпаясь от очередной кочки и удара в мой многострадальный копчик, который уже был, вероятно, просто черно-синий от постоянных ударов и неудачных приземлений. Я не могла сориентироваться, куда именно мы идем, потому что медведи постоянно петляли и явно запутывали свои следы, но казалось, что в этой местности погода начинает меняться и не в лучшую сторону. Ночи были заметно прохладными, и, стуча зубами от холода, я жалела, что не могла достать из-под Севера одного из пледов, чтобы закутаться в него вместе с головой.

— Ложись рядом с ним и прижмись, ты согреешься...

Кажется, я снова задремала, когда не сразу смогла поверить своему счастью, услышав над собой голос Янтаря. Глубокий, низкий гортанный голос и его обаятельную улыбку, смешинки которой отражались в солнечных глазах.

— Янтарь! — я бы кинулась к нему на шею, крепко обнимая, если бы он не был таким высоким, а мои ноги могли хотя бы немного шевелиться, от нескольких дней сидения и вечной тряски.

— Ты в порядке? — чуть нахмурились широкие брови мужчины, а я с улыбкой смотрела на него, наслаждаясь звуком его голоса, тишиной и отсутствием какого-либо движения, хотя

казалось, что тело продолжает еще дрыгаться само собой. Такое со мной случалось каждый раз, когда после учебы в университете я ехала на каникулы домой по несколько суток в поезде — выходила из вагона и, кажется, шла по ровной поверхности, а мне казалось, что меня все еще пошатывает в такт колес, — скоро дорога сменится и будет гораздо удобнее ехать, потерпи еще немного. И ложись рядом с Севером!

— Кажется, это будет не слишком прилично — лежать под одним покрывалом с обнаженным мужчиной! — криво улыбнулась я, тем не менее, покосившись на Севера, который был бледен, и по-прежнему не приходил в сознание.

Конечно же Янтарь звучно фыркнул:

— Тебе бы уже пора привыкнуть к нашей наготы, девочка! Да и потом, Север без сознания и поэтому будет вести себя прилично!..

— ...именно поэтому я и переживаю...

— Хочешь, чтобы он поприставал и показал, как нужно греться? — хохотнул Янтарь, на что я укоризненно покосилась на него, продолжая мысль, которая меня беспокоила последние дни.

— Север все еще без сознания. Посмотри, — я осторожно откинула угол покрывала, и приподняла свежую повязку на его боку, — раны начинают затягиваться. Больше нет воспаления. Он дышит ровно и глубоко. Но еще не разу никак не пошевелился и не приходил в себя...кажется и температура спала....

Янтарь молча протянул свою руку ко мне, ладонью вверх, куда я положила свою, потянувшись второй рукой к лицу Севера, чтобы сравнить насколько эти двое горячие... когда случайно заметила Лютого.

Он тоже был человеком, неспеша выходя из темного дремучего леса. Как всегда обнаженный, с идеальным телом. Огромный, холодный, величественный, он шагал, словно истинный хищник, глядя прямо на нас своими ледяными глазами, в которых сверкали молнии, заставляя меня буквально покрываться инеем....

— Ну и как?

— Что, прости? — пытаюсь вернуться на землю, я не смогла перевести взгляд на Янтаря, даже когда услышала его голос, не в силах оторваться от созерцания холодной хищной красоты Лютого.

— Север? У него все еще есть температура?

— А... нет. Определенно нет. Теперь вы одинаковые на ощупь... — не знаю почему, я поспешно убрала свою руку из ладони Янтаря, сжавшись под уничтожающим взглядом голубых глаз, когда Лютый прошествовал мимо нас, кивнув лишь Янтарю и снова демонстративно не замечая меня.

— И что это может быть?..

— Я не знаю... — стараясь успокоить свое глупое сердце, я с силой перевела взгляд на Янтаря, боясь покраснеть, оттого что пялюсь на широкую спину и идеальный зад Лютого, пока он продолжал идти вперед туда, где были Туман и Ураган, — должно быть на вас раны заживают быстрее?

— Ну не как в фильмах, что прям вжик и ты как новенький, но если сравнивать с людьми немного быстрее.... — Янтарь нахмурился, рассматривая Севера, пока я пыталась объяснить, что именно меня волнует в нем:

— Просто по всем показателям Северу уже значительно лучше...но за то время, что мы в пути, он ни разу не попытался пошевелиться. Ни моргнул, не застонал, никак не дрогнул,

если бы ему было больно...он просто лежит совершенно бездвижимо и меня это пугает. Сначала я думала, что возможно он старается не шевелиться, чтобышний раз не испытывать боль, но так можно пролежать день, два, но не больше...Боже, я даже стала думать о том, что возможно ему повредили позвоночник в том бою, но вы бы это смогли почувствовать, правда?...

Брови Янтаря сошлись на переносице, пока он слушал мои душевные терзания, пристально рассматривая своего брата с долей явно сквозившей паники.

— Правда, — отрывисто кивнул он, склонившись над Севером и просунув руки под его большое тело, — нет в позвоночнике все кости целы...надо сказать остальным, — когда Янтарь выпрямился, Лютый лишь обернулся, бросив быстрый взгляд на брата через плечо, и тот кивнул в ответ, заторопившись к остальным мужчинам, чуть поодаль от меня, — можешь немного размять ноги, девочка. Походи здесь, но не уходи далеко, чтобы мы тебя всегда видели, скоро снова выдвигаемся.

Образовывая своими большими телами круг, мужчины присели на корточки, что-то тихо быстро обсуждая, пока я пыталась выбраться из телеги, чтобы не потревожить Севера и хотя бы сходить в туалет! О большем я и не мечтала!

Ноги гудели, не слушались импульсов мозга и вообще было такое ощущение, что на меня только что натянули тапочки из ежиков, при чем иголками внутрь. Кажется, я только что поняла, какие мучения испытывала Русалочка, когда променяла хвост на ноги. Только она делала это ради любви и принца, а я?...покосившись на спины мужчин, я заковыляла дальше, ругая себя и фыркая, как это часто делали медведи.

Вот она — вся прелесть лесной жизни! Туалет под колючим кустиком, когда мелкие ветки тыкаются тебе в попу, словно там было мало синяков от поездки, а ты постоянно подскакиваешь на нетвердых ногах, которые ноют и трясутся! А еще вечно кажется, что именно в этот момент обязательно подкрадет змея, которая конечно же ужалит тебя в самое интересное место, и ты умрешь обязательно, если не от укуса, то от стыда, когда придется этот укус показывать и, мало того, просить кого-нибудь отсосать яд! Никаких тебе салфеток с ароматом ромашки или персика, или хотя бы туалетной бумаги. В лучшем случае — не очень колючий листик, и чуток обмороженная попа, когда температура воздуха вокруг такая, что пар идет не только изо рта...Романтика одним словом!

— Разве тебе не сказали быть поблизости и на виду?...

Воистину не будет проблем с опорожнением у того, кто когда-либо видел или слышал Лютого! А вот у меня были проблемы другие, когда я, едва не визжа, пыталась натянуть на себя узкие джинсы, трясущимися руками на трясущиеся ноги, упираясь взглядом в обнаженные ступни мужчины, что возвышался надо мной, подобно ледяной глыбе.

Ну почему это был именно ОН?! Почему не мог прийти Янтарь, которого я могла с визгом отправить в лес густой катиться колбаской, а потом смеяться и не испытывать стыда и паники, как сейчас?!

— Мне нужно было сходить в туалет!.. — пропищала я, не в силах поднять головы, чтобы встретиться в голубым взглядом холодных глаз, и сгорая от стыда так, что, кажется, от меня начинал подниматься пар.

— В туалет?....

— Да! Людям иногда надо ходить в туалет! Может ты не в курсе, но мелкие людишки, вроде меня, иногда писают и даже какают!..

Страшно представить, что именно позволило мне говорить в таком тоне и такие слова

тому, кто мог убить меня даже резким выдохом, но было поздно просить прощения или каким-то образом загладить свою вину, когда босые ноги Лютого перед моими глазами развернулись в другом направлении и ушли как всегда совершенно бесшумно.

Мать божья!!!!

Уважаемые белочки, зайчики, кабанчики, лисы, медведи и прочая живность — если вы хотели причинить мне членовредительство по той или иной причине, или даже убить, то сейчас самое время! Потому что КАК после всего этого я могла вернуться на поляну с видом, будто ничего не случилось, я просто не представляла! А так и причина была уважительная — не пришла, потому что умерла!..

— Мия? — я вздрогнула, едва не застонав от отчаянья, когда услышала низкий голос Янтаря.

Ну хоть кто-то решил заявить о себе заранее, а не ломиться сразу...и до чего же было стыдно перед Лютым! Теперь я точно уже не смогу смотреть в его холодные глаза...даже если когда-нибудь у меня еще будет такая возможность, что, конечно же, было весьма маловероятным.

— Я здесь! Сейчас приду сама!..

Натянув рубашку почти по самые колени и начиная дрожать не то от ночной промозглости, не то от произошедшего, я поспешила на поляну обратно к мужчинам. Они стояли по-прежнему рядом друг с другом — высокие, огромные и как обычно обнаженные, ожидая моего появления. Втроем. И быстро осмотрев небольшую полянку, ближайšie кусты и деревья, я не смогла увидеть Лютого, когда услышала голос Тумана:

— Он ушел вперед и нам тоже нужно выдвигаться.

Хорошо, что было достаточно темно и скорей всего было не заметно, как отчаянно я покраснела. Это было просто ужасно постоянно, раз за разом, вот так попадать впросак, когда все видели, что я ищу глазами именно его.

— Ты в порядке? — я снова сказала спасибо ночной мгле, когда трое мужчин подошли ко мне, совершенно бесшумно и стремительно, и Янтарь осторожно коснулся кончиками пальцев моей щеки, отчего я задрожала от холода еще сильнее, потому что рука Янтаря была как всегда горячей.

— Да, все хорошо...

— Выглядишь бледной. Сейчас дорога будет лучше, впереди только мох и земля, теперь наконец выспишься, — Янтарь махнул рукой куда-то в направлении направо, хотя последние дни мы двигались только вперед.

— Меняем направление? — чуть нахмурилась я, когда мужчины закивали головами, и Янтарь подхватил меня на руки, усаживая на телегу рядом с Севером, который по-прежнему не шевелился, лишь ровно и спокойно дышал, словно просто спал.

— Да, идем к Черной горе...

— Куда?

— Туда вообще, — чуть усмехнувшись уголками губ, еще раз махнул рукой Янтарь, и, подмигнув мне. Туман и Ураган в секунду обратились в своё медвежье обличие, зашагав туда, куда только что махнул их брат, — не доводи меня до белого колена, девочка, приляг уже под бок Севера. Не хватало еще, чтобы ты простыла и заболела....

Воистину только этого не хватало для полного счастья...представляю, как будет рад Лютый, если это случится и его предостережения не брать меня с собой оправдаются с лихвой. Должно быть, именно поэтому я послушно вытянулась у бока Севера, тут же

почувствовав, как его тепло обволакивает меня, даже если мы были укрыты всего лишь простынею.

— Почему мы идем к Черной горе? — тихо спросила я, пока Янтарь был рядом и в облики человека.

— Там живет еще Хранитель.

— Как был мой дедушка?. - ведь именно так однажды назвал его кто-то из братьев не оборотней.

— Да. Возможно, он сможет понять, что происходит с Севером...

Поежившись и вздрогнув, я под простынею, осторожно обвила одной рукой горячий торс война, прошептав в его мощное плечо, чувствуя подступающую горечь стыда:

— ...прости меня, я сделала все, что только умела и знала...

— Это не твоя вина, Мия! Мы сами не знаем, что с ним происходит. Судя по всему, Север поправился уже достаточно сильно, чтобы мог передвигаться самостоятельно... — яркие солнечные глаза Янтаря сверкали даже во мраке ночи, когда он растерянно смотрел на своего брата, — по крайней мере, он жив, он дышит...с остальным, надеюсь, разберемся позже, когда доберемся туда.

Переведя взгляд на меня, Янтарь нахмурился, словно приняхиваясь, чем жутко меня смущал:

— Ты можешь не делать так в отношении меня?

— Нет. Так мы узнаем мир и все, что нам нужно...

— ...и что ты пытаешься узнать обо мне? Ты можешь просто спросить, и я отвечу...

— Ты словно пропадаешь, — как специально Янтарь глубоко втянул в себя воздух, склонившись надо мной, как гора из плоти и крови, упираясь мощными руками в бортики телеги по обе стороны от сжавшейся меня и Севера, — словно таешь...не могу понять, что происходит...как — будто из тебя уходят силы...

Ауч! Я во все глаза уставилась на Янтаря — неужели они и правда способны чувствовать на столько тонко? Огромные свирепые хищники, больше и мощнее которых я в своей жизни еще просто никого не видела, и вряд ли увижу.

Солнечные глаза мужчины сверкнули в темноте, когда его брови снова сошлись на переносице и он склонился надо мной сильнее, так, что я ощущала его горячее дыхание на своем лице.

— А вот теперь ты поняла, о чем я говорю. И я хочу знать, что с тобой происходит!

С ума сойти просто! Как он это все определил? По запаху?!..

— Ничего страшного и ужасного...

— Ложь!

— Это ты тоже как-то чувствуешь?

— Не как-то, а очень остро. Я жду, Мия...

Почему-то захотелось спрятаться под большую руку Севера и притвориться спящей, а лучше мертвой.

— Ну, на самом деле ничего не произошло такого...

— Может, это я буду решать?.. — широкая бровь Янтаря изогнулась, пока он продолжал сверлить меня своими глазами, а я почему-то только сейчас заметила какие интересные у него брови — резко очерченные и со шрамом на левой, который делил бровь почти пополам, — не отвлекайся от нашей беседы, девочка...рассмотреть меня ты всегда успеешь. Можешь даже потом потрогать во всех местах, где тебе захочется.

— Янтарь!!!

— Я не имел ввиду ничего дурного, и я все еще жду.

Я устало выдохнула, с трудом удержавшись, чтобы не закатить глаза:

— У меня всего лишь закончилась еда...и я не высыпаюсь, возможно, поэтому...

— Закончилась еда? И почему я узнаю об этом только сейчас?!..

Зубы Янтаря звучно клацнули, и выглядел он, прямо скажем, не слишком довольным. Может, настало время испугаться? Только почему-то именно его я не боялась совсем...чего никак нельзя было сказать о Лютом...

— За все время, пока мы в дороге ты впервые в облике человека и разговариваешь...

— Черт побери, я не могу говорить пока я медведь, но слышу-то я прекрасно!

Я сконфуженно промямлила какие-то извинения, слыша, как резко и эмоционально что-то рыкнул мужчина, выпрямляясь.

— Ты только что сматерился?

— Да.

— На медвежьем???

— Что-то вроде этого... скажи мне, т. е ты собиралась молча голодать всю дорогу?

Вот теперь я почувствовала искреннее сожаление перед Янтарем, который всегда был рядом и защищал меня от всего на свете, включая Лютого...точнее от него даже в первую очередь.

— Прости меня...я просто не хотела вас тревожить. Я ведь понимаю, что у вас и без меня забот хватает.

На самом деле я бы хотела спросить то, что интересовало меня больше всего — откуда такая забота? Как благодарность за спасение Севера? Но Лютый был прав, когда говорил, что их брат был бы здоров, если бы не кинулся защищать меня от тех медведей. Они пытались понять, почему Север это сделал? Было мало похоже, чтобы эти не оборотни вот так могли привязаться к какому-то обычному человеку...Лютый не в счет. Едва ли его ледяное сердце вообще могло к кому-то привязаться.

Кто такие эти Хранители? Почему мой дедушка был им? И было ли это как-то связано с тем, что эти воины теперь таскали меня с собой, снова защищая?...

— Ты мало что понимаешь, Мия, — в этот раз Янтарь тяжело выдохнул, и я быстро закивала:

— У меня столько вопросов! Не о вас, о себе...я ничего не понимаю...

— Потерпи до Черной горы, девочка. Там мы будем в безопасности хотя бы относительно, и у нас будет время поговорить обо всем, хорошо?...

— Да, конечно.

Я не знала, как далеко идти до этой Черной горы, и что там вообще находится, но сейчас я была спокойна в ожидании конкретной точки нашего странного путешествия.

— Янтарь?...

— Ммм? — мужчина не повернулся ко мне, пристально всматриваясь в темноту леса, отчего становилось не по себе, хотя и я видела, что он не напряжен и не готовится к атаке.

— А те другие медведи, они отстали от нас?..

— Да, временно...поэтому нужно идти.

— И они такие же, как вы? Не оборотни? — приятно было видеть, как его губы растянулись в усмешке и белые крепкие зубы сверкнули в темноте, когда он приглушенно рассмеялся:

— Да, любопытное создание, они такие же, как мы...наконец-то! — признаюсь, что я все-таки испуганно вздрогнула, когда из черного леса появился неожиданно один из близнецов, быстро прошагав медведем до телеги и так же незаметно и быстро обратившись в зеленоглазого мужчину. Туман. Теперь я знала, что это он.

— Что у вас случилось? — его черные брови хмурились, пока он переводил взгляд с меня на Янтаря, тоже начиная принюхиваться.

— У Мии нет еды, я пойду поищу что-нибудь съедобное для нее, а вы двигайтесь вперед за Ураганом.

— Хорошо.

К счастью Туман не задавал лишних вопросов, и лишь быстро подмигнув мне, снова обратился в медведя, заняв место лошадки.

Теперь дорога и правда стала гораздо лучше. Вернее она была просто идеальной.

Мы с Севером, словно раскачивались в колыбели, отчего постоянно хотелось спать. Именно это я усиленно делала, прижимаясь к горячему бездвижаемому телу Севера, кожа которого не становилась холодной даже ночами, что были с каждым днем все морознее, словно мы двигались к северному полюсу. Мой сон был слишком глубоким...так, я не спала никогда, даже будучи в родной теплой кровати в своем любимом деревянном доме. Мне часто снились сны. Странные жуткие сны, когда я пыталась убежать, но не могла сделать и шага.

Янтарь будил меня, лишь когда в очередной раз приносил подмороженные, но очень сладкие яблоки, или шишки. Туман и Ураган тоже часто таскали остатки ягод, высыпая их в мои ладони и осматривая тревожно и так по-доброму. Иногда выбираясь из очередного сна, когда телега останавливалась, чтобы уединиться ненадолго, предупреждая, что не нужно за мной ходить, я слышала голос Лютого. Я всегда неслась обратно, чтобы увидеть его хотя бы краем глаза сквозь ветки кустарников и могучих елей, но всегда опаздывала...

— Спи, девочка, спи...так ты меньше тратишь свою энергию. Осталось уже немного. Через пару дней мы будем у Черной горы.

Я лишь сонно улыбалась Янтарию, послушно закрывая тяжелые ресницы и утыкаясь носом в горячее плечо Севера. Иногда я просто лежала, прислушиваясь к его дыханию, и молясь, чтобы с ним все было в порядке.

Эти мужчины едва ли походили на монстров-убийц. Они были такие самоотверженные и сильные, добрые...ну почти все добрые и отзывчивые... что бог был просто обязан вернуть Севера в его нормальное состояние. Его раны уже зажили, и я даже умудрилась снять швы во время одной из остановок, потому что Лютого не было поблизости, и не на кого было бессовестно пялиться исподтишка...не считая Севера, которым было сложно не любоваться даже в его состоянии странного сна. Он был невероятно красивым. Мужественным.

Часто я касалась кончиками пальцев осторожно и немного испуганно его длинных черных ресниц, которые скрывали его глаза, подобно двум веерам. Мне нравилась на ощупь его колючая отросшая щетина на этих резких словно высеченных скулах, когда я гладила его по лицу, откидывая черные волосы, которые были на ощупь мягкими и совсем не похожими на шерсть медведя. У него были чувственные губы...и я часто думала о том, как интересно меняется его лицо, когда он улыбается. Будет ли Север таким же теплым и родным, как Янтарь...или он оправдывает свое холодное имя, подобно Лютому...

Я еще не знала, как он улыбается. Как говорит. Как смотрят его яркие синие глаза —

холодно ли и осуждающе, или мягко и тепло....

Стыдно было признаться, но я знала каждый изгиб его удивительного мощного тела.

Большого тела.

Горячего. Во всех смыслах!

Спасаясь от ночного холода, я отодвигала его правую руку, ложась на его плечо и прижимаясь к полыхающему теплом огромному телу. Часто я просыпалась, уткнувшись в его бок или лежа на выпуклой груди, притихнув, и прислушиваясь к его дыханию...иногда мне казалось, что его сердце стучит быстрее. В такие секунды я упиралась ладонями по обе стороны от его тела, всматриваясь в красивое лицо, на котором по-прежнему не двигался ни единый мускул...взмах ресниц, отрывистое дыхание, кашель — я ждала хоть чего-нибудь....

А еще я постоянно говорила с ним...рассказывала, что вижу и делилась своими мыслями о том, куда мы могли бы ехать, если бы только знал, как его братья переживали за него и кто был в дозоре, а кто находился рядом...мне казалось страшным его состояние...а что, если все это время он был в сознании, но не мог двигаться? Что, если он был сбит с толку и напуган, запертый в собственном теле, словно в каменном коконе? Иногда я рассказывала ему что-то смешное, чтобы подбодрить, каждый раз повторяя, что когда он очнется, то ему придется многое мне рассказать...

Наверное, поэтому Север казался мне родным и таким близким...возможно потому, что сама я была ближе всех к нему...физически и возможно эмоционально. Я старалась не думать о том, что Север мог быть похож в своем поведении и манере общения на Лютого...

Было бы самым страшным узнать, что я сама себе придумала его идеальный образ, который на деле может таковым совсем не являться...

От него исходила аура силы и покоя, даже если он не шевельнулся ни единого разу со дня своего страшного ранения. Его ровное дыхание и глубокий размеренный стук сердца убаюкивал меня.

Я проснулась в очередной раз, почувствовав, что наша с Севером колыбельная раскачивается слишком быстро, пытаюсь понять, что происходит, когда в темноте очередной наступившей ночи надо мной с невероятной скоростью пробежали макушки хвойных деревьев, затмевающих звездный небосвод.

— Что происходит? — еле выдохнула я, чувствуя, что обессилила настолько, что едва ли способна даже приподняться на локте.

— Лежи, девочка, не двигайся!

Лишь услышав голос Янтаря, я, наконец, распахнула глаза, прогоняя навязчивый сон.

Все мужчины бежали рядом с телегой, окружая ее. Вернее все, кроме Урагана, который был за извозчика в этот раз.

— Севернее тропы есть склон и гора, там есть берлога, сделанная в расщелине камня. Увезите туда телегу, — услышав голос Лютого так ясно и близко, я чуть не подскочила, пытаюсь увидеть его и понять с какой же стороны от телеги он бежит, — я уведу их на юг. Когда почувствуете, что дорога свобода, скорее идите к Черной горе, встретимся там!

Сердце истерично дрогнуло, заколотившись, пока смысл сказанного им наконец дошел до моей головы. Он собирался уводить врагов от нас?! ОДИН?!!!

— Я пойду с тобой! — прорычал Янтарь, лицо и торс которого я могла увидеть справа от себя. Мужчина бежал в такт тому, как неслась телега, глядя влево, и, повернувшись, я все-таки увидела Лютого, что бежал по левую сторону от телеги, глядя вперед своими

удивительными голубыми глазами. Как всегда холодный, отрешенный...как всегда красивый и невероятно недоступный.

— Не глупи! Оставайся со своей человеческой девчонкой, здесь ты больше нужен. Прежде чем пойдете до Черной горы, проверьте дорогу. Они могли разделиться....

Я не успела даже крикнуть, что я не принадлежу Янтарю! Или чтобы он не уходил! Или чтобы был осторожнее...потому что я задыхалась от паники, когда мужчина словно испарился в воздухе.

— Янтарь! — чувствуя, что слезы начинают катиться по холодным щекам, пискнула я отрывисто, не представляя, что сказать и как объяснить, что я чувствовала в этот момент.

Все они были так дороги мне. И я так боялась, что с кем-то из них может случиться беда.

— Ничего не бойся, девочка! Ты в безопасности!

— А он?...

Колючий ком застыл где-то в горле, когда Янтарь ничего не ответил, сжав губы в белую полоску и потерянно сверкнув своими солнечными глазами, в секунду обращаясь в медведя, который не сможет мне ответить.

Я не помню, как и когда мы очутились в той самой расщелине, о которой говорил Лютый, и, холодея от ужаса и паники, я прислушивалась к звукам в лесу, сожалея как никогда, что мой слух не был таким совершенным и острым, как у медведей. Я всматривалась в их большие морды, боясь увидеть в них боль и жажду мести за потерянного друга...в душе я уговаривала себя, что если Лютый смог убить сразу трех врагов, то сможет сделать это и сейчас...но что, если их было гораздо больше, чем три?...

Пещера была холодной и промозглой, но достаточно вместительной, чтобы там поместилась не только телега, но и пара огромных медведей, когда Янтарь, снова обратившись в человека, принялся закрывать проход ветками хвои и камнями, протянув мне пару веточек:

— Натрись ими, и веди себя очень тихо. Постарайся уснуть снова, ладно? Только не плачь...если я чувствую тебя, то смогут почувствовать и они, поэтому будь хорошей девочкой и послушай меня. Хвоя приглушит твой запах, поэтому натрись ею хорошенько, можешь даже пожевать хвоинки. Но вот твои слезы я ничем не могу приглушить...ты поняла меня?

— Да, я все сделаю.

— Я постараюсь помочь Лютому, но обещаю тебе вести себя, как мышка!

— Обещаю! А Туман и Ураган?...

— Они проверят дорогу до Черной горы, и вернуться за тобой. Если все чисто, то вы поедите туда и очень быстро...

— Но, Янтарь!.. — в панике я схватила его горячую ладонь, не в силах разжать свои окаменевшие пальцы, видя как он ласково улыбнулся, подмигнув, и касаясь кончиками пальцев моих мокрых щек:

— Все будет в порядке! На рассвете мы вернемся живые и здоровые! Мы не собираемся вступать в бой, мы всего лишь запудрим мозги тем медведям.

— Обещаешь?

— Конечно! Только тсссс, — прижав палец к моим губам, Янтарь снова улыбнулся, быстро покидая пещеру и нас с Севером.

Я не могла подвести их, поэтому, как можно быстрее выкарабкиваясь из телеги и от

тепла Севера, я неуклюже сползала на холодную землю, начиная отчаянно дрожать так, что стучали даже зубы. Быстро и прилагая свои последние силы, я натерла ветками елей сначала Севера, а потом и себя, стараясь не обращать внимания, как дрожат мои ноги и начинает кружиться голова... лежа под теплым боком Севера я чувствовала себя явно лучше.

— ...ты должен жить, Север... мне будет жаль, если мы не сможем познакомиться с тобой лично, но ты должен знать, что я... я прощаю тебя за смерть дедушки, какими бы причинами ты не руководствовался мне кажется, что ты не злой... не можешь быть злым...

Осторожно обхватив холодными ладонями его красивое лицо, и засомневавшись на секунду, я порывисто наклонилась, чуть касаясь губами горячих и таких мягких губ Севера.

Что бы не случилось, для меня он был тем, кого я нарисовала в своей голове. И он был идеален.

Это все была моя вина. Если бы я тогда поняла Севера сразу и убежала, возможно, и сам Север смог бы спастись и уйти от тех медведей, которые теперь преследовали нас, чтобы отомстить... не было бы драки у моего дома. Не было бы ранения Севера, из-за которого он был словно парализован. Не было бы ярости Лютого и убийства тех трех медведей. Не были бы сейчас в опасности все те, кто стал мне так дорог за последнее время... они заботились обо мне, а я? Я приносила одни лишь несчастья...

Мои последние силы ушли на то, чтобы попытаться укатить телегу с Севером в самый дальний угол пещеры. И то, что делали Янтарь или близнецы с такой легкостью, словно несли в зубах пушинку, у меня не получалось вовсе, как бы я не упиралась пятками в землю, усыпанную мелкими хвоинками.

Колеса телеги даже не сдвинулись с места, и обреченно сползая на землю, содрогаясь от холода, я могла надеется лишь на то, что если нас все-таки найдут враги, то им будет достаточно меня — как самой главной беды.

Пусть те звери растерзают меня, следуя своей мести за убитых братьев, но только бы они не тронули Севера... он был беззащитен, словно ребенок... и самым ужасным было осознавать, что во мне не достаточно сил даже для того, чтобы заползти обратно в телегу и обнять его, принимая смерть вместе, если это случится...

Сознание было словно песок, который проскальзывал сквозь пальцы, беспощадно убегая, как бы я не старалась его удержать, и запихивая веточку ели в рот, я заставляла себя ее жевать, сосредотачиваясь на этом, чтобы только не думать, где сейчас Лютый, Янтарь и близнецы... мне нельзя плакать.

Я обещала Янтарю сделать все, как он сказал...

Земля в пещере ужасно пахла... не только сыростью и мхом... здесь и правда когда-то обитал медведь, и явно не хватало свежего воздуха. Спасением была только это веточка ели в моих руках, которую я почти засунула в собственную ноздрю, лишь бы только легкие дышали чем-то кроме затхлого запаха темной коморки...

Как бы я хотела снова уткнуться в мощное плечо Севера...

Скоро тело перестало сотрясаться от крупной дрожи, продрогнув настолько, что я просто не чувствовала ног и рук. Холод забирал меня, вплетаясь льдинками в кровь, которая уже не грела, и даже не причиняла боль... и когда эти льдинки достигли головы, мир стал темной сырой ночью, без цветов, запахов и боли. Мир просто перестал существовать.

А потом появился Рай... или Ад? Вообще-то было не так важно, главное, что он нес в себе жар.

Жар, который обволакивал меня буквально со всех сторон, когда большие руки, сначала

подняли меня очень высоко, словно до самого неба, а затем осторожно опустили в глубины Ада, но этот Ад был таким теплым, надежным и желанным. Тело начинало возвращаться к жизни через боль и новый приступ безудержной дрожи.

Тепло вонзалось в вены острыми огненными иголками, которые прогоняли осколки льда из крови, заполняя собой меня изнутри. Даже сознание пыталось прийти в чувства, пока я пыталась собрать воедино картинку этого мира из вернувшихся запахов, ощущений и звуков.

Теперь я совершенно ясно слышала дыхание над собой... и аромат океана заполнял мои ноздри, который я вдыхала в себя с блаженством, прижимаясь всем телом к источнику тепла, который был во много раз больше меня, и на котором я бессовестно вся распласталась, чтобы скорее согреться.

Я прижималась холодной щекой к горячей коже подо мной, растопырив даже пальцы от блаженства, и в наглую засунув свои ноги между чьих-то ног, прижимаясь ступнями к икрам...или что там было? Я чувствовала тепло на собственной спине, когда горячие ладони скользнули под рубашку, глядя по моему позвоночнику вверх до самых плеч, и опускались вниз до ягодиц, а потом снова вверх и вниз...до тех пор, пока дрожь не прошла, и я погрузилась в крепкий спокойный сон, убаюканная стуком сердца под моим ухом и щекой.

— Спасибо, — сонно прошептала я, вытягиваясь на горячем теле, и шумно вдыхая в себя чудесный аромат океана, — спасибо...ты был мне так нужен....

Во сне я видела бескрайний океан. Его воды были спокойными, словно зеркало, но такими глубокими и почти черными. На берегах океана были огромные ледники. Они стояли, похожие на дозорные башни, созданные самой природой, а еще белые медведи... много — много белых медведей, которые образовывали группы, скалясь, и рыча друг на друга...

Кажется, я проснулась от движения под собой.

Было странно ощущать, как твоя кровать шевелится...еще страннее было увидеть, что под тобой совсем не кровать, а мускулистое тело, на котором ты растеклась, как у себя дома на удобном матрасе, практически уткнувшись носом в выпуклую накаченную мужскую грудь....

Еще страшнее было слышать приглушенные мужские голоса вокруг, когда твое лицо постепенно становилось цвета багрового заката и кровь начинала отчаянно пульсировать по всему телу от стыда...и полного шока, потому что океаном мог пахнуть только... ЛЮТЫЙ?!!!!

Если можно было случайно захлебнуться сердцем, потому что оно скакнуло в область горла, то я, кажется, только что это сделала, осторожно приподняв голову и встретившись взглядом с голубыми глазами, что смотрели на меня сквозь густые ресницы, кончики которых были немного светлее.

Позволяя мне мирно спать на нем черт знает сколько времени, он лежал нагло и вальяжно развалившись, и закинув одну руку за голову, наблюдая за мной и снова ничего не говоря.

Я. СПАЛА. НА. ОБНАЖЕННОМ. ЛЮТОМ.

Сердце пару раз жалобно икнуло и затрепыхалось, словно сумасшедшее, как бешенный мотылек, который не знал, куда ему нестись, потому что свет был везде, со всех сторон.

Голубые острые глаза чуть прищурились, опасно сверкнув, и я неловко уперлась руками по обе стороны от горячего огромного тела мужчины, не зная, как мне с него выбраться,

пролепетав нелепое:

— ...с добрым утром....

— Мия, проснулась наконец! — низкий голос Янтаря был веселый и радостный, как и голоса Тумана и Урагана, которые послышались с разных концов пещеры.

Лютый промолчал. Конечно же.

Пристально глядя на меня своими пронизывающими глазами, он буквально расщеплял меня на мелкие молекулы, каждая из которых металась и горела, пока я неловко сползала с его тела на трясущиеся ноги. Большого смущения в своей жизни я еще не испытывала, когда хрипло пробормотала ему, старательно отводя глаза и удивляясь, как на мне еще не запылали волосы от этого жгучего смущения:

-..прости...я...я думала, что это Янтарь....

— Я так и понял. — сухо прозвучал красивый голос, и, мои ноги никак не могли поднять меня с земли, когда мужчина ловко поднялся, как всегда совершенно бесшумно, а к моим ногам неожиданно упал бумажный пакет.

Такие пакеты обычно давали в кафе быстрого питания, когда ты брал много еды с собой...

Нахмурившись, я не моргая смотрела на этот пакет, начиная ощущать воющим желудком ароматы свежей булочки, жаренного мяса и прочих вкусностей, которые вряд ли можно найти среди дремучего векового леса, где и люди то вряд ли когда-то появлялись... это была какая-то шутка или я еще не проснулась?

— Что это?... — кажется, я даже охрипла от голода, чувствуя, как все внутренности внутри меня свились в один тугой комок от желания заполучить хоть что-нибудь...даже кедровую шишку, представляя, что это гамбургер.

— Кажется, ты и правда слишком долго прожила в лесу, — слышать насмешливый голос Лютого дважды за короткий промежуток времени было просто чем-то нереальным, как и видеть перед собой этот пакет. А главное ощущать его неземные ароматы свежей еды, — люди называют это фаст-фуд.

— Я...знаю, что это такое....но откуда?

Я попыталась поднять глаза, чтобы посмотреть на Лютого. Но делать это в положении сидя у земли, на огромного мужчину, который был явно выше двух метров ростом, было не самым лучшим решением, потому что взгляд обязательно наталкивался на. ой!!!! Большое такое ОЙ ЕЙ ЙЁЁЁЁЁЙ, когда твои щеки, лицо и все тело до самых кончиков волос опять начинало покрываться багровыми пятнами стыда.

— Разве есть какая-то разница, девочка? — смешливый голос Янтаря был совсем близко, но я больше не решалась смотреть вверх, пока не встану, — кушай скорее, тебе это нужно больше, чем кому-либо из нас.

Кажется, все мужчины звучно жевали. И как я сразу не почуяла этот аромат еды? Я была погружена в запах океана и собственного блаженства от обволакивающего тепла.

Сдержанно выдохнув, я все-таки осторожно поднялась на ноги, прошагав медленно до телеги, где продолжал спать странным пугающим сном Север, начиная вспоминать события прошлой ночи, которые буквально оглушили меня, словно ведро ледяной воды ранним холодным утром.

Резко повернувшись, я все-таки быстро осмотрела мужчин, которые, сидя на выступах камня, активно работали челюстями. Даже Лютого. Украдкой. Полагаясь лишь на то, что он стоял спиной ко мне, упираясь своими мощными руками в выход и всматриваясь вдаль

бескрайнего зеленого леса.

— С вами все в порядке?..

— Ага, давай ешь, и будем выдвигаться. Остались сутки пути.

Я вздрогнула, когда Лютый оттолкнувшись от камня руками, вышел из пещеры, тут же буквально растворившись в лесу, словно его никогда и не было рядом.

— Как вчера все прошло?... — посмотрев туда, где он только что стоял, я повернулась к Янтарию и близнецам, которые усиленно ели гамбургеры, потянувшись наконец за своей порцией, дрожащими от предвкушения пальцами.

— Нормально.

— И это всё?...

— Угу.

Никогда еще обычный вредный и с явными признаками ГМО гамбургер не был таким божественно вкусным! Едва не застонав от удовольствия, я пыталась смаковать каждый кусочек, на деле глотая куски большими порциями, отчего они чудом не застревали в горле. Я и подумать не могла, что так голодна, пока мой желудок не учуял вкус еды... такой вредной, но чертовски вкусной!

— Я все-равно не понимаю, откуда это все? — очевидно, что мужчины уже доедали свои порции, и, заглянув в пакет, я едва не лишилась чувств, увидев там еще двойную порцию картошки фри, салат в лепешке и даже сладкий пончик в белой шоколадной глазури с какой-то розовой посыпкой! Настоящий рай в этом темном дремучем лесу! Просто волшебство!

— Случайно наткнулся на группу туристов на юге, — голос Лютого донесся словно из самой мглы, когда его большая мощная фигура неожиданно появилась на пороге сна, и голубые глаза во второй раз за сегодня сверкнули ледяным пламенем, заставляя меня покрываться холодным потом, — убил и забрал еду.

Съеденный гамбургер комом застрял в глотке, когда я в ужасе уставилась на белокурого мужчину, который был словно волк в овечьей шкуре. То, что успело упасть в желудок, тоже взбунтовалось приступом тошноты, когда я судорожно прикрыла рот ладонью, часто задышав, чтобы меня не вырвало прямо на глазах у всех.

— Что?!.. — не знаю, как я еще умудрилась выдохнуть, уставившись в эти ледяные глаза, видя, как Лютый хищно улыбнулся, обнажив свои острые белоснежные клыки, словно специально проверяя меня на прочность, пока я старательно отгоняла от себя страшную картину того, как безвинные люди погибли от лап огромного хищника лишь потому, что ему вздумалось забрать еду!

— И кстати, я не голоден, хоть ты и не спросила. Перекусил теми туристами.

Когда в голове всплыли слова Янтаря о том, что Лютый предпочитает есть живое мясо, я поняла, что медленно оседаю на землю, пока яркие солнечные глаза не появились прямо передо мной.

— Ой, да прекрати уже ее пугать! — фыркнул Янтарь, словно речь шла о ком-то вроде полевых мышек, а не о группе убитых людей, — Кажется, ты сегодня в хорошем настроении, брат? Мия, успокойся, девочка! Лютый не ест людей, это во — первых! — горячие ладони мужчины легли мне на щеки, пока он придерживал меня за голову от падения в обморок и безудержной рвоты, — А во — вторых, это еда из ресторана быстрого питания. Пока мы шастали по лесу, Лютый сделал лишний круг и слетал до ближайшего населенного пункта в 400 км от нас....

Я усиленно моргала, стараясь уловить каждое слово, сказанное Янтарем.

— Слетал?!..

— Не в прямом смысле этого слова, — озорная улыбка Янтаря была теплой и родной, — просто он очень быстрый, вот о чем я хотел сказать. Успокоилась?...

Я смотрела в солнечные глаза Янтаря, нутром чувствуя, что тот говорит правду, когда, наконец, утвердительно кивнула, боясь даже покоситься в сторону Лютого, который продолжал подпирать собой край пещеры, ожидая, пока мы все соберемся в путь.

— Вот и славно. А теперь запрыгивай к Северу, придется тебе доедать по дороге, — усадив меня легко на телегу, Янтарь, как ни в чем не бывало, прошагал вперед, сладко потянувшись, раскинув свои большие руки, прежде чем обернулся в медведя, чтобы снова занять место лошадки.

Забравшись выше и усевшись так, чтобы упираться спиной в борт телеги, я осторожно укрыла Севера, который как обычно был горячим, но уже не сильнее, чем остальные, откинув с его лба черные волосы назад.

— Держись, Север, скоро мы будем на месте и там тебе обязательно помогут, — прошептала я, вытягивая ноги вдоль тела мужчины, но не забираясь под покрывало, — у меня к тебе столько вопросов, что ты просто обязан очнуться, слышишь?...

Положив пакет с едой в угол телеги, я пыталась снова уснуть. Или хотя бы сделать вид, что сплю, но в этот раз у меня ничего не получалось. И причиной этому отчасти был Лютый, который впервые шел с нами за столько дней и ночей, вышагивая рядом с Янтарем огромным белым медведем.

Он вызывал странное чувство паники.

Я одергивала себя, чтобы не коситься в его сторону каждую секунду, снова и снова думая о том, что под этим белым пушистым мехом скрывается восхитительное мощное тело истинного воина.

Черная гора была действительно черной, впрочем, как и все остальное в полной темноте очередной ночи, когда все четверо мужчин, словно по команде обернулись людьми, зашагав вперед, оставляя телегу со мной и Севером чуть поодаль.

— Сиди тихо, мы сейчас вернемся, — приглушенно проговорил Янтарь, отправляясь вслед за Лютым, который шел как всегда первым, возвышаясь над всеми и как обычно глядя только вперед. За прошедшие сутки, что он был рядом, в поле зрения, на меня он не посмотрел ни единого раза. Ни человеком, ни медведем...хотя я пялилась на него постоянно, не в силах даже уснуть, в ужасе прижимаясь к горячему телу Севера.

Приготовившись к очередному долгому ожиданию, и вытянувшись рядом с ним, я повернулась на бок, обняв его одной рукой, чтобы снова согреться, когда над нами появились зеленые глаза Тумана.

— Все в порядке, поехали, — улыбнулся мужчина, снова исчезнув из вида, когда обошел телегу, взяв руками вожжи и потащив ее вперед совершенно не напрягаясь, и отчего-то не оборачиваясь медведем снова.

Я села, с интересом оглядываясь по сторонами, когда сквозь толстые стволы пихт и елей, и очень пышные заросли какого-то кустарника, рассмотрела свет.

Скоро мы подъехали ближе, и нарисовались очертания милого небольшого домика, где вокруг крыльца, как всегда полукругом, стояли все воины-медведи, и слышался бодрый женский голос.

— ...в моем доме не хамить, не рычать и нагишом не ходить! Ясно, мальчики? Ваши адамовы плакаты — ибо сколько нужно листиков я даже думать не буду — слева от входа на тумбочке....

Я недоуменно улыбнулась, пытаясь рассмотреть бойкую отважную женщину, которая вот так запросто могла командовать этими огромными мужчинами, большая часть которых была звериной, а не человеческой.

Быстро слезая с телеги, я встала за спиной Янтаря, выглядывая из-за него, когда все мужчины согласно закивали на слова миниатюрной пожилой женщины с белой длинной косой, в белом фартуке и широкой юбке до самого пола. Ее морщинистое круглое лицо светилось материнской любовью и огромной добротой.

Закивали все, кроме Лютого, который лишь фыркнул.

Женщина погрозила ему маленьким пухлым пальцем, который был как минимум в два, а то и в три раза меньше клыков мужчины, на что он фыркнул опять, как всегда нагло и вальяжно прошагав в дом. Женщина сокрушено покачала головой, провожая глазами огромного Лютого, которому пришлось согнуться, чтобы просто войти за порог.

— Этот мальчишка никогда не изменится!

— Прости, что не предупредили о нашем визите, — Туман, склонился над маленькой женщиной, прижимаясь к ее макушке своей щекой, и она ласково похлопала его по лицу, подталкивая к дому:

— Можно подумать, что вы когда-то предупреждали! — увидев неожиданно меня за спиной Янтаря, ее глаза сначала удивленно округлились, заставив меня порядком смутиться, но когда женщина мягко рассмеялась, протягивая ко мне руки, я облегченно улыбнулась, —

Так с вами гостья? Иди ко мне скорее, дочка! Иди, я обниму тебя!

Я лишь шагнула вперед, тут же оказавшись в крепких объятиях милой женщины, чувствуя, как ее ладонь осторожно погладила меня по спине. Он нее приятно пахло домом, мамой и теплом. Молоком, какой-то сладкой выпечкой и истинной любовью.

В доме загремели кастрюли, когда женщина быстро выкрикнула:

— На кухне ничего не трогать! Сейчас я вас всех накормлю! Идем, дорогая...

— Вообще-то мы к тебе по делу, — голос Лютого даже сейчас был холодный и отрешенный, как и его скучающий холодный взгляд, когда мужчина склонился, прислонившись лбом к косяку и занимая своим огромным телом все пространство распахнутой двери, не давая нам войти, стоя при этом в доме, — Севера ранили и с ним что-то не так.

— Ранили? — женщина нахмурилась, оглядываясь по сторонам, продолжая при этом обнимать меня за талию.

— Он в телеге.

— Ураган, мальчик мой, — женщина смело прошагала вперед, увлекая меня за собой, не смотря на то, что мы не смогли бы пройти мимо большого Лютого, и уперлась в каменный пресс мужчины, отодвигая его в сторону. Не думаю, что его смог бы сдвинуть даже скорый поезд, забитый камнями и железобетонными плитами, но Лютый поддался, чуть отодвигаясь, чтобы мы могли проскользнуть внутрь, — принеси Севера в дом, и уложи его на кровать в комнате. А ты, — протолкнув меня вперед, женщина ткнула пальцем в живот Лютого, — оденься!

Почему я не удивилась, когда он в ответ снова лишь фыркнул, естественно и пальцем не пошевелив, чтобы исполнить просьбу.

Войдя в дом я увидела, что он оказался гораздо больше, чем был с улицы, но его потолок был слишком низкий для больших мужчин, которым приходилось передвигаться, опуская шею, чтобы не удариться об что-нибудь на потолке. Особенно тяжело в этом плане было Лютому, которому приходилось ходить полусогнувшись, и опустив голову почти к груди. Мужчины шныряли по дому уже что-то жуя, в забавном подобие короткой юбки с запахом, которая завязывалась на бедрах. Станный выбор одежды, но, по крайней мере, все самое необходимое было прикрыто, чему я была несказанно рада!

— Вы помыли руки? — когда женщина шустро и проворно влетела на кухню, принявшись разводить огонь и греметь сковородками и тарелками, я смущенно толкалась между кухней и комнатой, где на кресле развалился Лютый, впервые прикрыв свои удивительные голубые глаза.

Скоро Ураган занес Севера, уложив его в комнате, которая, кажется, была одной из спален, и женщина поспешила к нему, потянув меня за собой.

— Расскажешь мне, что с ним случилось?

— Конечно...

— Кстати я тетушка Зои, — женщина похлопала меня легко по руке, мягко улыбнувшись, когда я с улыбкой кивнула ей в ответ:

— Мия.

— Мия? — уже склонившись над Севером и приподняв край повязки, чтобы осмотреть его раны, тетушка Зои повернула доброе лицо ко мне, — Ты случаем не внучка Любомира?

— Да, вы знали моего дедушку? — в груди снова больно кольнуло при мысли о его скоропостижной кончине.

— Конечно, знала! Все Хранители леса знают друг друга...но почему ты говоришь в прошлом времени?...

— Дедушка мертв...

— О! — на секунду прижав ладонь к своей щеке, тетушка Зои потянулась ко мне, крепко обняв, — мне так жаль, деточка! Не плачь, будь сильной. Теперь ты займешь место своего деда?...

Быстро вытирая слезы, я всхлипнула, глядя в добрые карие глаза женщины:

— Я мало что понимаю...может вы сможете объяснить мне все потом? О Хранителях?

— Конечно, родная, конечно! Но давай сначала посмотрим, что творится с нашим Севером!..Итак, что с ним произошло? Я вижу, что раны практически зажили, и нет причин для паники.

Пока все мужчины были заняты жеванием булочек, а Лютый, откинувшись на кресле и вытянув свои длиннющие ноги почти на всю небольшую комнату, смотрел на нас сквозь ресницы, я быстро и запинаясь рассказала все тетушке Зои, начиная с того момента, как увидела Севера на поляне в облике медведя, не став вдаваться в подробности, что видела его еще пару дней назад до той трагедии, и что именно он убил моего деда...

Тетушка Зои внимательно слушала, изредка кивая головой, рассматривая зажившие раны Севера, вместо которых уже остались лишь розовые тонкие полоски, и в конце — концов повернула голову к мужчинам:

— С кем вы дрались? Это были Кадьяки?

Лютый отрывисто кивнул, не проронив ни единого звука, и не меняя своей позы на кресле, лишь переведя взгляд на меня, когда я попыталась украдкой на него покоситься. Украдкой не получилось, и я снова предательски покраснела, поспешно отводя глаза, и снова принявшись рассматривать то Севера на постели, то тетушку Зои.

— Я так и подумала... вы что-нибудь чувствуете? — женщина смотрела на четверых огромных братьев, которые перестали жевать, одновременно нахмурившись и начав принюхиваться, — в запахе Севера что-нибудь изменилось?

— Нет, — покачал головой Янтарь, подходя ближе и сверкая своими солнечными глазами. Туман и Ураган так же отрицательно покачали головами, когда тетушка обернулась к последнему из них:

— Лютый?

Я не была уверена, что он ответит, максимум просто покачает отрицательно головой, но голос мужчины, как всегда мягкий и при этом надменный заполнил все пространство комнаты, когда Лютый все-таки ответил медленно и задумчиво, словно подбирая слова:

— Сразу после ранения, когда рана была еще открытой, казалось, что он него пахнет чем-то...не знаю. Словно какой-то травой. Растением. Отдаленно напоминающим полынь, но это точно не она.

Все мужчины, и я вместе с ними, ошарашено уставились на Лютого, который продолжал валяться на кресле, с совершенно скучающим видом.

— Ты не можешь определить эту траву, потому что она не растет в наших краях, — тетушка хмурилась, когда повернулась к близнецам, — Туман, пойдти на кухню и поставь чайник. Нам нужно кое-что сварить...

— Так что с Севером? — усевшись на пол, у ног тетушки, я боялась услышать правду.

— Он парализован.

— Что?!.. — сердце испуганно провалилось куда-то в область желудка, заняв и

застонав.

— Это уловка Кадьяков с давних времен. На их территории растет ядовитая трава, которая способна вызывать медленную и мучительную смерть у того, в чью кровь она попадет. Кадьяки специально точили свои когти в этой траве перед битвами... — в этот раз нахмурился даже Лютый, подавшись вперед и переглянувшись с братьями, — Мия вычистила раны Севера, и поэтому он остался жив, но часть этого яда все-таки попала в его тело, поэтому он не может шевелиться, при том, что выглядит здоровым.

Страшно было спросить то, что вертелось в моей голове, заставляя меня дрожать от подступающей паники:

— ...это навсегда?...

— Конечно же нет! — фыркнула тетушка, — Я не дам каким-то Кадьякам испортить жизнь моему красивому мальчику! Не родился еще такой Кадьяк, который будет знать о травах больше меня!

Туман, что там у нас с водой?

— Почти закипает.

— Отлично, сейчас мы сварим чаек для нашего Севера. Не скажу, что он будет приятный на вкус, — тетушка Зои, ловко поднялась с края кровати, где сидела последнее время, быстро погладив по волосам Севера, — это даже хорошо, что ты не сможешь брыкаться и плевать, сынок. Братья помогут тебе выпить все, а через пару дней, когда ты придешь в себя, сможешь им за это отомстить!

Я осталась сидеть на полу, у кровати Севера, когда тетушка быстро прошла на кухню, начав доставать массу трав, которые она ловко отрывала в разных дозах, заваривая чай для Севера.

Не знаю, как на вкус, а запах у него был довольно приятный.

Я хотела прикоснуться к нему, чтобы показать, что я рядом, даже если на самом деле это для него ничего не значило, но стеснялась остальных, понимая, что это будет уже слишком...

— Сейчас он немного остынет, и мы начнем, — скоро тетушка вернулась в комнату, держа в руках глиняную кружку, от которой шел пар, — мальчики, не знаю как, но Север должен это выпить до последней капли.

Братья кивнули все одновременно с видом полным решимости, когда тетушка протянула небольшой, острый кинжал Лютому, чуть улыбнувшись ему:

— Нужно немного твоей крови.

Это смахивало на черную магию какую-то, и я ошарашено уставилась на женщину, видя, как та улыбнулась мне искренне и успокаивающе:

— У Лютого читая кровь, и очень сильная. Она поможет траве очистить кровь Севера.

Я все-равно не понимала, каким образом чья-то кровь в чужом теле способна помочь, но Лютый без колебаний взял кинжал, положив его на ладонь. Закрыв в кулак длинные пальцы, и одним быстрым резким движением дернул кинжал вниз, отчего я вздрогнула, словно ладонь порезали мне. Из пореза сразу же потекла багровая кровь, и тетушка лишь сокрушенно покачала головой:

— Я же сказала НЕМНОГО! Мог просто проколоть палец! — Лютый, как всегда промолчал, протянув окровавленную ладонь вперед, над кружкой с чаем, когда зеленое снадобье стало сначала розовым, а потом красным от крови, — Хватит, Лютый! А теперь марш на кухню мыть руку! Если запачкаешь мой любимый ковер, то я заставлю тебя его

отмывать!..

Если бы он сделал то, что ему говорили, завтра бы случился конец света. Воистину.

Но Армагеддону явно не бывать, потому что Лютый не потрудился даже фыркнуть, принявшись слизывать собственную кровь с ладони и пальцев, показывая кончики белоснежных острых клыков.

Я наблюдала за этим заворожено, отмечая со странным щемящим чувством внутри, какие у него белые и ровные зубы... даже эти клыки не пугали меня.

Его кровь не пугала меня и не вызывала тошноту. Все, что делал Лютый сейчас было наполнено каким-то скрытым эротизмом. Порочностью. Словно он наслаждался чем-то запретным, совершенно этого не стесняясь и готовый взять еще больше, если только захочет.

Я осторожно втянула воздух, когда голубые холодные глаза уставились прямо на меня, поверх его пальцев, с которых Лютый медленно и, смакуя, слизывал свою кровь, утыкаясь носом в ладонь.

Словно мелкие холодные мурашки забирались под мою кожу, заставляя меня дрожать.

— Если Мия упадет от страха в обморок, то я отгрызу тебе руку, — мило улыбнулся Янтарь, пристально наблюдающий за мной и Лютым, не понимая, что страха во мне не было.

Лютый лишь усмехнулся кончиком губ, продолжая свое занятие, пока рука не стала чистой.

Облизнув кровь с кончиков пальцев, а затем собственные губы, продолжая все это время смотреть прямо мне в глаза, он, наконец поднялся с кресла, снова пригнувшись, чтобы не удариться головой о потолок, направившись прямо ко мне.

Мысли о побеге не было. Я сидела, боясь шелохнуться, терзаемая ледяными мурашками, которые при приближении Лютого, начинали отчаянно таять, покрывая мое тело испариной. Распахнутыми глазами я смотрела на этого огромного мужчину, который не прерывал зрительный контакт, когда дошел до кровати, склонившись так, что ему пришлось округлить спину и мощные плечи... и наклоняясь над Севером:

— Давай сделаем это...

Я моргнула раз. И еще. Пыталась восстановить собственное дыхание, освобождая место у кровати остальным братьям, вдалбливая себе, что эти слова ко мне никак не относились. Только сердце все-равно стучало гулко и с большими перерывами. Животный магнетизм Лютого — штука странная и совершенно выбивающая из жизни!

Тетушка Зои хозяйничала на кухне, пока мужчины тихо переговаривались между собой.

— Может сначала сами попробуем этот чаек?...

— Ты предложил, ты и пробуй, Янтарь!..

Услышав странное отрывистое слово от него, я улыбнулась, когда тетушка грозно прокричала с кухни:

— ЯНТАРЬ!

— Прошу прощения! Я случайно!

Медвежьих ругательств на слух были забавными и мелодичными.

Кажется, он все-таки попробовал то, что было в кружке, потому что скоро бедолага Янтарь выли и корчился, рыча это слово снова, как минимум трижды под гогот своих братьев.

— Янтарь, что я говорила вам про правила в этом доме?!..

— Прости, тетушка, — прохрипел Янтарь, убегая на кухню, чтобы выпить воды, заесть ее медом, выпить чай из нормального чайника, заесть медом снова и все еще морщась

вернуться к своим братьям.

— Если он не умрет после этой гадости, то точно выживет...думаю паралич пройдет сразу, как только эта фигня попадает в его рот. Я бы отбивался даже с того света ей-богу....

Я не могла смотреть на то, как эти большие мужчины будут вливать в Севера что-то очень неприятное, быстро и как можно тише юркнув на кухню к тетушке Зои, где она колдовала над поздним ужином или очень ранним завтраком для вечно голодной компании.

— Они решились? — улыбалась мне женщина, протягивая румяную булочку, которых осталось только две.

— Да. Ради Севера они сделают все, что угодно.

— Они хорошие ребята, необычные в своем роде... — слыша шипение и ругань из комнаты, тетушка Зои чуть улыбнулась, крикнув им, — вы закончили?

— Да! И как долго ждать, когда очнется Север? — обеспокоенное лицо Тумана появилось из двери, и к счастью, больше мне не приходилось опускать глаза при виде вечно обнаженных больших тел, поскольку эта идея с юбочками была в высшей степени замечательной.

— День, два, может три, — тетушка снова вошла в комнату, и я следом за ней, только остановившись у самого порога, потому, что места было и так мало, и обнаженный Лютый совершенно не стеснялся своего вида, снова развалившись на кресле с чувством выполненного долга перед родиной.

— Что выводит яд из нашего тела? А, мальчики? — быстро прощмыгнув под локтями здоровенных мужчин, тетушка наконец добралась до Севера, вид которого кажется совершенно не изменился, и только его братья могли определить, что происходило с ним внутри, благодаря своему фантастическому нюху.

— Хорошая драка?..

— Кровь?..

— Много спиртного?..

— Правильно, мальчики, яд выводит пот, — легко рассмеялась женщина, принявшись укутывать Севера в несколько одеял, — поэтому, сегодня в доме будет очень жарко. Эти одеяла должны быть мокрыми насквозь, и не смей трогать Севера, пока я не скажу вам, что это можно делать!

Мужчины активно закивали головами. Все. Кроме Лютого, который почему-то смотрел на меня.

НА МЕНЯ!

Наверное Армагеддон завтра все-таки настанет!

Лед в его глазах переливался, словно взошло солнце, но взгляд не был...добрым, или каким-то приятным. Он смотрел так странно, словно решал для себя убить меня сейчас или подождать когда очнется Север. Должно быть, поэтому я сделала шаг назад, чувствуя, что снова начинаю покрываться мурашками, словно его взгляд был осязательным и материальным, посылая на мое тело колкий лед, который превращался в испарину....

Он хотел меня убить, а я не могла выбросить из головы ночь, когда спала на нем, вдыхая не кислород, а его тепло и аромат его тела.

Светлая бровь Лютого чуть изогнулась, пока он рассматривал меня, неожиданно резко поднявшись с кресла, и я заметила лишь острую усмешку, когда поспешно опустила взгляд в пол, видя снова его обнаженным во всем величии и красоте.

В моем теле не осталось ни одного нервного окончания, которое бы не звенело от

напряжения, когда перед моими глазами, обращенными в пол, появились босые ноги, и мягкий певучий, но такой холодный голос сладко и жестоко произнес над моей головой приглушенно:

— О чем бы ты не думала сейчас, не делай этого больше никогда.

Это было сродни тому, что получить удар в солнечное сплетение, когда воздух неожиданно исчезает, а в голове возникает щемящая пустота.

Что бы он не имел ввиду... говорил ли он о себе или Севере, но становилось совершенно очевидным, что это предупреждение было первым и последним.

— Что произошло? — тут же надо мной прозвучал обеспокоенный голос Янтаря, не успевшая еще хлопнуть дверь за Лютым, — он снова испугал тебя?...

Боже, я едва не плакала!!! Какая нелепость... разве кто-то говорил мне, что у меня могут быть какие-то отношения хоть с одним из них? Я сама себе все придумала и сама теперь мучилась... я не могла поднять голову и посмотреть в глаза Янтарю, боясь, что он снова все унюхает, если уже этого не сделал. Но пусть лучше он думает, что это страх...

— Нет, все в порядке. Я пойду на кухню, пока вы не покусили друг друга от голода.

Развернувшись, я вернулась в кухню, пока резкую смену моего настроения не заметили остальные, но Янтарь был верен себе, когда прошагал за мной, и стоило мне только остановиться, как он настойчиво развернул меня, приподнимая горячими ладонями мое лицо и заставляя смотреть в его солнечные глаза:

— Что с тобой происходит, девочка?...

Если бы только я это могла знать сама наверняка.

— Я очень устала... правда.

Янтарь лишь цыкнул, чуть покачав головой:

— Ложь.

-..и хочу спать...

— Ложь.

На секунду я закрыла глаза, буквально кожей чувствуя пристальный взгляд ярких глаз Янтаря.

— Я не знаю, что тебе сказать... я сама не понимаю, что со мной не так... не мучай меня, пожалуйста. Я расскажу тебе все, когда буду в состоянии сделать это...

В этот раз Янтарь не сказал, что это ложь, и, открыв глаза, я встретила с его обеспокоенным взглядом. Склонившись надо мной сильнее, и запрокидывая мою голову, мужчина приглушенно прошептал дрожащим от напряжения голосом:

— Лютый сделал что-то плохое тебе? То, чего я не знаю?...

— Нет, конечно же, нет! — я смотрела прямо в яркие глаза, положив свои ладони поверх рук мужчины, державших мое лицо. Больше всего на свете я боялась стать камнем раздора между братьями!

— Я просто хочу побыть одна... у меня не было такой возможности уже долгое время.

— Снова ложь, — красивые губы Янтаря улыбнулись, — ты не любишь одиночество и боишься его. Именно поэтому хотела умереть, оставшись без дедушки.

Он был прав. Но в этот раз одиночество мне не грозило, потому что в доме было много народу. Пожалуй, даже слишком много.

— Ты плохо знаешь меня, девочка. Для меня ты стала сестрой еще в то время, когда бесстрашно палила по врагам из оружия, защищая моего брата, и я не позволю тебе страдать в одиночестве.

Я улыбкунула, снова борясь со слезами, и прижимаясь к горячей ладони, от которой пахло медом и солнцем.

— Я знаю тебя достаточно, чтобы сказать, что ты самый упрямый из мужчин, — устало улыбкунула я ему, послушно вздыхая, — можно я просто полежу с Севером? Я не буду ему мешать, обещаю.

— Конечно, идем.

Подхватив меня на руки, словно я не весила совсем ничего, Янтарь внес меня в комнату, положив поверх многочисленных одеял, в которые был укутан Север, словно гусеничка в коконе.

— Мия присмотрит за братом, — кивнул он тетушке Зои, на что она лишь мягко улыбкунула, покачав головой в согласии, и вытягиваясь рядом с Севером, я думала о том, что эти два мужчины стали для меня неожиданно такими родными. Север — мой молчаливый слушатель, с которым я постоянно разговаривала. И Янтарь — мой герой защитник, который был готов кинуться даже на Лютого...

Закрыв глаза и обняв одной рукой Севера, даже сквозь тонну одеял ощущая его родной аромат земли и хвои, я, наконец расслабилась, прогоняя прочь все мысли, и стараясь безуспешно уснуть, потому что скоро меня окутал запах ледяного океана.

Не нужно было открывать глаза, чтобы понять, что Лютый вернулся в дом, снова заняв свое место на кресле, что стояло напротив кровати, где лежал Север и я, прижимающаяся к воину.

Мне казалось, что я ощущаю на коже его колкие холодные глаза, которые пытались меня ужалить, но даже тогда я не открывала глаз, прислушиваясь к ровному спокойному дыханию Севера.

Я поняла то, что мне сказали. И делала то, что должна была. Спать и не думать больше ни о чем. Сексуальном. Хищном.

Скоро в комнату вошли остальные, и завязался какой-то приглушенный разговор...

Я не пыталась вслушиваться и вникать в его суть, чувствуя, что в доме становится душно и жарко.

Но это были готовы терпеть абсолютно все, лишь бы Север скорее встал на ноги.

Кажется, скоро я даже задремала, убаюканная ровным размеренным дыханием Севера, когда услышала резкий глухой удар и последующее за ним грозное рычание.

Я не знаю, как и когда я научилась отличать, кто именно из медведей и как рычал.

Но знала наверняка, что это был Лютый.

Лишь чуть прикрыв глаза, чтобы посмотреть, что случилось сквозь ресницы, и не в коем случае не пляться снова на этого огромного ледяного мужчину, я увидела, как тот снова согнулся, вылетев из комнаты... по всей видимости он подскочил так быстро, что ударился головой об потолок?

— Брат, что случилось?!

Когда одновременно подскочили сразу все воины, я открыла глаза, приподнявшись на локте, чувствуя, как сердце начинает опасно колотиться в груди: неужели те другие медведи все-таки нашли нас? И теперь этот уютный дом и тетушка Зои тоже в опасности?!

Я уже не видела Лютого, но слышала его голос, который отчетливо прогремел, прежде чем входная дверь хлопнула и закрылась:

— Оставайтесь здесь, пока я не вернусь!

— Что происходит, эй!.. — Янтарь кинулся за ним, но скоро вернулся в дом, недовольно

бурча, и расхаживая кругами по кухне, где столпились Туман и Ураган.

— Вы чувствуете что-нибудь?

— Нет, а ты?

— Нет...но кажется Лютый что-то почувствовал или услышал...

Я слезла с кровати, как только могла тихо и осторожно, чтобы не потревожить сон Севера, поторопившись на кухню тоже, чтобы понять хоть что-нибудь.

— Мы снова в опасности?

— Нет, девочка, все в порядке, — Янтарь натянуто улыбнулся, чуть дернув бровью, — поблизости наших врагов нет. И не спрашивай меня, куда умчался этот сумасшедший, я сам ничего не понимаю.

— Мне нет до него дела, — тихо произнесла я, снова прошлепав до кровати и забравшись под бок Севера, еще до того, как три пары глаз воинов удивленно уставились на меня.

Скоро все успокоились и улеглись спать, но мой сон пропал.

Не знаю было ли это связано с тем, что Лютый снова исчез, и почему-то казалось, что он обязательно в опасности. Или с тем, что в доме было невыносимо жарко. Или потому что мужчины впервые за те три недели, что я их знаю, решили поспать, и теперь дружно храпели как январские медведи в берлоге. Но больше я не могла крутиться рядом с Севером, каждую минуту прислушиваясь к нему в ожидании, когда же он очнется, поэтому тихонько вылезла с кровати.

В доме было слишком жарко, мне нужен был воздух, поэтому я решила, что не случится ничего плохого, если я немного побуду на веранде, которая выглядела такой уютной и безопасной даже этой кромешной ночью.

Но стоило мне открыть дверь и высунуть голову на улицу, блаженно вдыхая свежий прохладный воздух, как в темноте тут же сверкнули янтарные глаза.

— Черт! — душа сделала резкий круговорот от груди к пяткам, вернувшись обратно, когда в темноте я наконец рассмотрела большую фигуру Янтаря, что сидел на ступеньках.

— Так меня еще никто определенно не называл! — послышался его приглушенный насмешливый голос, — что, правда, похож?

— Ты жутко напугал меня! — научившись фыркать у этих медведей, я стала делать это неосознанно, видя в темноте белозубую широкую улыбку, и осторожно закрывая за собой дверь.

— И правильно сделал, чтобы в следующий раз ты обязательно предупреждала нас, куда собралась идти.

— Я просто хотела подышать воздухом на веранде, — я подождала, по опыту зная, что сейчас Янтарь принюхивался, чтобы понять, не скрываю ли я чего, и лишь когда мужчина кивнул, сделала шаг вперед.

— Иди ко мне, Мия, — он откинул свою большую руку, освобождая место у его бока, куда я с благодарностью уселась, прижавшись к тому, кого тоже считала своим братом, — не хочу, чтобы ты замерзла...

— А я не прочь поморозиться, — улыбнулась я, все-таки приваливаясь к горячему боку Янтаря, чувствуя, как его крепкая большая рука, обнимает меня.

— Жар уходит быстрее, чем холод. Холод всегда сильнее, и страшнее, — хмыкнул Янтарь, закидывая мои ноги на свои колени, так чтобы мои ступни не касались земли, и его слова прозвучали, как жуткое пророчество...и почему я подумала о Севере... и Лютом.

Не знаю почему, но казалось, что о нем думал и Янтарь, притихнув и словно вслушиваясь к звукам леса, пока его яркие глаза смотрели в черноту ночи, где я не могла рассмотреть ничего.

— ...с ним все будет в порядке, — прошептала я, прижимаясь щекой к горячей груди Янтаря.

Мужчина лишь отрывисто кивнул, кажется не в силах ничего сказать в ответ, а я не знала, кого пытаюсь успокоить сильнее — себя или брата.

— Он постоянно так неожиданно срывается и пропадает?

Янтарь снова чуть дернул плечом, помолчав, прежде чем приглушенно ответил:

— Он считает, что несет ответственность за нас, наши жизни и нашу безопасность... а еще он может слышать то, чего мы не слышим. И чувствовать то, что мы не чувствуем.

— Потому что он полярный медведь?

— Потому что он чистокровный...в его жилах течет не просто чистая кровь наших предков, он прямой потомок древнего рода, потомок королей.

— Звучит устрашающе...и значит все-таки принц... — грустно хмыкнула я тихо, лишь покачав головой, когда Янтарь изогнул вопрошающе бровь, — нет, ничего. Просто мысли вслух.

— Устрашающе, это верно. Сложно описать силу, данную Лютому его кровью. Но все-таки он не всемогущ и не бессмертен...

Я сжала горячую ладонь Янтаря обеими руками, пытаюсь поддержать его... и себя. Потому что если переживал даже он, то я должна была уже метаться в панике...если бы только могла себе это позволить.

— Он ведь тогда растерзал тех медведей, сразу троих, и, кажется, даже особо не напрягался.

Янтарь снова молча кивнул, проговорив вслух то, что давно пугало меня в душе:

— Он силен. Гораздо сильнее нас всех вместе взятых...но врагов может быть не три, а тридцать...

Видимо почувствовав мою дрожь, Янтарь осторожно потер мое плечо горячей ладонью:

— Я знаю, что ты не замерзла...не переживай, еще не было такого, чтобы Лютый не вернулся.

Мы долго молчали, погружившись каждый в свои тяжелые мысли, когда я все-таки позволила себе спросить о том, что так давно и настойчиво мучило меня:

— Янтарь?...

— Мммм?...

— Кто вы все-таки такие?...

Мужчина выдохнул, улыбнувшись, и я была готова услышать очередную фразу о том, что я любопытное создание и лезу не в свое дело, но он ответил:

— Мы — берсерки. Слышала о таких когда-нибудь?

Мой мозг работал с такой скоростью, что, кажется, от головы должен был пойти пар. Я определенно знала это слово, возможно, слышала от дедушки, но это было слишком давно... либо не было вовсе.

— Возможно...но точно не могу вспомнить где, когда и при каких обстоятельствах.

— Берсерки были войнами-одиночками, которых отбирали и изначально тренировали отдельно от остального рода. Существовали закрытые общины, своего рода отшельники, у которых не было связи с остальным миром, и вся жизнь заключалась в войнах....

— Это случайно не те войны, которых кормили поганками, в качестве своеобразных наркотиков, чтобы они представляли себя животными и шли в бой без страха смерти?

Янтарь тихо рассмеялся, покачав головой:

— Это придумали люди позже, чтобы объяснить то, что не укладывалось в их головах.

— И вы не едите поганок?...

Мужчина снова рассмеялся, озорно изогнув бровь:

— Предпочитаем крепкое спиртное.

— Т.е вы действительно превращались в хищников во время боя?

— Как видишь, да. Легенды гласят, что часто этого было достаточно, чтобы враги пустились в бегство.

— Но ты ведь не хочешь сказать, что ты жил в веке так 12?!..

Когда Янтарь фыркнул, я отрывисто выдохнула, нервно почесав щеку и убрав прядки волос с лица.

— Мы живем немного дольше людей, но лишь потому, что в нас живет две сущности — человеческая и звериная.

— Ненамного — это лет на 300?..

Мужчина опять фыркнул:

— Нет, в среднем лет на 80.

— ...ну и на том спасибо....а почему вы все разные? Ну, Лютый — полярный медведь, ты — бурый.

— Так заведено природой, — чуть пожал плечом Янтарь, — люди ведь тоже не все одинаковые.

— Ты так говоришь, будто к людям не относишься...

— Так и есть. Мы не люди, и не звери, — вся веселость Янтаря пропала, когда он снова дернул плечом, но его яркие глаза все-равно погрустнели, — мы не принадлежим ни к одному роду. Мы сильнее людей из-за нашей силы...но и зверей тоже сильнее из-за человеческой природы. Мы чужды обоим мирам....в обоих мирах нас ненавидят и боятся. Страшно подумать, какой переполох начался бы в мире людей, узнай они о нас.... Поэтому мы обязаны убивать тех, кто все-таки вас увидел..

Как бы я не готовилась, а холодок прошелся по моему позвоночнику в осознание того, что я была первой в этом списке. Лютый не отступится от этого.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Это первое правило выживания нашего рода... — кажется, те же дурные мысли посетили и голову Янтаря, судя по тому, как он прижал меня к себе сильнее, обхватив своими руками и усаживая к себе на колени. Они не смогут помочь мне, даже если попытаются. Лютый сильнее их всех.

— ...я не боюсь смерти, Янтарь... — прошептала я ему, прижимаясь к его горячей коже, которая пахла уже так по родному. Я не обманывала.

— Она не грозит тебе, девочка, — я лишь тихо улыбнулась. Как бы упрямо не прозвучал голос мужчины, и я не умела понимать ложь или правду по запаху, но где-то нутром чувствовала, что Янтарь боится, потому что понимает, что рано или поздно этот день все-равно настанет. Он знал своего грозного холодного брата лучше меня.

— А как вы произошли? Что это было? Опыты? Магия? Ошибка генов?

— Я не знаю, — снова пожал плечом Янтарь.

— Не знаешь?..

— Неа. Разве, вы, люди, знаете, как ваш род появился на этом свете?

— Нууу, есть какие-то предположения...

— Обезьяны или инопланетяне? — усмехнулся мужчина, и я улыбнулась вместе с ним.

Мы снова молчали, пока я переваривала полученную информацию, чтобы собрать новую порцию вопросов, пока Янтарь был расположен на откровенную беседу, и не было Лютого, который оторвал бы голову нам обоим за разглашение таких сведений.

— А те медведи? Раз они тоже берсерки, почему они напали на Севера, и теперь гоняются за нами, пытаюсь отомстить тех своих братьев? Разве вы не одного рода?

Нахмурившись, Янтарь покачал отрицательно головой:

— Изначально берсеки были рождены, чтобы защищать определенные народы, в те времена, когда захваты чужих территорий, грабежи и убийства были нормой. Каждая линия берсерков занимала определенную территорию, и не выходила за ее границы. Пока войн было слишком много, нам не было дела до остальных линий...после того, как люди научились жить в мире и образовались границы государств, берсерки договорились, что останутся жить на своих территориях, даже если она не совпадала с границей государственной. И эти границы даны нам самой природой...как и в животном мире бурые медведи обитают только на определенной местности, так же как и прочие виды...

— Т.е вы не дружите семьями и в гости друг к другу не ходите?...

Янтарь хмуро усмехнулся, сверкнув яркими глазами, которые полыхали даже темной ночью:

— Что происходит в дикой природе, если гризли придет на территорию обитания бурых медведей?

Чувствуя, как в животе отчего-то образовывается пустота, и становится не по себе, я тихо ответила:

— Его убьют....как чужака, которому не рады....

Янтарь лишь пожал плечами, словно говоря: «Вот видишь! Ты сама все прекрасно знаешь!»

— Его не просто убьют, девочка. Его растерзают на мелкие части, которые потом будут разбросаны по всей границе, как показатель того, что будет с другими, кто посмеет сюда сунуться тоже.

Я тяжело сглотнула, пытаясь выбросить из головы образ Лютого, когда тот кромсал тех медведей в первый день нашего эпического знакомства, чувствуя, как в горлу снова подступает тошнота, и почему то совершенно не хотелось знать, куда же делить трупы трех огромных медведей.

Подожди- ка!

— Но ведь вы не принадлежите одной линии! Вы все из разных групп медведей!

Судя по тому, как напряглись широкие плечи Янтаря, кажется, эта тема была не слишком приятной для него...или она снова была запретной. Гораздо более запретной, чем все то, чем он уже поделился.

— ...по разным причинам мы не можем быть частью наших кровных линий... — скованно проговорил Янтарь, и, как бы не хотелось спросить, почему так вышло, казалось, что эта тема слишком болезненна, а причинять ему боль, я не хотела ни при каких обстоятельствах, — я знаю, что тебе интересно, но...

— Нет, все в порядке, я спокойно переживу не знание этого, — улыбнувшись, и заглянув в сияющие глаза Янтаря, я снова прижалась к его груди, уставившись в темный лес,

очертания которого просто сливались с темным небом, — Янтарь?...

— Да, неугомонное создание?

— И вы точно не едите людей?

Смех мужчины был низкий, звучный и красивый, когда он покачал головой:

— Никогда не пробовал, и не помню, чтобы кто-то из знакомых беров был любителем людей.

— И от полнолуния вы никак не зависите?...

— Ты же сама видела, что не зависим. И от поганок тоже, — озорно усмехнулся Янтарь, заставив меня тихо рассмеяться, — наркотики не принимаем, но выпить любим, как и вкусно покушать.

— Это я уже заметила...

Мы снова затихли, пока я умиротворенно слушала размеренное дыхание большого мужчины, окруженная его теплом и заботой, пока он не вздрогнул от моего визга:

— ЯНТАРЬ!

— О, Боги мои, что случилось?!!

— А ВАМПИРЫ???? Вампиры тоже есть????

От хохота Янтаря прекратился даже раскатистый храп Тумана и Урагана, и очевидно перепуганная пташка, с щекотанием улетела с насиженного места.

— Янтарь! Если я сейчас встану, то ты точно ляжешь! — прорычал из дома Туман под неумолкающий смех брата, который лишь протяжно выдохнул:

— Сладких снов там, братья!.. — лишь когда он смог перевести дыхание, но не прекращая широко улыбаться, наконец, приглушенно проговорил, — за свою жизнь не встречал ни одного, а надо чтобы были?

— Ну, просто я подумала, что раз есть какие-то легенды про оборотней, которые похожи по сути на вас, то может есть и вампиры? Ведь не зря же люди про них придумали?

— Вот кто придумал, у того видимо и нужно уточнить? — усмехнулся Янтарь, изогнув бровь.

Шел третий день, как Лютый исчез, растворившись в темноте, ничего никому не сказав.

Третий день, как Север все так же продолжал лежать, не шелохнувшись, даже после двух ночей ужасной жары в доме, мокрый от пота, словно был не в одеялах, а в ванне с водой...

Янтарь, Туман и Ураган метались между братом и верандой, постоянно напряженно прислушиваясь к звукам леса и своим ощущениям...а я прислушивалась к ним, боясь увидеть на их лицах то, что расскажет мне о беде с Лютым....

И лишь тетушка Зои стойко улыбалась и заставляла всех кушать, говорить и хоть как-то двигаться, не впадая в полное уныние. Следующую ночь парни спали на улице, растянувшись прямо на полу веранды, а тетушка Зои рассказывала мне о себе, своей жизни и тех, кого Беры называли Хранителями.

— ...по сути Хранители — это лесничие. Люди, которые обязаны знать и чтить лесные законы и помогать людям и животным выживать.

— Те нет никакой магии и особенного предназначения? — кажется, я была даже немного расстроена тем, что услышала, пытаюсь улыбаться на мягкий смех тетушки Зои.

— Конечно же нет, дочка! Ну, разве только можно назвать магией саму природу и то, что мы берем часть этой магии себе, собирая ее травы, корни и соцветия, пользу которых нельзя приуменьшить.

— И теперь я стала Хранителем нашей части леса?

— Ты можешь стать им, а можешь отказаться. Это не обязанность, а свободный выбор. Каждый из нас выбирал эту жизнь в лесу сам. Как и твой дедушка.

— Есть какой-то ритуал вхождения? Нужно как-то заявить, что теперь я Хранитель?

— Нет, ты просто продолжаешь делать то, что делал Хранитель до тебя — только и всего...ты хочешь этого, дочка?

Теплые мягкие ладони тетушки Зои опустились на мои руки, когда я, подумав, кивнула:

— Я родилась в лесу. Я прожила в лесу большую часть своей жизни...и не представляю себя нигде больше. У меня нет друзей среди людей. Среди НОРМАЛЬНЫХ людей, — я улыбкой покосилась на три больших тела, которые если и не спали, то очень неплохо притворялись, — вы так много знаете о них....

Тетушка Зои мягко улыбнулась, переведя взгляд теплых глаз на Беров:

— Мой покойный муж был одним из них. 40 лет назад он нашел двух подростков в лесу, ему подобных, которые никогда не знали людей и были совершенно дикими. Туман и Ураган выросли с нами и заменили нам сыновей. Возмужав, они столкнулись с Лютым, который стал их другом, опорой и главной защитой. Потом они нашли Янтаря и Севера. Эти мальчишки — удивительные. Никто среди Беров не стал бы образовывать свой клан из разных линий, которые между собой могут даже враждовать. А они стали друг другу братьями, даже если единая кровь не объединяет их...

Я долго думала над этими словами, когда лежала рядом с Севером, ожидая его первого движения.

Но прошла еще одна ночь, а он так и не пошевелился. Не моргнул. Не вздрогнул. Он просто продолжал дышать ровно и глубоко, пугая нас с каждым днем все сильнее и сильнее.

Надежды на его выздоровление таяли, словно ночной туман поутру....

— Может ему заварить еще раз тот чаек? — Янтарь сидел на кухне, вытянув ноги, через которые постоянно приходилось переступать, и занимая добрую половину пространства комнаты, доедая свой завтрак и нахмурившись глядя на Севера, по-прежнему завернутого в кокон очередных сухих одеял.

— Не нужно ему ничего давать, сынок. Вам просто нужно успокоиться и набраться терпения.

Голос тетушки Зои был добрым и твердым одновременно, так что перечить ей не позволяли себе даже эти большие мужчины.

Поджав губы, Янтарь снова откусил бутерброд размером с целую булку хлеба, когда его глаза неожиданно округлились, и он ринулся на улицу так быстро, что едва не вынес дверь, заставляя меня заикаться и покрываться холодным потом от ужаса...

Боже...только не это, пожалуйста!

Бросив все, что делала до этого, я побежала за Янтарем, прекрасно понимая, что не смогу его догнать даже если раздобуду мотоцикл. Сердце бешено стучало где-то под пяткой, и в душе звенела пустота, которая постепенно начинала заполняться жгучей обжигающей болью.

Туман и Ураган тоже выскочили на улицу, и, кусая губу, чтобы не разрыдаться, я застыла у порога, потому что из леса выходил Лютый.

Живой. Огромный. Красивый. Мощный, и как всегда отрешенный от всего. Длинные стройные ноги несли его вперед совершенно бесшумно, и голубые глаза ярко сияли, ловя солнечные лучи.

Чувствуя, как трясутся мои ноги и дрожат колени, я понимала, что должна была уйти сейчас же, но не могла, продолжая смотреть, как Янтарь и близнецы, подлетели к нему, буквально повиснув на своем огромном брате, обнимая его.

Лютый не улыбался и не говорил ничего на их радостные возгласы, лишь склонившись немного, и словно ожидая, когда закончится этот приступ братания, чтобы пойти дальше.

Теперь он шел в окружении своих улыбающихся братьев, не меняясь в лице, и глядя в мои глаза как всегда холодно и пронзительно, словно напоминая о том, что я снова делаю не то, что нужно.

Но мне нужна была эта минута, чтобы прийти в себя и поблагодарить мысленно бога, за то, что он вернулась целым и невредимым...к сожалению не растеряв свой ледяной нрав.

Я даже не почувствовала, как на порог вышла тетушка Зои, с улыбкой протягивая свои руки к Лютому, который на большое удивление, все-таки склонился, позволяя ей обнять себя и снова пронзительно глядя колкими глазами на меня.

— Слава Богам, ты вернулся, сынок, — тетушка Зои погладила Лютого по спине, позволяя ему выпрямиться в свой огромный полный рост.

— Я всегда возвращаюсь, если обещаю, — кивнул Лютый, отводя глаза от меня и кивая тетушке, — я бы перекусил чего-нибудь....

— Конечно, дорогой, сейчас все сделаем. Идем, девочка моя, — и, увлекаемая тетушкой Зои на кухню снова, я так и не смогла заставить себя сказать ему что-нибудь вроде «с возвращением». Или «Добро пожаловать». Или «мы рады, что ты снова с нами». Нет, последнее, я бы не сказала даже под смертельными пытками....хотя именно это было ближе всего к тому, что я чувствовала.

Очевидно, что мужчинам нужно было поговорить без свидетелей, когда они все уселись

прямо на земле у порога дома, не заметив лишь одной детали — окна кухни были открыты.

— Как Север? — от голоса Лютого за окном, по телу снова пронеслось стадо морозных мурашек.

— Так же.

— Выглядишь задумчивым, брат. Скажи, что случилось.

Лютый молчал какое-то время, прежде чем приглушенно заговорил:

— Кадьяки покинули свои края и идут организованными группами вперед...

— Хочешь сказать, что они послали целую армию за нами и Севером?...

— Думаю, что Север лишь предлог. Они не просто рыщут по лесу в поисках нас. Они убивают медведей, истребляют целые роды, смещая границу... скорее это похоже на захват земель... или новую битву...

— У Кадьяков есть собственный полуостров! Зачем им новые территории?!..

— Я не знаю, Янтарь... они прошли по землям Бурых, не оставляя в живых практически никого из вашего рода или медведей. Все павшие были растерзаны и разбросаны по единой линии, словно они отмечают свои новые границы...

Я вздрогнула, когда тетушка Зои выронила ложку, метнувшись на улицу.

— О чем ты говоришь, сынок?!

Потоптавшись на месте, я все-таки неуверенно двинулась вперед, остановившись в коридоре у входа так, чтобы не выходить из дома и лишней раз не мозолить глаза вечно недовольному Лютому, но при этом видеть всех собравшихся вместе.

Увидев тетушку на крыльце, Лютый злобно поджал губы, свирепо сдвинув брови, отчего я пустилась бы убежать, сломя голову, но тетушка Зои уперлась руками в бока, глядя прямо на ледяного Бера.

— Говорю о том, что не имеет отношения к людям, — наконец холодно произнес он, на что тетушка не моргнув, парировала:

— Я не просто человек, я — Хранитель моего леса, и все, что происходит в лесу, меня касается напрямую!

— Лес Бурых не твой лес, — еще более мрачнее отозвался Лютый, начиная подрагивать от ярости, но тетушку не пугало совершенно ничего, когда она вскинула голову, глядя прямо в его ледяные глаза.

— За лесом Бурых начинается МОЙ лес, сынок! И я должна знать, что происходит!

— Mam, успокойся... — приглушенно проговорил Туман, обернувшись на женщину, но та лишь отмахнулась, порывисто спустившись со ступенек, и приблизившись к мужчинам, которые как всегда сидели кругом.

— Значит Кадьяки вышли из своей территории и теперь убивают другие роды?...

Я затаила дыхание, в ужасе представляя, что может сделать Лютый с этой отважной женщиной, отчетливо понимая, что ее не спасут при желании даже ее сыновья и Янтарь, а вид у него был, прямо скажем, не совсем располагающий к беседе. Однако Лютый неожиданно кивнул, не дернувшись и не кинувшись в сторону тетушки Зои, плечи которой обессилено поникли.

— ...земли Бурых граничат с ними, и они попали под удар первыми....

Тетушка не спрашивала, но Лютый кивнул и в этот раз, неожиданно потянувшись к Янтарю и положив ладонь на широкое смуглое плечо своего брата:

— Мне жаль говорить это, брат, но твой вид истреблен практически полностью... два дня я был на территории Бурых и не встретил никого...

Могучая спина Янтаря напряглась, а его голова поникше опустилась вперед, отчего в моей душе защемило от тоски и боли... Янтарь потерял не просто свой род, однозначно, это коснулось и его семьи, не смотря на то, что он по каким-то причинам не мог быть с ней, оставаясь со своими не кровными братьями. Он не проронил ни слова в ответ, а я была готова разрыдаться, отчаянно борясь со своими слезами и желая броситься вперед, чтобы крепко обнять Янтаря, но, не обладая стойкостью и мужеством тетушки Зои, боясь Лютого, осталась в доме...

— Мы следующие... — тихо проговорил Туман, посмотрев на своего близнеца.

Тетушка встрепенулась, сделав то, что я могла только мечтать, когда подошла к Янтарю, крепко обняв его и прижимая голову огромного мужчины к своей груди, глядя при этом только на Лютого.

— Только твой народ способен остановить Кадьяков...

Холодные глаза Лютого сверкнули опасно и недобро, когда он приглушенно прорычал, дрожа от ярости:

— У меня нет народа!

— Только Полярные равны по силе Кадьякам и смогут отбросить их назад в свои земли!

— У. МЕНЯ. НЕТ. НАРОДА.

— Приди к ним, и он пойдет за тобой! — не унималась тетушка, когда даже я отступила в испуге назад, видя, как подскочил Лютый и его глаза буквально посерели от ярости, а из глотки вырвался оглушительный рев, от которого задребезжали стекла в доме:

— Мой народ изгнал меня!!!!

— Тебя изгнал не народ! — в тон ему грозно ответила тетушка, совершенно не боясь жуткой всепоглощающей ярости Лютого, от которого, кажется, сейчас должен был покрыться инеем целый лес! Янтарь и близнецы соскочили со своих мест, напряженно застыв, и не сводя глаз с Лютого.

— Но этот народ спокойно смотрел, как меня унижали и прогоняли прочь с земель!

Впервые я видела эмоции на лице Лютого. Впервые он не мог удержать себя на месте, отбросив маску холодности и безразличия, но он был воистину ужасен в своем гневе. Казалось, что он словно демон возмездия, который способен заморозить весь мир, превратив всех в немые безжизненные скульптуры. В какую превратилась я в ту самую секунду, когда его пылающие льдом ярости глаза неожиданно остановились на мне, словно именно я была сосредоточением всех его бед, о которых пока даже не могла догадываться...

Истерично икнув, сердце тут же продрогло и замерло, и я не могла сдвинуться с места, обуреваемая немим ужасом, когда Лютый шагнул вперед ко мне, прорычав своим страшным низким голосом:

— От тебя и твоего деда не было никакого толку! Ваши земли разорены и уничтожены! Ваши подопечные мертвы и растерзаны!..

Понимая, что начинаю задыхаться от рыданий, которые застряли где-то внутри, боясь прорваться мимо этого льда, я лишь открывала и закрывала рот, понимая, что скоро просто умру от недостатка кислорода.

— Она не виновата!! — тут же подскочил к проходу Янтарь, оцетинившись и неожиданно зарывав.

— Она...

— ОНА МОЯ!

От нового рыка, который прокатился под крышей домика с такой силой и мощью, что

под моими ногами задрожал пол, я закричала, закрывая уши руками. Меня трясло так, что я прикусила собственный язык, боясь им поперхнуться, слезы хлынули из глаз, словно лед был сломлен, видя, как через пелену, как вытянулось лицо Лютого, а за ним и Янтаря, которые смотрели вперед большими глазами.

— БРАТ! — ту же завопил Янтарь, отчего я снова вздрогнула, прижимаясь к стенке, когда его огромное тело пронеслось мимо меня с оглушительным топотом...а за ним пронеслись и близнецы, оставляя на пороге ошарашенного Лютого, который смотрел, не моргая вперед, кажется, на секунду растеряв свою ярость и ядовитый лед.

Прижимая дрожащие руки к груди, вытирая мокрые от слез слипающиеся ресницы, я почему-то растерянно застыла, наблюдая, как троица братьев радостно повисла...на стоящем в проеме между спальней и кухней Севере.

Он встал! Он очнулся!

Он не казался больным и изнеможенным, но мой рот раскрылся от удивления не поэтому.

И дело было даже не в том, что после всех воплей и ярости Лютого, Беры сейчас улыбались так искренне и счастливо, не смотря на ужасные новости и, по всей видимости, приближающуюся войну. А в том, что Север стоял, пригнувшись, глядя на меня своими полыхающими синими глазами и

...он был огромный!

И просто до неприличия красивый!

Лишь теперь я смогла оценить масштаб своей трагедии, потому что сердце предательски дрогнуло, пока я ошарашено рассматривала мужчину, которого, как мне казалось, знала очень хорошо...только это была всего лишь иллюзия и не больше.

И наблюдая, как он склоняется, обнимая своих братьев и кивая им, при этом не сводя своих пронзительных глаз с меня, я чувствовала, как мое сердце снова ускорят свой бег, подрагивая и захлебываясь. Он пугал и завораживал меня с одинаковой силой.

Когда в дом вошла тетушка Зои, в ее глазах были слезы счастья, и Северу пришлось согнуться почти пополам, когда она протянула свои руки к нему, обвивая его могучую шею.

— Сынок мой, мой красивый мальчик, я так рада, что ты вернулся к нам!

— Я тоже...

Это были первые слова, которые я услышала от Севера и я замерла, потому что его голос был столь же чистый, красивый и мужественный, как он сам. Низкий, гортанный, словно бархатный, он обволакивал своим тембром, заставляя колени подрагивать, а глаза округляться еще шире.

За три с лишним недели после ранения, его черные густые волосы заметно отросли и теперь вились крупными кудрями, опускаясь почти до плеч, а широкие скулы покрывала черная щетина, но глаза пронзали насквозь своей глубиной и какой-то ужасающей яркостью, словно они светились изнутри...такого я не видела до сих пор у его братьев.

Последним в дом прошагал Лютый, и все отошли, освобождая ему место рядом с братом, когда мужчины крепко обнялись, припав друг у другу лбами, и ничего не говоря.

— Не пропадай больше... — приглушенно произнес Лютый, и Север улыбнулся, отрывисто кивнув.

— Мия... — его голос удивительным образом завибрировал в воздухе и глаза снова

полыхнули, когда он расправил свои нереально широкие плечи, сделав шаг вперед, и оставляя всех глазеть на нас позади. Лишь сейчас я поняла, что он такой же высокий и нереально мощный, как и Лютый, а когда мужчина улыбнулся, протянув ко мне руки, я чуть не икнула, глядя на его четко выделяющиеся клыки.

Чистокровный!

Я судорожно сглотнула, глядя на его большие ладони и красивые длинные пальцы, которые часто сжимала в своих ладонях, перебирая их и массируя, боясь, что ему больно лежать в одном положении.

— Столько времени ты провела рядом со мной, бесстрашно поддерживая, и вот теперь ты испугалась.

Это не было вопросом, Беры чувствовали эмоции, а я смутилась, понимая, что начинаю краснеть при виде этого мужчины, который был таким близким и таким незнакомым одновременно. Я отчего-то испугалась его мощи и этих пронзительных глаз, которые смотрели на меня так странно и жадно...а еще его нескрываемого возбуждения.

— Даже не подойдешь и не обнимаешь меня, девочка? Это все еще я, твой Север...

Чувствуя себя просто ужасно смущенной и раздавленной любопытными, пристальными и недовольными взглядами остальных, я тяжело сглотнула, нерешительно шагнув вперед, глядя на руки Севера, протянутые ко мне, которые тут же подхватили меня, опалив своим жаром и обволакивая ароматом, к которому я так привыкла за это время.

Только теперь я почему-то не смогла расслабиться рядом с ним, и сердце заколотилось в груди, когда сильные большие руки обхватили меня, прижимая к мощной груди. Поверх плеча Севера, осторожно положив на них свои дрожащие ладони, я видела, как недовольно хмурится Лютый, прожигая нас своими ледяными глазами.

Кажется, нужно было что-то сказать, только мысли разбежались от меня, когда я смогла увидеть лицо Янтара, что недоуменно улыбался, тетушки Зои, которая была чему-то откровенно рада и даже тихонько хлопала в ладони, и Лютого, чьи глаза становились все злее и злее с каждой секундой, что я была в руках Севера.

— ...она не может быть твоей... — холодный резкий голос Лютого был словно осколок острого стекла.

Я сжалась от его злобного взгляда, и Север неспеша обернулся, осторожно поставив меня на пол и словно загораживая собой.

— Она моя. — просто повторил Север и лишь сейчас я поняла, что именно это он прорычал до этого так же сильно и грозно, как умел рычать, как мне казалось, только Лютый. В секунду кровь отхлынула от моего лица, сделав круг по телу и вернувшись обратно, словно ракета, заставив запылать щеки.

Боже, о чем они говорили? Все это звучало пугающе странно!

— Еще нет... — тихо и холодно произнес Лютый, на что Север лишь изогнул свою черную бровь, неожиданно усмехнувшись:

— Это легко исправить!

Почему-то я была уверена, что совершенно не хочу знать, каким образом это можно сделать, и липкий холодный пот выступил на моем лбу, когда Север повернулся ко мне снова, улыбнувшись странной загадочной улыбкой, и потягивая мне свою большую руку ладонью вверх в приглашающем любезном жесте...и все бы было не так пугающе, если бы не

его сверкающие глаза и выпирающая эрекция!

— Не глупи, Брат! — прогремел голос Лютого, который, кажется, снова начал терять свое терпение и его прозрачные светлые глаза снова превращались в жуткий серый туман, — Она не пойдет с нами дальше!

— Это решать не тебе, брат, — Север говорил спокойно, даже продолжая улыбаться, только свет в его глазах изменился, и воздух вокруг стал тяжелым, словно пронизанный грозой.

— Либо убей ее, либо оставь ее здесь!

В следующую секунду послышался оглушительный грохот, и я поняла, что кричу от ужаса, лишь когда в горле стало больно. Меня трясло так сильно, что стучали зубы и сквозь оседающую пыль в доме, наконец, стал виден проход, которые оставили за собой двое сцепившихся в схватке мужчин, выломавших не просто дверь с косяком, но и часть деревянной стены.

В облике мужчин Лютый и Север наносили друг другу страшные удары, отбрасывая далеко за пределы поляны, и от их столкновения в прямом смысле под ногами гудела земля! Битва титанов разворачивалась перед моими глазами, когда Север отбрасывал Лютого с оглушительным рычанием, что-то крича на непонятном языке, но Лютый упирался ногами в землю, оставляя за собой жуткие борозды буквально вспахивая лесную землю. И снова бросался на Севера с такой невероятной скоростью, что его тело становилось лишь размытым силуэтом в зеленой листве.

Это просто не могло происходить наяву!

Такая сила не может быть заключена в телах!

Страшно было представить, на что способны эти создания, когда брошенный Лютым Север с грохотом пролетел через поляну, врезавшись в деревья, которые просто повалились одно за другим, сломленные пополам. Никто не смог бы выжить после такого, но Север тут же вскочил, снова бросившись на Лютого...

И я закричала снова, захлебываясь от рыданий и не понимая, как такое может происходить наяву, оседая на пол и сотрясаясь от страха, чувствуя, как горячие руки подхватывают меня осторожно и бережно, прижимая к широкой груди.

— Все в порядке... — быстро зашептал Янтарь надо мной, — им это нужно....

— П-поубивают друг д-д-друга, — начиная заикаться, едва смогла проговорить я, боясь даже увидеть что-либо еще кроме широкой груди Бера, которая вздымалась и падала, упираясь в мою мокрую щеку.

— Нет! — краем глаза я видела, как тетушка Зои обхватила своими маленькими руками огромную руку Тумана, что дернулся вперед. Женщина тянула его обратно, что было сил, упираясь ногами в землю, — Нельзя! Сынок, стой! Они покалечат любого, кто приблизится! Просто дайте им время! Они все должны решить сами...

Когда раздался очередной оглушительный грохот, словно столкнулись две горы, я закричала, закрывая уши руками и кусая губы, чтобы не выть от рыданий, чувствуя, как отчаянно колотится в груди сердце Янтаря, словно кто-то бешено бил в огромный бубен внутри его тела, и слыша этот отчаянный сильный звук, я понимала, что происходящее не было нормальным!..

Неожиданно стало тихо... и лишь мои всхлипы и колотящее сердце Янтаря нарушали

тишину.

Боясь оглянуться и понять, что произошло что-то страшное, я прислушивалась к звукам, понимая, что перестали даже петь пташки в ветвях...

Слишком тихо. Слишком страшно...но я оглянулась, вцепившись руками в плечо Янтаря, видя как Север опустился на колени, склонив свою голову перед Лютым и тихо произнес:

— ...брат. Ты мой брат. И я прошу тебя принять мой выбор и не стоять на моем пути....как я никогда не встану на дороге между тобой и твоей женщиной, кем бы она ни была.

Север признавал свое поражение?...

Только глядя на двух огромных мужчин, чья сила просто не укладывалась в рамки разумного, едва ли могло показаться, что кто-то из них способен уступить.

Они оба тяжело дышали и были ранены, но при этом все еще полны сил...и твердости духа.

Лишь странная одобряющая улыбка на губах тетушки Зои говорила о том, что Север делает что-то, что едва ли походило на преклонение и признание силы Лютого над собой.

Беры просто замерли, затаив дыхание, когда я повернулась сильнее, пытаюсь увидеть Лютого, на лице которого неожиданно появилась масса эмоций...

Он просто не был похож на себя в этом метании, где была отчетливо видна боль, гордость, но при этом любовь и полное доверие к своим братьям. Ему было это неприятно, но, чуть качнувшись, Лютый неожиданно сделал пару резких шагов к Северу, который по прежнему не менял своей позы, даже не подняв головы, и я испугалась того, что сейчас Лютый сделает что-то плохое, а Север даже не попытается защитить себя, дернувшись в руках Янтаря, словно смогла бы спасти Севера...

Но белокурый Бер тяжело рухнул на землю, повторив позу Севера и прикоснувшись лбом ко лбу своего черноволосого брата, приглушенно прошептал чуть охрипшим голосом:

— ...ты мой брат. И я принимаю твой выбор. Я никогда не встану на пути между тобой и твоей женщиной, кем бы она ни была....

— Черт, чуть сердце не остановилось, — тяжело и облегченно выдохнул Янтарь и его мощные плечи расслабились под моими все еще дрожащими ладонями, но моя дрожь не прошла и даже тогда, когда довольные и счастливые Туман и Ураган, ринулись к Северу и Лютому, поднимая их с колен и крепко обнимая.

Тетушка Зои тихо смеялась, качая головой и глядя на приближающихся мужчин:

— Я так горжусь вами, мальчики мои! — Северу и Лютому снова пришлось согнуться пополам, чтобы маленькая женщина крепко обняла их обоих за шеи, звонко поцеловав в щеки, и, изогнув бровь, добавила, — Инструменты в подсобке, и чтобы к ночи дом был в своем первоначальном виде без этой дыры в пол стены и с дверью! Пока не сделаете, ужин не получите!

Тяжело опустившись на ступеньки, словно у него не осталось сил, Лютый, как всегда, демонстративно фыркнул, явно давая понять, что не собирается принимать в этом деле никакого участия, пока Туман, шипя и ругаясь, поплелся куда-то вслед за ноющим Ураганом,

вопящим почему они должны делать то, что не ломали.

Могучая грудь Янтаря затряслась от смеха, когда тетушка Зои принялась вытирать своим белоснежным передником кровь с лица отмахивающегося Лютого, и, вытирая слезы, я тихо прошептала, все-таки еще содрогаясь от всхлипываний:

— ...и что это все означает?...

— Означает, что ты можешь дальше идти с нами, Лютый согласился — широко улыбнулся Янтарь в ответ, склонив свою голову ко мне, и его каштановые волосы светлые на кончиках, защекотали мои щеки. Кажется, я сама не понимала, хочу ли я после всего увиденного идти с ними куда-нибудь...больше всего меня тревожило другое, что я выдавила еще тише:

— ...а о какой женщине шла речь?...

В душе затаились подозрения, которые я была не в состоянии озвучить даже себе сама.

Все это было слишком непривычно и совершенно неправильно...и это не могло быть правдой!

Я вздрогнула, когда перед нами появился Север, чуть улыбаясь и вытирая кровь с ладоней, чтобы протянуть руку ко мне в приглашающем жесте.

— Идем, Мия.

Первым желанием было вцепиться в Янтаря, чтобы никто и никогда не смог бы вытащить меня из его рук, но мужчина осторожно поставил меня на ноги, сделав шаг назад и улыбаясь Северу, как мне показалось, немного тревожно.

— Будь осторожнее, брат.

Север кивнул, снова переведя глаза на меня... свои странные жуткие глаза, внутри которых горел синий свет. Словно в его мозгах на уровне глаз были прожекторы, которые бывают у машин, что включают ночью, освещая себе путь...почему эти глазные фары горели только у него и были выключены у остальных Беров?

Я нерешительно покосилась на Янтаря, нутром чувствуя, что все это неспроста, но спросить напрямую, что здесь, мать их, происходит, и каким образом в этом замешана я, было вроде как — то неприлично... и страшно. Страшно, что мои домыслы, могли оказаться правдой.

— Нам нужно поговорить, — выдавила я сипло, глядя в странные глаза Севера, который пугал меня все сильнее и сильнее, словно пытаюсь донести до него, что мы будем говорить и только...и он кивнул, чуть улыбнувшись, и сам взяв меня за руку, подчеркнуто осторожно и мягко, повел за собой прочь от полуразрушенного домика и остальных Беров, которые собрались у входа, принявшись орудовать топорами и пилами, чтобы заработать себе ужин.

— Куда мы идем? — осторожно выдавила я, шагая за огромным мужчиной, которому не доставала макушкой даже до груди, боясь вырвать свою руку из его большой горячей ладони, когда за нашими спинами стихли звуки стучащих молотков и голоса его братьев.

— Вперед, — просто улыбнулся Север, бросив на меня сверху свой синий взгляд, продолжая шагать. Он не делал резких движений, не пытался прикоснуться ко мне, и вел себя, прямо скажем, тихо и спокойно, просто медленно шагая своими длинными обнаженными ногами, и давая мне возможность следовать за ним, хотя, я прекрасно понимала, что такой темп ходьбы был ему навязан, как если бы гепард гулял с черепашкой.

— Мы что-то ищем?

— Идем общаться, — очередная улыбка и пронзительный взгляд, от которого мое сердце сначала замирало, а потом начинало бешено колотиться. Да, он был чертовски

красивый, и мощный...и невысказанно сильный...и смотрел так странно....что все вместе это пугало до чертиков!

— Зачем так далеко?..

— Чтобы нам не мешали.

— А мы не заблудимся?...

Север хохотнул, а я покраснела, понимая, что вообще веду себя глупо...но как-то не получалось вести себя нормально и пользоваться разумом на полную катушку, когда тебя ведет в неизвестном направлении огромный, бешено сильный и чертовски красивый мужчина, который при этом совершенно голый и до неприличия возбужденный, куда-то в дебри незнакомого леса. Общаться!

Споткнувшись в очередной раз о какую-то кочку, я бы полетела вперед, бороздя носом лесные просторы, которые обязательно забились бы в ноздри, если бы не руки Севера, которые подхватили меня быстро и ловко, неожиданно подняв вверх и прижав к себе.

Не успев даже перепугаться от падения и моргнуть, я уже сидела на согнутой руке Севера, поддерживаемая за попу, словно мне было года 3, а мужчина спокойно и безмолвно продолжал идти вперед, как ни в чем не бывало.

— Тебе не тяжело? — как то нелепо пробормотала я, не зная, куда мне деть свои руки....не за шею же его обнимать?!..видя очередную очаровательную улыбку и кончики острых белоснежных клыков, — очередной глупый вопрос, да?

— Угу.

Так мы шли еще какое-то время. Ну как «шли»? Север бодро вышагивал, не сбавляя темпа, а я восседала на его руке, даже через джинсы ощущая, какая горячая у него кожа, и какие крепкие мышцы, аккуратно положив обе ладони на ближайшее к себе плечо, так и не придумав куда их деть еще.

— Нравится здесь? — неожиданно спросил Север, остановившись посреди небольшой поляны, окруженной глухими лесами, где был аккуратный ровный, словно срубленный пень многовекового дерева, парочка поваленных деревьев и большая ель, которая росла прямо в центре этой поляны.

— Ну....да....

Под ногами был невероятно мягкий мох, но я коснулась босыми ступнями его лишь на секунду, когда Север опустил меня, тут же усадив на пень, и опустившись на колени передо мной, даже в таком положении возвышаясь над моей головой.

— Почему ты боишься меня?

Я ошарашено моргнула, видя перед собой его лицо так близко...слишком близко. И сердце снова сделало громкое ИК, потом замерло и решило убежать...только сделать это дальше колени никак не получалось. Стараясь отогнать от себя мысли о том, что приличия ради мужчины не должны сидеть так близко, дышать так горячо, и касаться раскрытыми ладонями моих бедер, я смотрела в его синющие глаза, отмечая, словно в бреду, что у него шикарные черные ресницы...такие длинные и пушистые....и губы красивые.

— Мия?..

..не боюсь... — и если бы не сиплый голос и сжатые кулаки, я бы наверное даже смогла себе поверить, только Север снова улыбнулся, подавшись вперед и выдохнув вкусным обжигающим дыханием на мои губы:

— Лоооожь...

Чертовы Беры и их способности учуять эмоции! Меня дико смущало его красивое лицо, что было так близко и невозможность отодвинуться подальше, потому что его руки обвивали не только мои бедра и зад в целом, словно я была в кольце.

— Из-за чего у тебя глаза светятся? — нелепо пролепетала я, теряясь оттого, что он просто молчал и смотрел на меня.

— Из-за тебя.

— А... — сделав вид, что это в порядке вещей и я все поняла, я бы очень хотела сжать колени, если бы между них не сидел Север. Черт, он был везде...и его было слишком много для меня!

— Не понимаю... — вдруг заговорил он, — почти месяц ты была рядом со мной каждую минуту моей жизни, поддерживая меня и не давая сойти с ума в своем одиночестве внутри парализованного тела. Ты касалась меня... — вспоминая, как я спала под боком Севера совершенно бессовестно прижимаясь, я сразу же покраснела, пытаюсь рассмотреть узор на джинсах, которого не было, думая, что скоро они задымятся от моего позора, — обнимала...прикасалась к моей коже... — его ладони сжали мои бедра, чуть сдвинув вперед к себе, и снова его дыхание отчетливо ощущалось на моем горящем лице, — ты поцеловала меня в той берлоге, Мия....

Едва не задохнувшись от стыда и того, что Север все это не просто знал, а ЧУВСТВОВАЛ все время, я попыталась снова отодвинуться назад, но его руки держали меня слишком крепко, не давая мне свободного пространства, где не было бы его.

— Я случайно.... - боже, какое глупое оправдание!

— Хочешь сказать, что не хотела этого?

Усиленно замотав головой, я услышала очередной смешок и протяжное, почти мурлыкающее:

— Лоооооожь.... А теперь, когда я рядом, могу говорить с тобой, и могу тебя касаться в ответ, ты вдруг испугалась...

— ...просто ты очень большой, — очередной нелепый ответ, и очень хотелось добавить, что большой ВЕЗДЕ, но отчасти это все-таки было правдой. В купе со всем остальным сложно чувствовать себя мирно и спокойно рядом с мужчиной, который способен рычать с силой реактивного двигателя.

— Кажется, я должен воспринимать это, как комплимент? — усмехнулся Север надо мной и снова его ладони сжали мои бедра, заставляя меня краснеть и покрываться потом.

Ведь мы пришли сюда, чтобы общаться, да? только это общение как-то было слишком... интимным.

— Почему ты убил моего дедушку? — тихо проговорила я, почувствовав, как Север дрогнул, осторожно отпуская меня и поднимаясь на ноги.

Так — то лучше!

С этой секунды мы будем вести правильные разговоры! От которых можно дышать ровно и соображать хотя бы частично.... А еще этот вопрос мучил меня так долго, что я просто не могла промолчать.

Север прошел до сваленного дерева, усевшись на него, и, я была несказанно рада, что теперь перед моими глазами то и дело не мелькала его внушительная эрекция, и голый

упругий зад, на который я все-таки, признаюсь, пялилась по — страшному, пока он до этого дерева шел.

— Прости, у меня не было иного выбора... — приглушенно заговорил Север, не глядя мне в глаза и выглядя очень расстроенным, — когда я нашел вас, было слишком поздно... четверо ждали меня в засаде, и в тот момент, что я смог добраться до вас, то был ранен, и яд уже начал действовать. Я не смог отразить удар троих...мне очень жаль....

Склонив голову, Север какое-то время молчал, и его широченные мощные плечи поникли, пока я едва могла дышать, вспоминая день, когда потеряла своего единственного родного человека, но теперь видя его совершенно иначе. Север искал нас и пытался спасти, но был ранен. Теперь я знала про яд Кадьяков и то, как страшно и быстро он действует...

— Единственное, что я мог сделать в той ситуации — это свести его боль до минимума... — голос Севера дрогнул, когда он тяжело поднял свою голову, посмотрев прямо в мои глаза, и в его удивительной святящейся синеве расплескалась боль и стыд, — Если бы Кадьяки добрались до твоего деда, он умирал бы страшной смертью в пытках и агонии. Я убил его быстро и безболезненно...прости...

Я смогла лишь кивнуть в ответ, пытаясь бороться с душившими меня слезами.

— В тот день, на поляне, ты сказала, что ты не можешь похоронить его...твой дедушка похоронен у старого дуба, Мия. Когда мы сможем вернуться, я покажу тебе это место...

Север снова замолчал, тяжело проведя широкими ладонями по своему лицу и на секунду закрыв глаза, прежде снова заговорил:

— Я надеялся, что после увиденного, ты убежишь в город людей...но ты осталась и пошла в ваш лесной дом.... — Север сокрушенно покачал головой.

— Там, на поляне, ты пытался прогнать меня? — вытирая слезы, я чуть улыбнулась, вспоминая, как огромный медведь бодался и стучал своим носом по моей макушке.

— Да, я знал, что враги уже близко, и едва мог стоять от яда в моей крови, но ты оказалась очень упрямой...и такой смелой, — Север грустно улыбнулся.

— Почему Кадьяки убили моего деда?...

Север нахмурился, чуть дернув своим плечом, и на секунду задумался, словно не в силах решить, стоит ли мне говорить это или нет, глядя на меня так пронзительно и серьезно.

— Хранители как связь миров. Они живут на границе двух жизней между людьми и животными. Беры не могут пойти в человеческую больницу, если происходит то, на что они сами повлиять не способны. Не могут сделать самостоятельно какие-то вещи, доступные людям в их мире...Берам запрещен вход в мир людей. О нас не должны знать. У нас есть только Хранители с их знаниями, их совестью и законом...без своего Хранителя род считается словно обезглавленным.

Вспоминая слова тетушки Зои о том, что территория Бурых лежит ближе всех к Кадьякам и они пострадали вперед всех, я содрогнулась, начиная понимать хоть что-нибудь.

— Дедушка был Хранителем рода Бурых?...

Север молча кивнул, глядя на меня все так же пронзительно.

— А почему они охотились за мной?...

— Ты была единственным потомком Хранителя и могла занять его место.

И я займу его! Теперь я понимала это отчетливо и была настроена решительно. Я не оставлю свой лес и род Бурых, даже если их осталось очень мало. Боже, пока мы были здесь

Кадьяки шли вперед, каждый день убивая все больше и больше жителей лесов, отчего тошнота подступила к горлу и Север, шевельнулся на своем месте, словно готовый броситься ко мне.

— Зачем они делают это, Север? Зачем они начали убивать остальных?...

Вопрос был скорее риторическим, ведь я слышала разговор Лютого и тетушки, сделав вывод лишь о том, что им нужны новые земли.

— Кадьяки очень кровожадный род... — тихо проговорил Север, отводя глаза от меня и немного помолчав, снова поднял их, чуть прищурившись и так же тихо добавив, — ...там в берлоге ты сказала, что прощаешь меня за смерть своего деда, это так?...

Его большое тело напряглось в ожидании ответа, а я прислушивалась к себе, зная, что он почувствует ложь, когда, наконец, медленно кивнула:

— Да, Север, это так...

Мужчина лучезарно улыбнулся, и снова его глаза сверкнули, излучая этот синий свет, а тело как-то напряглось и собралось, словно для прыжка.

— Я не хочу пугать тебя....

Поздно. Я уже боялась. А теперь, когда он поднялся с дерева и выпрямился во весь свой огромный рост, играя упругими мышцами, что перекатывались плавно под его кожей, и, не скрывая больше своей огромной эрекции, я почувствовала, как на лбу выступил холодный пот.

Север двинулся ко мне осторожно, при этом напоминая крадущегося зверя.

Минуточку.

Он и был зверем. Огромным. Чистокровным.

Не знаю, что заставило меня подняться с насиженного места, ища спасения от его приближения.

И, тяжело сглотнув, я отступила назад, видя его синие глаза, которые словно светились каким — то внутренним жаром, играя отблесками на черных ресницах.

Проклиная его рост и огромное тело, я шагнула назад еще, чувствуя, что краснею с каждой секундой все сильнее по мере того, как он приближался, даже если смотрела исключительно на землю под ногами. И когда перед моими глазами на мягком мху, появились его босые ноги, а жар огромного тела ощущался, словно я стояла у самого костра, я поняла, что пути назад уже просто нет....

—посмотри на меня, Мия....

Тяжело сглотнув, я зажмурилась, поднимая осторожно голову, чтобы снова случайно не наткнуться на его обнаженность, и распахнула ресницы лишь тогда, когда моя шея была задрана до предела. Север нависал надо мной, буровя своими синими глазами, в которых словно полыхали языки пламени.

—когда-нибудь видела, как занимаются сексом животные?

Я тяжело сглотнула снова.

Станный вопрос для светской беседы...

Шея уже начинала ныть в положении максимального запрокидывая, но это мало беспокоило меня, потому что Север сделал еще один шаг вперед, кажется, очень медленно для него и подчеркнуто аккуратно для меня, положив свои большие горячие ладони на мои плечи и разворачивая спиной к себе.

Оказавшись лицом к коре дерева, я закусила губу, предательски вздрогнув, когда ладони Севера, осторожно касаясь, плавно опустились вниз по моим рукам...бокам...внешней части бедер. И его красивый глубокий голос приглушенно выдохнул:

— Ну так что?...

Помня о том, что Беры способны чувствовать ложь, я отрывисто кивнула:

— ...да...

Почувствовав, как на моем затылке зашевелились волосы от его дыхания, и жар от мощной груди зацепил кожу на спине даже сквозь рубашку, я поняла, что мои колени задрожали.

— Кого видела?

Его голос был такой тянущий и сладкий, словно убаюкивающий или мурлыкающей, только я не могла расслабиться и утонуть в неге, когда его ладони снова опустились на мое тело, напористо скользнув на внутреннюю часть бедер, заставляя раздвинуть ноги и встать в позу для обыска.

— Ббб-рундучки...

Над головой раздался смешок и ладони на секунду остановились, а затем продолжили свой неумолимый путь, пройдя по ягодицам, поднявшись вверх на талию и замерев на моем напряженном животе.

— И как тебе?

— Что?....

— Брундучки.

Я боялась лишней раз выдохнуть, начиная мелко дрожать, раздираемая между паникой и какими то странными чувствами, когда длинные сильные пальцы Севера приподняли

Умолять было бесполезно. Дело было не в разговоре, и видимо у Беров секс называется миленько и нестрашненько "пообщаться"... как только было объяснить, что я не готова? Я не смогу....

Размышляя над необратимым, я кусала губы, слыша, как Север издал странный грудной протяжный звук, от которого по телу пронеслось стадо бешенных мурашек, повиснув где-то на кончиках волос и нервных окончаний...и заставив свести колени, потому что горячие пальцы проскользнули внутрь, осторожно, но настойчиво раздвигая складочки.

— м-м-мдведи...м-мурлычут?

Как же тяжело было пытаться говорить, когда челюсти сводит от страха и паники того, насколько нагло и вероломно тебя домогается великанистый мужчина посреди бескрайнего леса, а колени отчаянно дрожат, пытаюсь вытолкнуть...или не отпустить?....

Этот странный звук повторился снова, откликнувшись вибрацией во всем теле Севера, прижатого ко мне, и горячее урчащее дыхание коснулось моего лица сверху:

— да....но не так, как кошки...

Настойчивые пальцы внутри меня принялись мягко двигаться, поглаживая складочки сверху вниз и наоборот, рисуя плавные узоры и обводя чувствительную шишечку на самом верху, отчего я уткнулась лицом в кору, вдыхая аромат смолы и задрожав сильнее....с телом творилось что-то невообразимое. То, что я совершенно не понимала...словно огонь, полыхающий в глазах Севера, опустился через его руку, в кончики неторопливых пальцев, и теперь проник в меня, забравшись куда-то внутрь и завибрировав во мне, находя отклик во всем теле.

— Север...п-пожалуйста.....

— Пожалуйста что?... — прошептал мужчина мягко в мое ухо, и его губы настойчиво опустились на мою шею сзади, делая дорожку из горячих поцелуев вдоль позвонков, заставляя дрожать сильнее и...паниковать.

— П-пжалста не надо....

Губы хмыкнули и острые клыки чуть коснулись моей и без того дрожащей кожи. Больно не было, но я дернулась от неожиданности, чуть не застонав, когда его пальцы скользнув вглубь тела, а большой при этом продолжал аккуратно массировать набухшую капельку наверху.

— Боишься?...

— Да...

— Лооооооожь.....

Горячие губы Севера опустились на правое плечо, чуть прикусывая, пока его пальцы продолжали двигаться во мне в определенном ритме, делая пару толчков и поглаживая, и так снова и снова, пока я не вцепилась пальцами в кору, понимая, что больше не могу сопротивляться жару, растекающимся во мне. Этот жар пульсировал и концентрировался в одной полыхающей точке, под пальцами Севера, словно он был ведьмаком, который создал его и умело управлял....

Когда его пальцы вошли глубже, и из широкой груди, прижавшейся к моей спине снова вырвался не то стон, не то рычание, я вздрогнула, чуть дернувшись, потому что почувствовала боль, а Север неожиданно застыл, перестав шевелиться, лишь его отрывистое дыхание шевелило мои волосы на затылке....

Отступив чуть назад он шевельнул пальцами снова, и снова боль кольнула меня изнутри, заставляя неловко зашевелиться, словно выталкивая пальцы, которые только что дарили телу что-то совершенно необъяснимое и волшебное... а теперь ранили.

Без каких-либо объяснений Север шарахнулся от меня так резко и неожиданно, что я едва не рухнула в мох, оставив без поддержки огромного горячего тела за спиной, потому что колени дрожали и уже едва ли могли выдержать вес моего тела.

— Черт... — прорычал он, заметавшись за моей спиной, — Черт! ЧЕРТ!!!!

От его рычания задрожала земля, но у меня не было даже силы закричать от ужаса, когда над головой сверху пронеслось что-то, и верхушка векового дерева со стоном повалилась вперед, осыпая меня хвоинками, корой и оседающей пылью, оставляя лишь огромное тело Севера, который дышал по-прежнему тяжело и рвано, но теперь каждый его выдох сопровождался утробным рыком, а в руках остались клочки коры и щепка...

— Ты не выдержишь!.. — то ли взвыл, то ли простонал он, пока я так и стояла, прижав ладони к раскुरоченному дереву, и содрогаясь от каждого его вдоха, чувствуя, как слезы начинают мелкими солеными дорожками вытекать из глаз.

Я придумала себе идеального Севера. И, кажется, даже успела немного влюбиться... только он был совсем не таким. И внутри его большого тела, которое успело стать мне чуточку родным, скрывался истинный зверь, которого я боялась совершенно искренне и до жути...

Словно почувствовав перемену во мне, Север осторожно склонился, не убирая своих горячих ладоней, даже когда я поежилась от испуга, пытаюсь прислониться к дереву, чтобы только быть дальше от него. Мне некуда было бежать, от него невозможно скрыться, и глупо было ожидать, что кто-то придет на помощь...мне оставалось только смириться с неизбежным. И молиться, чтобы это закончилось как можно скорее...

— Девочка, прости...я не хотел пугать тебя сильнее...просто...очень тяжело сдерживать себя... — слезы хлынули сильнее, когда Север склонился надо мной, прижимаясь широкой грудью к моей спине и осторожно целуя меня в плечо, — прости...но мы не можем вернуться без доказательств....

Я всхлипнула в голос, закусив губу с такой силой, что прокусила ее, поморщившись от

жуткого аромата крови, дернувшись, когда Север аккуратно обхватил мою шею своей большой рукой, заставляя меня запрокинуть голову, и осторожно прикоснулся губами к моим сжатым губам, слизывая мою кровь.

— Я знаю, что ты не понимаешь меня, Мия, просто поверь мне...и постарайся расслабиться...

Ценный совет мать его!..только мои колени сошлись сами по себе, словно по приказу.

Север промолчал, видя это, лишь тихо выдохнул:

— ...сними рубашку....

Господи, ну почему за такой красивой внешностью и моей фантазией о медвежьем принце, на самом деле оказалось настоящее чудовище?!..

Едва ли я смогла бы своими трясущимися руками расстегнуть десяток мелких пуговиц. Еще больше я сомневалась, что сделаю это, даже если слезы продолжали литься из глаз...от паники, и обиды, и не понимая того, чем я заслужила это все!

И все-таки закричала, когда Север одним рывком разорвал на мне рубашку, оставив лишь два клочка в своих ручищах, отцепляя мои руки от дерева, чтобы они сползла вниз, упав на мягкий мох.

— Все будет хорошо, слышишь?.. — прошептал в мои губы Север, снова запрокинув мою голову и целуя более настойчиво, не смотря на то, что я зажмурилась, чтобы только не видеть его и как только могла сильно сомкнула губы.

— Раздвинь ноги...

Господи, почему Лютый не убил меня у моего родного дома, оставив в живых, чтобы сейчас я подвергалась насилию и унижению, пусть даже в лице этого красивого бездушного зверя...

Понимая, что я не шелохнусь, ладонь Севера по-свойски проскользнула внутрь, раздвигая мои ноги и фиксируя их своими, когда он встал так, что его ступни теперь были внутри моих разведенных ног, не давая мне свести колени снова.

Нет, я не смогу молчать, не крича и не умоляя остановиться, когда вздрогнула, заметавшись, чувствуя, как эрекция Севера словно обжигающая каменная глыба скользнула внутри моих бедер, едва касаясь влажных складочек, но не пытаюсь попасть внутрь...я словно сидела на толстой горячей ветке, недоуменно замолчав и отчего-то краснея, потому что теперь его головка и ствол был прямо перед моими глазами. С моего ракурса, если смотреть вниз, можно было бы подумать, что это даже мой член...

— Дай руку... — прохрипел над моей головой Север, и снова, не дожидаясь, когда я послушаюсь, сам взял мою правую руку, цепляющуюся за остатки дерева, которое теперь лишь немного превышало мой рост, положив на свой «ствол» и заставляя обхватить его дрожащими пальцами.

Боже! Моей ладони не хватило, чтобы просто обхватить его!

— Сожми... — рывком выдохнул Север и его голос дрожал, пока в моей руке пульсировала часть его большого тела, — сильнее...

Мне казалось, что я сделала, как он просил, покрываясь потом и перестав всхлипывать, когда его большая ладонь легла поверх моей руки, сжав меня...и его.

А потом Север стал двигаться...

Резко, сильно, мощно...

Рывками, вбиваясь в мои ягодицы, отчего пришлось прижаться к дереву, чтобы меня не болтало каждый раз от нового сильного удара под попу. Его ствол скользил по складочкам,

создавая трение, от которого в теле снова ожил тот странный, непонятный огонь, который я не понимала, и знала лишь одно — я боюсь его, потому что им способен управлять лишь Север.

Он сжимал мою руку на себе все сильнее и сильнее, двигаясь с каждым ударом быстрее и быстрее, рыча надо мной и вжимаясь в меня своим телом, причиняя боль, когда зажатая между ним и деревом, кора царапала мою кожу, оставляя порезы, а зверь надо мной рычал и скалился, готовый сломать кости своим весом...и это было так низко и пошло...но так завораживающе, словно мы переступили грань дозволенного, куснув какой-то запретный плод, который оказался все-таки сладок...

Улавливая его ритм, я старалась двигаться с этим огромным горячим телом за моей спиной, чтобы хоть как-то минимизировать риск переломов и уменьшить боль, от давящего спереди дерева, когда Север протяжно застонал сквозь сжатые зубы, выдергивая себя из моих рук, и резко подавшись бедрами вперед, что я впечаталась в кору, взвизгнув, и чувствуя, как к спине прикасается его пульсирующая плоть, оставляя на мне горячие потоки, которые медленно стекали по спине и ягодицам...

Тяжело дыша, Север уткнулся в мой затылок, по-прежнему опираясь левой рукой о дерево, в которой снова были куски древесного ствола и мелкие щепки на моем теле спереди. От его учащенного дыхания моя шея стала влажной и к коже приклеились мелкие прядки, когда он выдохнул хрипло и отрывисто:

— Ты в порядке?....

Не уверенная в том, что голос не подведет меня, я смогла лишь кивнуть в ответ, почувствовав, легкое прикосновение его губ к своему затылку.

Север кивнул, поднимая себя с меня и отрывая от поломанного дерева, просто стоя сзади и не двигаясь, пока его дыхание выровнялось и горячая ладонь снова осторожно опустилась на бедро, заставив непроизвольно сжаться. Неужели мы не закончили?!..

— Мне нужна твоя кровь, девочка...извини, но будет немного больно.

Глаза распахнулись от новой волны паники и я снова пыталась сжать колени, но все напрасно, потому что ноги Севера были по-прежнему словно супинатор, только его губы опустились на мое плечо и острые клыки проткнули кожу, заставив меня взвизгнуть от неожиданности.

— Прости... — пробормотал Север, — сильно больно?...

Все еще немного шокированная, я покачала головой, краем глаза видя, как мужчина положил ладонь на кровоточащее плечо подержав ее немного, и осторожно, едва касаясь языком, слизал остатки крови, прикоснувшись ладонью к моей спине.

— Север! Что ты де....

— Шшшшшшш...уже заканчиваем.... - прошептал мужчина, когда его рука снова скользнула внутрь моих бедер, втирая туда смесь моей крови и его страсти, делая это мучительно медленно и так играючи, что я снова вцепилась руками в кору, слыша, как его дыхание снова учащается и становится рваным и неглубоким.

— Север!

— ...мммммм.....еще чуть-чуть.....

Закусывать уже прокушенную губу было больно, но я сделала это, снова поморщившись и заерзав бедрами, стараясь отодвинуться от него, и давая понять, что на сегодня уже достаточно, только Север намеков не понимал вообще. Пришлось хватать его за руку, насильно убирая от себя и слыша легкий смех над головой:

— Я просто хотел показать тебе кое-что, девочка.

— На сегодня хватит, — с дрожью выдохнула я, позволяя ему развернуть себя за плечи лицом к нему, тут же утыкаясь взглядом в идеальный пресс, — я и так уже многое поняла...

— Что же например?

Север опустился передо мной на колени так, что теперь его улыбающееся лицо было на одном уровне с моим, и синие глаза светились еще сильнее, отчего я на миг забыла, что хотела сказать.

— Например, что ты...большой...через чур сильный...неуравновешенный...и пошлый!

Бер рассмеялся, обнажая свои белоснежные клыки и показывая идеально-красивую очаровательную улыбку. Его синие глаза искрились, но я все-равно боялась его и снова вздрогнула, когда он неожиданно подался вниз, потеревшись лицом о мой живот и легко поцеловав в пупок, отчего стало щекотно, и как то совсем уж дико.

— Отныне для всех ты принадлежишь только мне, Мия...но я хочу, чтобы ты знала, что я не успокоюсь, пока это не произойдет на самом деле.

— Звучит, как угроза...

— Вовсе нет...я не хочу, чтобы ты боялась меня, девочка.... - снова поцелуй в живот. Более настойчивый.

— Так не пугай!..

— Руки на плечи, — вдруг приглушенно выдохнул Север, отчего захотелось покрутить у виска. Зарядку что ли будем делать после всего случившегося? Но я послушно положила их, как и сказали, слыша взрыв заразительного смеха:

— На мои плечи, Мия!..

Краснея, но демонстративно фыркнув, я положила ладони на его широченные плечи, забеспокоившись, когда он снова припал к моему животу в поцелуе, проведя языком вокруг пупка, но не успела я и пискнуть, как он отстранился, осторожно натянув на меня сначала трусики, а потом и джинсы, протянув разорванную рубашку, чтобы я могла прикрыться.

Он поднимался с колен без какого-либо напряжения, держа меня на руках и улыбаясь:

— А теперь пойдем домой.

Беры все-таки успели восстановить дом до ночи, и были награждены ужином, который сейчас уметали быстро и со знанием дела, какими бы большими не были их порции. Я же продолжала лежать на кровати, зарывшись в одеяла, и содрогаясь каждый раз, когда слышала голос Севера... Красивый голос...

Глубокий...

Но такой незнакомый для меня.

Теперь я знала, как он рычит...как шепчет...как умеет мурлыкать по медвежьей, но все еще не знала его. Я пыталась не думать о том, что случилось в лесу, отчасти понимая, что он меня пожалел, не понимая лишь одного — почему никто не пытался спросить меня, хочу ли я этого...

И, даже находясь в полном одиночестве отдельной комнаты, все-равно отчаянно краснела, когда перед глазами стоял образ Севера обнаженного и стонущего, и то, что мы творили на той поляне.

— Это плохая идея...

— Придумай тогда другую, Ураган!

— Мальчики, не ссорьтесь!

Я тихо улыбнулась, слыша голос тетушки Зои и то, как умеючи и бесстрашно она осаждала этих огромных мужчин каждый раз, совершенно не боясь их силы и гнева. Вот бы и мне так научиться...

— Лютый, сынок...только Полярные медведи способны остановить эту войну...

— ...мы уже говорили об этом, и я не вижу смысла начинать этот разговор снова.

От голоса Лютого становилось холодно и жутко даже под одеялом и в другой части дома, но тетушка как всегда совершенно не переживала, что чистокровный Бер начинает заводиться от своего гнева, что уже отчетливо дрожал в его ледяном голосе.

— Но род Беров гибнет!

— Они воины! Пусть спасут себя сами!

Воцарилась звенящая тишина, и я испуганно села, напряженно прислушиваясь и натянув одеяло до самого носа.

— Мааам...

— Туман, не вмешивайся!

— Лучше бы вы послушали его... — с явной угрозой и тихо, но все-равно не менее ужасающе проговорил Лютый, отчего нервы готовы были просто зазвенеть, как натянутая пружина на морозе.

— Не заставляй меня говорить это, Лютый! Ты знаешь, что для меня вы все равны, и все вы мои дети, но ты истинный сын своего отца!..

От оглушительного рева и последующего жутко хлопка, который закончился грудой падающих осколков, я взвизгнула, закрывая лицо руками и обхватывая одеяло, словно оно

было моим щитом.

Только тетушку не могло напугать ничего, когда даже сквозь ворчание остальных Беров раздался ее твердый голос, который произнес четко и немного резко:

— ...из-за собственной гордости и обиды ты готов пожертвовать сотнями безвинных жизней, сын! В нашем мире род Беров вымирает! И оттого, что ты не можешь....

Очередной разъяренный рев, от которого сотрясся пол, и завибрировала кровать подо мной, под оглушительный звук чего-то бьющегося:

— Я НИКОГДА НЕ БУДУ, КАК ОН!!!!

— Так докажи это!

Сердце колотилось так громко, что мне казалось, что я оглохла, потому что снова стало ужасающе тихо, лишь усталый голос Тумана тихо произнес:

— Вот это ты зря, мам.....

— Так было нужно, мой дорогой....а теперь сходи в подсобку и принеси новый стул и оконную раму.

— Ну почему я?

— Туман. Молча. Сходил и принес.

Кажется, я улыбнулась, слыша, с каким тяжелым и недовольным вздохом Бер поплелся из дома, продолжая нервно подрагивать, даже если снова воцарилась тишина и голос Янтаря, который протянул:

— А мясо еще осталось?...

В этот момент я поняла, почему в этом доме не было дверей. Учитывая способность Беров закипать с полуслова и громить все подряд на своем пути, смысла в них не было совершенно.

— Ты в порядке?

Из-за ширмы, которая собственно и была вместо двери, показалось большое тело, и сердце снова икнуло и переобулось в кроссовки, чтобы бежать. Север стоял в полумраке комнаты, пригибая свою голову, которая просто не помещалась под потолком, и в темноте его взгляд горел жутко и совершенно не естественно....но горел! Как две синие яркие свечи.

— ...как бы с вами заИкой не стать... — тихо пробормотала я, скорее почувствовав, чем увидев, что он улыбнулся, — и....Север...у тебя глаза светятся...

— Я знаю, — судя по звуку голоса, улыбался он и сейчас, сделав шаг вперед, но замерев в нерешительности, когда я по инерции отодвинулась дальше от него. Отступил назад снова, и даже в этом полумраке было видно, как напряглись его широкие плечи:

— Пожалуйста, не бойся меня....

— Это от тебя зависит... — это было сказано тихо, но Север содрогнулся, спросив с некой резкостью в голосе:

— Разве я сделал тебе что-то плохое?

Чувствуя, что начинаю краснеть и покрываться испариной, вспоминая в очередной раз нашу фееричную прогулку сегодня, все его прикосновения и слова, я растерянно теребила край одеяла, не зная, что ответить, растерявшись окончательно, когда услышала его голос чуть хриплый и совершенно бархатный:

— ...ты хочешь меня, Мия...

Вот уж дудки!

— Тебе показалось!

Тихий смех Севера был довольным и совершенно мягким, словно лапки кошки:

— Лооооожь....

Ох уж этот чертов нюх Беров! Краснея сильнее, я начинала совершенно естественно злиться, что кто-то, кого не знаю я, знает обо мне больше, чем знаю о себе я сама!

— А вы насморком болеете?

Только мой раздраженный вопрос развеселил Севера сильнее, когда он рассмеялся, привлекая к себе внимание остальных и сверкая в полумраке своими жуткими глазами и белыми клыками.

И понимая, что против него и его обоняния я едва ли смогу что-то придумать, но учитывая опыт прошлого общения, я поняла лишь одно — смена темы способна хотя бы временно увести мысли Бера о того, чего хотел он, но боялась я.

— Лютый что-то сломал?

Смех Севера и аура эротизма и похоти развеялась буквально в один миг, когда мужчина чуть дернул плечом:

— Да, немного...

— Почему он не хочет помочь в борьбе против Кадыяков?...

— Не видит в этом смысла... — в этот раз Север говорил так, словно осторожно подбирал каждое слово.

— Но почему тетушка твердит, что только полярные медведи способны противостоять Кадыякам?

— Полярные медведи чхать хотели на распри нашего вида... — ледяной голос прозвучал резко и дергано. Я вздрогнула, прикусив язык, когда на пороге рядом с Севером оказался Лютый, который смотрел на меня своими ледяными глазами, что я могла ощутить даже в темноте, даже если его глаза не светились, как у Севера. Я не ожидала, что он продолжит, полностью повернувшись ко мне:

— Белый род такой же мощный и беспощадный, как и род Кадыяков...наши кланы враждовали между собой веками, сталкиваясь в многочисленных схватках. Они физически сильнее остальных видов.

Было непохоже, что Лютый ожидает от меня понимания сказанного им, когда развернулся к Северу, проговорив приглушенно, но очевидно так, чтобы я слышала это тоже:

— Я могу понять твоё желание защитить её и смягчить боль, брат...но это вам не на руку.

Видя, как напряглось тело Севера, я поняла, что происходит что-то не очень хорошее.

— В её теле нет кровоточащей раны, хотя я признаю, что ваши запахи смазаны...

Синие полыхающие глаза поднялись на меня так резко, что я дернулась снова, отчего-то закрывшись опять одеялом, словно оно смогло бы меня защитить.

— Ты знаешь, что мы никогда не пойдём против тебя и твоего решения. Мы приняли твой выбор и признали его, но есть закон...а она человек...

Север выдохнул резко, так же резко вдохнул, и даже в полумраке я отчетливо видела, как сжались его большие кулаки, словно он приготовился к нападению, с ужасом ожидания повторения утренней сцены с метанием друг друга.

Господи, что же снова не так...и при чем опять я?!

— Мы враги для всего мира, брат. Отверженные и проклятые своими родами. Ты знаешь сам, что на нашем пути найдутся десятки и сотни нам подобных, которые захотят причинить тебе боль, используя ее, как твою слабость...ты знаешь, что если она не принадлежит тебе, ею могут пользоваться все, не щадя...

От глухого утробного рычания Севера, мои волосы буквально встали дыбом и клацнули зубы, пробуждая истинную дрожь испуга во всем теле. Я никогда не воспринимала их, как зверей, даже если видела каждого из них в медвежьем обличии, и видимо это было непростительным упущением с моей стороны...потому что животные внутри них были сильны и безумны. Да они могли выглядеть, как люди, пусть даже излишне большие. Они говорили и понимали нашу речь. Они ели из тарелок и казались вполне цивилизованными, только они никогда не были людьми. Никогда.

— Ты не захочешь оставить ее здесь, я знаю. Но там, куда мы идем, без метки ей просто не выжить...

Глазами размером с тарелочку я пыталась рассмотреть в темноте опустившейся ночи два огромных силуэта, которые стояли, не шелохнувшись, опустив головы, потому что не помещались под сводами этого дома. Огромные...огромные до жути! И мое сердце задышалось от паники, которая подступала все ближе и ближе, сжимая горло своей колючей лапой, когда я видела, как Лютый положил руку на напряженно плечо Севера, чуть сжав и отрывисто кивнув, вышел из комнаты так же беззвучно и незаметно, как появился здесь.

Полыхающие синие глаза, которые снова поднялись на меня, сверкнув в темноте, не сулили ничего хорошего, особенно когда глубокий, мрачный и чуть хриплый голос произнес:

— Идем, Мия.

До чего же страшно...чувствуя, как начинают дрожать губы, я пыталась собраться духом.

— К-к-уда?

— Прогуляемся... — мрачный решительный голос Севера убивал меня своей очевидной непреклонностью и отчетливым пониманием того, что я попала. Все-таки попала....

— Так уже гуляли сегодня...

— Значит, прогуляемся еще!

В напряженной застывшей позе Севера читались явные недовольство...и возбуждение, отчего я запаниковала еще сильнее, понимая, что я ни за что не слезу с кровати по собственной воле...и буду кричать. Знала я эти прогулочки Беров...спасибо, изучила так, что до сих пор потрясывало!

— Мия. Идем.

Видимо то, что я не шелохнусь с места, понимал и Север, когда медленно, но при этом твердо шагнул ко мне, откидывая одеяло, которое я пыталась не отпускать, и, поднимая меня на руки, просто зашагал из комнаты через светлую кухню, где толпились остальные, прилаживая новую раму.

Я бы хваталась руками за косяки и все попадающиеся рядом предметы, если бы только могла до них достать, цепляясь руками в бесконечные плечи Севера, что шел молча, грозно и целенаправленно на выход.

— Янтарь! — взмолилась я, пытаюсь выбраться из рук Севера, и сдерживая слезы, видя, как дрогнул Бер, откинув молоток и шагнув за нами с полным недоумением и явной тревогой:

— Брат, дай ей прийти в себя....

— Не мешай им.... - холодный голос Лютого был как приговор на смертную казнь, когда Янтарь обессилено остался среди кухни, тяжело сглотнув и переглядываясь тревожно с Туманом и Ураганом.

— Север! — Туман так же попытался сделать хоть что-нибудь, шагнув за нами, но огромная фигура Лютого загородила путь, отрезая меня от хотя бы хрупкой мечты на спасение.

— Все будет хорошо. Скоро мы вернемся... — голос Севера был таким же холодным и уверенным, как его походка и эта жуткая ночь, в которой мы пропадали, теряя из виду огни дома, где все разом притихли.

В этот раз не было никакой милой беседы. Не было смеха Севера и его слов, чтобы я не боялась и успокоилась...он просто шел вперед, иногда пригибаясь, и закрывая меня от колючих веток, прижимая к себе руками, молчаливый, решительный и...безжалостный.

Я а все еще боялась поверить в реальность происходящего, выдумывая какие-то слова и фразы, чтобы сказать ему и надеется, что он поймет и отпустит.

— Ты дрожишь....

Меня пугал до чертиков даже его голос, который отдавал хрипотцой и непреклонностью.

— Потому что мне страшно.

— Я буду осторожен....

Первые слезы предательски скатились по щекам, упав на белую майку, которую мне выдала тетюшка Зои вместе с ее длинной синей юбкой в пол.

— Север, п-п-ожалуйста...я не хочу...

Горячие руки, обжигающие прикосновениями к обнаженной коже, буквально окаменели, когда Север пождал губы, продолжая стремительно и резко идти вперед.

— По-другому нельзя.

Пощады не будет, и я всхлипнула, снова принявшись закусывать губы, чтобы не разрыдаться, понимая, что рано или поздно это произойдет, видя, как Север чуть поморщился, отводя от меня взгляд и неожиданно останавливаясь, чтобы поставить меня на ноги и склониться, аккуратно касаясь большими ладонями моего лица.

— Мия, послушай меня, девочка...я выбрал тебя и не смогу отпустить. Теперь это не сможем изменить ни ты, ни я...но находиться со мной не имея метки, тебе просто опасно. Я обещаю тебе, что буду аккуратен и буду сдерживать себя...хотя бы первое время, пока ты не привыкнешь...

Вот уж обрадовал, спасибо!!!!!!

— Но ты даже не спросил меня!..

Меня трясло от промозгой ночи и этих больших горячих рук, которые прикасались ко мне осторожно, но лишь пока что, и Север нахмурился, снова недовольно поджав свои губы.

— Я не нравлюсь тебе?..

— Не в этом дело!

— Тогда в чем же?... — когда он выпрямился, возвышаясь надо мной и убрав от меня руки, я почувствовала какой мелкой и ничтожной выгляжу по сравнению с ним, готовая рухнуть на влажную от росы землю и просто разрыдаться в истерике.

— Ты все решил сам! Ты выбрал и не собираешься отпускать, пока не поставишь какую-то метку...

— ...я и после этого не отпущу....

— А как же я, Север? Почему ты не спросишь меня, хочу ли я носить эту метку и идти с вами дальше?

Посмотрев на то, как я сжала кулаки, Север нахмурился еще сильнее, скрестив руки на груди, и глядя своими глазами, которые продолжали полыхать в ночи, ужасающим синим пламенем.

— Со временем ты привыкнешь.

Задохнувшись от наглости этой фразы, я была готова просто взвыть от паники и отчаянья, прекрасно понимая, что никакого разговора не получается. Север даже не пытался услышать меня, буровя своими непреклонными глазами и подрагивая упругими мышцами на мощных руках.

— А что, если нет?...

Тяжелое дыхание Севера и его полыхнувшие глаза не предвещали ничего хорошего вкуче с тем, как дрогнули его мышцы на руках и груди, и я все-таки взвизгнула от страха, когда Бер метнулся в сторону буквально порывом ветра, неожиданно с жутким рычанием ударив своими пудовыми кулачищами по валуну, который....раскололся!

Как можно убедить зверя не трогать меня, когда он способен разбить даже каменную глыбу!?!..

Я тяжело сглотнула, пропищав, словно очевидное было понятно не всем:

— Ты камень разбил....

Север дернул плечом, замерев на секунду, и спокойно ответил:

— Прощу прощения. Вспылil немного....

Я не знаю, почему я побежала....

Сердце просто сделало один рваный удар, и ноги понесли меня прочь с такой скоростью, на которую только были способны, даже если мозг бился о черепушку, вопя о том, что мне проще сразу выкопать яму и лечь в нее в ожидании смерти. Потому что глупо пытаться сбежать оттого, кто невысказанно силен и так же невысказанно быстр...

Лучше бы Лютый убил меня сразу, как собирался.

— Мия.

Слыша призрачный голос Севера за спиной, я понеслась еще быстрее, начиная задыхаться от недостатка кислорода и сумбурных мыслей про собственную смерть, понимая, что его голос удалятся от меня, но совершенно не веря в это счастье.

— Мия, не делай этого...так будет только хуже...

Но я все-равно неслась на всех порах, не обращая внимания на хлеставшие меня ветки и острые камешки под ногами, которые ранили ступни, впиваясь до крови.

Еще дальше, еще быстрее! Не чувствуя за собой погони, я неслась, задирая длинную юбку, когда закричала оттого, что горячие руки, которые выросли словно из самой тьмы, обхватили меня под грудью, поднимая высоко над землей. Но я продолжала дрыгать ногами, словно все еще бежала по невидимой дорожке, впиваясь ногтями в обжигающе горячую кожу, и слыша вибрирующий хриплый голос Севера у самого уха:

— ...и не говори, что я не предупреждал!

— Злишься? — задыхаясь, просипела я, отчего-то надеясь на скорую и быструю кончину, если в порыве ярости он шарахнет по мне так же, как по камню, оставив лишь мелкую мокрую лепешку.

— Возбуждаюсь!

И от этого глухого рычания, которое вибрацией отдалось во всем моем теле, буквально

свело мышцы, когда я с ужасом понимала, что все. Добегалась....

— Отпусти меня... — остановится, и перестать всхлипывать, кусая трясущиеся губы я уже не могла, когда оказалось лежащей на спине прямо на мокрой мягкой траве, прижатая огромным мощным телом сверху, которое могло бы раздавить меня, как пушинку, если бы Север не держал себя на руках, упираясь ими по обе стороны от моей головы.

-..не могу...

В его хриплом вибрирующем голосе было столько сдерживаемой жажды и вместе с тем боли, что я на секунду оторопела, попытавшись упереться в каменный пресс, который зажимал мои бедра, пока горячая ладонь Севера опустилась на мою ногу, обхватывая коленку и неуклонно заскользив по внутренней части бедра, задирая длинную юбку.

— Север, пожалуйста!!

Я буквально билась в истерике под его каменным обжигающим своим теплом телом, всеми силами упираясь в широкую тяжело вздымающуюся грудь, и безуспешно пытаюсь сдвинуть с себя, чувствуя его неглубокое рваное дыхание на своем влажном от слез лице.

— Мия...Мия... — его губы целовали меня не переставая легкими, осторожными поцелуями, даже если я вертела лицом, стараясь оттолкнуть его и не дать добраться до губ, — ...успокойся, пожалуйста...Мия...

Но я не могла. Уже не могла собрать волю в кулак и просто замолчать, едва не подвывая от ужаса, и отбиваясь со своей силы, которую Север попросту не замечал, даже не пытаюсь удерживать мои руки и все так же продолжая целовать легко и осторожно, что-то шепча...и обнажая мои бедра.

Рыдая в голос, я впивалась ногтями в мощные бока, крича и извиваясь, не пытаюсь понять, о чем он пытался говорить со мной ласково и приглушенно, продолжая целовать, и осторожно поглаживать меня внутри...только эти ласки в этот раз не помогали.

— Янтарь!!!!

Закричала я так громко, как только могла, помня полные растерянности и боли солнечные глаза, чувствуя, как окаменело и напряглось тело Севера, когда он застыл, внимательно всматриваясь в мои глаза. Вдалеке послышался не то вой, не то рычание, только оно не было злобным, а скорее потерянным и таким горьким, что я разрыдалась лишь еще сильнее, понимая, что мне не сможет помочь даже мой верный защитник... последующий рев и грохот были ужасными, и я испуганно замерла, прислушиваясь к лесу и видя, как сокрушенно покачал головой Север, глухо прошептал:

— Не нужно, Мия...Янтарь слишком привязался к тебе. Он страдает вместе с тобой, но не сможет помочь тебе, девочка...Лютый не пустит его...а если он попытается пройти, — Север на секунду замолчал, но я отчетливо поняла, что Янтарю не поздоровится, — ...я не хочу, чтобы Янтарь пострадал. Понимаешь?...

Всхлипнув, я кивнула, почувствовав такое вселенское одиночество и беспомощность, что внутри меня словно что-то сломалось. Словно все силы затянуло в воронку беспомощности и обиды, когда Север склонился надо мной, воспользовавшись моим ступором, чтобы припасть к губам.

— Пожалуйста, не сопротивляйся... — прошептал он дрожащими губами в мои губы, и я чувствовала, как дрожит его большое тело крупной дрожью, словно он боялся не меньше меня, — попытайся расслабиться...

Я ошарашено замерла лишь на секунду, почувствовав, что пальцы Севера осторожно исчезли из моего тела, и к складочкам прикоснулось что-то иное...напряженное, горячее и

большое. Слишком большое, черт побери, что чуть толкнулось вперед, заставляя меня отчаянно пытаться сжать колени, если бы между ними не лежал Север. Он не торопился двигаться, нависнув надо мной и замерев дрожащим телом, тяжело сглотнув, так, что его кадык подскочил к челюсти и резко опустился вниз. Его тело было влажным от пота и мощные плечи, нависшие надо мной, сотрясались от крупной дрожи, когда Север решительно свел черные брови, наклонившись и снова припав к губам, как бы сильно я их не сжимала, словно умоляя о прощении...

Как бы я не готовилась к предстоящему, я не могла поверить, что боль может быть такой острой и живой, закричав пронзительно и жалобно от первого толчка, когда в мое тело вошло нечто, буквально разрывая на множество пульсирующих болью, обжигающих осколков. Я кричала в губы Севера, который на секунду замер, приглушенно зарывчав и задышав часто-часто, врываясь своим языком в мой рот, словно одной захваченной части тела ему было мало.

Я кричала, слыша вой беров вдалеке — пронзительный и такой же жалобный, как мой крик о помощи, который они слышали, но не могли помочь. Впрочем, было уже слишком поздно....

— Тише-тише... — зашептал снова Север в мои губы, целуя осторожно и горячо, иногда порывкая, и дрожа от попыток сдержаться, замирая после каждого толчка — такого же осторожного и плавного, каким были его губы... только это все-равно не спасало от боли. И, чувствуя кровь на своих губах, я понимала, что кусаю губы снова и снова, не в силах сдерживать стоны и все еще пытаюсь оттолкнуть горячее напряженное тело от себя, царапая его бока со всей силы.

Жуткий аромат крови кружил над нами, забиваясь в нос до тошноты, когда его скулы и лицо были влажными от моих слез, мои ладони в его крови от рваных ран, оставленными мной...когда его кровь была под моими ногтями...когда моя кровь была на моих бедрах и его животе...

Я больше не пыталась остановить его, исчерпав все силы и эмоции, содрогаясь и молча плача, глядя лишь на большую луну, которая висела над нами, глядя так сочувствующе своим желтым глазом. Не пыталась отталкивать, не отворачивалась от его поцелуев, я просто ждала, когда это закончится, словно отделившись от собственного тела, продолжая утопать в одной лишь боли.

И скоро толчки прекратились, тело Севера содрогнулось и выгнулось с протяжным рычанием, застывшим на кончиках шумящих деревьев, вдавливая меня в землю и наполняя чем-то горячим внутри.

Застыв, он внимательно смотрел на меня, продолжая дышать часто и хрипло, потянувшись вперед и прикоснувшись лбом к моему лбу.

— Мия... — прошептали его губы, обдав горячим дыханием и чуть коснувшись кончика носа, — Мия...

Он снова и снова повторял мое имя, словно был не в состоянии сказать что-либо еще.

А я...

Я не могла заставить себя посмотреть в эти горящие в ночи синие глаза, продолжая бездумно лежать, чувствуя пульсирующую боль в животе, и стекающие слезы по щекам...

Я не повернулась, даже когда его руки осторожно вытерли мое лицо от слез, поцеловав каждый глаз мягко и аккуратно.

Не проронила ни слова, когда он целовал мои губы, осторожно убирая капельки крови,

лишь вздрогнула, когда он медленно и как можно более аккуратно вышел из моего тела. Прикрыл ноги, которых я отчего то не чувствовала, длинной юбкой и вытянулся рядом, обняв меня одной рукой, прижимая к себе.

И, прижатая спиной к его груди, я чувствовала, как колотиться его сердце...

— Ты сможешь простить меня?... — прошептал Север и его голос дрогнул, а я не смогла заставить себя даже ответить ему. Я просто хотела закрыть глаза и забыть обо всем. Я была раздавлена морально и физически. В моем теле не было ни одной мышцы, которая бы не болела, и не вздрагивала каждый раз даже от звука его дыхания... Я просто хотела уснуть и не помнить больше ничего.

— Пойдем домой... — полувопросительно проговорил Север, так и не дождавшись ответа от меня, медленно поднимаясь на ноги, и застыв на секунду в нерешительности, очень медленно просунул руки подо мной, чтобы поднять и снова прижать к себе... и снова его сердце билось в груди гулко и истерично, когда он шагал вперед, то и дело бросая на меня тревожные взгляды.

Он больше не пытался заговорить, быстро шагая вперед, поворачиваясь иногда боком, чтобы меня не задела ветка деревьев.

Охрипнув от плача и криков, мое горло болело, в унисон с телом, которое содрогалось и сжималось до сих пор, словно мышцы сводило от судорог, принося новую порцию тянущей боли.

Мне казалось, что эта ночь выпотрошила меня до дна, иссушив все эмоции и отобрав все слезы, не оставив внутри ничего кроме крошечной ночи и полыхающей боли. Только колючий ком снова поднялся откуда-то из глубин раздавленной души, когда я увидела свет от дома и три метающиеся большие фигуры у крыльца, которые напряженно застыли, как только Север вышел на поляну.

Я видела, как выскочила на порог тетушка Зои, в ужасе прикрыв лицо руками, глядя на нас огромными глазами, в которых стояли слезы... и разрыдалась.

Я рыдала, закрывая лицо руками, и содрогаясь всем телом, слыша встревоженные голоса и холодный яростный голос Лютого:

— Назад!

— О Господи! — теплые ладони тетушки были как само спасение, когда она прикоснулась ко мне, вытирая свои слезы быстро и напористо, и скомандовав растерянному Северу, который, кажется, был готов просто заметаться возле дома, — Быстро в баню! Я приготовила на нее воду!.. Север! БАНЯ!..

Я все еще не могла смотреть в глаза кому-либо, слыша взволнованные голоса Беров, которые говорили что-то мягко и поддерживающее, чувствуя, как Север метнулся быстро и отрывисто, как металось его сердце, продолжая колотиться.

Хлопнула дверь, и меня окутала теплая влажность помещения, в котором пахло так по-родному смолой и травами, почувствовав, как напряженные руки осторожно опускают меня в теплую воду, и хриплый дрожащий голос еле выдохнул:

— Мия...

Распахнув глаза, и видя перед собой лицо Севера, я отшатнулась, ударившись спиной о край большой деревянной ванны, наполненной до края, и скрывающей меня от синего взора под водой по самый подбородок, почувствовав, как боль снова отозвалась во всем теле,

растекаясь словно лава.

— Не надо!..

От крика я охрипла на столько, что мой вопль получился лишь срывающимся истерическим шепотом, от которого Север дернулся, на секунду застыв и потянувшись ко мне, умоляюще изогнув брови и виновато сияя своими невообразимыми синими глазами, но, видя, что он пытается коснуться меня снова, я забилась в воде, пытаюсь выбраться и слыша торопливые шаги и голос тетушки:

— Север! Иди к братьям! На сегодня достаточно!

-..но я думал...

— Иди! Иди, сынок! Дальше мы разберемся сами!..

Поднимаясь на ноги с колен, Север пошатнулся, побледнев и бросив на нас последний умоляющий взгляд, все-таки ушел, осторожно прикрыв за собой дверь. Его бока были просто расплосованы, и представляли собой кровавое месиво...кровь струилась по его бедрам и ногам, но казалось, что он просто не замечал этого. Вряд ли ему было так больно, как мне... и, очутившись в крепких объятьях тетушки, я снова заплакала, утыкаясь в ее плечо, и стуча зубами от сотрясающей дрожи.

— Все хорошо, моя хорошая... — гладила меня по волосам тетушка Зои промокнув до нитки, но не пытаюсь отстраниться, — Все позади, моя девочка....

Она гладила и укачивала меня до тех пор, пока всхлипы прекратились и слезы высохли, помогая освободиться от намокшей одежды, и протягивая стакан с ароматным чаем.

— Выпей это, дочка. Это поможет тебе успокоиться, и уменьшит боль...

Содрогнувшись от пережитого и стараясь не думать о том, что за пределами бани ходят Беры, я взяла стакан, тихо выдавив:

— Вы все слышали?...

Убирая мокрую кровавую одежду с глаз, тетушка покачала головой, улыбнувшись грустно и понимающе:

— Нет, я ведь всего лишь человек. Но мой муж был Бером, как и твой Север...

— ...он не мой... — содрогнувшись, прошептала я.

— Теперь уже твой, дочка. И, поверь мне, у женщин и без Беров первый раз бывает очень болезненный и неприятный.

Тетушка улыбалась мне тепло и поддерживающее, сев на деревянную скамью рядом, и глядя по волосам.

— У вас так же было?...

— Хуже, — только почему-то она улыбнулась сильнее, сокрушенно покачав головой, — одно спасло, что мой муж не был чистокровным!..Пей скорее, пока чай не остыл...

И я послушно пила, чувствуя, как слабость постепенно отвоевывает тело у жгучей боли.

— Вы расскажите мне о вас...и вашем муже?

— Конечно! Все, что захочешь знать, но только завтра, а теперь тебе пора спать.

Пытаясь выбраться из ванны, я понимала, что ноги меня просто не держат, содрогаясь и складываясь, как у новорожденного оленя. Болело просто все! Даже ресницы и ногти, из-под которых я усердно выковыривала засохшую кровь, отмокая в ванне, потерявшись во времени.

— Подожди-ка... — с трудом удерживая свое болезненное тело в вертикальном положении, я с благодарностью улыбнулась, когда тетушка ловко замотала меня в огромное красное полотенце, завязав его под грудью, и поддерживая за руку, скомандовала:

— Выносите!

От высокой темной фигуры, появившейся в дверях, которая склонилась, чтобы войти, я снова шарахнулась назад, едва не повалившись в ванну снова, если бы не крепкие руки, которые схватили, поймав в брызгах воды, что со шлепком, разлилась на полу, и солнечные глаза оказались так близко.

— Янтарь... — выдохнула я облегченно, пытаюсь расслабиться и улыбнуться, видя, как мужчина рассматривает меня, заставляя себя улыбаться, хотя в глазах была тревога.

— Я! Твоя персональная нянька с трехнедельным опытом работы.

— Меня все устраивает, — кивнула я, стараясь не морщиться от ноющей и кусающей внутри боли, когда Янтарь вынес меня из бани, скованно остановившись, потому что я вцепилась в его плечи, задрожав.

— Сестра?...

Прямо на нас шла еще одна большая фигура, едва различимая в темноте ночи и я испугалась...но зря. Потому что из мрака вышел Туман бесшумно и плавно, осторожно улыбаясь и изучая меня своими зелеными глазами, убирая длинные черные волосы за плечи.

— Твоя постель готова, детка...

— А мне не сказали, что няньки две, — чуть улыбнулась я, пугливо покосившись по сторонам и слыша приглушенный голос Тумана, который проговорил мягко и вкрадчиво:

— Север и Лютый ушли...

— Два морозных засранца... — пробормотала я, улыбнувшись от смеха двух Беров.

— Надо запомнить!

— Спорим, что братья не оценят?

— Их проблемы!..

Но стоило Янтарю снова шагнуть вперед, как я вцепилась в него снова, отчего мужчины почему-то закутили головами, словно пытаюсь кого-нибудь увидеть в темноте.

— ...только не в дом...пожалуйста.

Меньше всего я хотела оказаться после всего случившегося в эпицентре событий и разговоров, когда вокруг тебя ходят те, кого нельзя было назвать людьми, спокойно продолжая жить, словно ничего не случилось. Мужчины переглянулись, и Туман вдруг кивнул, зашагав вперед и махнув рукой Янтарю:

— Пошли.

Янтарь удивленно изогнул свою интересную резко очерченную бровь, но все-таки направился за братом, осторожно шагая совершенно бесшумно, когда под ногами огромных мужчин не шелестела трава, и не ломались мелкие веточки, словно они умели парить над землей. Обогнув дом, баню, а затем небольшое строение мы оказались у небольшого домика, который я сразу и не заметила в густой растительности леса, словно мы вышли за пределы обжитого пространства.

— Этот дом отец построил для нас в период нашего перехода, замучившись постоянно ремонтировать главный дом. Здесь мы жили с Ураганом, когда учились владеть своим телом и нервами, — обернулся к нам Туман, приоткрывая дверь и впуская внутрь. Домик оказался небольшим и состоял всего из двух комнат, одна из которых была спальней с двумя кроватями, а вторая подобием игровой.

— Можешь жить здесь, сколько хочешь, Мия, — улыбнулся Туман, склонившись надо мной, когда Янтарь осторожно уложил меня на одну из кроватей, что была слева, бережно укрыв одеялом. Бельё пахло лесом и свежестью, и я с блаженством постаралась устроиться удобнее, чувствуя себя в безопасности и стараясь не обращать внимания на ноющее и

содрогающееся тело.

— Спи и ничего не бойся, мы всегда будем поблизости, — Янтарь чуть коснулся горячей ладонью моей щеки, прошептав, когда Туман вышел за дверь, подмигнув мне, — Мия...знаю, что сейчас ты меня не поймешь, но я должен сказать, что Север вел себя достойно...

— Ты прав, — прошептала я ответ, — я не смогу понять....

Бер кивнул, и, не проронив больше ни слова, вышел, тихо закрыв за собой дверь.

Прикрыв глаза я заставляла себя уснуть, стараясь не думать о Севере...

Жутко было понимать, что я боюсь его, и злюсь...но при этом не могу ненавидеть...

— ...извращенец синеглазый... — зло прошептала я себе под нос, взвизгнув, когда в темноте комнаты, озаряемой неясным светом луны, раздался знакомый бархатный голос:

— Согласен...

Север сидел прямо на полу у моей кровати, положив лицо на ее край, и просто смотрел на меня своими сверкающими глазами, которые светились в темноте. Сердце тут же забило в истерике, как и тело, когда я попыталась отползти от него, как можно дальше, понимания, что в моем состоянии не смогу сделать и шага, не то, чтобы бежать...впрочем пользу бега с Берами я уже поняла, как и то, что больше не совершу эту ошибку никогда.

— Нет, пожалуйста, не бойся.... - его черные брови изогнулись умоляюще, и Север чуть поморщился, словно мое поведение причиняло ему боль, не пытаясь прикоснуться ко мне и держась на расстоянии, — я пришел попроситься...

— Прекрасно! Катись и скатертью дорожка! И ежиков под ноги на каждом шагу! — зашипела я, все — равно дрожа и закрываясь одеялом так, что торчали лишь одни глаза, видя как губы Севера растянулись в улыбку, когда он чуть прикусил нижнюю губу, сверкнув одним острым клыком. И как бы я не полыхала неприятной смесью паники и ярости, даже в таком состоянии невозможно было признать, что Север просто красавчик. Жестокий, нелогичный, извращенец и насильник, но черт побери...такой обаятельный!

— И даже ежиков не жалко? — сладко улыбался он, рассматривая меня как всегда жадно и пронзительно, и, чувствуя себя голой и хрупкой даже в полотенце и под одеялом, я в ужасе просипела:

— ... не смей....

Север моргнул и отодвинулся назад, опустив глаза в пол, пока я в ужасе прислушивалась к его дыханию, которое он словно пытался взять под контроль, какое-то время просто молча сидя на полу.

— Мы можем поговорить? — наконец осторожно и тихо произнес он, все еще не поднимая своих глаз, блики от которых можно было видеть на темном полу.

— Нет...

Он скованно повел плечом медленно, не делая ни единого резкого движения, посмотрев на меня сквозь свои густые черные ресницы:

— Могу я лечь с тобой просто....

— НЕТ!

Комок паники снова уродливой ядовитой змеей свернулся где-то в животе, подползая колючим шаром к горлу, когда Север поднялся на ноги, затмив своими огромными плечами свет луны, и в следующую секунду уже лежал за мной, вытянувшись в полный рост и

обнимая меня одной рукой, за долю секунды уложив рядом.

— Я б-б-уду кричать.... - еле живая от страха выдавила я, чувствуя, как его ладонь скользнула под одеяло и полотенце, застыв внизу живота и накрыв область пупка и чуть ниже, не двигаясь больше.

Пара секунд тянулись целую вечность, пока меня буквально колотило в ожидании новой боли и насилия, а Север просто лежал, не шелохнувшись и лишь держа свою горячую ладонь на пульсирующем от боли животе.

— Ч-что ты делаешь? — не выдержав ожидания и звенящей тишины прошептала я, вцепившись в его руку, заранее зная, что он даже не обратит внимания.

— Хочу забрать твою боль, — тихий голос Севера в этой темноте казался просто сказочным и настолько мягким, словно его можно было ощутить на ощупь, как кошачьи лапки.

— ...мог бы ее не причинять...

Выдох Севера за моей спиной был протяжным и тяжелым, запутавшийся в моих мокрых волосах.

— По другому нельзя, девочка...ты человек, а законы Беров жестоки...

— Законы Беров гласят насилловать людей?

— Я не насилдовал тебя...

Я могла бы поклясться, что от моего нервного хриплого смеха, Север нахмурился, однако не сделав попытки пошевелиться и по-прежнему держа руку на одном месте, откуда растекалось тепло, которое словно оседало на кожу, убаюкивая внутреннюю боль.

— А что же тогда ты сделал?

— Сделал тебя своей...

— У вас это так называется?

Север снова замолчал, словно пытаюсь понять, о чем я говорю, когда произнес так же тихо и убаюкивающее:

— В мире Беров нет места людям. И если ты знаешь о нас, то должна быть либо мертва либо..

— Ходить с клеймом?

— С меткой, — судя по голосу Север улыбался, — человек с меткой Бера неприкосновенен для остальных.

— И нет другого способа ставить эту метку? Ну не знаю....потереться, как об дерево...

Вспоминая, что некоторые животные метят свою территорию исключительно тем, что писают по углам, я как-то не решилась предложить этот вариант вслух.

Ладонь Севера шевельнулась, отчего я испуганно сжалась, но он лишь легко погладил мой живот, снова положив ее на прежнее место, обволакивая своим теплом.

— У каждого Бера есть свой запах, данный от природы. Этот запах должен смешаться с запахом человека, оберегая его...

— А поплевать на руки и пожать ладони не получится?...

Север приглушенно рассмеялся, снова погладив мой живот, но не делая попытки проскользнуть внутрь бедер:

— Боюсь, что так просто не получится.

— Я заметила... — сухо пробормотала я, не желая признаваться себе в том, что его тепло на самом деле действует успокаивающе на мой многострадальный живот, и боль утихала постепенно, но весьма заметно, словно испугавшись его присутствия рядом...и как я

ее понимала.

Притихнув, я просто лежала под его ладонью, почему-то думая о том, что опустишь он немного ниже, возможно, что прошло бы и неприятное чувство между бедер, где что-то пульсировало и жгло...не знаю почему в моей голове вспыхнул образ того, как мы стояли у сломленного дерева и его пальцы были во мне, не пугая болью, а даря эмоции, которые я зря боялась, не понимая, откуда они возникли во мне...

— Мия...о чем ты думаешь?...

Стоило его голосу мягкому и убаюкивающему, поймать легкую хрипотцу, как холодный пот выступил на теле, и я сжалась, с ужасом ощущая резкий выдох и тишину, словно Север затаил дыхание.

— Я не трону тебя, девочка....

Возможно, пришел с намерением поговорить, но я уже слышала эти вибрирующие нотки и зарождающийся рокот в его груди, и отчетливо понимала, что его зверь пробудился. Только Север

по — прежнему не пытался пошевелиться, неожиданно прошептал:

— Не всегда будет больно...

— Не думаю, что я захочу попробовать это еще раз.

Только мой напряженный ответ вызвал его улыбку, которую я почувствовала в его голосе:

— Захочешь, поверь мне, и потом скажешь, что я был прав.

Какая нечеловеческая самонадеянность!.. Я едва не фыркнула, чуть закатив глаза.

— Как-то не верится, что я буду обсуждать с тобой такие вещи.

— А что такого? Сестрички у Беров не предусмотрены...ну только что если заплести Туману косу.

И не выдержав, я улыбнулась, замерев, когда его ладонь снова сделала поглаживающий круг на моем животе, снова опустившись на свое насиженное место, где было тепло, и где умирала боль.

— Лишь бы потом Туман тебе не заплел чего другого, — не удержалась я от язвительности, прекрасно понимая, что едва ли кто-то сможет побороть Бера, способного расколоть каменную глыбу почти с меня ростом... хотя. Я ведь не знала, на что способен Туман. Может они все лупят камни, как орешки?....

Север тихо рассмеялся за моей спиной, и его бархатное звучание растеклось по мне странными предательскими мурашками, которые он, очевидно, заметил, замолчав и снова затаив дыхание, принявшись неловко запикивать свободной от моего живота рукой, между моей спиной и собой толстое одеяло.

— Мне не холодно... — почему то пролепетала я, слыша его сиплое и приглушенное:

— Зато мне слишком жарко....

Я напряглась снова, слыша знакомые нотки в его голосе, и чувствуя, как окаменело его огромное тело, и Север затаил дыхание, прежде чем проговорил:

— У нас не будет все легко, Мия...

Я бы хотела сказать ему, что уже заметила это, если бы только доверяла собственному голосу, но Север не остановился, вдруг заговорив снова:

— Согласно нашей легенде, очень давно жил человек, имеющий власть над животными.

Он не пытался подавить их, не вставал выше, он пользовался их доверием настолько, что мог использовать магию, отсылая свою душу в тело зверя. Его душа была связана с телом великого медведя, который позволял использовать свою мощь во время битв... Однажды враги нашли тело мага и закололи его, оставив его душу скитаться на воле, не зная покоя. Медведь пустил его в себя... долгое время две души в теле зверя существовали едино, когда маг понял, что больше не сможет быть человеком, оставишь зверем навсегда... он не мог вернуться к любимой жене, не мог говорить...

Затаив дыхание, я впервые расслабилась в руках огромного мужчины, словно возвращаясь во время, когда сутками напролет лежала под горячим боком, не опасаясь его... и не боясь своих эмоций, которые отталкивала от себя, прячась за испугом и злостью.

— Маг взял в жены лесную медведицу, которую избрала душа медведя, но от этого союза родились не звери, а люди. Родился его сын, который стал первым Бером. Истинным войном с единой душой и двумя обличьями, обладающий силой зверя и разумом человека. Это был Бер, наш прародитель, чья кровь имела наивысшую силу, не сравнимую с людской или медвежьей.

Замолчав на секунду Север, снова затаил дыхание, погладив мой живот, прежде чем продолжил:

— Возмужав, Проотец Беров вернулся к людям, чтобы найти свою судьбу, свою жену, но скоро понял, что его сила убивает их в первую же ночь...

Я вздрогнула, отчетливо видя перед собой великого огромного война, который рыдал над телом растерзанной любимой, сжав пальцы Севера на своем животе, но не для того, чтобы в страхе убрать... а чтобы поддержать, потому что теперь его голос дрожал, словно чувствовал боль и беспомощность своего далекого предка.

— Его сила стала его проклятьем, Мия... рожденный великим и непобедимым он не мог жить среди людей, не причиняя им вреда. Десятилетиями он скитался по миру, не зная покоя, не в силах жить жизнью людей и иметь семью... даже когда он научился сдерживать свою силу и страсть, и женщины оставались живы после зачатия, они умирали, вынашивая новых беров, которые даже в утробе своих человеческих матерей были слишком сильны... И Проотец Беров снова вернулся в лес в обличье зверя, отыскав медведицу, которая родила ему сына. Его первого сына, Бурого. Он был страшим среди братьев. После Бурого был рожден Бер Белый, Гризли и Кадьяк. Рожденные от разных медведиц братья были единой крови с их отцом... так появились наши роды. Но помня о том, сколько женщин погибло в его объятьях, Проотец запретил Берам приближаться к человеческим женщинам, создав единый закон, в котором было сказано, что Беры — войны, обязанные жить закрытыми общинами и нести секрет своего рождения и существования вдали от человечества, ибо мы не были людьми по рождению...

Замолчав снова и погладив живот, Север неожиданно спросил с улыбкой в голосе:

— Интересно?...

— Нет, — восторженно выдохнула я, слыша его сладкий и такой волнующий тело смех, с мурлыкающим:

— Лооооожь....

— А что было дальше?...

Горячие пальцы Севера снова скользнули по животу, сделав легкий круг, и снова ладонь накрыла пупок и низ живота, принявшись легко и осторожно поглаживать, вырисовывая круги:

— Сыновья поклялись исполнять единый закон, спрятавшись в глубине лесов и поделив необъятные просторы между собой поровну. Со временем рождались новые Беры, и роды разрастались и ширились, и чтобы сохранить великую кровь Проотца, сыновья решили дополнить единый закон, запретив Первой линии, самой чистой кровной линии, идущей от самого Проотца, иметь связь с людьми под карой смерти. Но никто не смог удержать Беров от любви, Мия...

Горячее дыхание коснулось моей шеи, и я сжалась в ожидании продолжения, пытаюсь прогнать стадо надоедливых мурашек, которые радостно бегали по коже, размахивая своими мокрыми трусами...предатели! Наверно все эти мурашки исключительно женского пола, поэтому они не способны устоять перед дыханием и голосом Севера.

Бер за моей спиной сделал глубокий вдох и рваный выдох, снова буквально окаменев и прижав ладонь к моей влажной коже, на несколько секунду застыв, но все-таки натужно продолжив своим убаюкивающим голосом, в котором все-таки сквозила выдающая чувства хрипотца:

— Ничто не могло удержать Беров от любопытства, но увидев женщин всего лишь раз, они становились безумными от любви, не боясь больше собственной смерти. В те времена Проотец и первые сыновья были мертвы, и старейшины четырех родов Беров собрались впервые вместе, чтобы решить, что смертей от связей с женщинами стало слишком много, и род Беров поредел. Они разрешили иметь связь с женщинами и посвящать их в тайны нашего существования лишь доказав свою преданность и поставив на них свою метку...те, кто выживали, могли поддерживать связь с Берами...и лишь хранителям единой чистой крови запрещено иметь связь с людьми...

Север замолчал напряженно и как-то совсем не радостно, прижавшись к моей спине и чуть касаясь кончиком носа шеи сзади.

— Ты хранитель единой чистой крови? — прошептала я, почувствовав, как Север кивнул.

— Те я не могу принадлежать тебе?...

Странно, но осознание этого момента сейчас, почему-то не вызвало во мне дикой радости, найдя отклик в душе чем-то, в чем я боялась разобраться здесь и сейчас, когда горячая ладонь Севера была на моем животе в сантиметрах от запретного местечка, а его дыхание становилось все более тревожным.

— Ты принадлежишь мне, Мия, и никто не сможет изменить этого. Я выбрал тебя.

— Но ваш закон...

— Я уже не часть своего рода, девочка, поэтому теоретически закон на меня не распространяется.

Я почему-то кивнула, стараясь воспринять услышанную информацию, которая была невероятно интересной и такой волшебной, хоть и дикой по своей сути...только получалось это с трудом, когда тело все больше и острее реагировало на Бера за моей спиной, то мурашками, то дрожью, которую Север конечно же замечал, борясь со своим дыханием и голосом.

— У нас не будет все легко, Мия....

Теперь его голос охрип и дрогнул, и по моему позвоночнику словно забегали мелкие кусающие разряды жара, исходяемые его большим телом, а я моргала, снова закусывая болезненно опухшие губы.

— Во мне кровь Проотца, его сила...

— ...ты камень на части разбил...и дерево раскурочил... — прошептала я, отчего-то смутившись, потому что перед глазами вдруг снова возникла картина, как я стояла, цепляясь руками в раскрошенный ствол бедного дерева со спущенными трусиками и джинсами, пока его рука была во мне глядя и зажигая огонь, который он как-то посадил внутрь меня, управляя им своими пальцами...и этим голосом, который хрипло простонал за спиной:

— Мияяяяя!!!! Черт не думай об этом!..

Север вскочил с кровати так же молениносно. быстро и бесшумно, как завалился до этого, заметавшись по комнате, пытаюсь сдержать в себе низкое грудное рычание, пока я, зажмурившись и сжавшись под одеялом, судорожно зашептала:

— ...раз овечка, два овечка....

— Пара овечек чем может заниматься, Мия?...

— ...три овечка...

— ...а это уже пахнет групповым безобразием....

Сердце грохотало где-то в районе живота, где недавно была горячая ладонь Севера, которая спасала меня от боли, и сначала мне показалось, что я перестала слышать его, потому что слегка оглохла, но осторожно открыв глаза, я снова увидела перед собой лицо Севера и его глаза, которые светились ярче обычного отбрасывая блики на длинные ресницы.

— Прости, что твой первый раз случился в лесу и был для тебя так неприятен... — кончики пальцев осторожно коснулись моей щеки, обводя овал лица и опускаясь на губы, — но у нас очень мало времени, девочка...если я хорошо знаю брата, то скоро нам предстоит долгая и нелегкая дорога, которую ты бы не перенесла с открытой раной. Но ты успеешь поправиться к тому времени, что мы вернемся....

Словно почувствовав что-то, Север обернулся через плечо, чуть поморщившись, и повернулся ко мне, снова полыхнув своими синими глазами так ярко и жадно, что я икнула.

— Мне пора.... - прошептал один из самых сильных Беров на планете, скользнув своим горячим взглядом по моим губам и резко поднимаясь на ноги, дернувшись в сторону двери так быстро, что стал лишь размытым силуэтом. Только я не успела выдохнуть, как его лицо оказалось возле меня снова и жадные губы впились в мои, настойчиво проникая внутрь языком с глухим рычанием и стоном, подавляя любые попытки к сопротивлению, и выключая соединение с разумом. Дикий, необузданный и бархатный язык хозяйствовал, глубоко и страстно, отбирая дыхание и подавляя меня. Он скользил по моему языку, терся и находил отклик не только на губах, но и во всем теле...

— Ты будешь ждать меня, Мия? — мои губы были свободны лишь когда я стала задыхаться, но Север не отступил, снова и снова касаясь моих губ теперь быстро и резко, то осторожно прикусывая нижнюю губу, то проводя языком по верхней. Голос просто покинул меня, когда я выдохнула в его горячие влажные губы: «Нет....», слыша бархатный низкий смех и мурчащее:

— Лоооооожь....

Север исчез из домика так же стремительно и неслышно, как появился здесь, но мне, распластанной на кровати и едва дышащей от томительных чувств, просыпающихся в теле, где все еще царил боль, казалось, что я слышу его призрачный довольный смех....

Проснувшись утром я не почувствовала себя лучше...боль напомнила о себе сразу, как только я просто попыталась перевернуться с бока на спину, и, застонав, я обхватила низ живота руками, почему-то подумав о Севере, и о том, что его горячей ладони сейчас очень не хватало...

На стуле рядом с кроватью висела очередная длинная юбка и что-то похожее на белую рубашку с мелкими пуговичками от тетушки Зои, словно мои джинсы и рубашка сгнули вместе с девственностью....

Глотая слезы и проклиная Севера за его любовь к законам Беров, Лютого за длинный язык и вообще всех Беров за их габариты и несдержанность, я шипела и ругалась, пытаюсь натянуть на себя одежду, чтобы выйти из домика, который в свете дня оказался просто очаровательным и таким невероятно уютным.

Шагать было просто настоящим адом. Сжав колени и стараясь дышать в такт шагам, я передвигалась, словно гейша, с ужасом думая о том, не по этой ли причине они так ходили постоянно, и что с ними творили, раз приходилось так передвигаться.

На крыльце дома сидел Янтарь строгая большую ветку острым ножом, и его каштановая грива переливалась в лучах солнца, но стоило мне сделать шаг на порог, как он уже стоял рядом, приветливо улыбаясь, и осторожно поднимая меня на руки.

— Быстрее ветра, — вздрогнула я, когда он за долю секунды преодолел расстояние в два дома и еще одно строение, видя, как в свете дня сияют его солнечные глаза и слыша низкий рокочущий бас:

— Выспалась?

Сильные руки подхватили меня под попу, приподнимая аккуратно и медленно, но все-равно я поморщилась от ожившей внутри боли, обхватив широченные плечи рукой и прижимаясь к груди того, кто стал моим братом, защитой и опорой.

— Да...в домике чудесно спится, — упустив момент того, что еще и неплохо разговаривается, я отчего-то покраснела, хотя именно на кровати этой ночью ничего не случилось...если не считать задушевного разговора и последнего поцелуя Севера, от которого мурашки проснулись и зашевелились, принявшись стягивать свои трусики и бусики. А ведь его даже не было рядом...

Не в силах сдержать себя, я принялась осматриваться, надеясь, что делаю это вполне себе незаметно, но, кажется, от вездесущих Беров было невозможно скрыть совершенно ничего, потому что Янтарь заулыбался, отводя глаза и говоря как-бы между прочим:

— Лютый и Север ушли еще ночью.... - не услышав от меня ответа, мужчина с явным озорством и неподдельным интересом уставился на меня, чуть изогнув свою бровь, — я думал, Север сказал тебе, что они уходят...

Не зная кивнуть мне или фыркнуть в ответ, показывая, что плевать я хотела на передвижение этих двух отмороженных, я поняла, что начинаю краснеть сильнее при воспоминании об этой ночи и под пристальным веселым взглядом Янтаря растерялась совершенно, демонстративно дернув плечом:

— Ушли и ушли, мне то что!..

— И тебе не интересно, куда они направились? — Янтарь откровенно забавлялся над

моей реакцией и попыткой скрыть свое смущение и какой-то внутренний душевный раздрай, когда я все-таки фыркнула:

— Нет!

«Лooooooожь» — промурлыкал голос Севера в моей голове своим бархатным облизывающим голосом, включая зеленый свет подлым мурашкам, которые радостно вывалились на мою кожу, принявшись носиться хаотично, и мелькая голыми задами. Плохие мурашки!

Янтарь улыбнулся шире, снова поведя своей красноречивой бровью, словно протянув: «Серьезно?», и, конечно же, не удержался, чтобы все-равно не сказать:

— Они пошли на земли Кадьяков, Мия.

ЧТО?!

Мурашки с визгом испарились, уступив место холодной колкой подступы паники, что поднималась от кончиков пальцев ног выше и выше, замораживая и заставляя содрогнуться.

— О Господи...зачем???

— Они так решили, — просто ответил Янтарь, а я вдруг почувствовала тошноту от мысли о том, что с ними может что-нибудь случиться.

Ладно, хорошо. Теперь я знала, что Север был прямым потомком первого Бера, того самого Протца и его сила едва ли умещалась в какие-то разумные границы представления обычного человека, которым я являлась. И, судя по всему, Лютый был из той же оперы, учитывая огромный рост и выступающие клыки, как и у Севера, но еще я отчетливо помнила слова Янтаря: «Он силен. Гораздо сильнее нас всех вместе взятых...но врагов может быть не три, а тридцать...»... а если врагов будет на 30, а 300?! Услышав свой собственный судорожный вздох, я уставилась на улыбающееся лицо Янтаря, который отчего-то был по-нелепому счастлив, протянув:

— Переживаешь?...

— Ещё чего не хватало! — фыркнула я снова, прикрыв глаза и едва не застонав, когда в голове снова пронесся призрачный мурлыкающий голос Севера, который сладко и бархатно протянул: «Лooooожь...»

Видимо именно так сходят с ума! Потому что его не было рядом! Кажется, живи себе и радуйся временной свободе, и не вздрагивай от каждой огромной тени, появляющейся в пределах видимости! А еще лучше подумай о том, как можно сбежать, или уговорить оставить меня здесь, с тетушкой Зои изучать обязанности Хранителей леса, но нет же...

Я вздрогнула, вцепившись в плечи цветущего и улыбающегося во все уши Янтаря, когда из дома на крыльцо буквально вывалились жующие и ржущие Туман и Ураган, таща в руках что-то, и послышался разъяренный крик тетушки Зои:

— Тридцать сэнгвичей!!!!!! Вернитесь немедленно, кому говорю!!!!!

Только проносящиеся мимо Беры, бессовестно смеялись, подмигивая и просто исчезая из видимости, когда Янтарь скривился недовольно и злобно:

— Убью к чертям! Они только что сожрали наш завтрак!

А я лишь прикрыла глаза, рассмеявшись — Беры, такие Беры.

Конечно же, Туману и Урагану досталось, при чем в первую очередь от тетушки, а потом уже от Янтаря, когда спустя несколько часов они вернулись домой, и то, видимо, только потому, что учуяли ароматы готовящегося обеда. Я помогала по дому, как могла, сидя

на веранде на мягком стульчике, и второй часочищая тазик картошки, который никак не заканчивался, чтобы потом приготовить и ужин для огромной и вечно голодной компании дружных Беров.

Туман, Ураган и Янтарь были тут же, рассевшись прямо на деревянном полу, строгая ветки необычными острыми ножами, делая из них своего рода колья...и я боялась спросить, зачем они это делают, стараясь не мешать и не вмешиваться в их разговор, с интересом наблюдая за ними в спокойном положении, и при свете дня.

Подумать только, мы были знакомы почти месяц, а я толком не могла их даже рассмотреть, то занимаясь лечением Севера, то пытаюсь не вывалиться из трясущейся телеги, пока мы добирались сюда, то пытаюсь разобраться в том, что случилось за последние сутки....

Оказывается Туман и Ураган не были близнецами. Теперь я отчетливо видела, что они совершенно не похожи, если только не считать их длинных черных волос по лопатки и пронзительных зеленых глаз, таких ярких, словно молодая листва. У Тумана была красивая улыбка и аккуратная борода, которая скорее выглядела, как слегка отросшая щетина, а еще он часто шутил и был озорным и забавным, подначивая брата, который моментально заводился, часто отвечая на его шутки увесистыми ударами. Кажется, Туман был более общительным и разговорчивым, часто шутя или говоря что-то язвительное и колкое, но все-равно смешное, отчего Янтарь хохотал, словно сумасшедший, своим низким рокочущим голосом, от звука которого из кустов уносились все щебечущие пташки.

А еще у Тумана был необычный зрачок... не такой черный, как у всех, он словно отражал свет, как обычно бывает у сов или волков, и я была готова поспорить, что его зрачок светится в темноте, хотя никогда не замечала этого раньше. Мощный и огромный он был такой же великан, как Янтарь или Ураган, и каждая его мышца плавно перетекала из одного положения в другое, под золотистой чуть смуглой кожей. Такое необычное и завораживающее сочетание ярких зеленых глаз, смоляно-черных волос и смуглой кожи. И у него была очаровательная улыбка, чувственная, томная....

Странно, что Ураган, имея похожую внешность и огромные габариты, был более замкнутым и молчаливым, иногда улыбаясь на шутки брата и не произнося и лишнего слова. Его глаза были чуть темнее глаз Тумана, словно сумеречный лес, и смотрели всегда очень пронзительно и оценивающе, словно Бер замечал каждую мелочь и взвешивал каждое услышанное слово. В своей замкнутости и явной наблюдательности он казался таким мыслителем — спокойным, уравновешенным, словно удав, который всегда знает, когда время спать и не дергаться, а когда рвать и метать без сожаления.

— ...зачем они туда пошли...

Я вздрогнула, едва не уронив нож, когда Туман перестал шутить и язвить, неожиданно нахмурившись и посмотрев куда-то вглубь леса. Не удержавшись, я проследила взглядом туда, куда он смотрел, затаив дыхание, в надежде увидеть две огромные фигуры, выходящие из леса...целыми и невредимыми.

— Север сказал, что так нужно...

Янтарь тоже перестал орудовать ножом, явно прислушиваясь к звукам в лесу, и три Бера на несколько секунд замерли, словно их внутренние локаторы настраивались на волну поиска.

— Зря пытаетесь, они слишком далеко, — Ураган как всегда говорил спокойно и даже как-то меланхолично, первым взяв в руки очередную большую палку и принявшись строгать

ее конец в острый наконечник.

— Кажется, брат что-то задумал? — Туман тоже потянулся за очередной палкой, аккуратно положив уже наточенную в отдельную стопку и бросив попытки услышать тех, кто был далеко, — Самое удивительное, что мама не возражала...

Ураган как-то странно покосился на брата, неожиданно погрузившись в явно глубокие размышления.

— Что они хотят найти на землях Кадьяков?

Туман покосился на Янтаря, совершенно не обращая внимания на то, что его брат перестал орудовать ножом, полностью погрузившись в свои мысли, пока я не могла отвести от него глаз, не помня, что происходит, и, откровенно говоря, панически боясь того, что Ураган услышал или учуял что-то страшное...лишь бы с Севером и Лютым было все в порядке, и их морозные упругие зады не пострадали.

— Я знаю ровно столько же, сколько знаешь ты, Туман...

Но я почти не слышала разговора Янтаря и Тумана, боясь даже дышать, потому что неожиданно черный зрачок Урагана резко раскрылся, словно сработал какой-то внутренний переключатель, не зависящий от перемены света и тьмы. С лязгом нож вывалился из моих рук, когда я, еле дыша, прошептала:

— Ураган?....

Туман и Янтарь мгновенно собрались, напрягшись всем телом, словно готовые к атаке или нападению, припав к полу и едва не зарывав, когда Ураган перевел взгляд на меня, медленно моргнув и неожиданно поднявшись:

— Ждите меня здесь.

Руки тряслись так сильно, что я никак не могла поднять нож с пола, чувствуя, как слезы безмолвно потекли из глаз, и ощущая руки Янтаря на свои плечах, когда он быстро и порывисто обнял меня, обернувшись к Урагану, который уже спустился с лестницы веранды, застыв и словно приносиваясь:

— Брат, что случилось?

— Я должен кое-что сделать...

Не сказав больше ни слова, Ураган просто исчез из виду, оставив на веранде напряженных братьев и меня, борющуюся с дыханием от душивших слез.

— Ты чувствуешь что-нибудь? — обратился Янтарь к нахмурившемуся Туману, прижимая меня к себе, и осторожно вытирая большими ладонями бегущие слезы.

— Нет, а ты?

Янтарь лишь отрицательно покачал головой, склонившись надо мной и чуть улыбнувшись:

— Мия, все в порядке. Чего ты так испугалась?

— Куда убежал Ураган? — пытаюсь успокоиться, прошептала я, всматриваясь в солнечные глаза Бера и пытаюсь понять, не скрывает ли он от меня что-нибудь, хотя понимала, что Беры, прямые как валенки и, кажется, крайне не любят обманывать, говоря все прямо и часто просто шокируя этим.

— Да кто ж поймет этого полоумного! — криво усмехнулся Туман, снова усаживаясь на свое место и принявшись снова строгать палки. Кажется, Беры были спокойны, принявшись за свое дело и снова переговариваясь. Вернулась и я за свою работу, не в силах удержать себя оттого, что каждую минуту всматривалась в лес, словно он мог подсказать мне, что происходит.

Только настал вечер, а Ураган так и не вернулся...

А потом прошел еще один день, и еще...

Не было никаких новостей от Севера и Лютого, как и от Урагана, но Янтарь и Туман продолжали твердить, что не чувствуют ничего страшного и, кажется, не вдали. Только с каждым днем мне становилось все страшнее и страшнее...еда не лезла в горло, и я могла впихнуть в себя лишь чай, который тетушка готовила специально для меня, чтобы моя рана скорее зажила. Две бери-няньки постоянно вертелись рядом, развлекая меня разговорами и показывая лес все дальше и дальше от дома.

Вот и сегодня мы вышли на прогулку с Туманом, потому что Янтарь корпел над дырой в полу, которую сделал после неудачной шутки Тумана и своей не вовремя проснувшейся ярости.

— Что происходит, Туман? — тихо спрашивала я большого Бера, чьей зрачок действительно отражал свет луны в крошечной темноте, когда он буквально влетел на гору, со мной на плече и усадил меня на нагретый в течение дня солнцем большой камень, показывая черный лес под нашими ногами в свете огромной луны. Вид был просто завораживающе красивый, но сидя на большом камне, я с тоской подумала о Севере....

— Грядет нехорошее время, Мия...жестокое, мрачное и кровавое...

Туман опустил рядом со мной, раскрывая большую мускулистую руку, чтобы я могла сесть, прижавшись к его горячему каменному боку, что я с благодарностью сделала, прижавшись к его жаркой смуглой коже, прячась от собственных мыслей и ночного холода.

От Тумана исходил аромат свежести, но не лесной, как у Севера, или морозной, как у Лютого. Слово Туман только что вышел из дождливого леса, полным озоном, капельками росы и яркой сверкающей радугой. Так пахнет лес после дождя — свежестью, легкостью и дарящей жизнь влагой.

-..ты пахнешь дождем, — почему-то с улыбкой пробормотала я, боясь думать о войне со страшными безжалостными Кадьяками. Туман в ответ улыбнулся, кивнув и привычным движением мощной руки, откидывая за плечи свои длинные черные волосы:

— У каждого Бера свой запах.

Я не смогла сразу ответить, потому что подумала, что Север говорил мне об этом, и снова в груди зашевелилась что-то странное и такое тревожное, пока я всматривалась в лес под нашими ногами такой темный и таинственный, тонущий в подступающем тумане, словно могла в нем что-то рассмотреть или услышать.

— А чем пахну я? — наконец подняла я голову на Тумана, который широко улыбнулся, и, сверкнув своим необычным зрачком, быстро моргнул:

— Севером!

Я смутилась, понимая, что меня снова бросило в жар от мыслей о том, что теперь я принадлежу ему... Север оказался прав. Прошли дни, боль стала меньше и теперь все произошедшее я стала воспринимать все-таки немного иначе. Нет, я не перестала его бояться совсем, но теперь думала о нем чаще, чем о ком-либо, чувствуя странную дрожь в теле, когда вспоминала его коронную фразу или то, как он мурлыкал, вытворяя вещи, от которых было стыдно...но приятно.

Понимая, что все это время Туман просто смотрел на меня сверху вниз, широко улыбаясь, я стала буквально пунцовая, особенно когда слышала его довольный, смешливый голос:

— О чем ты думаешь, Мия?

— Туман...а Берам можно сломать нос и лишить их этого ужасно надоедливого обоняния?

Мужчина расхохотался и в свете луны его зрачок снова сверкнул, ловя ее отражение внутри глаза.

— Туман, у тебя глаза необычные...

Бер кивнул, все еще посмеиваясь и переводя взгляд на меня, словно лишний раз давая увидеть то, как отражают лунный свет его глаза. И снова я почему-то подумала о волках...но ведь он был мишкой.

— Почему так?

Туман лишь пожал своими огромными мощными плечами:

— Не знаю, я таким родился.

— И имена у вас такие необычные у всех...

— По сути у Беров нет имен, Мия, — Туман снова привлек меня к себе, приобняв могучей рукой, — это скорее характеристики, — на мой недоуменный взгляд, мужчина лишь пожал плечами, — это у людей ждут ребенка, сочиняя имя заранее. Беры же никогда не могут быть уверены наверняка, что его ребенок родится и выживет...Беры не знают каким он станет, когда возмужает, поэтому имена мы получаем только после перехода — когда наша человеческая сущность уравнивается звериную, не перетягивая ни в одну из сторон. Меня нарекли Туманом, потому что я умею неплохо скрываться. Ураган очень быстрый и передвигается так, что вряд ли его сможет кто-то догнать. У Янтаря особенные глаза, которые способны различать то, что другие могут не заметить. А Север и Лютый... — Бер задумчиво почесал свою черную щетину, — ну у них свое восприятие мира, отличное от остальных Беров.

— Отмороженное, — пробормотала я, чувствуя, как затряслись плечи Тумана от смеха. Когда мужчина неожиданно оглянулся, словно за нами мог стоять кто-то безмолвный и неощутимый, я напряглась до кончиков пальцев, отчаянно прислушиваясь и снова жутко испугавшись. Не за себя. А за Севера, Урагана и Лютого, боясь услышать плохие новости, которые могли знать только Беры.

— Что-то случилось?

Кажется, судя по усмешке и его тяжелому вздоху не должно было произойти что-то из ряда вон выходящего, но сердце все-равно стучало нервно и с перебоями, даже когда Туман улыбнулся, сокрушенно покачав головой, отчего прядки черных волос упали на его скулы:

— Ага, случилось. Случилось Янтарю родиться с руками из седалищного места, потому что ремонтник с него никакой, и он только сломал мой любимый топор.

Я улыбнулась, когда мужчина ловко поднялся, протягивая ко мне руки и поднимая с теплого камня, чтобы в считанные секунды спуститься с горы и отправится домой.

Находясь в крепких и надежных руках Бера по дороге к дому, я все-таки не удержала тревожного вопроса, который мучил душу каждую секунду с тех пор, как узнала, куда отправились два чистокровных Бера:

— ... А Север и Лютый?

— Пока вне зоны досягаемости...не переживай, Мия. Скоро они вернуться.

— И Ураган?

— Он в пределах нашего леса, но я не понимаю, что он творит...

По крайней мере, кажется, не стоило переживать хотя бы за одного из пропавших Беров. — Туман, а как вы чувствуете друг друга на таком расстоянии?

— По крови, — улыбнулся мне Туман своей очаровательной белозубой улыбкой, ставя на ноги уже у порога дома, и спеша на кухню, где слышалось недовольное ворчание Янтаря. Только моя душа все-равно почему-то продолжала метаться.

Север не говорил, когда они должны вернуться, и теперь я была уверена, что спрошу об этом обязательно, если они решат снова исчезнуть по очередным неотложным делам.

Не в силах находиться дома, слишком остро ощущая, что компания Беров не в полном составе, я медленно побрела к лесу, решив прогуляться еще немного. В конце — концов, тетушка Зои говорила, что дом и окрестности дома в несколько километров — это особая безопасная зона, куда не имеет права ступить ни один Бер, не заявив о себе. А Кадьяки еще не добрались до границы леса Гризли. Да и рядом с этими Берами было не страшно совершенно ничего...если не считать изнасилования.

Медленно продвигаясь вперед, я слушала, как ухает сова, и трещат насекомые в траве.

Я просто старалась найти свое душевное успокоение в этом призрачном ночном лесу и понять, что творилось со мной в последнее время. Понять, как я могла переживать и одновременно бояться того, кто не был человеком...и кто был моим, как и я — его.

Остановившись на знакомой поляне, я поняла, что смотрю на расколотый каменный валун, который разбил Север, когда я пыталась доказать ему, что не могу и не хочу быть его. Оказалось, что смогла...

Странно было чувствовать какое-то родство с этим местом, даже не смотря на то, что именно здесь мне причинили большую боль, от которой тело содрогалось до сих пор.

Забравшись на валун, я просто села, подтянув к себе колени под длинной юбкой, смотря на желтый глаз луны и стараясь не думать ни о чем, чтобы вернуться с чистыми мыслями домой.

Только в какой-то момент тело странно напряглось как-то само собой, от пугающего ощущения, словно вокруг меня воздух как-то сгустился и отяжелел, как обычно бывает перед сильной грозой... только на небе не было туч, и ничего не предвещало смены погоды.

По телу снова забегали мурашки, словно пытаюсь предупредить о том, что пора уносить ноги и как можно быстрее...или вопить. Вопить со всей силы, чтобы Туман и Янтарь услышали, и успели бы мне помочь...

И я закричала, только поздно, потому что мой крик, затих в широкой горячей ладони, обхватившей мое лицо, и, закрывая рот, а перед лицом оказались...полыхающие пламенем синие глаза.

— Север! — еле дыша, выдохнула я в руку, ощущая его аромат леса и прохлады ночного воздуха, и видя ослепительную улыбку, обнажившую два выпирающих клыка. Сердце все еще испуганно стучало, когда Бер осторожно убрал свою ладонь от моего лица, обхватывая своими сильными руками и по-хозяйски устраиваясь между моих ног, встав на колени, и уложив ладони на мои бедра.

— Ты напугал меня!

— Прости, — прошептали чувственные губы, потянувшись ко мне и коснувшись моих

губ сначала осторожно и нежно, словно проверяя, не закричу ли я, и не стану ли в панике отбиваться.

Не закричала. И не отбилась...

Даже сама не знаю почему, видя, как полыхнули восторгом его синие глаза сквозь веер черных ресниц, и Бер потянулся ко мне снова, в этот раз нависая сверху и притягивая к себе, когда я просто съехала по гладкому камню, уперевшись раскрытыми бедрами в его каменный торс. И мягкие настойчивые губы проглотили меня с жаром и жадностью, похозяйски проникая своим горячим бархатным языком, который принялся искать мой язык, поглаживая, играя и вторгаясь так глубоко и жарко, как только мог. Нависая надо мной, Север не позволял мне прийти в себя, увлекая в новый мир неизведанных ощущений, где правил его язык и горячее дыхание, заставляя запрокидывать голову в поисках этого жара, и прогибаться, чувствуя, как его ладони сжимают мои ягодицы, прижимая к горячему обнаженному телу все сильнее и сильнее, пока я не уперлась руками в его вибрирующую от рычания грудь.

— Я скучал по тебе, девочка...

Пытаясь отдышаться, и не чувствуя припухших губ, я прикрывала глаза, когда Север целовал мое лицо быстрыми горячими поцелуями, не то рыча, не то мурлыкая, не зная, что сказать в ответ, потому что мысли разбежались вместе с тараканами, танцую вальс и кружа сознание, где в хаосе правили горящие синие глаза и этот глубокий завораживающий своей мужской чистотой и совершенностью голос:

— Ты думала обо мне эти дни?...

— Нет... — едва дыша, выдохнула я в его влажные губы, видя широкую улыбку и озорные глаза, полные жара, и чувствуя, как мои дурные мурашки уже снимали свои трусики и бусики, пустившись в пляс по влажной коже, когда Север промурлыкал свое коронное и такое тянуче — сладкое:

— Лоооооожь.....

Его ловкие и жадные пальцы, скользнули по моим ногам, поднимая край длинной юбки все выше и выше, и рисуя неспеша замысловатые узоры на чувствительной коже, пробираясь от коленей до бедер, чтобы настойчиво, но мягко забраться в самое горячее пульсирующее местечко, не обращая внимания на мои попытки свести ноги или убрать его руку.

— Север, не надо!..

— Шшшшшшшшш, — его пальцы на секунду застыли, словно давая мне возможность привыкнуть к этому излишне интимному прикосновению, пока губы не останавливались ни на секунду, продолжая оставлять на коже десятки горячих поцелуев двинувшись на скулы, выше к уху, и чуть прикусив мочку, — не хочу, чтобы нас услышали остальные....

Пытаясь собрать мысли, и не поддаваться на растекающийся жар в теле, я покосилась в сторону дома, который можно было не слишком отчетливо увидеть сквозь деревья и низкий кустарник, углядев лишь свет в окошках, совершенно забыв для чего я это делала, потому что пальцы Севера неспешно задвигались во мне, проделав томный, медлительный путь сверху вниз и наоборот, потеряв набухшую шишечку, раздвигая складочки и собирая предательскую влагу пальцами.

— С-с-евер... - голос дрогнул, и затерялся в недрах огня, который поднимался откуда-то из живота, концентрируясь под его пальцами, и отзываясь тянущей болью внизу живота... только эта боль не пугала.

— Ммммм? — сладкое мурчание огромного тела и еще один легкий укус теперь в

область шеи, одновременно с тем, как его палец снова вернулся к шишечке, затронув ее и чуть надавив, когда я дернулась в обхватывающей меня руке, услышав тревожное и хриплое, — все еще больно?...

Поминая, что он все-равно узнает правду, я судорожно выдохнула, замерев оттого, что его пальцы на секунду перестали двигаться в ожидании моего ответа:

— Немного..., - прошептала я, облизнув сухие припухшие губы и отчего-то добавила еще тише, — ...но я уже могу сидеть и ходить...

Его губы улыбнулись, касаясь дрожащего плеча, и пальцы снова задвигались, сделав томительный и такой необходимый телу круг, снова задержавшись на самом чувствительном участке потаенного местечка, заставив меня закусить губу, чтобы не выпустить из глубины тела стон.

— Я аккуратно... — прошептали его горячие губы, едва касаясь кожи, и теперь опускаясь ниже, где начинался вырез рубашки, когда зубы сошлись на верхней пуговке, бессовестным образом аккуратно ее откусив. Едва не прошептав вслух, срывающееся: «Мамочки!..», я вцепилась в его широченные мускулистые плечи, ощущая, как под невероятно горячей гладкой кожей переливаются тугие мышцы. И его пальцы, которые сделал очередной круг, осторожно проникли внутрь, отчего мозг закоротило, как от удара током и тело предательски дрогнуло снова, а в груди Севера снова раздался этот низкий рокочущий мурлыкающий звук.

Кажется, мои дурные мурашки уже бессовестным образом совокуплялись прямо на мне, или каким образом моя дрожащая кожа вмиг стала влажной, и шар, внизу живота, куда сливался весь жар и тянущая боль, странным образом сжался.

Господи, что же делать?! Здоровых мыслей не было совершенно, потому что невозможно было даже определить собственного положения в этом сплюсненном от страсти мире, когда Север был везде — во мне пальцами, на моей коже своими жадными обжигающими губами, своим огромным телом, затмевающим луну и ночной свод, своим ароматом, где к лесной свежести добавился новый отчетливый аромат, которому я пока не могла дать определения, понимая лишь одно, что он мне до безумия нравился.

Так, что помогало мне раньше не сойти с ума, когда горячий шар внизу живота стал колотиться, заставляя тело мелко содрогаться в странных отрывистых судорогах, темп которых не зависел от моего сознания?

Поговорить. Нам нужно поговорить.

— С-север, — едва смогла выдохнуть я, задохнувшись на секунду оттого, что его пальцы, сделали плавный толчок внутри меня, пока большой палец неспеша массировал влажную капельку наверху.

Его дыхание было рваным и неглубоким, пока губы, прижатые ко мне, раскрылись и горячий язык лизнул грудь через ткань легкой рубашки, когда Север снова промурлыкал:

— Ммммммм?...

— Вы ходили в лес К-к-к.....адьяков?....

Кто такие Кадьяки и что мне от них нужно, растворилось в голове как-то слишком резко, когда горячие губы Севера, обхватили осторожно сосочек, не обращая внимания на влажную от его губ ткань, и я вцепилась в его плечи, не боясь поцарапать, и слыша лишь урчащий выдох, пока пальцы снова сделали осторожный толчок внутри меня.

— С-север, я с тобой общаться п-пытаюсь....

— Я слышу, — его улыбка была томной и волнующей, когда он нехотя оторвался от моей груди, снова возвышаясь, и загадочно полыхая своими жадными синими глазами, подавшись вперед и укладывая меня спиной на камень.

— Вы там что-то и-искали?...

Стараясь не потерять суть разговора, я понимала, что отчаянно проигрываю, когда его пальцы снова толкнулись внутри, делая это осторожно и плавно, скользя по внутренним стеночкам, который сжимались испуганно, но не пытались вытолкнуть то, что мягко и осторожно растягивало.

— Угуууу, — Север не пытался навалиться сверху, держа себя одной рукой надо мной, и внимательно глядя своими полыхающими глазами, где словно бурлила синяя лава, пока его могучая грудь сотрясалась от резких вдохов и выдохов.

— И...нашли?...

Новый толчок и определенный ритм, который вдруг стал усиливаться, при этом массируя легко и настойчиво мою бедную шишечку, что была готова разорваться, проткнув этот странный огненный шар внизу живота, который запульсировал сильнее, словно стягивая всю энергию тела в одну единственную точку.

— Да... — выдохнул Север, подавшись вперед и неожиданно, застонав в мои губы, пока его пальцы, сделали три быстрых и немного болезненных толчка, — дааааа, Мия....

И шар внутри меня оглушительно лопнул, заставляя тело сжаться в сладострастных конвульсиях, которые огненными волнами расходились жаром по всему телу, заставляя дрожать, отпустив из груди протяжный стон, полный какого-то облегчения и непередаваемой легкости, словно в животе было слишком много бабочек, которых выпустили на свободу, отчего теперь мое тело дрожало, чуть выгибаясь и покрываясь капельками пота.

Я судорожно сглотнула, облизав почему-то вмиг ставшие сухими губы, видя над собой улыбающееся лицо Севера, который выглядел таким довольным, гордым и зачарованным, что я покраснела, отводя глаза от этого затягивающего синего взгляда.

— ...и...что же вы искали? — хрипло пробормотала я, ощутив, как Север склонился надо мной, припав к губам осторожно и нежно, и выдохнув в мои губы мурчащее:

— Совесть Лютого.

Честно говоря, я думала, что Север растянется рядом со мной, прижав к себе и обнимая сильными руками, потому что было странное ощущение, что мои силы утекли вместе с этим пульсирующим шаром внутри, но неожиданно он вытянулся, и как-то весь напрягся, словно приюхиваясь, и быстро поднял меня на руки, прижав к груди, снова породив волну подступающей паники.

— Кто-то идет? — я пыталась испуганно выглянуть за могучее плечо Севера, когда он быстро зашагал вперед, поправив на мне юбку и рубашку, и держа на руках у своей груди.

— Ураган... — как-то странно поморщился Север, и, когда я растерянно пыталась заглянуть в его глаза, приглушенно добавил, словно отвечая на мой немой вопрос, почему такая спешка, — ...и он идет не один...

Беры уже ждали нас у дома, как всегда заняв оборонительную позицию полукругом, во главе с Лютым, и осторожно поставив меня на веранду, Север присоединился к строю, встав по левую сторону от холодного блондина.

Тетушка торопливо вышла из дома, вытирая руки, что были в муке о свой белый

передник, и взволнованно хмурясь на Беров, которые очевидно готовились к схватке. Пока не в силах понять были ли моя дрожь в коленках от только что перенесенного жара на камне, или потому что не успела выдать вопрос, что происходит, когда увидела все сама... и просто замерла от ужаса.

Из леса, словно огромное двулапое чудовище выходили десятки и десятки обнаженных черноволосых мужчин, идя целенаправленно и твердо вперед, и злобно сверкая своими яркими глазами в темноте ночи, словно сотни светящихся жучков взлетели из травы. Земля содрогалась и вибрировала от их неумолимой подступы, когда они приблизились настолько, что буквально окружили дом и владения тетушки Зои, вероятно просто позабыв о том, что это особая территория.

Но самым ужасным было то, что во главе этого злобного отряда шел Ураган — напряженный и хмурый, который не остановился, когда первые ряды встали, скалясь и рыча, а прошагал перед к полукругу своих братьев, заняв место рядом с Севером.

— Может, объяснишь, какого дьявола ты сделал? — от грудного рычания Тумана и его едва сдерживаемой ярости на брата, зеленые глаза полыхнули, и в необычном зрачке словно вспыхнула молния.

— ...они должны были знать... — твердо ответил Ураган, даже не обернувшись на брата, и весь ошетинился, глядя на злой и многочисленный отряд Беров, которые едва ли выглядели дружелюбно, издавая утробное рычание и показывая зубы.

В горле встал колючий ком паники, потому что, по всей видимости, это был весь род Гризли, и они явно были не рады гостям в нашем лице, переводя полыхающие ярость глаза с Севера на Лютого.

— Что здесь происходит? — громко и как всегда невероятно твердо прозвучал стальной голос тетушки, которая почему-то взяла меня за руку, потянув за себя, словно пытаюсь защитить.

— Молчи, Зоя! — прорычал один из Беров, что стоял в первой линии, — Ты приютила врага, а твои дети-предатели! — и его глаза переместились, кажется готовые убить одним взглядом... Севера.

Теперь я отчетливо видела, что все эти Беры, пришедшие сюда, рычали и плевались ненавистью, глядя исключительно на Севера, который продолжал стоять спокойно, лишь синие глаза полыхали сталью.

— Все они мои дети, и кто в этом сомневается, тот сомневается во мне! — прозвучал голос тетушки излишне резко и напористо, отчего Беры Гризли зарычали сильнее, принявшись что-то выкрикивать на непонятном языке, и некоторые из них, припав к земле и скалясь, обращались в больших черных медведей. Огромных медведей... только даже в своем звериной облики они были все-равно меньше Севера и Лютого, чьи спины и плечи напряглись и застыли.

— Ты знаешь, что Кадьяки развязали новую войну и идут на нас! — зарычал снова этот Бер, и его лицо исказилось от ярости, когда он закричал оглушительно и злобно, — А ты приютила Кадьяка!!

Какие Кадьяки?! Откуда здесь появилось это жуткое слово, от которого даже воздух словно пропитался кровью?

От его крика я содрогнулась, видя, как дернулся Север, словно чувствуя даже спиной,

что происходит со мной, но он не оглянулся и не сделал шаг назад ко мне и тетушке, прожигая своим тяжелым синим взглядом тех, кто в обличие медведей в воплем кинулись вперед, затормозив лишь на секунду, когда перед ними вдруг возник Ураган, прорывавший холодно и приглушенно, но не менее ужасно:

— ...этот шаг будет последним в вашей жизни. Тронете его — будете мертвы.

— Предатели! — завопили Гризли, и лес сотрясся от этого ужасающего крика, когда медведи все-таки кинулись вперед, и разразился настоящий Ад....

Лишь в тот момент я поняла легенду и то, какой силой были наделены носители чистой крови первого Бера. От Севера и Лютого буквально исходили волны этой безумной непередаваемой силы, отчего воздух вокруг их огромных тел сжимался и вибрировал, едва ли не начиная мерцать в полумраке, опаяля холодом. Они даже не пытались обратиться в зверей, раскидывая десятки летящих в них медвежьих тел, просто откидывая от себя с ужасающей силой, ломая кости от ударов и ровняя с землей тех, кто пытался прорваться дальше. Они не пытались уворачиваться от когтистых лап, просто раз за разом отбрасывая от себя обезумевших от ярости зверей, стоя плечо к плечу и помогая Туману, Урагану и Янтарю держать оборону.

Земля стонала под ногами, содрогаясь от грохота и силы когтистых лап, которые оставляли глубокие борозды на влажной траве, снова и снова кидаясь в попытке убить чужих их роду Беров, когда в какофонии воплей, рычания и криков, раздался жесткий, сильный и властный голос, произнеся лишь одно резкое непонятное слово, отчего Гризли буквально застыли на своих местах, и на лес опустилась ужасающая тишина, где слышалось лишь тяжелое хриплое дыхание раненых медведей.

Меня трясло, словно в лихорадке и зубы стучали друг об друга, когда тетушка обхватила меня руками, прижав к себе. Она не дрожала, и ее руки были сильны и крепки...лишь сердце глухо стучало в груди, выдавая волнение и страх. Я же еле стояла на ногах, удивляясь тому, как еще не грохнулась в обморок, цепляясь за последние крохи стойкости и рассудка, видя, как медленно расступаются ряды Гризли, словно волны, пропуская вперед медленно идущего мужчину.

Первое, что я подумала, когда увидела его, что он чистокровный, подобно Северу и Лютому, потому что он шел неторопливо и спокойно, возвышаясь над остальными Гризли едва ли не на голову. Но в каждом его шаге чувствовалась та самая сила и мощь, которую невозможно передать словами, но которую можно ощутить на собственной коже кусающими разрядами.

А еще он был одет. В потрепанные джинсы и клетчатую рубашку, и, увидь я его где-то в лесу, то подумала бы, что это бывший спортсмен, который завязал с карьерой бойца, чтобы заняться сельским хозяйством. Закатанные рукава рубашки были немного замазаны в чем-то напоминающим машинное масло, как и небольшая грязь на джинсах, словно он копался в машине или тракторе, стоя на коленях. У этого Бера было удивительно красивое, простое и одухотворенное лицо...словно он был отцом, строгим, но искренне любящим, и в его черных волосах и аккуратной бороде проступала резкими полосками белая седина, а серые глаза смотрели пристально, но без злобы.

— Доброй ночи, Зоя, — спокойно проговорил он, подойдя почти вплотную к дому и словно не обращая внимания на рычащих и сходящих с ума от гнева за его спиной Беров. Теплая душевная улыбка и клыки, как признак его принадлежности к первой чистой крови Беров, — и тебе, маленькая гостя... — принявшись, мужчина улыбнулся сильнее, и как-

то озорно сверкнул глубокими серыми глазами, — его значит...кхм...интересно.

— Доброй ли? — недовольно нахмурилась тетушка, тем не менее, кивнув в ответ этому необычному большому мужчине, который подошел еще ближе, совершенно не напрягаясь от вида двух воинов, что были ему под стать. Он рассматривал их, не скрывая этого, но при этом не выказывая никакого негатива, что немного сбивало с толка.

— Прошу прощения за поведение рода Гризли на твоей земле, Зоя...моя вина, что они одичали и забыли правила и законы Беров. Я это исправлю, — снова прозвучал его глубокий спокойный голос, в который я напряженно вслушивалась, пытаясь услышать фальш или скрытую угрозу.

Беры за его спиной недовольно и как-то обиженно загудели, на что он совершенно не обратил внимания, всматриваясь в лица Севера и Янтаря, и продолжая говорить так же мягко и как-то даже по доброму, только я видела, что тела наших Беров были по-прежнему напряжены и готовы к любому выпадку. С подступившей тошнотой я видела кровавые подтеки на них, не в силах понять были ли они ранены, или это была кровь тех, кто пытался напасть и причинить вред братьям.

— До меня дошли слухи, что род Кадьяков вышел из своих земель и причинил много боли и вреда Бурым, а теперь направляется на наши земли, это так?...

Казалось, что вопрос был каким — то риторическим, потому что мужчина не обращался к кому-то конкретно, однако за его спиной Гризли снова загудели, словно рой бешеных пчел, принявшись выкрикивать:

— Он чертов Кадьяк!

— ...притащили его на наши земли!

— Предатели!!!!

— ...шпион! Пригрели змею!..

Голова шла кругом от того, что твердили эти сумасшедшие звери — Север не мог быть одним из врагов! Просто не мог!!!

И снова один из обезумевших от ярости Гризли кинулся вперед, пытаясь обернуться зверем прямо в полете, нацелившись на Севера, который стоял, не дрогнув и даже не моргнув, только огромная рука схватила Бера в прыжке, обхватив сильными пальцами за горло и подняв над землей. Чистокровный Гризли держал одного из своих Беров казалось бы не прилагая к этому совершенно никаких усилий, на вытянутой руке, поднимая верх, пока тот сипел и нелепо махал ногами в воздухе.

— Может, вспомним о манерах, дети мои? — устало произнес мужчина, — Во-первых приказа атаковать я не давал, — раскрыв свои сильные пальцы он отпустил болтающегося и начинающего синеть от недостатка кислорода Бера, который шмякнулся о землю, хрипя и поспешно отползая назад, — А во-вторых... — он сделал пару шагов вперед, встав почти нос к носу с Севером, — я впервые вижу врага, который не нападает и не старается убить, хотя мог бы уже легко обезглавить пару десятков вас, необразованных злобных засранцев...

Лютый напрягся сразу же, как только мужчина встал слишком близко к Северу, и я видела, как Север чуть сжал ладонь брата, заставляя его отступить назад. Холодные глаза Лютого полыхнули недовольством и внутренним напряжением, но все-таки он отступил.

— Я, нареченный Бер Сумрак, глава рода Гризли и их единственный правитель и наставник, — мужчина чуть склонил голову в знак приветствия, в этот момент выглядя далеко не фермером, а великим воином, для которого слово «честь» и «верность» значила больше, чем пустые слова, — и я был бы несказанно рад услышать вашу историю появления

здесь, молодой человек, чтобы решить, что с вами делать дальше...

Я тяжело сглотнула, уставившись на Севера огромными глазами, ожидая, что он опровергнет эти жуткие слова, и заставит всех замолчать, когда он вежливо склонил голову, и проговорил четко своим красивым бархатным голосом, который отразился в каждой клеточке моего тела:

— Я, нареченный Бер Север, изгнанный воин рода Кадьяков, второй законный сын убиенного правителя моего рода, Бера Алмаза...

Мир на секунду перестал существовать, когда я покачнулась в руках тетушки, которая удержала от падения, прижимая к себе сильнее, и что-то быстро одобряюще зашептала. Только я не могла разобрать ни одного слова, пока в моей голове истошно стучало лишь одно — КАДЬЯК! Север — Кадьяк!..

— За что ты был изгнан из рода, Север? — спокойно спросил Сумрак, словно не слыша, как за его спинами хмыкали Гризли, которые оказались правы в своих предположениях.

— За убийство старшего брата....

Кровь отхлынула от моего лица, и тошнота подступила к горлу так резко и болезненно, что я дернулась в руках тетушки, стараясь уйти, чтобы не слышать больше ничего.

Видя, как дернулся Север, я подумала, что он почувствовал то, что мне стало жутко от мысли, что он был враг. И подлый убийца родной крови. Только сердце стонало и кричало, что это не могло быть правдой! Да, иногда Север был несдержан и, как все Беры, резок, но его синие глаза не могли врать! А мое сердце не верило в то, что было все именно так, как я только что слышала....Он не был плохим Бером! Он не был злым и жестоким, даже если сам признался....в этом должно было быть какое-то объяснение!

— ...это неправда, — просипела я, готовая закричать эти слова, и, чувствуя, как ладонь тетушки быстро ложиться на мое лицо, закрывая рот и шепча, что нельзя вмешиваться, — Север не плохой! Север не враг!..пожалуйста, не трогайте его!..

Я видела, как изумленно порхнули длинные черные ресницы Севера, когда он чуть наклонил голову в нашу сторону, и мышцы на его спине плавно перекатились, напрягаясь и подрагивая.

Напряглись все Беры без исключения, и Янтарь подкрадывался ближе к брату, словно пытаясь быть ближе и отразить удар, только Сумрак не торопился вступать в бой и выкидывать нас с их земли, или убивать, глядя в глаза Севера, который не отводил своих синих глаз.

— Я знал Алмаза... — вдруг произнес Сумрак, поднимая руку, и обнажив свои клыки, прокусил ладонь, протягивая ее разодранную от ран и кровоточащую, ошарашенному Северу, — он был мудрым правителем и славным сильным воином....я скорбел, узнав о его ужасной кончине.

Север несколько секунду стоял совершенно ошарашенный, глядя на протянутую к нему окровавленную руку, когда вздрогнул, проделав то же самое, и крепко пожав широкую ладонь Сумрака. Их кровь строилась по мощным рукам, капая на землю, когда Сумрак просветленно улыбнулся, и обернулся к своим Берам, что застыли в полном шоке, пооткрывав рты:

— Те, кто верен мне и моему слову, будут верны Северу и его братьям. Те же, кто пойдет против них, пойдет и против меня.

Мой рот был открыт подобно челюстям Гризли, которые застыли в полном молчании, просто потерявшись, глядя на своего правителя и наставника Сумрака, словно он был не

иначе, как помешанным стариком, который не понимал, что творит.

Пока Сумрак подходил к каждому из братьев, крепко пожимая их ладони, которые Беры так же прокусывали своими клыками, я чувствовала, что начинаю медленно сходить с ума оттого, что не понимала совершенно ничего, и видя счастливые слезы в глазах тетушки Зои.

Пожав всем ладони, Сумрак остановился у веранды, тихо рассмеявшись, и протягивая руки к плачущей тетушке, когда я быстро выскользнула из ее рук, давая Беру мягко обнять ее:

— Моя славная храбрая Зоя! Знаю тебя 70 лет и не помню слез в твоих глазах, родная!

— Если бы за мои 70 лет жизни происходило подобное постоянно, я была бы давно уже в сумасшедшем доме, Сумрак! Твои парни лишили меня сна на несколько ночей, как минимум!

— Прости их, Зоя, — мужчина склонился почти вдвое, нежно и осторожно обнимая тетушку, которая обхватила его могучий торс руками, прижавшись к мощной груди, — я займусь их воспитанием сегодня же...

— Только не бей!

— Отчего же? — смоляно-черная широкая бровь Сумрака лукаво изогнулась.

— Так мне же потом их и лечить! — фыркнула тетушка, отчего могучий Бер мягко рассмеялся, согласно покачав головой и обращая свои теплые и такие спокойные серые глаза на меня, глядя с интересом и протягивая широкую ладонь, которая была не поранена острыми клыками:

— А теперь ты, маленькая отважная леди, — я шагнула к нему, почему-то посмотрев на Севера, который лишь кивнул в ответ, однако его глаза опасно полыхнули, — расскажи мне кто ты, храбрая защитница своего Кадьяка.

— Мия... — пролепетала я, содрогнувшись оттого, как страшно и непривычно звучали его слова.

— Дочка Хранитель рода Бурых, — гордо заявила тетушка, когда мы обе оказались в горячих и осторожных руках Сумрака, что улыбался лучезарно и по отечески по — доброму.

— Вот как? Интересно...и женой Бера стала так недавно, что еще не узнала всех тайн своего медвежьего мужа.

Я отчаянно покраснела, не зная, куда себя деть от пристального взгляда серых глаз, когда Беры Гризли снова зашевелились, кажется, только сейчас придя в себя.

— А как же мы, Сумрак?...

— А вы сейчас все до единого пойдете до плантации, и будете моими полными и безоговорочными рабами на поле до тех пор, пока не искупите своей вины за сегодняшнее негостеприимное поведение!..

Я закусила нижнюю губу, чтобы не улыбнуться, слыша, как некоторые грозные Гризли жалобно взвыли от предстоящей участи, и лишь один из них никак не мог успокоиться, снова пробасив:

— А как быть с Кадьяками?...

Сумрак отпустил меня и тетушку, снова обернувшись к Северу, чуть нахмурившись, но не излучая агрессии или неверия:

— Ты знаешь, кто ведет их, сынок?

— Карат, — не смотря на то, что голос Севера не дрогнул и оставался учтивым и как всегда бархатным, его синие глаза полыхнули такой жаждой крови и яростью, что я не задумываясь, отступила назад, боясь даже просто оказаться на пути этого взгляда.

Растерянно моргнув, и виновато покосившись на меня, Север на секунду опустил взгляд, спрятав его за своими черными ресницами.

— Кто он?

— Мой дядя...

— Не может случиться так, что Кадыяки идут за тобой, Север? — спросил кто-то из притихшей толпы Гризли, и было почему-то до боли приятно слышать то, что пусть один из этой толпы, но обратился к Северу по имени, будто и на самом деле признав его братом, — ты сказал, что являешься сыном убитого короля и что убил старшего брата, который должен был занять место главы твоего рода после смерти отца....

Воцарилась такая кромешная напряженная тишина, что перестали даже пиликать неугомонные кузнечики во влажной траве.

— Нет, — прозвучал холодный властный голос Лютого достаточно мягко, но я все-равно вздрогнула, услышав его, — более 10 лет мы скитаемся по свободным территориям. Вместе. Отец Севера был убит более 10 лет назад, как и был убит тот, кто поднял бунт против единого и законного короля...за эти годы мы встречали на своем пути множество Кадыяков, которые не интересовались судьбой преступника их рода. И лишь сейчас они вспомнили о том, что убийца не наказан....

Каждое слово Лютого отразилось во мне буквально землетрясением, но рука тетушки крепко держала меня, не давая упасть или споткнуться на пути к правде в жизни Севера, полной тайн.

— Последние несколько дней мы провели в лесах Кадыяков...их земли пусты. Оставлены только часовые и малочисленный отряд. Род Кадыяков идет вперед организованными группами, убивая целенаправленно и жестоко...Они убили Хранителя Бурых, показав всему миру, что начинают войну...а тела растерзанных беров оставляют, как метки своей новой территории...

Теперь тишина стала не просто ужасающей, а буквально гробовой, потому что Гризли хмурились и смотрели друг на друга, начиная полыхать новой волной ярости, сжимая огромные кулаки так сильно, что я снова испугалась, что они кинутся на братьев.

— Бурые не были готовы к нападению...

— Это подло и низко!

— ...мы не дадим пройти им дальше!

Голоса Гризли становились все громче и яростнее, но Сумрак смотрел лишь в ледяные глаза Лютого, который не менялся в лице, даже когда глава Гризли подошел к нему ближе, встав напротив.

— Что скажешь ты, сын?.. — приглушенно протянул Сумрак, глядя так, словно видел душу Лютого насквозь, и губы ледяного Бера плотно сжались, словно он не хотел выпустить из себя рвущихся наружу слов.

— Были времена последней войны людей, когда мы бились бок о бок с Белыми и Кадыяками...я знаю, на что они способны, знаю их силу....

В голове как-то сами по себе прозвучали слова тетушки Зои, когда она раз за разом твердила, что только род Лютого способен остановить Кадыяков. Только они так же сильны и огромны. Но я отчетливо помнила и то, как реагировал на это Лютый, едва не разнеся кухню...

Страшно было даже поднять взгляд на белокурого Бера, который продолжал молчать,

источая свой колкий лед и ужасающую холодность, когда я увидела чуть лукавый взгляд Севера, который он бросил на Урагана...

«— Вы нашли то, что искали?»

— Да, Мия....

— И что же это?

— Совесть Лютого...»

Я удивленно моргнула, покосившись и на тетушку, которая смотрела на Лютого так, словно добрая учительница, которая, прижав руки к сердцу, ожидает правильно ответа от самого нерадивого ученика, где-то нутром чувствуя, что он учил и готовился, и должен ответить правильно.

— ...заговор какой-то... — прорычал едва слышно Лютый, дернувшись, но тут же взяв себя в руки, словно был облачен в свою обычную холодную непроницаемую надменную маску, когда проговорил отчетливо и как всегда по ледяному отрешенно:

— Утром мы уходим к землям Белых...

Это все, что произнесли губы Лютого, но, кажется, этих слов было достаточно, чтобы неземное облегчение и радость отразилась на лице тетушки Зои и чувственные губы Севера дрогнули в едва заметной улыбке.

— Мы пойдем с вами!

— Если сражаться, то вместе!..

Снова раздались голоса Гризли и Беры зашумели, выражая свое желание идти с братьями, но Лютый лишь бросил колкий взгляд, рыкнув резкое и ледяное:

— Нет!

Сумрак улыбнулся тепло, и с какой-то гордостью посмотрев на Лютого, спокойно произнес:

— Дети мои, я рад, что вы готовы к битве и не боитесь встать на защиту своих земель, но дело не только в нас... У нас еще есть время дать отпор, но не здесь. Сыны, — повернулся он к Северу, Лютому, братьям Гризли и Янтарю, — пока вы будете у Белых, мы соберем необходимую провизию и оружие, и будем ждать вас у приграничного города с новостями... плохими или хорошими.

Лютый кивнул, не проронив ни слова, а я снова не понимала, что здесь твориться, вздрогнув, когда Сумрак напомнил своим Берам, что им пора брать в лапы плуги и идти на пашни, а тетушка Зои принялась помогать раненым. Постепенно поляна опустела, и Гризли разбрелись, ворча и что-то обсуждая, но на мой порыв помочь с ранеными, тетушка Зои лишь испуганно замотала головой, быстро отправив меня в домик, намекнув на то, что Север порвет любого, к кому я прикоснусь... даже ради помощи.

Ох уж эти звериные законы Беров!..

— А почему тогда Янтарь и Туман еще живы? — заглянула я быстро на кухню, где был развернут лазарет для пострадавших от рук наших братьев Гризли.

— Север чувствует, что для них ты сестра. Он знает их и верит, как себе самому, — быстро ответила тетушка, выпроваживая меня из дома. Тяжело вздохнув от собственной ненужности, я поплелась таки в домик, оглядываясь, потому что наши братья куда-то

пропали вместе с Сумраком.

Хороший он оказался Бер. Стоило просто заглянуть в его серые глаза, чтобы понять, что он добрый и очень душевный...еще и плантация у него своя. Забавно.

В домике было тихо и уютно, когда я почему-то тяжело опустилась прямо на пол, прислонившись спиной к закрытой двери и закрыв глаза, выдохнула.

Итак, Север и Лютый вернулись целыми и невредимыми. Очевидно, что эта развед. операция в лесах Кадьяков была подстроена Севером, чтобы чем-то натолкнуть Лютого к необходимости обращения к его народу. И Ураган внес свою лепту, приведя весь стан Гризли, хотя и напугав меня до полусмерти....до сих пор страшно было представить, что за кровавое месиво было бы здесь сейчас, если бы не пришел Сумрак. А еще я узнала, что Север был из рода Кадьяков...и убил своего брата. Только, кажется, за дело? Ведь об этом пытался сказать Лютый, когда произнес фразу про измену и свержение законного короля Кадьяков?..

Божеееее...как же с ними все сложно! Я помассировала пульсирующие виски, чтобы полученная за ночь информация не разнесла мою бедную черепушку в мелкие осколки. Ведь я была всего лишь мелким человеком, который теперь познал и увидел всю ту мощь и непередаваемую силу, которой обладали Беры. По телу снова побежали мурашки...

Стоп....откуда это они вдруг взялись?!..

Нахмурившись, я провела ладонью по руке, не понимая с чего бы это они снова высыпали, принявшись стягивать свои бусики и трусики в очередной раз, когда и повода то не было...

Ан нет...

— Мия...

От этого низкого чистого голоса, который раздался по ту сторону двери, сердце сделало громкое ИК, дав полную волю плохим мурашкам, что принялись носиться по коже, радостно размахивая своими мокрыми трусиками. Вот ведь предатели! Все предатели! И мурашки эти, и сердце! И колени, которые задрожали, даже если я сидела, а ведь их никто даже не трогал! Просто голос был...пока что.

— Мия? — снова позвал этот бархатный сладкий голос, и я на секунду прикрыла глаза, чтобы дать пинок мозгу, подключить уже язык к сети так сказать! И не думать о том, КАК умеет использовать мой язык Север!

— Да.... - прохрипела я, и, кашлянув, произнесла уже внятно и громче, — Да, я здесь.

Я могла поклясться, что в этот момент Север улыбался, сияя своими синюющими глазами, когда он произнес вкрадчиво и по ванильному мило, словно волк, в шкуре мягкой белой овечки:

— Я могу войти?...

Покосившись почему-то на кровать, и подумав, что ночь за окном, и поздновато уже для светских бесед, я, тяжело сглотнув, выдохнула:

— Нет!

Тишина за дверь была немного напряженной, но глупо было бы мечтать, что Север отступит, причем было ощущение, что он просто уселся на пороге с другой стороны от подпирающей меня двери.

— Тебя испугало то, что я Кадьяк? — тихо спросил он, и я поерзала на деревянном полу, почему-то натянув длинный подол юбки до самых пяток, чувствуя себя просто сумасшедшей, потому что мне казалось, что тепло и аромат Севера пробирается в дом, даже через закрытую дверь.

— Разве ты перестал чувствовать, что я испытываю?

За дверью раздался приглушенный мягкий смех, в котором начинала сквозить знакомая хрипотца:

— Ты хочешь меня...

Пришибить бы этих мурашек! Мухобойкой!

И запихать в нос Севера зубчики чеснока! В каждую ноздрю!

— Разве мы не о Кадьяках говорим? — дернулась я, понимая, что покраснела и попыталась застегнуть на рубашке верхнюю пуговицу, чтобы не светиться полуобнаженной грудью, как-то позабыв, что эту самую пуговичку Север откусил...

Вот жеж черт побери....

Мозг словно только этого и ждал, чтобы выдать порцию умилительных образов того, что со мной проделывал Север на расколоте ранее камне, и, услышав утробное рычание за дверью, стало абсолютно очевидно, что об этом всем вспомнил не только мой мозг, но и тело, а Север это почувствовал излишне остро.

Чувствуя непонятную слабость в теле, и стараясь не задумываться о том, почему от этого рыка я сжала колени, в голове пульсировало лишь одно — говорить! Нам срочно нужно говорить!

— Мия... — рык перекатился плавно в урчание, — отойди от двери...

Вот уж дудки! Плавали, знаем!

Я лишь еще сильнее уперлась спиной в дверь, словно это могло спасти от нечеловеческой силы Бера, который едва ли не скребся об дерево, но при желании... а оно у него кажется уже было... сможет просто вырвать ее с корнем. Дверь. И меня вместе с ней.

— Знаешь, как назвал тебя Сумрак? Моим мужем!

Почему-то казалось, что Север поднялся на ноги, уткнувшись в дверь и, судя по голосу, улыбаясь:

— Это так, Мия... ты принадлежишь мне, как и я тебе.

До чего же в этом плане у Беров все просто! Никаких тебе обрядов, никаких костюмов и фаты, и колец не нужно... в лес утащил, на полянке распластал и дело сделано! Максимум романтики, если спросил при этом, нравится ли тебе выбранная полянка!.. Север спросил. Хороший Бер, просто пятерка с плюсом!

— Что-то не помню, чтобы я тебя насильовала...

Вот бы увидеть в этот момент лицо Севера, когда снова раздался не то вой, не то мурлыканье, и дверь дрогнула, заставив меня подскочить, но я не отходила ни на шаг, понимая, что если я уйду, то ничего не удержит Севера оттого, чтобы эту дверь выломать. Кстати у двери был засов. Неплохой такой, мощный...

— Это легко исправить, девочка.

— Почему ты не сказал, что ты из рода Кадьяков?...

Осторожно и почему-то на цыпочках, я сделала шаг в сторону, чтобы с трудом схватить толстенное по моим меркам бревно, которое в этот засов водружалось. Стараясь лишней раз даже не дышать, и никаким образом не выдать своего коварного плана, я как можно более тише проделала всю операцию, замерев у двери.

— Потому что ты не спрашивала.

— Может ты хотел это утаить?

Главное продолжать разговаривать и отвлекать от ненужных мыслей. Его. Да и себя тоже!

— Беры ничего не утаивают и никогда не врут.

— Никогда?

— Никогда. Смысл это делать, если мы все-равно всегда чувствуем ложь?

Когда Север замолчал, притихнув, я буквально перестала дышать, чувствуя, что мои попытки уболтать Бера не оправдались, и почему-то покосилась на приоткрытое окно.

— Мия?

— Что? — пискнула я, кажется, уже представляя, что он скажет дальше.

— Ну, так что? Изнасилуешь меня, чтобы я стал твоим мужем по праву? Или может... прогуляемся?

Ближе к окну, кусая губы, и, не обращая внимания на взбесившиеся мурашки, которые уже были готовы ко всему, став капельками влаги на коже.

— Мы уже сегодня гуляли!

— Я не нагулялся...

Вот жеж ненасытное создание! Еще ближе к окну, и главное не задумываться над тем, что творю, и не обращать внимания на дрожащие колени.

— Север, я не смогу больше!

— Поспорим?...

Распахнув окно, я уже залезла на подоконник, слыша его мягкий, хриплый голос, который снова бархатной лентой оплетал мой мозг и тело, промурлыкав:

— Не делай этого, девочка, ты же знаешь, чем все закончится....

А вот об этом лучше не думать! Я спрыгнула с подоконника, тут же утонув в мягкой траве буквально по колени, задрав юбку чуть ли не по бедра и рванув вперед, как тронувшаяся умом лань. И ум у меня действительно был не в себе, потому что единственное место, которое следовало бы слушать, так это мой копчик, потому что прав был только он, когда предчувствовал скорую беду.

— Мия, остановись сейчас и лучше вернись сама...

Прозвучал голос Севера чуть вдалеке так же сладко, но слишком хрипло, отчего я лишь прибавила сил, ломанувшись вперед с упорством паровоза, не остановившись даже тогда, когда раздался жуткий лязг и грохот.

Добегая до знакомой полянки, я едва не взвыла, понимая, что три раза именно на ней случалось нечто, отчего мое тело еще долго приходило в себя, и вот я снова тут, не в силах нестись дальше, потому, что кислород закончился, и легкие сдулись со свистом, как гелевые шарики. Раздробленное в крошку дерево, расколотый на двое каменный валун...и желтая огромная луна, которая в этот раз выглядывала из-за темного облака лукаво и задорно, словно ожидая продолжения банкета.

Обернувшись вокруг себя, я отчего-то нервно хихикала, думая о том, что Север здесь еще не все сломал, метнувшись к одному из деревьев, которое было довольно высоким, чтобы меня не достали, довольно крепким, чтобы выдержать мой вес, но слишком тонким, чтобы на него могла взобраться такая тушка, как Бер.

— Любишь играть, девочка?

Я едва не шмякнулась с ветки, на которой сидела, вцепившись в ствол руками, когда передо мной появился Север, словно возникнув из самой темноты, хищно и восторженно улыбаясь, и сверкая своими синющими глазами так сильно, словно в них был фонарик,

способный освещать путь темной ночью.

Стоя прямо подо мной, до жути огромный и мускулистый, он был комком из страсти и звериных инстинктов. Его широкая грудь вздымалась от частого дыхания, а жуткое возбуждение поднимало спереди юбочку Беров большим шатром, отчего мурашки заносились по телу снова, и я тяжело сглотнула.

— Слезешь сама и пожалеешь дерево, или продолжим игру?

Продолжая улыбаться так, что острые клыки сверкали от света луны, а глаза полыхали, почти ослепляя, Север двинулся вперед, неслышной поступью истинного хищника, который в данный момент не просто охотился, а с явным удовольствием забавлялся со своей добычей. Он не столько шел, сколько плавно перетекал из одного шага в другой, побуждая внутри меня жуткий клубок первородного страха...и возбуждения при виде этой мощи и поразительной мужской красоты.

Только я не смогла бы отцепиться от этого дерева и оставить его целым и невредимым от рук Бера, даже если очень этого хотела, потому что оказалась просто буквально парализованной от этого жадного хищного взгляда и приближающегося зверя в плоти и крови.

Я даже не поняла, как именно все случилось, когда в одну секунду я все еще сидела на дереве, судорожно цепляясь руками за шершавую кору, и вот уже летела с визгом вниз, зажата горячими сильными ладонями, слыша оглушительный треск...нет, не сломленного дерева. Своей разорванной надвое юбки.

Повалившись на землю, я не чувствовала никакого удара, понимая лишь одно, что огромное тело Бера вжимается в мое, со спины, повалив на живот и рыча с такой вибрацией, что она прошла даже сквозь мое тело, отчего зубы испуганно клацнули.

Я не могла даже просипеть его имя, зажата между землей и большим телом настолько, что воздух из легких вышел весь и сразу, чувствуя, как взметнулись полы вероломно разорванной юбки, и нетерпеливые горячие ладони, скользнули по моим ногам, раздвигая их, и давая возможность бедрам Севера устроиться прямо на моих сжатых ягодицах.

— Под-д-д-жи, — еле вышептала я, стараясь упираться ладонями в скользкую траву и приподняться хоть на чуть — чуть, чтобы он меня на раздавил своим весом и этой страстью, которая куда-то дела Севера, оставив лишь рычащего зверя, что подался вперед, и я с неожиданным ужасом, почувствовала, как к складочкам зажатого тела приблизилось то невероятно большое, горячее и пульсирующее, что способно разорвать меня на части, если Север не будет сдерживать себя и свои эмоции...

— Сев-в-ер!! — какие тут могут быть игры, когда от ужаса свело спазмом даже горло, и отголоски боли дернулись в теле, словно заранее зная, чем это может грозить.

— Хватит!

От прогремевшего над головой голоса, я чуть не отключилась, слыша его знакомые ледяные нотки и едва сдерживаемую ярость, когда телу неожиданно стало легко, оттого что Север полетел вперед со свистящим ускорением, брошенный Лютым, что возвышался надо мной, грозно сверкая своими ледяными глазами и скалясь, обнажив длинные клыки.

Только Север не приземлился в кустах, сверкая голым накаченным задом. Сгруппировавшись, и упираясь ногами в землю, он затормозил, оставляя за собой глубокие борозды в черной земле, в нескольких десятках метров от нас. Меня — все еще распластанной на земле в позе раздавленного кузнечика, и Лютого, который упирался своими мощными руками в бока, предупреждаяще рыча.

Север крутанулся, разворачиваясь так резко и страшно, что на секунду я забыла, как дышать, понимая, что сейчас его звериная сущность взяла верх над разумом, потому что в нем изменилось все, начиная от дикого взгляда, и заканчивая даже манерой двигаться, не оставляя больше плавности движений и сдерживаемой силы. Теперь был только зверь. Жуткий. Огромный. Голодный. И очень злой....

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Назад! — я даже не сразу узнала голос Севера, в котором сложно было отыскать те самые нотки бархата, что заставляли моих мурашек носиться по телу с упоением, словно кошек, нанюхавшихся валерьянки. Это был рык. Низкий. Рокочущий. Властный. С полным осознанием той силы, которая была в этом теле.

Только Лютого, кажется, это совершенно не впечатляло, потому что, не дрогнув ни единым мускулом, он продолжал стоять надо мной, буровя брата своим жутким, леденящим душу взглядом.

— НАЗАД!

От рыка Севера, не просто сотряслась земля, а даже листья стали осыпаться с кустарников, но Лютый лишь прорычал в ответ не менее яростно и грозно:

— Приди в себя!

Я испуганно покосилась на Севера, который не изменился, и по-прежнему каждый его тяжелый и резкий вдох и выдох сопровождался утробным, низким рыком.

— Уйди, брат! Не вставай на пути между мной и моей женщиной! Никогда!

Лютый сделал демонстративный шаг вперед, словно показывая, что плевать хотел на слова своего обезумевшего брата, и я была готова разрыдаться, понимая, что сейчас разразится такая битва, которая тем Гризли и в страшном сне не могла привидеться.

— Ты не контролируешь себя, брат! — прогремел голос Лютого, — Ты выпустил зверя! Сейчас я могу просто уйти, но давай сначала я расскажу тебе, что будет после этого? Ты кинешься к ней, и сделаешь то, что так желает твое тело. Ты просто убьешь ее жуткой мучительной смертью, не слыша ее криков о помощи, и никто из нас не сможет оттащить тебя! А потом ты придешь в себя, утопая в крови, и будешь выть и рыдать оттого, что не смог остановиться! Каждый день и каждую ночь ты будешь медленно умирать, помня этот миг вечно! Рядом с тобой никогда не будет больше твоей Мии, и не останется ничего, кроме клочка ее разорванной одежды, с запахом крови и твоей подлой слабости!.. Так мне уйти?!..

Все так же продолжая стоять от нас вдали, Север побледнел и пошатнулся, переведя взгляд своих ярких синих глаз на меня, в которых была непередаваемая паника, ужас и... мольба.

— Вот и прекрасно, — сухо пробубнил Лютый, наклоняясь надо мной и резко закрывая мои обнаженные ноги и голый зад длинным клочком разорванной юбки, что продолжала болтаться на талии.

Сжавшись, и начиная отчаянно краснеть оттого, что Лютому пришлось вмешаться, и стать свидетелем этой сцены с обнаженкой в глухом лесу и на поляне, пропитанной духом секса, я не смогла даже взвизгнуть, когда Лютый просто поднял меня с земли, закинув на свое огромное плечо и пошагав размеренно назад, к дому, оставляя на поляне совершенно раздавленного Севера.

— Брат.... - голос Севера осип и дрожал, и мое сердце сжалось от желания просто пожалеть, только Лютый, так резко развернулся, что мне пришлось вцепиться в его спину, чтобы случайно не свалиться с плеча, потому что падать было ой как высоко, а избежать

перелома шеи и позвоночника в этом случае явно не удастся.

— На твоём месте сейчас я бы подумал о том, что до рассвета осталось 5 часов, а ты ещё так и не спал!

Повернувшись, Лютый снова зашагал к дому резко и злобно.

— Лютый...

— И ночевать ты будешь в лесу! Если учую тебя на пороге, то вырву твою неугомонную пятую конечность с корнем!..

Больше Север не пытался заговорить, не шелохнувшись на поляне, пока его большое поникшее тело скрылось за пышно растущими кустами, и черными деревьями.

— ...Лютый...

— А на твоём месте я бы вообще не издавал ни звука, мелкое глупое безрассудное создание!

Большого и не требовалось, потому что я почти подавилась собственным языком, сжавшись на его плече и болтаясь в такт размашистых шагов.

— Если хочешь быть женой Бера и при этом выжить, запомни одну простую вещь — никогда не пытайся убежать или спрятаться! Никогда, Мия! Ты не захочешь знать, что происходит с тем, кого Беры воспринимают как добычу!..

Кажется, именно это я сегодня поняла очень четко, и усвоила пусть не сразу, но точно на всю оставшуюся жизнь! Лишь судорожно кивнув в ответ, я даже не поняла, почувствовал этот жест Лютый или нет, когда ему пришлось согнуться, чтобы войти в дом, бесшумно прошагав до одной из спален.

— А можно я в домик?...

— ...нет больше домика, Мия!

— Значит, утренний поход отменяется?

— Это ещё почему?

— ...ну так, а домик отремонтировать.... - еле слышно пробормотала я, помня, как тетушка гоняла Беров за каждую поломку, даже мелкую, а тут целый дом.

— Когда вернемся, сделаем новый... я договорюсь. — сухо ответил Лютый, поведя своим широким плечом, откуда я полетела вниз головой, прямо на громко храпящего Янтаря. Приземление было не слишком мягким, но все-таки все лучше, чем свалиться на землю и что-нибудь себе обязательно сломать.

Не говоря больше ни слова, молчаливым ледяным изваянием, Лютый вышел, как всегда согнувшись, чтобы не задевать головой потолок, а Янтарь сонно завошкался, поворачиваясь на бок и грабастая меня большой рукой ближе к себе.

— Мия? — сонно зевнул он, чуть улыбнувшись и с трудом разлепив свои тяжелые ото сна веки, — Сон плохой приснился или замерзла?...

Чувствуя себя крайне неловко без нижнего белья и в разорванной юбке, даже в братских объятьях Янтаря, я попыталась улыбнуться, чтобы это было не слишком дергано, шепнув в ответ, как можно тише:

— Спать негде....

— А домик?

— Кажется, нет больше домика...

— Север? — Янтарь снова сонно зевнул, натягивая на меня часть своего покрывала, на что я смогла лишь кивнуть, а Бер протянул — яснооооо...спи.

Когда раздался размеренный храп, в миг отключившегося Янтаря, я подпрыгнула под его тяжелой рукой, услышав рык Лютого:

— Север, мать твою!

—можно меня хотя бы ночью не трогать? — раздался насмешливый голос тетушки, когда я нервно прыснула от смеха, услышав как Лютый пробормотал:

— Я не вас имел в виду... даже не вздумай, Север!!!!

Вытянув голову поверх могучего плеча храпящего Янтаря, я смогла увидеть лишь огромную фигуру на пороге, которая потопталась. Тяжело вздохнула. Рыкнула. И улеглась прямо у порога на веранде.

А потом воцарилась тишина....сотрясаемая дружным раскатистым храпом троих Беров.

Я понятия не имела, что все-таки смогла уснуть несмотря даже на невыносимый храп Беров, если бы не проснулась...проснулась от промозглого прохладного рассвета, который коснулся обнаженной кожи, и горячего языка, который медленно прошелся вокруг в миг сжавшегося сосочка, и горячие губы обхватили его, жадно прикусывая. Ощувив, что еще секунда, и я начну стонать, и что это не сон, а я вообще-то засыпала под боком у храпящего Янтаря, я подскочила, попытавшись отбиваться, пока не поняла, что не могу пошевелиться, потому что меня держат две горячие большие ладони, прижимая к кровати, с облегчением и трепетом окунувшись в знакомый аромат лесной свежести ночного леса.

— Север, что ты делаешь? — зашипела я еле слышно, слыша приглушенные голоса остальных Беров кажется где-то в районе кухни, и, ощущая, как губы, исследующие мое тело и ласкающие кожу, улыбнулись, чуть задевая кончиками клыков.

— Зашел пожелать тебе доброго утра, — промурлыкал волшебный низкий, чистый голос, от звука которого даже сонные мурашки начинали дрыгаться, избавляясь от своих маленьких ночнушечек и пижамочек, уносясь вслед за губами, которые проделали дорожку от одно груди к другой, медленно принявшись опускаться к животу.

Воистину наглость Беров не знала границ, и страшно было распахнуть глаза, и увидеть всю бравую братию, склонившуюся с большим интересом над нами. Поэтому глаза открывались по очереди и максимально медленно, видя перед собой к счастью лишь черные кудри Севера, который уже успел опуститься к пупку, чуть покусывая дрожащий живот и вода губами.

Тело откликнулось моментально, образовав внизу живота вакуум и пустоту, которая стремительно начинала наполняться тянущим огнем, волны от которого расходились по телу дрожью и мелкими судорогами. Я пыталась пошевелиться и вскочить с кровати, но широкие ладони держали меня крепко, хотя и осторожно.

— Янтарь пытался разбудить тебя. Три раза. Не получилось. Я решил попробовать тоже... — бархатный голос окутывал разум, словно опиумная дымка, разбавляя собой мысли настолько, что думать кроме как о Севере и его ловких, жадных и горячих манипуляций губами, я просто была не в состоянии.

— ...попробовать что? — сипло выдохнула я, замерев оттого, что его горячий ловкий язык скользнул в пупок и снова чуть заметно прикусил, заставляя дрогнуть всем телом и прогнуться от сильной горячей волны, которая накрыла тело резко и стремительно, словно цунами.

— ...тебя... — проурчал Север, опускаясь ниже и сдавливая мои руки сильнее, только я испуганно дернулась, забившись в его руках от неожиданно нахлынувшего стыда, когда услышала совсем близко бодрый голос тетушки Зои:

— А кто-нибудь разбудил мою лесную принцессу?...

Широко улыбнувшись, и лукаво дернув черной бровью, Север великодушно убрал свои руки, оставив на моих отпечатки своих пальцев в виде проступающих синяков, как раз в тот момент, когда я резко натянула на себя одеяло до самого подбородка и в спальню вошла тетушка Зои, отдернув закрытую занавеску.

— Доброе утро, дети, — улыбалась тетушка Зои, прошествовав до окна и распахивая

шпорки, словно давая мне еще пару секунд собраться с мыслями и начать уже мыслить осознанно, пытаюсь убрать руку Севера, которая осталась под одеялом, когда он опустился на пол, перед кроватью, с самым невинным видом.

— Доброе, — пискнула я, цепляясь ногтями в пальцы, которые ловко и мучительно заскользили по направлению к внутренней части бедра, скрытые складками необъятного одеяла, на что Север лукаво улыбнулся, сверкнув своими глазами, и переводя взгляд на тетушку, словно ничего такого не делал, выходя при этом словно медвежий ангел во плоти:

— Прекрасное утро сегодня, тетушка.

— Дай Бог, чтобы каждое утро было таким! — совершенно искренне заявила ничего не подозревающая женщина, к счастью не видя, как я округлила глаза, а Север беззвучно рыкнул, обнажив клыки и сверкнув своими глазами настолько откровенно и по голодному, что на секунду я испугалась, что ночной зверь в нем снова проснулся.

— Так и будет, тетушка, так и будет... — проурчал мурлыкающий голос Севера и его пальцы скользнули внутрь, словно подтверждая свои слова, но я успела вывернуться, скорее отодвинувшись в самый край кровати, воспользовавшись тем, что теперь Север не мог меня держать, на что Бер хмыкнул, чуть дернувшись, но все-таки послушно сел назад, облокотившись о край кровати и сладко продолжая улыбаться доброй женщине, которая, к счастью, ничего не понимала.

— Север, иди к братьям, они ждут тебя, — тетушка быстро подошла к Северу, легко хлопнув его по мощному плечу, — дай Мие спокойно одеться и собраться в дорогу.

Север чуть поморщился, выражая свое недовольство, бросив последний жадный взгляд на меня через плечо и поднимаясь во весь свой огромный рост, вынужденный сразу же пригнуться, напомнив уже у занавески:

— Она моя жена вообще-то и я могу...

— Я знаю, ЧТО ты можешь, мальчик мой, поэтому и прошу пойти к братьям... и они тебя действительно ждут, так что поторопись.

В какой-то момент мне показалось, что Север не уйдет, когда его глаза снова опасно полыхнули, и тело в секунду напряглось, но постояв два моих испуганных удара сердца, он все-таки вышел, осторожно задвинув за собой занавеску на двери.

Тетушка довольно улыбнулась, кивнув каким-то своим мыслям, и повернулась ко мне с ласковой улыбкой, показывая на деревянный стул, где лежал целый ворох одежды:

— Мой муж делал всю одежду своими руками для Тумана и Урагана...из этого они выросли еще лет в 8, но, думаю, тебе будет в пору. А теперь выбирайся из постели и давай примерим, что тут у нас есть. Одежда была просто удивительная, когда я примеряла на себя бесчисленное множество кофт и штанов, похожие на спортивные, но при этом сделанные из нежнейшей выделанной кожи, сшитые каким-то образом так, что шов было практически невозможно рассмотреть. Нацепив на себя наконец нижнее белье, без которого приходилось ходить все эти дни, пока внутренняя часть бедер нещадно ныла и болела, я выбрала серые штаны, и обычную серую водолазку, мягко рассмеявшись, когда тетушка принесла еще красивый вязаный свитер изумительно чистого белого цвета, заставив одеть еще и его, а так же мягкие и безумно удобные угги, отправив на кухню завтракать.

Беры, как обычно, без работы не сидели, набивая свои бездонные животы едой, словно про запас, налегая на все подряд, включая остатки вчерашнего позднего ужина, который мы с Севером благополучно пропустили, и, заходя на кухню, где было тесно от огромных тел и шумно от разговоров, я старательно не смотрела в сторону Севера, даже без этого ощущая

его взгляд на себе и начиная предательски краснеть.

— Жуй скорее, пока Лютый не вернулся, — широко улыбался мне Янтарь, потянув аккуратно за руку на единственный свободный стул рядом с собой, и запихивая мне в руки бутерброд размером с футбольное поле, — Вот чай, — поставил он передо мной свою кружку, тут же снова заговорив с Туманом, который что-то рассказывал, посмеиваясь и веселя остальных.

Я ела молча, иногда улыбаясь, надеясь, что делала это впопад, и запихивала в себя еду, хотя есть не хотелось совершенно, постоянно чувствуя на себе взгляд Севера. Пронзительный. Горячий. Голодный.

— Вот, — тетушка вошла на кухню с новой порцией пирожков, на которую Беры набросились, словно до этого не умели завтрак и вчерашний ужин, — Лютому оставьте! Дочка, а это ты возьмешь с собой.

Обернувшись на собранный рюкзак, который по размерам был в половину меня, я лишь удивленно улыбнулась:

— Зачем так много?

— Там все самое необходимое! Варешки, перчатки, теплый шарф, запасная пара обуви и штанов, теплый пуховик, шапка, одеяло...

— ...и электрический чайник, — сокрушенно покачав головой, пошутил Север, с сарказмом глядя на забитый до отказа рюкзак, — тетушка, я сумею согреть Мию.

И почему мне показалось, что эти слова прозвучали весьма двусмысленно, и снова я прозрачно покраснела, почему-то представив все то, каким именно способом мог Север заниматься моим обогревом. Только видя, как полыхнули глаза Бера, впившиеся в меня, я запоздало отогнала привязчивые горячие образы, принявшись в уме считать своих плохих мурашек, которые уже беспокойно зашевелились на коже, в явном желании привлечь как можно больше внимания Севера.

— Даже не сомневаюсь в этом, сынок, но нужно всегда быть готовым ко всему. Вы не в тропики идете на прогулку, так что шутки в сторону.

Север все-таки согласно кивнул головой, с улыбкой глядя, как я кошусь на больших размеров рюкзак, прикидывая, каким образом смогу держать его на собственной спине.

Скоро на кухне появился Лютый, как всегда холодный и невозмутимый, сухо сообщив, что солнце всходит и пора выдвигаться, склоняясь к тетушке, которая прошептала что-то на непонятном языке, крепко обнимая самого не ласкового своего сына, целуя его в обе щеки.

— Я буду ждать вас только с хорошими новостями!

— Т. е с плохими можно даже не возвращаться? — лукаво улыбался Туман, склоняясь над тетушкой в свою очередь, чтобы она обняла и поцеловала и его, чуть хлопнув по мощному плечу Бера:

— Туман! Я уверена, что все будет хорошо, и вы все вернетесь ко мне...и я все еще помню про сломанный домик, Север!

Бер засмеялся, склоняясь над тетушкой следующим и получая свою порцию материнской ласки и любви:

— Когда вернемся, сделаем целый дворец вместо домика.

С улыбкой наблюдая за этим трогательным прощанием, я подходила к тетушке самой последней, крепко обняв ее и поцеловав в ответ, слыша, как она прошептала мне:

— Береги их, дочка. Не дай им сойти с верного пути...

Пока не слишком хорошо понимая, о чем речь, я лишь закивала в ответ, выходя вслед за

Берами на поляну перед домом, где меня ожидали три медведя — Туман, Ураган и Янтарь. Лютый как всегда ушел вперед, а Север почему-то стоял в облиии человека, глядя, как всегда излишне прямо и горячо. Закатав рукава на свитере, я оглянулась в поисках телеги.

— А на чем поеду я?...

— На мне, — промурлыкал Север, подходя ближе и заставляя сердце биться истерично и восторженно.

— Верхом?

— Угу...

— Как на лошади?...

— Как на Бере, девочка.

Стоило ли говорить, что я и на лошади то ездить не умела, что уж говорить про огромных медведей, который были гораздо больше мишек обычных.

— ...а седло и вожжи прилагаются?....

Слыша, как почти захрюкали мишки, оттого что Беры смеялись в своем зверином облиии, я как то смутилась, с трудом представляя сие мероприятие.

— Просто сядешь сверху, обхватишь меня ножками и будешь держаться очень крепко....- от хриплого мурчания Севера, и полыхнувших голодом синих глаз, я снова поняла, что начинаю покрываться испариной, отчего-то думая явно не о поездке на Бере... вернее, не о такой поездке....совсем не о такой.

— Ну, вы там скоро? — от рыка Лютого откуда то словно из кустов, я подпрыгнула, послушно метнувшись к широко улыбающемуся Северу, который выглядел так, словно был в предчувствие чего-то совершенно изумительного. Вот бы и мне воспринимать эту поездку на таком позитиве...

— Все будет хорошо, — прошептал Север, чуть склонившись ко мне, и обдав своим ароматным дыханием мои губы, и в следующую секунду перед верандой уже лежал огромный черный медведь, который склонил свою голову в бок, подставляя широкую когтистую лапу, словно делая ступеньку.

Остальные Беры неспеша засеменяли вперед, скрывшись в кустах, когда, закусив губу от внутренних метаний, я все-таки залезла на Севера в облиии зверя, пытаюсь устроиться удобнее на его огромной мускулистой спине, покрытой черной шерстью...наверное, на лошади было бы ехать куда удобнее в том плане, что не приходилась бы так широко раскидывать ноги, ведь бока у обычной лошадки были куда уже, чем бока Бера, который осторожно пошагал вперед, чтобы я могла привыкнуть к его движениям и тому, как двигалось его большое мохнатое тело.

А двигалось оно просто изумительно!

Подумать только, под моими трясущимися ногами вышагивало существо, чья сила блестела и переливалась в каждой толстой, длинной черной волосинке. Упругие мышцы, плавно перекачивались в такт шагам зверя, мощнее которого вряд ли кто-то был на этих землях. Я не смогла бы даже мысленно прикинуть, какого размера был Север в облиии зверя в длину, ширину и высоту, с удивлением отмечая, что при своих габаритах и весе, зверь буквально плыл, не издавая совершенно никакого шума своими огромными мощными лапами. А еще от этого огромного волосатого зверя исходил жар, отчего я мгновенно покрылась испариной, чувствуя, как капельки пота выступили на лбу и на шее, под заплетенной косой.

Как-то странно было понимать, что внутри этого зверя где-то был Север с его

идеальным телом, и волшебным голосом, который меня просто завораживал своим бархатистым звучанием и томностью.

Чувствуя, как зверь зашагал быстрее, я вцепилась в густую шерсть на его загривке, и обхватив ногами сильнее, понимая, что если полечу вниз, то не собрать мне всех костей...

Только зверь снова замедлил шаг, и на секунду я испугалась, когда подо мной крупные тугие мышцы стали подрагивать и как-то хаотично двигаться, словно его охватила внутренняя судорога, а потом шерсть куда-то неожиданно исчезла, как и длинные смертельные когти, и я замерла, зажмурившись и неожиданно услышав сладкий восхитительный голос Севера под собой.

— Мия, ты в порядке?...

Страшно было видеть некое промежуточное состояние между Севером-мужчиной и Севером-зверем, но мои глаза распахнулись сами собой, потому что горячие ладони опустились на бедра, чуть сжав их, и подлые мурашки радостно закопошились, как всегда даже не спросив меня...

Понимая, что я сижу теперь уже на животе Севера, который лежит, чуть приподняв голову и глядя так, что можно языком подавиться, я не знала, что делать дальше — замереть и не двигаться? Закричать и убежать? Молча встать и сделать вид, что я спокойна, как удав, а он не возбужден, как... Бер...

— Расслабься, девочка... - промурлыкал как всегда его голос низко, отдаваясь рокотом в груди и плавно перетекая в урчание, — ты так напряжена, что вся дрожишь...

И ладони снова сжали мои бедра, скользнув по ногам до колен и поднявшись обратно, что как-то совсем не помогало расслабиться, а лишь еще добавило пробоем к надоедливym мурашкам.

— Ничего не бойся... ты не упадешь, не ударишься, и больно не будет.... - снова этот голос, от которого голова шла кругом, смывая очертания этого мира, и что могло твориться вокруг нас, — просто расслабься. Отбрось все мысли. Позволь телу делать то, что оно должно...

Глаза Севера полыхали так сильно, что синева блестела на кончиках черных ресниц, а рокот голоса постепенно стал урчащей хрипотцой:

— Твое тело знает меня, девочка, отпусти его, и оно само найдет нужный ритм в унисон со мной...

Я тяжело сглотнула, боясь пошевелиться на каменном прессе, и спиной чувствуя, насколько сильно он возбужден, краснея, пробормотав:

— ...мы точно о поездке говорим?...

Север хрипло усмехнулся перестав даже моргать, и, кажется, пытаюсь просто загипнотизировать меня своими глубокими яркими глазами, когда сам не шевелился, затаив дыхание, а потом задышав с одинаковым временным промежутком, словно считал про себя сколько секунд отведено на вдох и на выдох.

— Ты ведь не боишься меня зверем... — далеко не вопросительно сказал наконец Север, не делая попыток изменить положения наших тел, сжимая снова мои бедра, потянув сначала к себе, а потом обратно, сделав так, что я проехала раскрытыми бедрами по его животу, отчего внутри меня что-то предательски дрогнуло... горячо и жадно до его прикосновений, а Север снова затаил дыхание и звучно отрывисто рыкнул.

— Зверь ведь не тронет меня? — поинтересовалась я тихо и ужасно хрипло, кажется, начиная понимать, что происходит внутри Севера, когда его голос меняется и хочется еще больше этой близости и этих прикосновений.

— Зверь — это я, девочка...

— Ты в мишке или мишка в тебе?...

Север улыбнулся своей очаровательной красивой улыбкой, обнажая ровные белые клыки:

— Я один, Мия. Единый разум, но два обличия. У меня одно сознание, одно сердце, одна душа...и все остальное тоже одно....

Я лишь кивнула в ответ, что все поняла, как-то слишком остро ощущая кое-что «Одно», что буквально упиралось в мои напряженные ягодицы, поднимаясь и пульсируя вдоль по спине, не понимая, что впиваюсь острыми ноготками в грудь Бера, который снова зарычал, откидывая голову назад и прохрипев что-то на непонятном языке Беров.

— Надо двигаться, Мия...

И снова этот стон и мысли далеко не о дороге, когда Север кажется сам понял, что говорит весьма двояко, приподнимая меня на себе, чтобы резко развернуться на живот, и снова его мышцы стали хаотично дергаться, меняя обличье с человеческого на звериное, когда я быстро выпалила:

— А что ты сказал на вашем языке, Север?...

— Попросил богов дать мне выдержки и терпения...

Это были последние слова, которые я услышала от Севера-человека, потому что в следующую секунду уже восседала на огромной напряженном медведе, который пошел вперед сначала ровно и размеренно, словно давая мне возможность попробовать снова оседлать его...правильно.

Так...расслабиться...не думать...дать волю телу....

Ох, боже, какой же он огромный и горячий!..

Зажмурившись от рыка зверя, я пыталась отбросить от себя все мысли, растворяясь в ощущениях того, как двигался зверь подо мной, прошептав ему еле слышно:

— Терпи...я привыкаю....

Зверь издал глубокий выдох, однако не дернулся и не попытался снова стать Севером.

И, кажется, скоро я поняла, о чем он говорил. Двигая бедрами в унисон с его шагами, я чуть скатывалась вперед и назад, при этом балансируя на одном месте, не боясь свалиться. Это было как с качелями — найти баланс и можно больше не держаться... в какой-то момент я даже опустила длинную черную шерсть из рук, по-прежнему не открывая глаз и не видя дороги, просто доверяя этим плавным размеренным движениям Бера. Услышав его мурчание, которое прошло волной дрожи по мне, я улыбнулась, чувствуя, как он стал двигаться быстрее, набирая темп и переходя сначала на легкий бег, а затем разгоняясь все сильнее и сильнее.

Страха больше не было. Распахнув глаза и прижавшись к черной холке, я держалась за него руками, чуть сжимая ноги по мощным бокам, чувствуя, словно я лечу. Это было удивительное чувство, видеть, как проносятся мимо деревья и кустарники, быстро убегая назад, словно шарахаясь в страхе от нас, а легкий ветер дует в лицо, растрепывая волосы и обволакивая ароматом свежести ночного леса, который поднимался от шерсти зверя.

Очень скоро мы догнали всю группу несущихся вперед медведей, во главе с белым, и я чувствовала себя частью этой дружной удивительной компании, которая неслась в унисон

друг с другом, не останавливаясь и не сбавляя темпа. Я радостно улыбалась, видя задорные янтарные глаза бурого медведя, и смешливо кривила нос Туману, когда Север обгонял их, догоняя Лютого.

Только скоро эйфория полета прошла, сменившись усталостью. Без сомнений, ехать верхом на огромном звере-Бере, который был горячий, мягкий и бежал плавно и быстро, было в тысячу раз приятнее, чем трястись, отбивая копчик в синяки и стирая ягодицы на телеге, только, как стало очевидно, и к этому тоже нужно быть привыкшим.

Не зная усталости и покоя, Беры в облики зверей неслись в одном быстром темпе до самой ночи, не сбавляя скорости и остановившись лишь для того, чтобы обернуться в людей, поскольку не могли говорить в облики медведей. И слезая с Севера, который в миг стал человеком, я едва не повалилась оттого, что ноги безудержно тряслись и мой вес им показался явно лишним. Бедра ныли от напряжения, как и ягодицы, которые почему-то даже сейчас находились в сжатом состоянии.

— Все нормально? — тихо спросил Север, подхватывая меня на руки и заглядывая в глаза в крошечной мгле, когда даже луна спряталась за ветви высоких деревьев, и на мой кивок, чуть улыбнулся, — нам нужно поговорить. Ты пока можешь отлучиться и перекусить, скоро мы выдвигаемся снова.

Некогда было смущаться, когда я, шатаясь, побрела до ближайших кустиков, прислушиваясь к голосам Беров.

— Времени очень мало, — говорил Лютый в своей обычной ледяной отрешенной манере, выговаривая слова одновременно мягко и холодно, — мы должны дойти до земель Белых за три дня. Чтобы попытаться убедить их ввязаться в войну с Кадьяками уйдет еще пара дней. На шестой день мы должны быть уже у приграничного города с вестями. Там нас будет ждать Сумрак со своими парнями...так что идем без остановок. На третий день поспим и поедем на свободной территории, чтобы набраться сил перед решающими переговорами...

— Да, брат...

— Хорошо, брат...

А я едва не застонала, понимая, что я скорее умру, чем смогу продержаться в таком режиме целых трое суток, без сна, покоя и отдыха...черт с ней, с едой...

Выходя на поляну снова, я видела лишь мелькающую белую шерсть убегающего вперед всех белого медведя, и то, что Янтарь и близнецы уже были готовы нестись дальше.

— Идем, девочка... — протягивал ко мне руки Север, мягко целуя в губы, и сразу же обращаясь в медведя, на которого я залезала, с пониманием того, что должна выдержать. Просто обязана. Ведь я была в положении медвежьей принцессы, а еще позволяла себе стонать и жаловаться, пусть даже внутри себя. Кажется, Север оценил мой настрой с хныкающего на мрачно-напористый, когда низко и раскатисто мурлыкнул, тут же устремившись вперед, чтобы догнать своих братьев.

Только вот настрой — настроем, а недосып последних бурных дней и ночей все-таки дал о себе знать, когда глубокой ночью, я болталась с одного бока несущегося медведя на другой, не в силах уже разлепить свои спящие глаза. Мысли о том, что свалюсь, не было. Мысли тоже спали так крепко, что храпели, как Беры...

В какой-то момент почувствовав, что ехать стало еще удобнее — все так же тепло, и уютно, только теперь словно в люльке, я тут же выпала из реальности, сопя, и видя во сне проносящиеся надо мной верхушки темных деревьев, и сверкающие синие глаза.

Сложно сказать, сколько я проспала, только проснулась я от ощущения того, как капельки воды капают прямо на лицо, понимая, что бессовестно лежу в крепких горячих руках Севера, который продолжал бежать вперед уже в облики человека, широко улыбаясь мне и шурясь от морозящего дождя.

Подскочив, я вцепилась в его широченные плечи, чувствуя, как истерично и виновато заколотилось мое сердце, от понимая того, что пока я тут в наглуую спала, Север продолжал бежать, неся меня на руках, чтобы я выпалась.

— О Господи, Север! — еле пропищала я, понимая, что еще секунда, и я просто разрыдаюсь, потому что это было настолько необычное ощущение — знать, что кто-то заботиться о тебе и бережет настолько, что не думает даже о собственном комфорте, что эмоции подскочили к горлу колючим комком. Видя, что в моих глазах начинают проступать слезы, Север нахмурился, притормозив и остановившись, беспокойно заглядывал в лицо:

— Мия, что случилось? Ты в порядке? Болит что-нибудь?...

Я могла лишь отрицательно мотать головой, впервые насмелившись, чтобы потянуться к его чувственным красивым губам, осторожно поцеловав, чувствуя, как окаменели его руки и напряглось все тело, от которого шел жар даже не смотря на промозглый дождь.

— Мия?... — хрипло выдохнул он в мои губы, застыв и затаив дыхание.

— Спасибо... — прошептала я, не торопясь убирать свои губы от его, наслаждаясь этими прикосновениями, его жаром и чувством полной защищенности, которую не испытывала еще никогда.

— За что?...

Я даже не смогла четко сформулировать свою мысль, так много было всего в голове, просто проведя рукой по его плечу и на что Север, приглушенно рассмеялся своим завораживающим низким и таким чистым голосом, потянувшись ко мне, чтобы поцеловать более настойчиво, прошептав в ответ:

— Глупая...напугала меня...

Я забыла, о чем хотела сказать или подумать, потому что мягкие губы прикоснулись к моим требовательно и настойчиво, раздвигая своим горячим языком и врываясь внутрь, словно изголодавшийся зверь, который только и ждал минуты слабости, чтобы напасть... только я не была против. Жертва не сопротивлялась в этот раз, а просто таяла, полностью отдаваясь во власть этого голода. Мне нравилось, на самом деле нравилось то, что делал Север, порывая и прижимая к своей груди сильнее. Упиваясь новыми эмоциями и ощущениями, я тонула в собственной свободе, словно слова Севера опустить себя и не бояться стали каким-то заклинанием. И очевидно, что все просто не закончилось бы одним поцелуем, пусть даже таким горячим и глубоким, что мир вокруг странно накренился и стал размытым, если бы не громкое: «Кхм-кхм!» за моей спиной, отчего Север рыкнул в мои губы злобно и несдержанно, чуть отстранившись, и, облизнувшись, пророкотал:

— Уже идем!..

Я не успела даже понять, кто именно стал свидетелем нашего «доброе утра», смущенно покраснев и пытаясь восстановить свое дыхание, видя, как вздымается грудь Севера, и отчетливо понимая, что сама дышу далеко не размеренно и глубоко.

— Готова оседлать меня, девочка?...

Слыша хриплый смешок над собой, я все-равно не смогла найти в себе силы, чтобы улыбнуться или хоть как-то отреагировать на слова Севера кроме того, что тело снова налилось жаром, потому что я думала как-то не о поездке...и проблема была в том, что

Север чувствовал это как всегда излишне остро, прорычав что-то на своем медвежьем языке и осторожно опуская меня на ноги.

— Одень куртку, Мия... скоро будет еще холоднее....

Я никак не могла поднять глаза на него, понимая, что просто пропаду сразу же, как только увижу пылающие синие глаза, застыв и ощущая, как его большое тело напряглось и буквально завибрировало. Только в следующую секунду Север опустился на колени и, издав не то вой, не то рык обратился в огромного черного медведя, опустив голову на мокрую траву и подставляя большую лапу, чтобы помочь забраться на него.

Дрожащими пальцами, как можно быстрее я достала из рюкзака пуховик, нацепив его на себя, кажется, только в тот момент почувствовав, что на самом деле стало довольно прохладно, а на траве лежал мокрый снег, и послушно забралась на медведя. И как только Север умудрялся не замерзнуть при такой погоде? От тела медведя исходил жар, что казалось, если бы он шел медленнее, то снег под его большими широкими лапами просто таял бы.

Но Бер бежал, отчего мне пришлось в миг проснуться и свалиться из своих грез в реальность, потому, что пришлось пригнуться и держаться за длинную жесткую шерсть, прищуриваясь от летящего в лицо ни то снега, ни то дождя, и порывов ветра.

Север летел так, словно поставил перед собой цель прийти первым на этой дистанции, иногда порывивая и скалясь, видимо от каких-то своих мыслей.

Скоро мы нагнали остальных Беров, что неслись вперед с такой же скоростью и легкостью, словно только пару минут назад выскочили из дома. Я и представить не могла, насколько выносливыми и сильными они были, способные преодолевать огромные расстояния, не прекращая бега уже вторые сутки подряд.

Помня слова Лютого, оставалось только надеется, что завтра будет привал, и Беры смогут отдохнуть и отоспаться. Прижимаясь к массивной мохнатой шее Севера, которую я не смогла бы даже при желании обхватить руками, я натягивала на себя капюшон сильнее, отмечая, как изменился ландшафт пробегающей мимо нас земли...и погода.

Теперь уже шел снегопад с резким порывистым ветром, и некуда было спрятаться от его пронизывающего дыхания, потому что густой темный лес сменился практически голой равниной, где изредка показывался лысый кустарник или проступала сквозь снег жухлая трава. Жар медвежьего тела Севера спасал меня от холода, буквально окутывая, вот только тепло было снизу, а спина все-равно заметно подмерзала.

На одной из вынужденных остановок, когда Беры снова обратились в мужчин, переговариваясь и что-то решая, а я пряталась за небольшим сугробом, чтобы справиться нужду...откуда что только берется в теле, если я даже не ела эти дни?...я возносила молитвы благодарности тетушке Зои, которая наложила целый рюкзак теплых вещей, натягивая на себя теперь уже и шапку под капюшон, и даже теплый шарф, вздрагивая и морщась при виде обнаженных мужчин, что стояли посреди снежной бури и клубов снега, выглядя при этом так, словно были на пляже Багам!

— Замерзла? — тихо спрашивал Север, обнимая своими горячими руками, чье тепло пробиралось даже сквозь три слоя одежды, и поднимая на руки, чтобы мои глаза были на уровне его красивого лица, которое за эти дни я видела крайне редко, и поэтому соскучилась. С упоением и затаенным восторгом всматривалась в его большие синие глаза, которые продолжали полыхать огнем, что не смог потушить даже этот порывистый ветер с жалящим снегом. Улыбалась, когда белые снежинки падали на черные длинные ресницы, чуть прикасаясь кончиками пальцев к широким скулам, покрытым черной щетиной, которая

приятно покалывала ладонь.

— Мия? — Север улыбался как-то заморожено, затаив дыхание, и полыхая своими необычными глазами, позволяя мне хозяйничать на его удивительно скульптурном лице.

— К ночи будем на свободной территории... — как-то странно прозвучал чуть дрогнувший мурлыкающий голос Севера, дрожа, словно от предвкушения этого долгожданного события, когда он плавно двинулся вперед, вслед за Лютым и Ураганом, продолжая нести меня на руках, и пока не торопясь обращаться в зверя, потому что братья ждали возвращения Тумана и Янтаря.

— Что это значит?

Я глаз не могла оторвать от его красивого мужественного лица, всей душой наслаждаясь тем, что могу слышать его волшебный бархатный голос.

— Особые участки, которые лежат между границами земель, принадлежащих родам. Скоро закончатся земли Гризли, и утром мы войдем на земли Белых.

Я успела лишь кивнуть в ответ, видя, как к шагающим братьям присоединились Янтарь и Туман, и мужчины стали снова обращаться в зверей, чтобы продолжить свой путь. Не хотелось расставаться с человеческим обликом Севера и его убаюкивающим сладким голосом, поэтому я поморщилась, когда он поставил меня на ноги, быстро, но горячо прикоснувшись жадными губами к моим губам, лишь скользнув по ним языком, и обращаясь в медведя, на которого я забралась уже со знанием дела, припав к огромной шее, и растворяясь с ним в подступающем снежном урагане.

Понятия не имею, как Беры ориентировались в мире, который стал сплошь черным и белым, когда с черного неба, падал жалящий белый снег, застилая глаза и превращая мир в одну расплывчатую белую картину, где сливался горизонт с землей. Закрыв глаза, я натянула на себя капюшон сильнее, пряча лицо в черной шерсти, полной грудью вдыхая родной аромат свежести ночного леса, в котором теперь кружили морозные снежинки.

Мне казалось, что прошло бесчисленное множество часов. Снег шел с такой же силой, застилая мир белым полотном, по которому Беры пробирались вперед, утопая огромными лапами, сбавляя темп, отчего я раскачивалась на широкой горячей спине, убаюканная жаром зверя и его ровным дыханием, начиная снова засыпать, когда услышала голос Лютого:

— Восточнее есть пещера, идите туда, к утру мы вас догоним...

Сон как рукой сняло, когда я испуганно подскочила, закрутив головой, и пытаюсь сквозь летящий плотной стеной снег, рассмотреть остальных Беров, которые словно растаяли, только Север продолжал размеренно идти вперед, кажется совершенно не переживая за то, куда вдруг делись все его братья разом.

Скоро Север стал подниматься куда-то в гору, где завывания ветра были сильнее и снег буквально колотся, попадая в лицо, а потом все резко прекратилось, потому что медведь юркнул в какую-то расщелину в камне, остановившись среди каменного зала, в котором вполне смогли бы поместиться все Беры вместе. За камнями продолжала бушевать непогода, но здесь было сухо и темно, когда под моими ногами мышцы зверя стали подрагивать и сокращаться, и я поспешно слезла с большого тела, которое быстро и бесшумно превратилось в тело мужское.

— Я сейчас вернусь, ничего не бойся. Я буду поблизости.

Быстро произнес Север и, не дожидаясь моего ответа, словно боясь, что потом не сможет больше уйти, ушел так быстро, что я даже выдохнуть не успела, стоя посреди большой пещеры и не зная, что же делать дальше. Нет, страха не было. И даже эта темнота

не пугала меня. Только вот без тела Бера стало очень холодно, отчего я вся съежилась, обхватив себя руками и похлопывая по плечам, чтобы хоть как-то разогнать застывающую кровь.

Север и правда вернулся очень скоро с охапкой ароматно пахнущих смолой веток, и каким-то корягами, которые он высыпал среди пещеры, не дрогнув ни единой своей тугой мышцей от сотрясающего меня холода. Толком не видя в темноте, я даже не успела разобрать манипуляций Бера, когда от резкого щелчка в темноте полетели яркие искры и скоро среди пещеры уже горел ровный, но довольно сильный огонь, а обнаженный Север прошагал до входа, принявшись заделывать ее ветками елки, давая мне великолепную возможность рассмотреть его шикарное большое тело с тугими выпуклыми мышцами, которые двигались под кожей в такт каждому движению. Человеческие мужчины продали бы душу Дьяволу, чтобы иметь такое тело! Я бы тоже продала, все что только имела, чтобы иметь возможность прикасаться к нему!

— Нравится? — обернулся ко мне Север, как всегда полыхнув своими горящими в полумраке глазами, в которых теперь плясал восторженными искрами огонь, и лукавая улыбка изогнула чувственные губы, когда я поспешно отвела глаза, прозрачно покраснев, оттого что взгляд зацепился за величественно выпирающую эрекцию.

— Север!.. — смущенно и как можно более возмущенно фыркнула я, хотя тело снова покрылось мурашками даже при мысли о том, что мы остались с ним наедине.

— Я про пещеру, — хохотнул Бер, обходя огонь, и лукаво глядя на меня смешливыми глазами, в которых разгоралось пламя, принявшись из оставшихся веток соорудить некое подобие большой и длинной лежанки, которую аккуратно укрыл припасенным тетушкой Зои одеялом, поманив меня, — иди сюда, девочка. У огня ты быстро согреешься... перекуси пока тем, что есть и... скоро я вернусь.

Осторожно усадив меня на лесной диван так, что я сидела на краю одеяла, а второй частью меня укутали, словно в кокон, не снимая одежды, Север задержался возле меня на долю секунды, чтобы поцеловать, чуть закусывая нижнюю губу... и унесся прочь, словно за ним гнались Беровские черти.

Еще какое-то время я была не в силах даже пошевелиться, замороженная мягкими требовательными губами, которые касались моих так осторожно, и вместе с тем так по хозяйски, что в теле разливалась странная нега, готовая стать тем огнем, что так любит собираться внизу живота.

Лишь потрескивание сухих веток и завывание ветра, который не мог попасть внутрь, вернули меня в реальность, и я потянулась к огню, подставляя озябшие руки. Не знаю, что согрело меня больше — открытый веселый огонь, тетушкино большое одеяло, в которое можно было завернуть целого Бера, что уж про меня говорить... или мои мысли о Севере, которые с каждым днем почему-то становились все более интимными и откровенными.

В него легко было влюбиться. Красивый огромный мужчина мог бы стать пределом мечтаний каждой человеческой женщины, которые только могли бы увидеть его в человеческом облике.

Еще легче его было любить. Огромный свирепый зверь, чья сила не знала границ и была ужасающей в своем гневе, который проявлял немислимую заботу и удивительное терпение по отношению ко мне, не задумываясь про собственные желания и комфорт. Это было что-то не доступное моему разуму и совершенно волшебное.

Согревшись окончательно, я с радостью избавилась от тонны сковывающей одежды,

оставшись лишь в серой водолазке, штанах и угги, откинув край теплого одеяла, и пытаюсь оглядеться, в тихой сухой пещере, где теперь стало по своему уютно и даже как-то мило, когда ветки на входе зашевелились и показался Север, которому как всегда пришлось согнуться, чтобы войти...

С улыбкой я смотрела, как он трясет головой, откуда с черных кудрей посыпался мокрый снег, видя, как снежинки на пороге врываются с ветром внутрь пещеры, тая прямо над ним от жара тела, не успев долететь до кожи. Только почему-то он не стремился пройти дальше, как-то скованно остановившись у входа, и не закрывая за собой ветки, что стали своеобразной дверью.

В душе тут же шевельнулся ужас, неужели что-то случилось с остальными? Только Север, как всегда почувствовал мой настрой, быстро выпалив, как мне показалось, немного смущенно:

— Мия...ты же понимаешь, что мы звери?....

Так, это уже интересно и даже интригующе. Я медленно кивнула в ответ, уставившись на Севера во все глаза, когда он скованно повел своим огромным мускулистым плечом, продолжив осторожно, словно подбирая слова:

— Конечно, в идеале в нас должны быть уравновешенны человеческая и звериная стороны, но на деле все это очень сложно и требует больших усилий, чтобы не скатиться в звериное существование...

Все еще не понимая к чему было это откровение, я зачарованно слушала огромного возбужденного мужчину, который почему-то не торопился входить и словно был готов в любую секунду выскочить на улицу снова, растворившись в темноте ночи и плотной пелене снега.

— Когда в Бере кровь намешана и есть хоть капля сторонней человеческой крови, ему легче...легче быть человеком. Ну, знаешь: ходить в одежде, жить в доме, есть, используя столовые приборы, готовить еду в конце — концов....для таких же как я, это пытка....в чистокровных звериные инстинкты гораздо сильнее. Порой они затмевают разум, и тогда слияние с природой неизбежно.

Иииии я все-равно не знала к чему клонит Север, пока не понимая, стоит ли мне пугаться сразу, или подождать окончания речи, потому что мой страх едва ли что-то сможет изменить, ведь мы были здесь одни, и не было поблизости никого, кто смог бы помочь в случае чего...хотелось бы верить, что такого «случая» не будет...

Остановившись и притихнув на секунду, Север чуть поморщился, приглушенно продолжив:

— ...мы охотимся как звери, Мия...мы едим, как звери и...я боюсь, что тебе будет не приятно....

Север просто застыл после этих слов, словно над ним висела не иначе как секира, а я растерянно заморгала, пытаюсь осмыслить сказанное. Он переживал, что мне будет противна его пища?

— Север, я понимаю, что вы не люди, — осторожно начала я, видя, как Бер принюхивается и постепенно его чувственные губы растягиваются в очаровательной белозубой улыбке, обнажая ровные острые клыки, — ешь уже что ты хочешь, что привык и как привык, только пожалуйста ЕШЬ, потому что вы голодные вот уже как третий день.

Почему-то лишь в этот момент я отчетливо поняла, что остальные Беры унеслись ужинать, не сдерживая своих звериных порывов и пристрастий, в то время как Север был

привязан ко мне и моему жалкому существованию в лесу, и не мог даже нормально поесть! Это я должна была оправдываться и просить прощения за то, что висела камнем над ним, слишком хрупкая, медленная и совершенно беспомощная перед лицом природы!

— Рыбу любишь? — от улыбки Севера стало горячо, когда я заморожено смотрела на его губы и клыки, чувствуя дрожь в коленках, и далеко не от страха. Я лишь закивала в ответ, когда Бер метнулся за «дверь» снова, и вернулся с двумя большими рыбинами, которыми можно было бы накормить целую роту, теперь не боясь испугать меня своими гастрономическими пристрастиями или методом ловли.

— Такие огромные! — выдохнула я, видя, как снова озорно засверкали в полумраке глаза Севера, когда он быстро опустил у огня, принявшись обламывать от веток палки, сооружая шампуры.

— Эта рыба очень жирная и вкусная. Настоящий десерт для медведя... — нанизывая куски рыбы, которые ловко отрубал откуда-то взявшимся ножом, Север выглядел как заправский повар, продолжая довольно улыбаться, — Знаешь, что отличает зверя от человека в еде, Мия?...

— Способ приготовления?

— Соль! А тетушка обеспечила нас этим продуктом, словно мы ушли в поход как минимум на год, — хохотнул Север, занявшись сооружением какой-то хитроумной системы из палок, на которую положил шашлык из рыбы над огнем, протягивая мне одну из нетронутых булочек, загадочно улыбаясь и промурлыкав, — подкрепись пока этим, скоро тебе понадобится много сил, девочка...

Отчего-то смутившись, я послушно стала есть булочку, чувствуя, как жалобно заурчало в животе от аромата готовящейся рыбы, что томилась над костром, и совершенно не боясь того, что Север разделал вторую рыбину на небольшие кусочки, отделяя красное филе от острых больших костей, съедая их сырыми, прямо с кончика ножа. Ну а что? Суши же люди едят! Или строганину!

— А можно мне кусочек? — не выдержала я того, как аппетитно поглощал свою сырую порцию Север, на что Бер удивленно замер, словно засомневавшись, стоит ли пробовать, и тщательно выбрав вкусный кусочек, отрезал его для меня размером поменьше, и, посолив, протянул.

Было забавно наблюдать за тем, как осторожно и напряженно Север наблюдает за каждым моим движением, явно готовясь к тому, что сейчас мне станет плохо, только вот рыба была действительно очень вкусной, и, глядя на то, как красный кусочек исчезает в моем рте, Север неожиданно издал низкий рокочущий звук, метнувшись ко мне, едва я проглотила еду, тут же впившись губами в жарком поцелуе, не дав возможности сказать о том, какую вкусную рыбу он поймал.

Аромат свежести ночного леса окутал меня, затмевая все прочие, и я отчетливо понимала, что теперь мое тело стонет от совсем иного голода, не связанного с аппетитной рыбкой над костром. Горячий язык ворвался сквозь губы, повелевая сдаваться без боя... и я сдалась, подавшись ему навстречу, позволяя горячим рукам поворачивать мою голову, чтобы его язык смог ворваться в меня еще настойчивее, еще глубже, отбирая дыхание и даря свой терпкий аромат. Меня не испугало даже то, что скоро я уже лежала на спине, придавленная большим жарким телом, и нетерпеливые руки Бера, опустили на талию, принявшись снимать мои штаны, когда Север отстранился, простонав в мои влажные припухшие губы:

— Боже мой... сначала накормить....

Не совсем понимая, было ли это сказано себе или мне, я удивленно моргнула, когда Бер буквально отскочил, присев передо мной на корточки, и осторожно потянув за руки, заставляя тоже сесть, чтобы потом занять свое прежнее место у костра, напротив Севера, что снова занимался приготовлением рыбы. Стоило ли говорить, что после случившегося про еду я думала меньше всего?

И, кажется, Северу тоже с трудом удавалось держать себя на месте, когда все его тело то и дело подрагивало, а мышцы на плечах и груди плавно перекачивались, словно от излишнего напряжения в теле.

И все-таки приготовленная на открытом огне рыба была верхом кулинарного искусства, и едва ли в этом мире могло быть что-то более вкусное! А еще я представить себе не могла, что способна с большим аппетитом съесть половину огромной рыбины под обжигающе горячим взглядом Бера и его широкой удовлетворенной улыбки, словно ему доставлял удовольствие даже сам процесс моего активного пережевывания.

— Пресытилась? — от голоса Севера не осталось и следа, когда слова вырвались с низким голодным рычанием, на которое я смогла лишь отрывисто кивнуть головой, пристально наблюдая, как Бер поднимается во всей свой рост, не скрывая больше своей вибрирующей эрекции, и горячо выдохнул, — теперь моя очередь...

Я ведь помнила, что нельзя пытаться убежать от Бера...нельзя быть жертвой или добычей, только ноги сами подскочили и шагнули назад, подгибаясь от мощи и жара, которые бегали мелкими кусающими кожу зарядами по мне, смешиваясь с обезумевшими мурашками, когда я медленно отступала назад, запрокидывая голову так сильно, что шея загнулась от напряжения.

— Не бойся меня... — прошептал горячо и хрипло Север, когда я уперлась спиной в холодный камень, вздрогнув, потому что Бер опустился на колени, прижавшись носом к животу и заурчав, пока его ладони аккуратно прошлись по моим ногам, стягивая свободные брюки и намокшие от возбуждения трусики, тут же скользнув внутрь, по хозяйски раздвигая складочки, и заставляя закусывать губы и дрожать от невероятного ощущения власти, собственной беспомощности и его едва сдерживаемой страсти.

Цепляясь ногтями за холодный камень подо мной, я едва могла дышать, чувствуя, как горячие пальцы прошлись сверху вниз, тут же скользнув внутрь и вторая рука Севера неожиданно легла на мое колено, приподнимая его и отводя в сторону, прижав ладонью к камню так, что я стояла теперь на одной ноге, раскрытая для него, безоружная и совершенно потерянная в собственных эмоциях, которые накатывали словно взрывная волна с каждым разом все быстрее и быстрее.

— Не надо! — взвизгнула я, цепляясь дрожащими онемевшими пальцами в его густые черные волосы, когда почувствовала, как Бер склонился ниже, и теперь к моим несчастным набухшим складочкам прикоснулись уже не жадные до прикосновений пальцы, а горячий язык, отчего тело судорожно дернулось, словно получив разряд. Только Север не слышал мои мольбы отпустить, прижимая рукой к камню все сильнее и сильнее, не прекращая своих поглаживаний, которые, то учащались, то становились плавными и нежными, порывая и буквально вылизывая разрывающуюся от эмоций плоть.

Это было слишком! Слишком интимно, слишком горячо, слишком запретно, слишком приятно, чтобы молчать и терпеть, не сходя с ума от сотрясающих тело конвульсий, начиная всхлипывать и терять всю силу, утопая в этих взрывах внутри бедер, которые уже принадлежали и подчинялись не мне, оказавшись во власти горячего ненасытного языка,

отчего все тело напрягалось так сильно и сладко, что я едва не стекала по камням, едва дыша:

— ...пожалуйста, хватит! Я не выдержу больше!

Отстранившись и проделав дорожку из поцелуев до пупка, Север усмехнулся, чуть прикусив влажную кожу, задрав край водолазки:

— Мы только начали, девочка моя....

И я была рада, когда Север поднялся на ноги, возвышаясь надо мной во весь свой рост так, что я едва дышала в его стальной пресс, чувствуя, как горячие ладони снова скользнули по ногам, обхватывая за ягодицы и поднимая меня над землей на его уровень, раздвигая обе ноги и вжимаясь своими каменными горячими бедрами в меня.

Вот только тело сжалось, инстинктивно задрожав, все еще помня, КАК это может быть больно.

Север остановился, тяжело дыша, даже если я не пыталась упираться в него, и, сжавшись, ждала новой острой боли.

— Не бойся... — прошептал он, осторожно опуская меня на землю снова, и шагнув назад, потянул за собой, усаживаясь так, что привалился спиной к небольшому камню, вытягивая свои длиннющие ноги и устраивая меня на своих бедрах. Только я напряженно застыла, стоя на коленях с раскрытыми бедрами и разведенными коленями по обе стороны от его бедер, чувствуя пульсирующую силу, которая прикасалась к раскрытому лону не стараясь ворваться.

— Я не шевельнусь и не сделаю ни одного резкого движения, — прошептал он, и его большие обжигающие жаром ладони, скользнули под мои ягодицы, чуть приподнимая над собой, когда горячая пульсирующая от желания головка едва коснулась складочек, осторожно потеревшись, и замерев как раз там, где могла бы ворваться в мое тело, — ты можешь контролировать сама свои движения, девочка...чтобы не было больно или неприятно. Просто расслабься и попробуй....

Я замерла, чувствуя, как под водолажкой струйка пота стекает по напряженному позвоночнику.

— Твое тело знает меня, девочка... — Север подался вперед, не опуская рук и меня, осторожно прикоснувшись губами к моим, — ты бесстрашно ехала на звере, чувствуя его силу и ритм движений. Это все еще я...только не настолько волосатый.

От хриплого смешка и легкого укуса за нижнюю губу, я чуть улыбнулась, судорожно сглотнув, и упираясь руками в стальной пресс Бера, который дрожал от напряжения, пока Север сдерживал себя, позволяя мне самой понять, что это такое. Сложно было представить, скольких усилий стоило Северу вот так сидеть, замерев и едва дыша, когда капельки пота мелкими бусинками выступали на его огромном сильном теле, и я поняла, что не смогу оттолкнуть его. Было слишком интересно...и я действительно хотела этого, даже сквозь боль и страх.

Упираясь в его живот, я чуть подалась назад, опуская бедра лишь на немного, когда его руки поддались на мое движение, все-равно поддерживая, и горячая головка медленно вошла в меня, растягивая осторожно и мягко, вырывая стон из груди Бера, который прикрыл глаза, чуть оскалившись.

— Больно?... — от его хриплого дрожащего голоса по телу пошли волны жара, когда я отрывисто выдохнула:

— Нет...

Еще ниже, закусывая губы от ощущения того, как он растягивал меня, скользя по сжимающимся стеночкам, создавая медленное размеренное трение, от которого было так приятно, что я улыбнулась.

— Что? — еле дыша выдохнул Север, недоуменно улыбаясь, и его ладони чуть сжали мои ягодицы.

— Так необычно, — честно призналась я, замерев, чтобы привыкнуть к этому ощущению, видя перед собой горящие синие глаза, и сладкую томную улыбку:

— Но приятно?

— Да....

— Еще? — снова его низкий рокочущий рык, переходящий в стон, когда Север чуть подался вверх, осторожно и медленно скользя в меня еще немного.

— Да...но ты обещал не двигаться...

— Прости, девочка...трудно сдержаться.

Едва не хихикнув от какого-то совершенно щенячьего восторга, я подалась назад сама, не в силах оторвать глаз от лица Севера, на котором сейчас отражалось столько эмоций, что я терялась, не в силах разгадать их всех. Он смотрел на меня так пронзительно и зачарованно, словно видел какое-то волшебное создание, отчего кровь прилиwała не только к бедрам, но и к лицу. Я явно не заслуживала это все и была далеко не той, чтобы на меня смотрели вот так — преданно, обожающе, нежно...

Еще ниже, чувствуя его в себе настолько остро, что эти ощущения сбивали с дыхания, заставляя глотать воздух урывками, впиваясь пальцами в дрожащий под моими ладонями пресс.

И еще...до самого упора, когда из горла Севера вырвался стон, и он дрогнул, а я чувствовала, как он вибрирует во мне, отдаваясь жаром в каждом нервном окончании, посылая маленькую сладкую молнию в мое тело, которое ждало боли, а получило нечто невообразимое и такое неопишимо приятное, что восторг прошелся дрожью по всему телу.

— Ты в порядке? — прошептал сипло Бер в мои губы, чуть подавшись вперед и все еще продолжая придерживать ладонями под попку, даже если теперь я сидела на нем, и, дождавшись моего положительного кивка, чуть улыбнулся, — Мы еще не закончили....

Я предполагала это по прошлому не слишком удачному разу, все-равно напряженно застыв, когда ладони Севера приподняли меня за ягодицы вверх, отчего я проскользила по его напряженному горячему стволу, медленно и томно, ощущая, как сжимаются вокруг него мои набухшие стеночки, не желая отпускать из себя. А потом вниз, так же осторожно и медленно, когда проскользив по нему, я опустилась на бедра Бера, понимая, что буквально перестала дышать.

Еще раз вверх и вниз, чувствуя это крышеносное трение внутри себя, от которого новые волны чего-то тайного, запретного и такого интимного начинали расходиться рябью по моему телу, набирая обороты с каждым движением Севера, когда он раз за разом поднимал и опускал меня на себе, давая окунуться с головой в эти новые ощущения абсолютной наполненности.

Постепенно движения Бера становились все более быстрыми и отрывистыми, и сильные пальцы сжимали мои ягодицы до сладкой боли, притягивая к себе, пока я кусала свои губы со стоном, утыкаясь в мощную влажную шею мужчины, полной грудью вдыхая его аромат и ощущая, что теперь он везде, подменяя собой целый мир, от которого я отказалась с легкостью, стараясь утонуть и сгинуть в нем, словно потерявшись в ночном лесу, не боясь

этой темноты.

Толчки. Много толчков, от которых сердце подскакивало к самому горлу, перекрывая кислород, а перед глазами пронеслась целая галактика, где было одновременно и больно и приятно. Эти два чувства сплетались в моем теле в какую-то неистовую пляску, когда хотелось кричать, чтобы он остановился и чтобы продолжал делать это снова и снова. В какой-то момент стало больно, отчего я выгнулась, замерев, потому что Север издал практически вой, обхватив своими огромными сильными руками, и прижав в своей груди, задышав тяжело и отрывисто, пока я продолжала сидеть на его плоти, пытаюсь чуть приподняться, чтобы боль стала меньше, отчетливо ощущая, как он завибрировал во мне быстро и отрывисто, а потом стало тихо....

На секунду мы замерли, прислушиваясь друг к другу, когда Бер, чуть отодвинулся от камня, который служил ему до этого опорой для спины, растянувшись во весь свой огромный рост и утягивая за собой и меня, отчего я просто растянулась на большой влажном горячем теле, все еще сидя на нем бедрами, что самого Севера кажется совершенно не смущало.

— Прости, не удержался... — судя по его мурлыкающему голосу, Бер сладко улыбался, пока его горячие большие ладони гладили меня по спине и ягодицам, задрав водолазку, которая все это время была почему-то на мне, — в следующий раз ты поймешь, что это не страшно, а очень даже приятно. Чертовски приятно. До полного помешательства.

Я чуть улыбнулась, почувствовав смущение даже после всего случившегося, тихо признавшись:

— Думаю, что я уже понимаю...

— Еще не совсем, — когда я пошевелилась на нем, пытаюсь понять, что делать теперь, Север снова чуть сжал мои ягодицы, — неудобно?...

Не то, чтобы было не удобно, просто он все еще был внутри меня, и я вздрогнула, когда он пошевелил бедрами, освобождая меня, и повернувшись на бок, прижимая к себе так, что теперь я лежала на правом боку, глядя на возвышающегося надо мной красивого и огромного мужчину.

— Было больно?

— Нет, почти нет...немного в конце... — я пошевелилась, сжимая коленки и покраснев, потому что из меня что-то вытекало, струясь по обнаженным бедрам и ногам, чувствуя как Бер принюхивается, кажется, пытаюсь определиться с каким-то своими мыслями, и я покраснела сильнее, когда он сладко протянул:

— Салфетки?

— Вряд ли мы сможем найти что-то подходящее...

Мысли метнулись по кругу, когда я судорожно думала, что мы в пещере, где вряд ли сможем найти листочки, кроме хвойных, которые как-то не слишком подходили для таких целей, а даже если где-то поблизости и есть вода, то я околею еще до того, как смогу до нее добраться. Только Севера это совершенно не смущало, когда он выгнулся назад, чтобы дотянуться до рюкзака, извлекая из него целую пачку влажных салфеток, которую с улыбкой протянул мне:

— Тетушка Зои все предусмотрела.

— ...хочешь сказать, что она предполагала, что ты...что мы...вообщем...

— Да.

Боже мой, стыд какой! Я поморщилась под смех Севера, который с интересом и каким-

то звериным обожанием смотрел на меня как всегда излишне прямо и откровенно, а я терялась под этим взглядом, отмечая, что сейчас его синие глаза излучали свет гораздо сильнее, чем было до этого. Наверное, я слишком долго пыталась все еще дрожащими пальцами открыть толстую упаковку с салфетками, потому что Север быстро и напористо взял дело в свои руки, аккуратно открыв упаковку и достав пару влажных салфеток. Только я взвизгнула, когда он бесцеремонно снова проскользнул внутрь моих бедер, ловко собирая из них излишнюю влажность.

— Север! Что ты...

— Шшшшшшшш... все еще смущаешься меня?

Словно он не чувствовал, что смущаюсь, потянувшись, чтобы поцеловать, только его глаза опустились вниз и черные брови сошлись на переносице, отчего я по инерции сжала ноги сильнее, пролепетав:

— Что то не так?...

— Кровь... ты точно в порядке, Мия?...

Я моргнула, прислушиваясь к собственному телу... во первых я жутко устала, и ноги дрожали даже если я уже лежала рядом с ним, как и чуть подрагивал живот, все еще ощущая сладостные мелкие конвульсии внизу, от которых по телу расплзлось тепло и усталость. Ну и бедра... было некоторое жжение и чувство растянутости внутри, но боли не было. А я знала ее определенно после первого раза. Замерев, я смотрела в пронзительные синие глаза, видя, что черты лица Севера снова смягчаются, когда он почувствовал, что со мной все действительно в порядке.

Склонившись он поцеловал меня еще раз, выкинув салфетки в костер, где они зашипели, и принявшись натягивать на меня трусики и штаны, словно я была грудным ребенком, который не в состоянии одеться самостоятельно, замотав в одеяло и лишь после этого улегся рядом, прижимая спиной к своей огромной горячей груди.

И смотря на языки огня, объятая теплом и нежностью со всех сторон я счастливо улыбнулась, проговорив:

— Будем считать, что сегодня я тебя изнасиловала!

Север легко рассмеялся и его смех отразился в каждой частичке моего разнеженного тела невероятным теплом и уютom.

— Теперь все честно и я могу называться твоим мужем по праву?

— Да, — улыбалась я, чувствуя, как его грудь снова затряслась от тихого смеха и горячие губы прикоснулись к моему затылку, а ладонь скользнула вперед, обхватывая мою и переплетая наши пальцы, а я почему-то подумала, что, не смотря на нашу близость, я по-прежнему совершенно ничего не знаю о том, кто стал моим мужем по законам Беров и нашей вымышленной теории об изнасиловании, — Север... может сейчас не время...

— Спрашивай, девочка моя, спрашивай... ты и так терпела слишком долго, — Бер усмехнулся, когда я развернулась в его руках, чтобы заглянуть в смешливые большие глаза:

— Ты и это чувствуешь?!..

— Угу...

— Ужас какой... вот так захочешь прикупить себе сумочку в пол зарплаты, а ты упадешь в обморок от ее цены еще на пороге, потому что просто учуешь все заранее!

Север расхохотался, притягивая к себе и я ждала, когда он успокоится, потому что хотела спросить о том, что вряд ли ему будет приятно вспоминать... и Север буквально окаменел, потому что почувствовал, тяжело выдохнул и чуть прикрыв глаза:

— Хочешь узнать о моем отце и брате?...

— Вы точно мысли не читаете? — прищурившись, заглядывала я в его синие глаза, с радостью увидев, как его чувственные губы дрогнули в улыбке.

— Нет, нам это просто не нужно...

— ... если тебе неприятна эта тема...

— Все в порядке, Мия. Я понимаю тебя. Я бы с ума сошел за это время, если бы чего-то о тебе не знал.

— Так ты и не знаешь, — начала было я, потому что мы как-то слишком мало разговаривали, занимаясь при встрече другими полезными вещами, только осеклась, ошарашено выпучив глаза, на то, как черная бровь Севера смешливо и очень многозначительно изогнулась, давая понять, что как раз он то знает все, — Откуда?!..

Только это я собиралась обязательно выяснить обязательно, по позже, а пока меня интересовало другое, и Север снова притих, глубоко вздохнув, словно настраиваясь на неприятный разговор.

— Мой род далек от понятия «дружелюбный», девочка. А уж говорить про Кадьяка, что он может быть добрым и вовсе полный бред, но мой отец был именно таким....Добрым. Справедливым. Честным. Откровенным. В каждой истории всегда есть абсолютное добро, и абсолютное зло, так вот папа был чистым добром. Как старший сын своего отца он занял место наставника и правителя Кадьяков в 20 годы этого столетия. Он чтит законы Беров и даже создал некий совет из наиболее старых, уважаемых и мудрых старейшин. А потом у людей началась война...та, которая объединила весь мир против одного агрессора....

— Вторая мировая?

— Она. Бурые первые решили встать на защиту людей, как это было раньше. И мой отец присоединился к ним. Это было первая война в истории Берсерков, когда все четыре рода объединились, чтобы защитить людей и собственные земли. После ее окончания отец понял, что время Беров подходит к концу...он говорил, что люди изобрели слишком много ужасного оружия, против которого бессильны даже мы, и нельзя, чтобы наш род оказался в клетках, над которыми будут ставить опыты, которые он видел собственными глазами... Выхода было всего два — изолироваться сильнее, как это было раньше, или попытаться стать ближе к людям...папа выбрал второе. Он разрешил брать в жены человеческих женщин и уходить в мир людей, чтобы остаться там навсегда. Старейшины поддержали его решение, когда услышали все доводы отца...но были те, кто был против...

— Как твой дядя?...

Север кивнул, и снова в его глазах появилось это ужасающее пламя, когда даже черный зрачок вдруг стал в разы меньше, словно зверь проснулся, почувствовав кровь.

— ... и как мой брат...Совместно они устроили заговор за спиной отца, собирая под своим началом тех, кто был против глобальных перемен, и кто не собирался отпускать Беров в мир людей...

Я обхватила горячую ладонь Севера обеими руками, сжав ее, чтобы хоть как-то выразить свою поддержку и жуткую боль, которая колола в самую душу, отражаясь в синих печальных глазах.

— Брат убил отца...

Я вздрогнула от этих слов, прижимаясь к Северу, чей голос дрогнул и Бер молчал какое-то время, прежде чем смог продолжить:

— А папа знал... все знал о заговоре и тех, кто его затеял, но не пытался помешать,

потому что слишком любил сына. И даже когда брат убивал его, он не пытался отбиваться... он просто стоял на коленях, глядя в его глаза с такой же любовью и прощением как всегда... только брата это не остановило.

Широкая горячая ладонь опустилась на мою щеку, осторожно стирая покотившиеся слезы, когда я не смогла удержать эмоций, понимая, что Север видел все это своими глазами:

— Брата провозгласили новым наставником и правителем Кадьяков, который отменил все реформы отца, убивая человеческих жен Беров и тех, кто пытался протестовать против этого. А потом я убил его...и я не жалею об этом, Мия...можешь считать меня зверем и чудовищем, но я бы сделал это еще тысячу раз, будь у меня такая возможность.

Тихо плача, я обхватила его торс руками, прижимаясь к широкой груди мокрой щекой и слыша, как колотится его сердце, своими объятьями выражая, что не считаю его чудовищем, и поддерживаю его. А еще люблю...очень.

— Север?...

— Мммммм?...

— Не все Кадьяки злые, теперь я знаю это точно.

Север тихо рассмеялся, прижимая к себе ближе и целуя в кончик носа, улыбаясь и мурлыча своим необыкновенным голосом:

— Теперь ты довольна, девочка моя?

— Да...

— Прекрасно, а теперь спи. До восхода солнца осталось 5 часов, и не известно, когда нам еще получится поспать, потому что...да...

Я поняла, о чем говорил Север, лишь когда в следующую секунду в пещеру проскользнула высокая огромная фигура, стряхивая в полумраке снег со своей блондинистой шевелюры, и сверкнули холодные голубые глаза:

— Ожидал вас застать за более интересным занятием, чем обычное болтание.

— Управились как раз вовремя, — усмехнулся Север, покосившись на Лютого, который совершенно без стеснения развалился возле костра, на спине, при этом закинув руки за голову.

— Неплохо постарались, теперь ваш аромат на самом деле связан....

— Рад, что смогли угодить тебе, брат мой, а теперь заткнись и спи уже.

Я улыбнулась все-равно покраснев, и глядя через языки пламени на Лютого, который как всегда фыркнул, но все-таки закрыл свои голубые глаза, притихнув, и разворачиваясь в руках Севера я прошептала:

— А остальные где?

— Уже на подходе, поэтому постарайся уснуть до того, как они явятся и начнут храпеть...

Я улыбалась, послушно закрывая глаза и чувствуя губы Севера на своей шее, а его руки на своем теле под одеялом, проваливаясь моментально в глубокий сладкий сон.

Иногда, бывают, случаются такие странные ситуации, когда ты спишь. Крепко. Спокойно. А тебе даже во сне кажется, что на тебя кто-то смотрит. Излишне пристально. И очень близко.

В такие моменты сон проходит как-то сам собой и страшно просто открыть глаза.

Вот и я лежала, чувствуя, как начинают дрожать мои ресницы, отчетливо ощущая, что Севера нет рядом, но есть кто-то другой. А вокруг ужасающая тишина, где уже не слышно сопение и храп мирно спящих Беров. Тишина звенящая, словно мои нервы, когда ты понимаешь, что нужно скорее узнать, что происходит, но просто страшно открыть глаза, чтобы увидеть...

Нет, не призрака или полтергейст...они ведь не могут обитать в пещере?...а кого-нибудь гораздо более ужасающего и опасного, ведь что может сделать призрак, кроме как поохать и погреметь своими цепями? Ну посидеешь ты, ну убежишь, но хотя бы жив останешься. А что если рядом с тобой настоящий зверь? Тот, который не остановится ни перед чем, чтобы стереть тебя с лица земли, даже не вспомнив на утро, кого именно он превратил в мокрую лепешку....

— ...я знаю, что ты не спишь.

Голос Лютого был одновременно и облегчением моей перепуганной печени, но и звоном моих напряженных нервов, когда я все-таки открыла глаза, увидев прямо перед собой огромного белокурого воина, с его ледяными глазами, которые смотрели прямо на меня через потухающий огонь. И не было бы так страшно, если бы в пещере был кто-либо еще кроме нас.

— Не бойся, братья ушли перекусить и скоро вернутся...

Я почему-то облизнула сухие губы, не зная, что мне делать теперь — продолжать лежать и пялиться на Лютого, который в принципе не особо любил меня и мои взгляды, или вылезти из-под кокона одеяла в прохладное утро, сделав вид, что все в порядке вещей.

— Тебя от храпа контузило?...

Понимая, что продолжаю лежать, словно замороженная мумия, я, наконец, скованно повела плечами, приподнимаясь на локте под взглядом ледяных глаз, от которых казалось, словно льдинки снова врываются в мои вены, замораживая кровь. Эта жуткая холодная аура Лютого была ощутима буквально физически, особенно, когда он смотрел на тебя своими страшными голубыми глазами, в которых невозможно было отыскать эмоций.

— Доброе утро, — пробормотала я нелепо, и, естественно, не дождавшись ничего в ответ, неуверенно выдавила, — а ты?...уже перекусил?....

Было бы просто идеально, если бы голод позвал этого Бера за пределы пещеры, только Лютый, сверкнул своими глазами, проговорив, как всегда обманчиво мягко, и при этом так холодно:

— Я не голоден. И нам нужно поговорить.

Ой, мамочки...это было как-то слишком дико, учитывая, что Лютый в принципе не был любителем бесед, и поэтому внутренне, я вся сжалась, садясь, и натягивая на себя одеяло, так, что в момент продрогла до самых костей, не в силах понять происходит это от температуры в пещеры или от взгляда Бера, который он не отводил ни на секунду.

Он молча сверили меня своими острыми глазами, до тех пор, пока я не подняла голову на него.

Сидя на корточках по другую сторону от костра, он словно был способен заморозить даже языки пламени, когда, наконец, заговорил четко, мягко и как всегда так, словно ему было скучно:

— Через пару часов мы вступим на земли Белых. Не думай, что нам будут рады...род Белых один из самых жестоких и изолированных, они не любят незнакомцев и враждуют со всеми и всегда. Поэтому я хочу, чтобы ты меня услышала и поняла — ты обуза. Из-за тебя могут пострадать мои братья, потому что слишком привыкли к тебе. Поэтому ты делаешь все и беспрекословно, как я буду говорить, Мия. Если я сказал — беги, ты бежишь сломя голову, не задумываясь и не оборачиваясь. Если я сказал, упала и отжалась, ты делаешь это молча, и в ту же секунду, как услышала.

-..но....

— А сейчас ты сидишь, слушаешь и вникаешь в каждое слово, черт тебя побери!

От рыка Лютого я задрожала, пытаюсь вжаться в одеяло, чувствуя, как холодный пот выступил на лбу. Он редко проявлял чувства, и эта его ненависть была не просто открытием, меня словно ударили в грудь, выбивая весь кислород.

— Тебя выбрал мой брат. Не думай, что я в восторге оттого, что теперь нам приходится везде таскать тебя за собой! Но Север часть нашей семьи. Странной семьи. И, принимая его выбор, мы приняли в нашу семью и тебя, глупая девчонка. К сожалению, семью не выбирают, и я вынужден с этим мириться. Только это не меняет того, что я ненавижу людей. И, можешь мне поверить, если выбор встанет между спасением тебя или кого-то из братьев, то я не буду даже задумываться! Влюбившись в тебя, Север обрел третью силу, но и стал уязвим, потому что в природе все уравновешенно. Ты слабое звено нашей семьи, и кинувшись спасать тебя, он может погибнуть сам...он и остальные братья. Именно поэтому ты должна запомнить три правила: быть всегда за нашими спинами, потому что, выпуская зверя, мы не контролируем себя и можем просто не заметить твоего присутствия рядом. Молчать. И делать то, что тебе говорят. Ты поняла, Мия?...

Страшно было даже пикнуть в ответ, когда я отрывисто кивнула, не в силах даже поднять глаза на Лютого, который теперь поднялся на ноги, хмуро буркнув:

— Одевай всю одежду, которую приготовила тетушка Зои. Сегодня холодно.

Не знаю, почему я застыла, пока не услышала гневный рык над головой:

— Мия! Быстро и не задумываясь!!!!

Большого пинка моему мозгу и не требовалось, когда я подскочила на ноги, стукнувшись затылком о грудь нависающего надо мной злого огромного Бера, кинувшись на дрожащих ногах к рюкзаку, чтобы вытащить из него все вещи, поспешно натягивая их на себя, и молясь, чтобы скорее вернулись Север и братья.

Я чувствовала себя снеговиком в костюме капусты, когда, наконец, Беры ввалились в пещеру, стряхивая с волос хрусталики льда, и широко улыбаясь мне:

— Выспалась? — мягко улыбался Север, подходя ближе и сияя своими необыкновенными глазами, когда его сильные мускулистые руки обвились вокруг необъятной меня, приподнимая над землей, и прижимая к телу, от которого шел жар. Я смогла лишь закивать головой, ощущая даже через варежки насколько горячая его кожа, и с блаженством вдыхая родной аромат, чувствуя себя, наконец, в полной безопасности, — Что-то случилось?...

Я лишь покачала головой, понимая, что Лютый был прав в каждом своем слове. Просто сказал он это излишне прямо, и не пытаюсь сгладить остроту ситуации, что, наверное, в данном случае, было самым правильным решением. По крайней мере, до меня дошло то, что я не хочу быть той, кто может стать причиной смерти кого-то из Беров, которых я любила всей душой. Пусть его слова были подобно секире над головой, зато в мозг врезалось все и до конца моих дней.

Я не понимала лишь одного — почему Лютый ненавидит людей?...

— Выдвигаемся. Скоро солнце взойдет, и к тому времени мы должны быть уже на территории Белых.

Голос Лютого снова вонзался холодом, даже под тонной одежды, когда Беры стали выходить из пещеры один за другим, улыбаясь и подмигивая мне. Мы выходили последними, и, ступив за порог нашего каменного дикого жилища, я поняла, что Лютый был прав и в том, что заставил одеть на себя совершенно все, что я смогла найти в рюкзаке, не считая 5 пар штанов из мягкой кожи, и столько же больших угги. Потому что на улице было не просто холодно. Было жутко от того, как мерзлый воздух пробирался в легкие почти со свистом, даже если снежная буря утихла и стояла совершенная тишина и трещащий мороз, от которого ресницы в миг стали белыми, принявшись цепляться друг за друга.

— Вам и сейчас не холодно? — покосилась я на обнаженного Севера, который стоял рядом, всматриваясь куда-то в бескрайнюю равнину, вдалеке которой виделись горы и паразиты кустиков из под слоя снега. Бер улыбнулся своей очаровательной улыбкой, обнажив острые клыки, и просто покачал головой, тихо рассмеявшись, когда я икнула. Страшно было даже спросить, сколько градусов ниже нуля витало в этом воздухе, лучше было не искать градусников...не считая того, что торчал из бедер Севера, только его температура явно зашкаливала в великом и могучем плюсе.

— Медвежья кровь, помнишь? — синие глаза полыхнули, только моим мурашкам не суждено было даже встрепенуться, потому что Беры один за другим обращались в мишек, выступая вперед за холодным сосредоточенным белым медведем, что шел как всегда впереди.

— Нам пора, — с сожалением выдохнул в мои губы Север, склонившись и чуть укусив за нижнюю губу, когда опустился на колени, став черным мишкой, на которого я залезла уже со знанием дела, чуть поморщившись от того, что бедра внутри тут же занули, а в голове с радостью замелькали воспоминания о проведенной ночи. Только слыша под собой утробное низкое мурчание медведя, которое отдавалось приятной вибрацией во всем теле, я чуть улыбнулась, прошептав:

— Не отвлекайся от дороги, Север.

Бер недовольно фыркнул, зашагав вперед.

В этот раз медведи не неслись вперед с бешеной скоростью. Они вышагивали синхронно и осторожно, словно приносясь каждую секунду своего пути, хотя вокруг не было бескрайнего леса, откуда мог бы выскочить незримый противник. Равнина была, словно на ладони на много десятков километров вперед, только напряжение буквально витало в воздухе, отчего и я сосредоточенно всматривалась в горизонт, прижимаясь к горячему телу медведя, чтобы согреться, словно мои глаза могли увидеть что-то, что видели глаза Беров. Теперь они шли другим строем, словно клин, началом которого был Лютый, а прикрывал тылы Север. И отчего-то было страшно...пусть этот страх не был явным. Он сидел где-то внутри меня, в трепыхающемся ритме сердца, когда я прислушивалась к

размеренному дыханию Севера под собой, стараясь убедить себя, что все будет хорошо. В конце-концов Гризли тоже сначала восприняли нас в штыки, но все ведь закончилось хорошо.

Мир. Дружба. И плантация Сумрака.

Скоро я поняла, что равнина не была идеальной и ровной, а то, что я сначала приняла за горы, оказались двумя большими льдинами, над которыми поднималось солнце, очерчивая на заснеженной земле идеально ровный полукруг, возле которого Беры остановились, буквально застыв.

Пару секунд они просто стояли, кажется, даже перестав дышать, и я слышала в этой хрустящей от мороза тишине, как начинает колотиться мое сердце, даже если глаза не видели опасности.

— Дальше идем пешком...

Лютый обернулся в человека первым, потянувшись к рюкзаку и выдавая каждому из братьев штаны и угги, которые они одевали на себя молча, не ломая боевого клина. И спустившись со спины Севера, который тут же обратился в человека, одевшись, я понимала, что начинаю дрожать.

— Что происходит? — прошептала я, когда Север наклонился надо мной, поднимая на руки.

— Здесь начинаются земли Белых.

— Но почему вы обернулись и оделись?....

— Если мы войдем в обличье зверей это символ того, что мы идем с агрессией.

Я лишь кивнула головой, прижимаясь к большому горячему телу Севера не потому, что искала тепла, а просто хотела быть ближе к нему, начиная опасаться, что эти минуты могут скоро стать последними. Теперь я понимала, почему на землях Гризли братья всегда оставались в обличии людей, даже когда на них нападали разъяренные Беры, и почему Сумрак не спешил принимать свое звериное обличье. Но сейчас я содрогалась, обвивая Севера за могучую шею и вдыхая его родной аромат, испугавшись совершенно искренне, и чувствуя даже какую-то обреченность, потому что братья шли вперед молча, и не были так напряжены еще никогда... даже когда на нас охотились Кадьяки, а Север был обездвижим.

— Мия. За спину.

От мягкого и как всегда холодного голоса Лютого я подпрыгнула, завертев головой по сторонам, чтобы увидеть что происходит, зашевелившись в руках Севера, который удивленно изогнул свою черную бровь, когда я, не пикнув, послушно, и как можно быстро, слезла с него, быстро обойдя его и встав за огромной могучей спиной...вернее за копчиком и крепкой попой, учитывая рост моего медвежьего мужа.

Я не смогла даже поднять голову, чтобы посмотреть в его синие глаза, когда Север чуть обернулся, хмуро хмыкнув себе под нос: «...офигеть!», и неожиданно опустился на колени, стоя так же спиной, чтобы кивнуть, чуть улыбаясь:

— Забирайся скорее, пока не обморозилась....

Вот да. Эта была хорошая идея. Потому что Север, как всегда, уже видимо почувствовал, как к подошвам стали прилипать морозные стельки, колющие мои ноги своим ледяным присутствием.

С благодарностью я шагнула вперед, не глядя на остальных братьев, которые продолжали шагать за Лютым, обвив крепкую шею Севера своими руками, и прижимаясь к его спине, обвивая ногами его могучий горячий торс, повиснув на нем сзади, как живой

рюкзак.

Север поднялся без какого-либо усилия, сцепив свои руки за спиной, как раз под моими ягодицами, и зашагав вперед, как ни в чем не бывало, а мне было неловко оттого, что ему постоянно приходится таскать меня на себе...и почему-то стыдно перед Лютым. Теперь я отчетливо понимала, что он прав в каждом своем сказанном слове...я была обузой, с которой остальным приходилось мириться. Я была самая мелкая, слабая и медлительная среди их семьи. Этаким кусок мяса, в который почему-то влюбился Север, что дало ему так называемую «третью силу».

Кстати, было жутко интересно, что это значило, и, потянувшись вперед, я прижалась щекой к горячему плечу Бера, видя, как он улыбается, продолжая легко шагать вперед.

— Север?

— Мммм?...

— Что значит «третья сила» у Беров?...

Черные брови Севера чуть изогнулись, однако практически сразу вернулись в свое обычное положение, и улыбка не покидала чувственных губ, когда он не спросил, откуда я об этом узнала и почему спрашиваю, проговорив:

— Это феномен, который касается тех Беров, что влюбляются в человеческих женщин. Раньше это было большой редкостью и имя этому феномену дал сам Проотец, сказав, что сама природа дает силу Бери защищать свою возлюбленную от великой злобы и великой ненависти.

Чуть повернувшись ко мне, Север улыбнулся шире, и его белые клыки сверкнули в лучах восходящего солнца:

— Не понимаешь?

— Боюсь, что нет...

— Люди тоже знакомы с этой силой, особенно когда влюблены. Ну, знаешь, когда они способны прыгать выше, бегать сильнее или неожиданно сделать то, на что раньше просто не хватило бы сил...я слышал, что это чувство даже приняли, как некое оправдание к преступлениям, что человек был не в себе, когда совершал то, что было ему не под силу при нормальном состоянии...

— Состояние аффекта?

— Оно.

— Влюбленный Бер всегда находится в состоянии аффекта. Он сильнее. Быстрее. Яростнее. И тогда у Бера глаза начинают светиться. Это символ того, что он выбрал свою пару и больше никогда не отступится от нее. Но природой устроено так, что если где-то сила добавляется, то где-то она и уходит. Поэтому говорят, что Третья сила — это единственная слабость Бера. Влюбленный Бер слишком зависим от своих чувств, он становится слишком слаб морально из-за своей любви, которая по нашим меркам слишком хрупкая и маленькая...любовь между Берами и людьми была под строгим запретом долгие века, поэтому у такой любви всегда был плачевный исход. Женщину убивали, а Бер погибал, пытаясь ее защитить...

Почувствовав, как я содрогнулась, Север, склонил голову ко мне, коснувшись губами моей щеки:

— Сейчас другое время, Мия. И я не позволю никому прикоснуться к тебе.

И, кажется, именно это пытался донести до меня Лютый, когда сказал, что Север бросится защищать меня и погибнет, как и остальные братья, которые слишком

привязались ко мне. Но и я их любила. Очень. Каждого из них. Даже этого холодного огромного блондина, который шел размеренно вперед, как — всегда не проронив ни слова, но в этот раз его спина была напряжена, как и у остальных братьев. И это пугало меня.

— ...а почему Лютый ненавидит людей? — тихо прошептала я, касаясь губами мочки уха Севера, отчего его тело напряглось, и руки, поддерживающие меня за попу, сжались, обхватывая меня.

— Потому что меня изгнали из-за такой же мелкой излишне любопытной девчонки.

Я вздрогнула, жутко покраснев и утыкаясь в горячее плечо Севера, когда услышала голос Лютого, что продолжал идти вперед, обернувшись только чтобы стрельнуть своими злобными холодными глазами, сухо добавив:

— Только блондинки....

Неужели Лютый был влюблен в девушку?!..

Я так и застыла с открытым ртом, глядя на широкую спину Лютого, который снова отвернулся, продолжив свой путь вперед, и как всегда было невозможно определить его эмоции, но спросить об этом еще раз у Севера уже не получилось бы. Как бы сильно я этого не хотела.

Только я вздрогнула, едва не пискнув, когда еще одна рука ущипнула меня за попу и показались озорно сияющие солнечные глаза Янтаря, который хохотнул, поравнявшись с нами:

— Ну, теперь-то я понимаю, откуда пошли слухи о происхождении людей от обезьян. Зов предков заставил тебя залезть на эту волосатую «лиану»?...

— Пнуть его? — усмехнулся Север, чуть повернув голову ко мне, пока я улыбалась, качая головой.

Кажется, нам была нужна эта передышка и приглушенный смех. Всем нам. Только веселье испарилось в морозном воздухе, когда Лютый неожиданно застыл, сжав свои большие кулаки, и аура ледяной ярости пропитала воздух так резко и неожиданно, что мне казалось, будто скоро нас обязательно пронзит молния.

Братья напряглись в единый миг, тут же заняв свои прежние места в строю, косясь на Севера, который благодаря своей чистой первородной крови, мог чувствовать то же, что и Лютый:

— Брат, что происходит?

— Нас идут встречать....

— И много их?

— Один...пока что.

Нахмурившись, Север почему-то посмотрел влево, чуть прищурившись от яркого солнечного света, который совершенно не грел, и в этом свете его синие глаза горели просто нереально ярко. Мне можно было даже не смотреть туда, потому что я все-равно не видела ничего, кроме огромной льдины, которая простиралась на много метров в высоту и несколько километров в длину, словно целый остров в этом ледяном ужасающем мире, где даже сам воздух кусался, проникая в легкие с ледяным скрипом.

Пока что я никого не видела и впереди, но отчетливо замечала, что Лютый начинает подрагивать и волны ярости от него исходят с каждой минутой все более ощутимо. Такого еще не было. И это было воистину страшно, когда Бер, не знающий эмоций кроме ледяной выдержки, неожиданно становится тем самым зверем и монстром, который не способен контролировать себя от распирающей ярости.

Лишь спустя несколько жутких минут, когда от напряжения стало ломить в висках, я смогла различить еще одну фигуру, шагающую прямо на нас.

Фигуру такую же огромную и мускулистую, под стать Лютому и Северу...а еще белокурую.

Светлые пряди этого мужчины ниспадали ниже мощных плеч, выглядя, словно ореол в свете солнца, что поднималось за его спиной, в лучах которого невозможно было рассмотреть его лицо, когда Лютый неожиданно издал жуткий рев, обернувшись в медведя и кинувшись вперед, рассекая воздух мощными огромными лапами, и оставляя глубокие царапины на совершенно гладком бирюзовом льду под нашими ногами.

Первым выругался Север, используя речь Беров, а за ним по-очереди все братья, которые метнулись было за Лютым, но остановились, когда Север преградил им путь, хмурясь и качая своей черной головой:

— Оставайтесь здесь. Это не ваша битва.

Сползая с его горячей спины, я чувствовала, как напряжены его мышцы, а зоркие глаза стали словно сталь, когда Север в миг перестал быть теплым заботливым Бером, словно из глубин его души начинала проступать его звериная сущность, которая была единой с человеческой. Изменился не просто его взгляд — сама манера двигаться, даже дышать, когда дыхание бесшумно входило в его мощную грудную клетку, а выходило несколькими резкими выдохами. Движение тела перестали быть плавными и размеренными, словно вся огромная сила, заключенная в нем старалась вырваться наружу урывками, пытаясь найти выход наружу, как бурлящий вулкан. Только пока что Север сдерживал свою великую силу, глядя на белого медведя немигающим пронзительным взглядом, в котором сложно было отыскать человека. Он был готов кинуться в бой в любую секунду, и, помня слова Лютого о том, что они могут меня не заметить окажись я на пути зверя, я осторожно отступила за спину Севера, покосившись на остальных братьев, которые выглядели напряженно и собрано, но пока что были в человеческом сознании, и поэтому не представляли опасности.

Выглядывая из-под локтя Севера, я видела, как белокурый мужчина, продолжает твердо идти вперед, не дрогнув и не пытаясь обратиться в медведя, даже не смотря на то, что на него летел разъяренный Лютый, чьи когти были словно сабли, способные разрубить пополам одним ударом.

Я вскрикнула от ужаса, когда мужчина что-то приглушенно сказал на языке Беров, неожиданно раскинув руки, словно для крепких объятий, только Лютый не остановился, налетев на него со всей своей мощью, пытаясь сбить с ног. Мужчина устоял и не дрогнул, когда огромные когти полоснули его по плечу, отчего кровь брызнула на лед, стекая по его мощной руке бурными потоками.

Он продолжал что-то говорить сквозь жуткий рев Лютого, не пытаясь отбиваться, лишь отступая назад, когда медведь кидался на него снова и снова, нанося жуткие раны, буквально распарывая бледную кожу. В нем не было агрессии, не было попытки сбежать или защитить себя, только Лютого этого не останавливало, заставляя меня постанывать от тошноты и ужаса, когда лед, вокруг них просто превратился в кровавое месиво, а мужчина наконец упал на колени...

— Что происходит? — шептала я, дрожа от подступающих рыданий, потому что не понимала, чем этот мужчина заслужил такое жуткое обращение к себе, и, хватая дрожащими пальцами напряженную руку Севера, которая впервые за все время стала...прохладной, — Север?...

Юркнув вперед, я задрала голову, растерявшись совершенно, потому, что Север был бледен, словно приведение, глядя на происходящее глазами, где расплескалось синим океаном невыносимая боль и паника. Не было больше зверя, не было ярости и жажды рвать на части... Бер стоял едва не покачиваясь, не в силах, кажется, даже моргнуть, когда я схватила его за руку крепче, прижимаясь к торсу и чувствуя, что на прохладной коже проступил холодный пот и могучее тело дрожит.

— Север? Что происходит? Кто это?...

— ...отец... — выдохнули бледные губы Бера, отчего тошнота скрутила мой живот и мысли забегали, как сумасшедшие тараканы, разгоняя кровь по венам с такой скоростью, что меня в миг бросило в липкий холодный пот.

Это был отец Лютого?!..

Закрыв рот ладонью, чтобы не закричать, я обернулась так резко, что Север покачнулся, утопая в панике, потому что понимала, что перед глазами Севера во второй раз разворачивалась жуткая картина убийства отца... как было с его отцом. И отец Лютого так же не пытался сопротивляться, стоя на коленях и глядя прямо в глаза разъяренному сыну в облики зверя, который настолько утонул в своей ненависти, что был уже не способен мыслить или рассуждать о том, что делает.

— Останови его!

Только едва ли Север слышал мой крик, глядя немигающим взглядом на происходящее и словно выпав из реальности, когда я развернулась к братьям, закричав снова:

— Остановите его!!!

— Мы не можем... по нашим законам семья Лютого — его семья, мы не имеем права вмешиваться...

Едва выдохнул Янтарь, когда я была готова пнуть каждого из Беров, искренне ненавидя их правила и законы, которых не понимала, начиная всхлипывать:

— Он же убьет его... это же его отец... Лютый!..

Я даже не поняла, в какой момент ноги понесли меня вперед, наплевав на все то, что втолковывал мне полярный Бер, слыша, как за моей спиной охнули все братья, и ломанувшись от этого вперед лишь еще сильнее. Я не была такой же сильной или быстрой, или ловкой, но не могла просто стоять и смотреть, как сын пытается убить собственного отца... какая бы ни была на то причина.

Только вот не было времени подумать и о том, что под ногами не рыхлая лесная земля, а совершенный чистый гладкий лед, который с легкостью нес меня вперед с немалым ускорением. А потом я просто полетела по его гладкой поверхности, шмякнувшись с воем на копчик, с чувством, что только что его сломала, и, проехав на попе еще с десятков метров, угодила как раз под лапу невменяемого Бера, который замахнулся для очередного удара.

Нет, страха не было. Все было слишком сумбурно и быстро, когда белая шерсть зацекотала лицо, и тошнотворный запах крови ударил в нос, отчего я закричала, повиснув на плотной шерсти зверя где-то между шеей и мохнатым пузом, пытаюсь обхватить его руками и упираясь ногами в лед, отчего только продолжала скользить, повиснув на ревущем Бере, который меня даже не заметил.

Как вошь на мамонте.....

— Пожалуйста, не надо! — кричала я, что было силы, сжимая в пальцах белую шерсть и

дергая ее со всей силы на себя, пытаюсь привлечь внимание Бера, — Лютый, остановись!..

Только огромная лапа снова поднялась вверх и острые огромные когти буквально лязгнули, когда меня подбросило вверх вместе с ней, а потом вниз с такой силой, что я шмякнулась об лед, слыша, как он затрещал под мощью удара огромного зверя, что не знал милосердия.

Наверное, я была готова к тому, что смерть настигнет меня именно во льдах... в сердце лишь екнуло, что я не попрощалась с Севером и братьями, когда пушистое белое тело буквально улетело назад и надо мной оказались сверкающие синие глаза, в которых я видела собственное отражение. Дрожащие горячие пальцы быстро скользили по моему лицу и чувственные губы Севера что-то шептали, когда раздался крик Янтаря и Север резко обернулся, пропадая из поля моего размытого зрения, а потом послышался вибрирующий звук, словно столкнулись две горы, и жуткий рев, отчего лед снова содрогнулся и затрещал.

— Девочка, жива?

Янтарные глаза сменили синие, пока я старалась пошевелиться, чтобы понять, было ли больно где-то еще кроме расплющенной об лед попы, простонав:

— ...надо бы поучиться приземляться на льду... вряд ли смогу сидеть в ближайшее время.

— Дурында! — дергано, но с облегчением нервно рассмеялся Янтарь, поправляя на мне съехавшую набекрень шапку, — когда поправишься, я тебя так отшлепаю, что ты еще пару месяцев сидеть не сможешь!

— Север не даст!

— Я договорюсь!..

Я вздрогнула, когда раздался очередной глухой удар, рычание озверевшего Лютого, и злой крик Севера на языке Беров, и Янтарь исчез из поля зрения. Только не было возможности разлеживаться на пронзающем холодом льду, слыша хриплый стон недалеко, который перешел в страшный харкающий кашель.

Приступ тошноты скрутил меня снова, и, радуясь тому, что я ничего не ела утром, а жуткий мороз держал внутренности в напряженном состоянии, я неловко поднималась, стараясь не разрыдаться и не впасть в истерику, видя, как мои варежки в миг пропитались кровью насквозь, как и штаны, пока я доползла до огромного тела, распластанного рядом. Сейчас не время истерить, нужно помогать... этому меня учил дедушка всю мою жизнь. Не паниковать в стрессовых ситуациях... вот только практики у меня не было, и я не удержала писка, когда, наконец, увидела, в каком состоянии был отец Лютого.

Не знаю, как он был жив.

Не знаю, как он продолжал дышать, обливаясь кровью с расплосованным животом.

Не знаю, как он при этом оставался в сознании, пока я закрыла глаза, кусая губы, чтобы вид проступающих из разорванной кожи внутренностей, не отправил меня в глубокий нокаут прямо здесь, рядом с королем рода Белых. На секунду мозг закоротило, а мир моргнул черным всполохом, и я застонала, понимая, что не могу даже прижать руки к лицу, потому что они в крови...

— Мия!

Перепуганный и дрожащий вскрик Севера привел меня в чувство, когда снова послышались звуки борьбы и голос Лютого, который орал с огромной силой и великой ненавистью:

— УБЬЮ ЕЕ!..

Жуткий удар, от которого завибрировал лед, только я боялась поднять глаза и увидеть взгляд сошедшего с ума от ярости Лютого, сосредоточившись на его отце, и веря в то, что Северу хватит сил сдерживать брата от нас... хотя бы какое-то время.

— Угомонись, пока я держу себя в руках!

— Север, уйди!!!

— Хватит! Не доводи меня до крайности! Я не хочу драться с тобой!

Жуткие удары сотрясали воздух, звеня в морозной тишине, и я вздрогнула, чуть отшатнувшись, когда встретила со взглядом знакомых глаз, на секунду растерявшись оттого, как Лютый мог оказаться здесь, на льду... только это был не он. Но до жути похожие глаза пристально смотрели на меня так ясно и жадно, что я с трудом удержала себя на месте, чтобы не убежать.

Нет, я не могла оставить в беде умирающего Бера.

Теперь я была Хранителем, и не важно, что передо мной лежал не Бурый, к чьему роду я относилась.

— Глухой человек... — прохрипел король Белых, отчего из его рта потекла струйка крови, и я кинулась к нему, стягивая мокрые от крови варежки, и пытаюсь понять, что же мне делать, когда под рукой не было ничего из трав, медикаментов или хотя бы чего-нибудь стерильного и чистого, чтобы затянуть рану, — сын... мог убить... тебя.

— Он уже давно мечтает об этом, — прошептала я, потянувшись к огромному мужчине, который смотрел на меня так странно, что было неловко, — ваше Величество, вам лучше молчать, чтобы...

— Ваше кто? — мужчина рассмеялся, тут же застонав и буквально забулькав чем-то в горле, пока я трусящимися руками, пыталась собрать остатки рваной кожи, чтобы остановить жуткую кровопотерю, и не дать кишкам вывалиться наружу, призывая последние крупы самообладания.

— ...вам действительно лучше просто лежать...

— Человек.... - прошептал мужчина снова так, словно я была чем-то воде аппетитной косточки, и я опасливо покосилась на его холодные глаза, которые были такие же острые и холодные, что унаследовал Лютый, только почти прозрачные, словно тонкий лед.

— Надеюсь, вы не едите людей?...

Страшно было услышать ответ, слыша, как он снова хмыкнул, застонав и откидывая голову назад, не успев ответить, потому, что злобный голос Лютого раздался слишком близко, заставив меня испуганно дернуться:

— Я говорил тебе не лезть, черт тебя дери!!!! Говорил держаться подальше!!!! Так подними свои чертовы глаза, и смотри, как мои братья будут погибать один за другим!!!!

На глаза тут же навернулись слезы, закапав на тело короля Белых, который смотрел на своего сына, не дрогнув, а я не могла поднять своей головы, дрожа от жуткого осознания того, что натворила.

— Ты не понимаешь, во что влезает, глупая девчонка!

— Лютый, заткнись! — прорычал Север, удерживая брата от нас на расстоянии.

— Пусть знает! Пусть умирая, понимает, что все вы могли выжить, если бы я убил этого полоумного старика и стал наставником Белых!..а теперь они обязаны растерзать нас за покушение на их короля! И поверь мне, тебя заставят смотреть на то, как убивают твоего мужа, прежде чем убьют тебя саму!..

Я разрыдалась, видя перед собой лишь окровавленный бездушный лед, такой холодный

и такой жуткий, слыша, как закричал Север, отбрасывая Лютого в сторону, и кидаясь ко мне.

— Он твой отец! — рыдала я, чувствуя, как сильные руки Севера обхватывают меня за плечи, — Разве не ты говорил этим утром, что я часть вашей семьи? Он тоже ее часть, Лютый! Ты прав, семью не выбирают, как не выбирают и родителей! Ярость пройдет, уйдет твоя ненависть, и что останется после нее? Черная пустота оттого, что ты сделал! Я забочусь не о тебе, бестолочь ты бездушная! О твоих братьях, которые искренне любят тебя и будут сходить с ума, видя, как ты метаешься в своей ледяной агонии, вспоминая о том, что натворил! Спроси у Севера, какого это — видеть смерть твоего родителя! Какого это — знать, что все могло быть иначе! Что чувствуешь ты, зная, что происходит в душе у Севера, когда он вспоминает своего погибшего отца?....Даже если он прогнал тебя за любовь к человеческой девушке, это не повод убивать его...

В воцарившееся тишине было слышно всего лишь два звука — мои рыдания, и хриплое дыхание умирающего короля, когда Лютый вдруг приглушенно и хрипло проговорил:

—в человеческую девушку был влюблен не я...

Подняв голову, сквозь слезы я смотрела на него, и Лютый кивнул на отца:

— ...а он.

В тот момент я поняла, что такое взрыв мозга, и что до заикания и полного сумасшествия мне осталось проделать всего пол шага... вернее проползти со своим разбитым копчиком, когда снова вздрогнула, прижавшись к Северу, потому что неожиданно притихший Лютый снова дернулся, весь собравшись и резким движением вытираясь кровью с лица.

— Началось....

— Что? — прошептала я Северу, чувствуя, как его тело тут же напряглось, принимая боевую позу.

— Проблемы, девочка...начались наши проблемы.

Я не успела даже обернуться, когда Север поднялся на ноги, один прыжком преодолев расстояние от нас до Лютого, выпуская из себя зверя, судя по изменившимся движениям, а я испуганно замерла, когда Лютый вдруг обернулся, прорычав своему отцу злобно:

— Она спасла тебе жизнь, помни об этом...а ты, — ледяные голубые глаза скользнули недовольно по мне, — оставайся со стариком, что бы не случилось! Послушай меня хотя бы в этот раз, мать твою!!

Я судорожно кивнула, застучав зубами от новой волны паники, когда, наконец поняла, куда повернулись братья, приняв боевые стойки, но не спеша обращаться в зверей, потому что с огромной льдины, что была величиной с подлодку, спрыгивали один за другим белокурые Беры.

Они прыгали с высоты в несколько метров, не боясь разбиться об лед и легко приземляясь на обе ноги, наступая на братьев. Каждый из них был огромный. И клыкастый. Шесть чистокровных воинов, белокурых и светлоглазых, на груди которых были одинаковые шрамы в форме большой галочки.

— О Господи....

Прошептала я, понимая, что Лютый не лгал и в этот раз, когда говорил, что нам не выжить.

— Не остановите их? — с мольбой я заглядывала с бесцветные глаза короля Белых, который дышал тяжело и хрипел, видя, как он покачал головой, едва выдохнув:

— Не смогу...их предназначение — защищать меня.

— Так где же были они, когда на вас напали?!..

— Я...отослал их...сам.

Кровь с жутким звуком вытекала из живота короля при каждом его слове, струясь по моим рукам и коленям, прижатым к его боку.

— Зачем?

— Чтобы вы могли выжить....

Кажется, Беры не знали слова «логика» и она была явно чужда этому народу, и я зашипела растеряно, чтобы он лежал спокойно и молчал, когда перед моими глазами оказались большие ноги и сухой голос Лютого поинтересовался как всегда холодно и явно скучающе:

— Проблемы?...

— Ну...может, попросишь своего отца немного помолчать, пока он не растерял свои кишки?...

— Запросто.

Я даже взвизгнуть не успела, когда большой кулак со свистом врезался в челюсть короля, отчего тот просто потерял сознание, растерянно пробормотав:

— ...спасибо...

— Обращайся, — сухо буркнул Лютый, возвращаясь к Северу и братьям, готовым к схватке.

А потом начался самый настоящий кошмар.

Шестеро Полярных воинов даже не пытались обратиться в зверей, скалясь и рыча даже в облики мужчин, наступая на братьев единым строем, словно слаженный механизм. Сразу было видно, что каждое их движение, каждый удар был выверен и силен до ужаса. В этой схватке даже Северу и Лютому приходилось выкладываться на полную катушку, когда они стояли спина к спине, отражая удары и рыча, но больше всего я боялась за Янтаря и братьев Гризли, ведь они не были чистокровными, а значит и не обладали такой же силой. Однако все братья дрались на равных, используя хитрость и смекалку, часто приводя в действия приемы, которые Белые очевидно не ожидали.

— Не смотри туда...

Я взвизгнула, когда прохладная ладонь опустилась на мои руки, с удивлением понимая, что Король Белых уже успел прийти в себя, и снова был не против поболтать, не боясь растерять свои внутренности.

— Не плачь. Соберись. Ты — жена Бера и достойного воина. Ты обязана ему соответствовать теперь, и принять любую участь спокойно и благородно. Запомни это.

Колючий ком застрял в горле, пока я смотрела в глаза Короля Белых, мысленно умоляя его прекратить все это, и отчетливо понимая, что холодные сердца Белых никогда не опустятся до прощения или милосердия. Лютый доказал это как никто другой...

Тяжело сглотнув вырывающуюся из меня истерику и рыдания, я снова склонилась над его раной, превратившись в комок нервов и обостренного восприятия, прислушиваясь к каждому звуку развернувшейся битвы, глядя на страшную рану, которую вряд ли можно будет залатать.

— Храбрая медвежья козявка... — усмехнулся Король, отчего я недовольно покосилась на него:

— Позвать Лютого еще раз для сеанса анестезии?...

Только вряд ли этот древний Бер понял смысл сказанного мной, когда рядом с нами

повалился Север, тут же подсакивая и отчего-то широко улыбаясь, словно не был ранен и не был в крови, пророкотав голосом, который я никогда не слышала до этого:

— Все в порядке, девочка! Мы только разминаемся!..

Хотелось прошептать: «Господи, помоги и вразуми!», только я прикусила губу, снова заставляя себя думать о том, как помочь Королю, раз уж пыталась его спасти до этого, а не прислушиваться к тому, кто там рычит и гогочет в своре обезумевших от битвы Беров.

Следующим прилетел Лютый. Он не улыбался. Неспеша развернувшись и отряхнув с коленей прилипший снег, он деловито повернулся ко мне, как ни в чем не бывало изогнув светлую бровь:

— Опять проблемы?

— У вас здесь есть Хранитель вашего рода, кто мог бы помочь мне с оказанием первой помощи?

Господи, бред какой...мы общались так, словно за спиной Короля не разворачивалась кровавая бойня, с дикой потасовкой самых сильных в этом мире Беров. Я лишь на секунду прикрыла глаза, заставляя дышать себя спокойно и ровно, когда на Лютого налетел с воплем один из воинов Белых, пытаюсь его завалить, только у него не получилось приема и брат откинул его с огромной силой обратно в толпу дерущихся, размеренно поправив светлые прядки, упавшие на его окровавленный лоб, словно готовился к фотосъемке:

— Боюсь, что последний Хранитель был погребен подо льдами еще как лет 80 назад.

— Миленко....

Когда Лютый легко пнул в мою сторону обглоданный скелет какой-то большой рыбины, я хотела покрутить пальцем у виска. Лютого. Если бы только смогла до него дотянуться.

— Кости крепкие. Ими можно зашить рану....они не дадут коже разойтись.

Я удивленно моргнула, зажмурившись снова, когда тот же самый Бер снова предпринял попытку завалить Лютого, несясь просто на таран, и в этот раз ему это удалось, когда Лютый повалился, откидывая его в сторону от меня и своего отца, крикнув напоследок:

— Север! Обеспечь свою неугомонную жену северным лекарством, когда освободишься!

Остановите землю, я сойду...

Ей-богу, эти мужчины-звери сводили меня с ума своими выкрутасами! Особенно, когда возле Короля повалился Север, пытаюсь снять с себя одного из белокурых воинов, который рыча, душил моего медвежьего мужа, пока не получил увесистый хук справа, отчего отлетел в сторону, а Север как ни в чем не бывало, встал на колени, перевесившись через умирающего Короля, чтобы поцеловать меня, совершенно ошалелую!

— Север! Может, оставите ваши лобзания на более благоприятный период? У нас тут война вообще-то, — раздался сухой недовольный голос Лютого, который хрипел, пытаюсь вырваться из плена сразу четырех державших его рук.

— Прости, не удержался! Точно. Лекарства...

В полном изумлении, и со все еще приоткрытым ртом, я смотрела на Севера, который неожиданно стал долбить по льду своими огромными окровавленными кулачищами, пока тот не треснул, а Бер собрал острые осколки, быстро высыпав их рядом со мной.

— Лед растает на коже и получится вода, которая очистит рану. А если обложить рану льдом побольше, то и боль заморозится....

Я даже не успела сказать спасибо, когда на Севера с рыком кинулся очередной белокурый воин, и он поспешил увести бой подальше от нас, а я дрожащими от нестерпимого холода руками, принялась поспешно отламывать острые кости, которые были

словно дуги, морально готовясь к тому, что сейчас мне предстоит собрать куски разорванной кожи, скрепляя их костями рыбы, вместо стежков.

К счастью, Король снова впал в беспамятство и его глаза не смотрели на меня так ужасающе и странно....

Боже мой! Не Лютый был влюблен в девушку, а его отец!

Что же там произошло? Треугольник? Не смогли поделить ее и поэтому поругались?... Самым страшным вопросом в этой истории был — а где же сама девушка?....

Я отгоняла от себя вереницу вопросов, сосредоточившись лишь на том, что пыталась собрать куски окровавленной кожи, протирая ее кусками льда и предварительно замораживая, прежде чем протыкала оба куска, соединяя их изогнутой костью. Задача была, прямо скажем, не из легких, особенно когда я просто не чувствовала собственных пальцев, околевав настолько, что уже не могла даже шевелить губами. Мороз был беспощаден и силен, словно эти белокурые Беры, которые продолжали биться, раз за разом бросаясь на братьев, истекающих в крови...

— Все в порядке, девочка... — шептал Север, пряча от меня изодранную в месиво спину, откуда сочилась кровь на его длинные стройные ноги, повалившись снова рядом со мной, и привалившись горячим боком, — ...осталось трое...и мы сможем уйти....

Нет, я все еще не могла найти в себе силы, чтобы посмотреть, что там происходит, потому что помнила слова Короля быть достойной своего Бера, но прекрасно понимала, что если кто-то из братьев серьезно ранен, то я не смогу сдержаться, тут же разрыдавшись. Но услышав, как Север обескуражено выдохнул: «Вот черт!», а потом сматерился на языке Беров, поняла, что снова происходит что-то, чего братья никак не ожидали.

Осторожно подняв голову, я поняла, что из той самой огромной льдины вышло несколько сотен таких же высоких белокурых мужчин, которые растянулись на несколько метров вокруг происходящего, большим полукругом, держась, правда, на приличном расстоянии, и не нападая...пока что. Многие из них были одеты в светлые штаны и свитера, а их белокурые волосы были заплетены в косы...

Это конец....

Даже если братья справятся с оставшимися тремя воинами со странными шрамами...

Такую силу и мощь толпы рода Белых не сможет одолеть никто.

Первым стойким желанием было со всей дури начать трясти сереющего от потерянной крови Короля, чтобы он пришел в себя и отправил своих светлых подданных как можно дальше от моей медвежьей семьи...даже если для этого мне придется воткнуть в его глаз последнюю оставшуюся кость рыбины! Думаю, что я бы сделала это определенно, если бы Север не придвинулся ком не ближе, ошарашено уставившись вверх, на льдину, прошептав что-то на своем языке...и я могла понять лишь одно, что это не было ругательством.

Это был медвежий шок.

Неужели что-то еще могло случиться и этих проблем на наши головы было не достаточно?....

Еще больше я испугалась, внутренне заметавшись в новом приступе едва сдерживаемой паники, когда Лютый буквально отшатнулся, отступив на пару шагов назад, при виде еще одного воина, который стоял на краю льдины, глядя на происходящее внизу месиво, и не торопясь присоединяться.

Итак, не три, а четыре воина теперь нужно было вывести из игры, чтобы уйти...только в то, что мы все-таки сможем выбраться отсюда живыми, пусть не совсем целыми, уже не

верилось совершенно.

Особенно когда последний воин прыгнул с вершины ледника, двинувшись вперед медленно и осторожно, словно давая возможность рассмотреть себя лучше, и понять, что в своей мощи и силе он не уступит Лютому и Северу. Надо признаться, что у него было довольно красивое лицо, светлые волосы были аккуратно зачесаны назад и заплетены в косу, а на щеках выступали ямочки, когда он сжал губы так, словно неожиданно смутился...

Вот только Лютый отшатнулся от него снова, отчего четвертый воин сконфуженно остановился, выглядя при этом не как нападающий, а как ребенок, который не знает, куда ему теперь пойти...

Мой мозг просто трещал по швам, подобно льду, на котором были лужи крови и кровавые следы двух поединков, пока я пыталась судорожно придумать возможные причины странного поведения Беров. Было ли это как то связано с тем, что у четвертого воина на груди было не по одной, а по две полосы, которые начинались в подмышечных впадинах и стекали под наклоном к центру груди. Это был какой-то знак особой силы?

— Север, кто он?.. — прошептала я, прижимаясь у груди Бера и с удивление отмечая, как колотиться его сердце. Я поверить не могла, чтобы все братья в одночасье испугались одного Бера! Даже Лютый, глаза которого впервые стали размером с морозное блюдо.

— Брат Лютого... — прохрипел Север, отчего я удивленно моргнула, находя сходство во внешности.

— У Лютого есть брат?

— Оказалось что есть...

— Оказалось?

— Боюсь, что сам Лютый не догадывался об этом...

Вот это вам медвежья Санта-Барбара! Даже попкорна не нужно, чтобы случайно не поперхнуться! Потому что умереть, не досмотрев это фееричное шоу до конца, будет непростительным богохульством!

— Но как он мог не знать?...

— Я предполагаю, что Лютого изгнали из рода до его рождения, — приглушенно пробормотал Север за моей спиной, прижимаясь сильнее и заключая мои руки в свои ладони, чтобы согреть.

Сказать, что Лютый был в шоке — это не сказать ничего.

Его и без того светлая кожа стала просто белее снега, когда Бер снова отшатнулся от своего брата, словно перед ним появилось приведение.

— Я ждал твоего возвращения 30 лет... — приглушенно проговорил четвертый воин, скованно остановившись и не пытаясь снова приблизиться, пока его избитые воины поднимались на ноги, становясь за спиной кровного брата Лютого, и явно готовясь ко второй волне кровавого сражения. Вот только в поведении и голосе Белого брата не было вызова или агрессии. Его голубые глаза смотрели на Лютого с едва сдерживаемыми эмоциями, словно он был не огромным воином, а радушным мальчишкой, который не мог поверить собственному счастью.

— Много раз я сбегал, пытаюсь разыскать тебя, но отец всегда находил меня вперед и возвращал обратно...

Лишь в этот момент взгляд Белого брата упал на окровавленное едва дышащее тело своего отца, когда Бер просто застыл на полуслове, и грудь Севера за моей спиной напряглась, а дыхание снова изменилось, став звериным и отрывистым.

Замерев в ожидании его крика и всплеска ненависти, я не моргая смотрела в голубые глаза, что были так похожи на глаза Лютого, только не несли в себе лед и ярость, когда светлые брови Бера удивленно приподнялись, когда он посмотрел на Севера и взлетели вверх, увидев меня, в крови его отца с рыбьей костью в трясущихся от холода руках.

Пару раз Белый Бер пытался что-то сказать, закрывая и открывая рот, рассматривая в звенящей от напряжения тишине остальную часть нашей, в прямом смысле разношерстой компании, когда наконец снова перевел взгляд на своего брата, что продолжал находиться в полном ступоре, тихо проговорив:

— Чтобы не привело тебя к нам, я рад в любом случае твоему возвращению, брат...

Его воины покосились на него странно и явно недовольно, когда он обратился ко мне, говоря так осторожно, словно подбирая каждое слово, если бы я была гранатой без чеки:

— Кажется, вам нужна некоторая помощь? Я ведь правильно понимаю, что вы пытаетесь спасти отца?

С ума сойти! Учтивость у Бера, тем более Полярного была просто манной небесной особенно после общения с его братом, и я сначала даже растерялась, не в силах сразу найти, что ответить, лишь закивав активно головой в согласии, чувствуя, как каждая мышца в теле замерзла настолько, что стало больно даже шевелиться.

— Чем я могу помочь?...

— У вас есть какое-нибудь жилище, куда можно перенести вашего Короля? — еле выдохнула я, неожиданно поняв, что голос осип и сел, почувствовав, как за спиной тревожно зашевелился Север, приподнимая меня и усаживая на себя, обхватывая руками, отчего его жар окутал меня со всех сторон.

Оставалось надеяться, что род Белых не живет под открытым небом Арктики! Хотя, я вряд ли удивилась бы этому, будь оно так. Только, к счастью, Белый Бер быстро кивнул, на секунду застыв и бросив взгляд на Лютого, быстро пошагал к той самой огромной льдине, которая была как подлодка, исчезнув внутри нее и вернувшись с большим куском выделанного меха, явно предлагая использовать вместо носилок, что было просто блестящей идеей.

— Не поможешь мне? — осторожно присел на корточки брат Лютого возле своего отца, посмотрев на Севера, который быстро кивнул, аккуратно ставя меня на ноги, что я просто не чувствовала от пронзающего холода, и потянулся ко второму краю меха, чтобы расстелить его и перенести Короля, только воины недовольно зарычали за его спиной:

— Они ранили отца! А как же месть?

— Мы чтим закон! Они не могут остаться без расплаты!

— Отца ранил я, — это были первые слова, которые смог выдать из себя Лютый, обернувшись на злобных воинов, и глядя в их глаза своим ледяным уничтожающим взглядом, — я ваш враг, и только мне вы обязаны мстить по вашему закону.

«Вашему закону» Лютый буквально выплюнул с такой ненавистью и вызовом, что пара воинов снова зарычали, в миг притихнув лишь от одного резкого взгляда брата Лютого, который проговорил спокойно и подчеркнуто вежливо:

— Закон не будет нарушен. Успеете отомстить позже. А пока жизнь отца в опасности и вы мне совсем не помогаете своими воплями. Прикусите ваши языки и проводите наших гостей....

— Гостей?!

От резкого недовольного взгляда Белого брата, его воины, кажется, в миг прикусили

свои языки в прямом смысле, когда недовольно, но все-таки поплелись прочь от кровавого поля боя к той самой льдине, отчего остальные мужчины почтительно отступали в разные стороны, пропуская их.

Скоро Север и Белый брат аккуратно положили Короля на мех, взяв его с обеих сторон за края и осторожно приподняв, понесли вперед, когда брат Лютого кивнул остальным братьям, застывшим на своих местах:

— Идемте. Вам не причинят вреда в стенах нашего дома...вам и вашему человеку.

— А перекусить у вас найдется? — пробасил Янтарь, первым зашагав вперед, и пихая в окровавленное плечо Тумана, следовать за ним.

— Конечно, — Белый брат чуть улыбнулся, осторожно покосившись на Лютого, который словно прирос к красному льду, не шелохнувшись и тихо добавил, — идем, брат...

Я замерзла настолько, что даже не почувствовала, как руки Урагана подхватили меня, прижимая к груди и унося вслед за шагающими Севером и Белым братом, слыша снова раскатистый бас Янтаря за спиной:

— Шевели булками, клыкастый! Войнушка окончена ничьей.

— Если скажешь, что победила дружба, он тебе голову отгрызет, — усмехнулся Туман, подмигивая мне и спокойно вышагивая рядом с Янтарем. Только Лютый по-прежнему не двинулся с места. Его огромная окровавленная фигура словно застыла ледяным изваянием, даже когда мы вошли внутрь ледяной глыбы, которая оказалась полой изнутри и очень даже обжитой.

Это было своего рода Арктическое общежитие Белых Беров, словно многоэтажка без окон, дверей и перегородок с ледяными переходами и несколькими отдельными пещерами, пройдя которые мы оказались в огромном зале, где весь пол был застелен многочисленными мехами вокруг пепелища, где, видимо, ночами разводили костер.

— Туда... — кивнул Белый брат, на некое подобие ширмы, где оказалось что-то похожее на кровать на небольшом возвышении, собранной словно из бивней или какой-то другой кости. Уложив на нее Короля, который по-прежнему не приходил в сознание, я зашевелилась в руках Урагана, который поставил меня на ноги, что я не чувствовала, начиная опасаться, что здесь ничуть не теплее, чем на улице. Дом изо льда вряд ли мог согреть.

— Я могу что-то еще сделать? — Белый брат говорил так осторожно и отводил от меня взгляд каждый раз, когда я только поворачивалась к нему, что я даже смутилась.

— Чем вы лечите раненых?

— Ничем...

— Ничем?!

Белый брат кивнул, скованно добавив:

— Воин либо выживает и становится сильнее, либо умирает.

— ...пряма медвежья Спарта какая-то... — пробормотала я, глядя на серого Короля, рана которого была слишком страшной, чтобы вылечиться самостоятельно даже для чистокровного Бера.

— В малом зале есть некоторые вещи людей...возможно там ты сможешь найти, что поможет вылечить отца?...я...могу показать куда идти, если твой муж позволит....

Боже! Я еще не видела никого милее брата Лютого, который был словно северное солнце в отличие от своего холодного ледяного брата. Они были как солнце и луна. В нем было столько учтивости и уважения, что Север кивнул без раздумий:

— Идите, я пока попытаюсь затащить Лютого.

И, порывисто шагнув ко мне, быстро и жадно поцеловал, чуть прикусив нижнюю губу, словно тем самым обновляя мою метку, которую и без того, видимо, ощущали все присутствующие рядом Беры.

— Прошу, нам сюда.

Брат Лютого снова отошел от меня на некоторое расстояние, протянув руку в приглашающем жесте и соблюдая дистанцию, когда я неловко двинулась за ним, передвигаясь, словно на ходулях. Белый Бер шел впереди, не оглядываясь и выглядя при этом достаточно напряженным, что я почему-то задумалась о том, что, может быть, Белые Беры воспринимают людей как-то иначе? Не как остальные? Ну, предположим, как переносчиков заразы? Именно поэтому Лютый нас так ненавидит, а его брат шарахается от меня, как от чумы.

Мы шли по длинным извилистым коридорам внутри ледника, который изнутри оказался самой настоящей крепостью, пока Белый брат наконец не свернул в одну из пещер, которая была завешана вместо двери какой-то тряпкой, напоминающей парашют. Отодвинув ткань, Бер снова отошел чуть поодаль, кивнув в приглашающем жесте, но при этом держась от меня как только было можно дальше, и я не выдержала, пробормотав:

— ...я не кусаюсь. У меня даже клыков нет. И не болею ничем таким страшным, что может передаться вашему медвежьему роду...

Сначала Бер чуть нахмурился, словно пытаюсь понять, о чем я говорю, а затем его губы дрогнули в улыбке, показав очаровательные ямочки на щеках, когда он приглушенно проговорил:

— Я знаю. Проходи.

Ни проронив больше ни звука, я вошла в ледяное помещение, которое оказалось довольно большим и сплошь заставленным каким-то странными корпусами, словно Беры собирали на свалке истории компьютеры, рации, какое-то альпинийское снаряжение, и много другой ерунды, которая вряд ли им вообще могла понадобиться, как то давно вышедшие из стоя фонарики, котелки для приготовления еды на костре, или спальные мешки. Страшно было подумать, откуда это все барахло здесь появилось, и скольких людей они лишили жизни, чтобы собрать этот нелепый музей человеческой жизнедеятельности в условиях крайнего севера. Единственной надеждой было найти среди этого хлама аптечку, где могла бы быть хотя бы зеленка или йод, а быть может и бинты....

Сосредоточенно лазая по горе совершенно ненужных на первый взгляд вещей, и хмурясь в поисках того, что могло пригодиться, я совершенно не заметила, что была уже не одна в этом помещении.

Отыскав в конце — концов сразу несколько аптечек, забитых до отказа, а так же несколько упаковок марли и даже парочку хирургических инструментов, которыми вполне можно будет доставать кости потом, я была довольна, как слон после бани, счастливо улыбаясь своими явно посиневшими от холода губами, пискнув, когда в поле зрения появилась огромная фигура у входа.

— Прости! Я не хотел пугать тебя!

Белый брат тут же отшатнулся к зашторенному выходу, скованно застыв и отводя от меня глаза, когда я шумно выдохнула, поняв, что рядом со мной не было чужих и явно враждебно настроенных Беров.

— Это ты прости, — чуть улыбнулась я, почему-то не испытывая страха, даже если

находилась с ним в одном закрытом помещении вдали от моих братьев Беров, — я всегда излишне шумная и через чур эмоциональная.

— Люди все такие?

Я моргнула, пытаюсь понять, что ответить на это, когда Белый брат продолжил быстро, и словно извиняясь за свой вопрос:

— Извини, просто я никогда не видел людей так близко....

— Совсем никогда?

— Да. В глубоком детстве, когда мне было лет 5, за ледяным хребтом была человеческая исследовательская база. Иногда мы сбегали с друзьями, чтобы посмотреть на них издалека. Они казались крошечными муравьями в белых балдахинах...потом они уехали, оставив свои постройки и все это..., - Бер показал рукой на барахолку, которая занимала добрую половину большой ледяной пещеры, неожиданно смущенно потупив глаза, добавив явно сомневаясь, следует ли это произносить вслух, -....ты вкусно пахнешь....

— Ну...спасибо, — признаюсь, что я смутилась, чуть хохотнув, чтобы скрыть это, — надеюсь, ты это сказал не выражая свои гастрономические предпочтения и не собираешь перекусить мной?

— Конечно нет. Мы не едим людей.

— Рада слышать! И я думала, что пахну Севером.

Бер улыбнулся, чуть качнув головой:

— Твоя метка свежая и пахнет отчетливо для всех с носом Бера, но твой истинный запах никуда не делся...может просто для не чистокровных он не такой заметный.

Мои щеки в миг налились кровью и предательски покраснели, когда я вспомнила, каким именно образом сегодня ночью, Север обновлял мою так называемую метку, шагнув вперед, чтобы заняться делом и выкинуть все горячие мысли и образы из головы, смутившись еще сильнее, понимая, что остальные Беры могут учуять мой настой, только Белый брат снова отшатнулся от меня на шаг назад. И я застыла на месте, растерявшись и пролепетав:

— Мне нужно взять вот те вещи, которые я отложила...они пригодятся при лечении вашего отца.

Белый Бер почтительно отступил в сторону еще, соблюдая эту невидимую дистанцию.

— Я настолько страшная?.... - глупый был вопрос, но я на самом деле чувствовала себя как-то не слишком приятно, когда Бер отшатывался от меня, словно от чучела, почему-то принявшись поправлять свою окровавленную одежду и шапку, словно это могло помочь, видя, как он улыбнулся, впервые обнажив свои белоснежные клыки и показав ямочки на щеках:

— Ты красивая. Я не знаю, как обычно выглядят люди, подобные тебе, но сейчас я понимаю, почему столетиями Берам запрещалось даже смотреть на человеческих женщин. И это не страх...я пытаюсь показать тебе своё уважение, как к жене могучего воина и славного Бера. Таких, как твой муж, среди нашего рода единицы.

Я покраснела снова, но теперь от распирающей гордости за Севера. Моего Севера. Моего мужа.

К черту кольца, фату и обряды! Его метка — это все, что мне было нужно сейчас и на будущее!

— Мое имя Мия. И я Хранитель земель рода Бурых...и жена Бера Севера.

Так странно было произносить это все. Странно и волнительно. Даже мурашки отчего-

то проснулись, в этот раз не пытаюсь раздеваться, ибо кутались в свои шубки и шапочки, но побегали, показывая, как они горды и счастливы от общего положения текущих дел, поспешно прячась под мою холодную кожу, где вряд ли смогут согреться.

— Я нареченный Бер Свирепый. Второй кровный сын Бера Ледяного, единственного законного правителя и наставника рода Полярных.

— Я рада познакомиться с тобой, Бер Свирепый, — улыбалась я как только могла широко, видя, как мужчина улыбается в ответ тепло, искренне и совсем не плотоядно, что, несомненно, радовало.

— И я тоже рад, Мия. Если люди, как ты, то вы приятные не только на запах.

— Надеюсь, ты не собираешь попробовать ее на вкус?

В первую секунду я, признаюсь, испугалась, когда в пещере появился Север, и, видя, как застыл Свирепый в миг изменившись в лице:

— Прошу прощения! Я не имел ввиду ничего плохого или непочтительного, произнося это...

— Я знаю, — лишь увидев, что Север тоже улыбается, я смогла облегченно выдохнуть, шагнув к нему и чувствуя, как его сильные руки обвивают меня, даря свой жар и чувство полной защищенности.

— Если бы не ваша единая кровь, никогда бы не подумал, что ты брат нашего Лютого, — улыбался Север, протягивая свою руку Свирепому, когда мужчины обхватили друг другу руки не за ладони, а на сгибе локтя, подавшись вперед и прикоснувшись на секунду лбами, а я улыбалась, как сумасшедшая, закидывая голову и глядя на красивые лица воинов, которые склонились высоко надо мной словно крыша могучего дома. Затем последовало официальное представление со всеми этими беровскими приставками кто чей сын, отец и так далее, и Свирепый грустно выдохнул:

— Жаль, что я не знаю своего брата так хорошо, как ты....

— Ты узнаешь, просто дай ему немного времени прийти в себя.

— ...так и не пришел?....

Север лишь отрывисто покачал головой в ответ, но все-таки его губы дрогнули в улыбке:

— Дай ему переспать с этой мыслью, и он придет сам без нашей помощи.

Только Лютый не пришел, даже когда ночь опустилась на синий лед Арктики.

Король Белых, Бер Ледяной не приходил в сознание и выглядел по-прежнему ужасно, совсем не вселяя надежды на то, что он сможет выжить после этих ужасных ран, нанесенных собственным сыном, даже если нам удалось найти лекарства, срок годности которых еще не истек.

Странно было чувствовать себя в этой огромной льдине, которая была и домом, и крепостью для нескольких сотен Белых Беров, что обходили нас стороной, при этом разглядывая каждую секунду.

Одни мужчины...несколько сотен огромных мужчин. Светловолосых и светлоглазых.

И ни одной женщины....

Нет, я не боялась, находясь постоянно рядом с Севером и своими братьями, которым зашила их раны, не смотря на ворчание, что все у них в порядке, переживая лишь за нашего ледяного несговорчивого Лютого.

— Не переживай, он придет... — шептал Север мне на ухо своим завораживающим бархатным голосом, вытягиваясь рядом со мной такой огромный, красивый и полыхающий жаром, лежа у костра, и совершенно не обращая внимания на то, как на нас глазели все Беры

вокруг, не считая наших братьев, которые умудрились плотно поесть и даже сделать вид, что спят. Но я то точно знала, что это была всего лишь видимость...иначе ледяной потолок уже давно обрушился бы от невыносимого храпа!

Белые Беры не ходили обнаженными, не рычали и не кидались на нас, а скоро завалились спать прямо на полу, покрытом сотнями белых шкур. Практически у всех были волосы по лопатки, но скоро я заметила, что лишь у одной из групп они были заплетены в косы, что опускалась вдоль позвоночника.

И только у них на груди рисовались эти самые странные полосы. По одной с каждой стороны...

И лишь они смотрели на нас с нескрываемой ненавистью...

— ...они воины...

Я прижалась к горячему боку Севера, облокотившись на его могучее плечо, пока он лежал, растянувшись на боку, обвивая меня своим большим мускулистым телом, словно большая мурлыкающая кошка.

— Отметины на груди это знак их принадлежности к королю. На человеческий манер они что-то вроде его личной охраны...как элитная группа. В нее выбирают только особых Беров. Самых крупных. Самых сильных. Самых ловких. И только чистокровных.

— А остальные?... — Я старалась не обращать внимания на то, что горячая ладонь Севера опустилась на мою коленку, принявшись скользить по ноге, чуть массируя и пробуждая моих сумасшедших мурашек сбрасывать свои шапочки и валеночки, и носиться по телу в ожидании большего...ласки. Более горячей. Более интимной. — Кажется остальные Беры не на много меньше этой элитной группы...

— Сила Полярных Беров в том, что они все чистокровные, Мия. Просто кто-то из них рожден стать воинами, а кто-то ведет размеренную жизнь, добывая пропитание для всей семьи, выделявая кожу...

Глаз дернулся, когда я стала пристально рассматривать уже мирно спящих Беров.

ВСЕ ЧИСТОКРОВНЫЕ?????

— Север, ты пошутил???

Бер улыбнулся, потянувшись вперед, и его ладонь ловко скользнула под мою кофту, отчего мозг стал работать с явными перебоями на осмысление полученной информации.

— Нет, девочка. Среди Полярных Беров нет ни капли человеческой крови. Те, кто имели связь с людьми, подвергались смертной казни, чтобы не могли очернить свою белую кровь...

Ладонь Севера скользнула по моей напряженной спине, расстегнув застёжку на бюзгалтере, животу, принявшись рисовать плавные круги, и неумолимо двинулась вверх, вероломно задирая нижнее белье, пока я безуспешно пыталась убрать ее, опасливо косясь по сторонам, когда вокруг нас спали, и делали вид, что спали, несколько сотен огромных мужчин.

— Т.е.... - ох как же тяжело стало говорить, когда горячие пальцы накрыли грудь, легко сжимая ее, и делать вид, что мы тут ничем плохим не занимаемся, а просто светски беседуем. Тяжело сглотнув и попытавшись еще раз убрать руку Бера, чьи глаза снова полыхали синим пламенем, я попыталась продолжить мысль, которая была в моей голове. Пока еще была. — Каждый из этих мужчин по своей силе равен тебе и Лютому?

— Только Свирепый...как носитель единой чистой крови.

Я едва не охнула, когда его пальцы легко сжали напряженный сосочек, вцепившись в

руку Бера так, чтобы обязательно оставить следы своих ногтей, только, кажется, Севера это возбудило еще сильнее, когда он придвинулся сильнее, и в мое бедро впечаталась его стальная огромная эрекция.

— Только брат?... — пролепетала я нелепо, боясь даже глаза вниз опустить, чтобы не утонуть в расплавленном кристалле синих глаз, вцепившись в его черные волосы, потому что Север умудрился в миг забраться головой под свитер, припав губами к груди, где только что были его руки, — ...кофту растянешь..... - простонала я, цепляясь за него ладонями, и чувствуя, как его руки обвивают меня, с силой прижимая к его большому телу.

Его горячий язык принялся играть с набухшими шишечками, выпуская на волю стало моих мурашек, которые радостно носились под его губами и руками, размахивая своими меховыми трусиками.

— ...не смей!

Только вряд ли Север услышал мой возмущенный шепот, когда я оказалась на мехах, укрытая большим телом, которое рвалось в бой и вообще-то плевать хотело на то, что вокруг нас была просто тьма народа! На секунду я решала, что Север опомнился, что мы не в пещере...или в лесу...а на виду у всех, когда он нехотя отодвинулся, вынырнув из под свитера, и вытягиваясь рядом со мной, разворачивая боком так, что теперь я прижималась спиной к его горячему стальному прессу.

Да только против лома нет приема!

А уж против лома Бера, который упирается тебе в ягодицы горячий и содрогающийся — нет давно!

Я поздно поняла, что Север не собирается останавливаться, лишь когда его ладонь скользнула по моим бедрам, спуская свободные штаны и трусики, и в миг сжавшиеся ягодицы упирается его «лом».

— Ты с ума сош...

— Шшшшшш, девочка.....

Большая ладонь, пахнувшая так вкусно и по родному, скользнула по шее и обхватило мое лицо, закрывая рот, пока вторая свободная рука двинулась вниз, поглаживая живот и готовя в тому, что скоро в тело ворвется нечто очень большое и явно нетерпеливое, отчего я содрогнулась от обжигающей волны возбуждения и...капельки испуга.

— Тише....тише....

Пальцы нежно и осторожно скользнули внутрь меня, где и так уже было влажно и все готово, принявшись все-равно поглаживать, заставляя меня дышать мелко и урывками, во все глаза глядя на спящих мужчин, с ужасом понимая, что если хоть один из них в этот миг откроет глаза, то я просто умру от стыда здесь же....ну только если сначала лопну от удовольствия...но потом обязательно умру!

Эти пальцы сводили меня с ума, заставляя выгибаться в его руках и дрожать, слыша, как тихо урчит Север, потираясь своими бедрами о мои влажные от пота ягодицы, начиная осторожно проталкиваться вперед своей могучей, горячей, пульсирующей длинной, и ощущая, как он постепенно входит в меня, растягивая и заполняя, я едва не закатывала глаза, укусив в ладонь, слыша, как он рыкнул и нежно куснул в ответ за шею сзади.

Первая волна синих блесков накрыла меня с головой, заставляя забиться в судорожных конвульсиях, только эти блески не просто летали перед затуманенным взором, а взрывались внутри меня горячими потоками, освобождая и окрыляя, чувствуя, как сильные руки обхватывают меня сильнее, прижимая к груди, которая словно становилась еще шире и

больше от каждого его вздоха и отрывистого выдоха.

Горячие судороги еще не закончились, когда Север вошел в меня одним осторожным плавным движением, застыв на пару секунд, то ли пытаясь взять в руки себя, то ли давая мне возможность привыкнуть к тому, как выгнулось мое тело, принимая его в себя со стоном. Даже если было больно, эта боль граничила с новой волной того удовольствия, что, не успев улетучиться первый всплеском, уже снова собиралось внизу живота, комком напряжения, которое ждало своей минуты, чтобы взорваться снова...и снова...стоило лишь Северу начать двигаться, отчего его бедра чуть хлопали по моим ягодицам, продолжая с каждым резким новым толчком продвигаться вперед, сводя с ума этим трением внутри, от которого мир исчезал. Расплывались спящие лица Беров, оставляя лишь эти синие блески, кружащие вокруг, и аромат ночного леса, в котором я тонула, кусая ладонь Севера и чувствуя его губы на своей шее.

Очередной взрыв внутри тела заставил меня буквально повалиться вперед, только упасть не позволяли обхватывающие меня руки, забившись едва ли не в припадке, когда тело стало словно воздушным и невесомым, при этом придавливая к влажному под нами меху, словно все силы улетели вместе в эти горячие блески, а мой Бер, выгнулся, подавшись вперед и резко разворачивая на живот, вдавливаясь бедрами в последнем рывке, когда послышался хриплый голос Ледяного:

— Ну, вы там скоро закончите? Хочу видеть медвежью козявку перед собой и прямо сейчас.

Я поверить не могла, что он все-таки выжил. Воистину сила и мощь Беров не знает границ!

Наверное, не стоило удивляться и тому, что уже на следующий день после ужасного ранения Ледяной во всю гонял своих Беров, раздавая указания направо и налево, рыча так, что я постоянно с опаской косилась на ледяной потолок, боясь, что он обвалится, похоронив в этом ледяном царстве нас всех.

— Этот дом моего деда пережил, — тихо усмехался рядом со мной Свирепый, показывая свои очаровательные ямочки на щетинистых щеках, — а отцу еще пару октав до него не хватает....

— Я всё слышу мать вашу! — рычал за своей ширмой Ледяной, находясь, как минимум за три десятка метров от нас, когда я пыталась сдержать свое хихиканье, а Свирепый лишь устало закатывал глаза.

Да уж, Король Белых не отличался покладистым нравом и мягким характером, зато теперь становилось понятно, в кого уродился наш молчаливый и холодный, как лед, Лютый. И не знаю почему, но он мне нравился...даже когда рычал, извергая из себя ежесекундно медвежьи ругательства. Даже когда кидался в своих воинов каким-то костями, проклиная их, на чем свет стоит. Он был настоящий. Откровенный до крайности и....чувствующий.

Его боялись все, кроме его сыновей, младший из которых, как правило, предпочитал молчать, ожидая, когда пройдет очередная вспышка ярости и рычания, а старший...он откровенно плевать хотел на все эти вопли.

Надо сказать, что я до последнего не верила, что он вернется...

Я боялась, что потрясения этих дней коснулись души Лютого слишком остро.

А ведь у Лютого оказалась душа. И даже не настолько холодная, как можно было представить...

Я вздрогнула во сне оттого, что руки Севера легли на мое лицо и горячие губы принялись легко и жадно целовать то глаза, то губы, то кончик носа, пока я не дернулась, сонно выдохнув:

— Что опять?!..

Еще одного сеанса сексотерапии мое тело было уже не в состоянии вынести, я слишком хотела спать и так разомлела от жара большого тела и треска костра рядом, что казалось самой себе, что я состою из ваты. Мы толком не спали вторые сутки, и я с ума сходила оттого, что Лютый ушел и пока не вернулся, но усталость взяла свое. Только Север усмехнулся в мои губы, тихо проурчав:

— Просыпайся, девочка. Я кое-что хочу показать тебе.

Приоткрыв глаза, я поморщилась оттого, что в реальность сразу же ворвался оглушительный храп Янтаря и Тумана, которые спали рядом, развалившись двумя волосатыми звездами на скомканных под ними шкурах. Бедолага Ураган так и уснул поперек своего брата, держа его пальцами за нос, видимо в противохранных целях, что совершенно не помогало.

— Их тут не придушат, пока мы ходим, пытаюсь уменьшить громкость ретранслятора? — покосилась я на братьев, которые даже не проснулись оттого, что мы с

Севером поднялись, и я зашуршала одеждой, натягивая на себя шапку, пуховик и варежки. Север лишь тихо рассмеялся, покачав головой и увлекая меня за собой, пока мы осторожно пробирались к выходу, обходя или переступая несколько десятков спящих Белых Беров:

— Свирепый присмотрит за парнями.

Я чувствовала себя ребенком, попавшим в волшебную страну Снежной Королевы, держась двумя руками за большую горячую ладонь своего огромного мужа, что стал той самой нерушимой стеной, о которой так все любят говорить.

— Смотри, — Север по привычке поднял меня на руки, прижимая к своей большой горячей груди, и обхватывая его мощную шею своими руками, я заморожено смотрела в ночное небо, на котором разливалось Северное сияние. Красота этого холодного места особенно ночью, просто завораживала. И было настоящим раем, вот так находится в его родных руках, зная, что он способен защитить от целого мира и способен стать целым моим миром, чувствуя на себе его дыхание, и видя, как красивые губы лукаво улыбаются:

— Не туда, — тихо рассмеявшись, Север кивнул вперед, — туда....

Прищурившись от холода, я всматривалась в темноту ночи, которая была в этих просторах какой-то совершенно необыкновенной, ясной и прозрачной, пока не увидела большую фигуру, медленно шагающую к нам. Мне не нужно было зрение Бера, чтобы понять, кто это.

Не то, чтобы я милого узнала по походке....но, да, так мог двигаться только наш Лютый.

И я радостно взвизгнула, дернувшись в руках Севера, который с тихим смехом поставил меня на ноги, не остановив, когда я понеслась вперед мелкими неловкими шажками, боясь снова свалиться на скользком льду, даже если знала, что в этот раз Север меня обязательно поймает, т. к сейчас он шел за мной позади, широко улыбаясь своему брату.

Я едва не расхохоталась, увидев на лице Лютого, узревшего несущуюся на таран к нему меня, выражение полной беспомощности и шока, что в первую секунду показалось, что этот огромный белокурый Бер сейчас просто с криком метнется убежать от моих объятий, моля о помощи. Только, конечно же, Лютый даже не дрогнул, остановившись, как вкопанный, когда я со счастливым визгом повисла на нем, с удивлением понимая, что он даже пригнулся, давая мне обхватить его накаченную шею, согнувшись почти вдвое и недовольно пробормотав:

— ...не люблю обниматься....

— Потерпишь! — радостно заявила я ему, ощущая как колотиться мое сердце.

Вернулся! Вернулся! Справился с собой и нас не бросил!

— Мия... — я не отлипла от него, даже когда Лютый деликатно кашлянул, давая понять, что предел его обниманий уже зашкалил за отметку «хорош на мне болтаться», — Мия, у меня уже спина затекла.

Понимая, что Лютый и без того позволил мне гораздо больше, на что я могла бы рассчитывать, зная его характер и особенно отношение ко мне, я все-таки расцепила руки, едва не заплакав, пока умиляясь наблюдала, как широко улыбающийся Север, обнимает своего несговорчивого холодного брата, и воины просто молчат, прижавшись лбами друг к другу.

— Что там старик? — осторожно протянул Лютый, изображая в своем голосе полную скуку от происходящего, когда Беры отлипли друг от друга, зашагав медленно вперед по направлению к ледяному дому, и Север взял меня за руку, увлекая за собой.

— Живее всех живых.

— ...кто бы сомневался....

Когда Лютый вдруг остановился чуть прищурившись, я увидела Свирепого, что стоял у льдины, глядя на своего брата, но явно не решаясь подойти ближе, словно переживая, что он снова исчезнет во льдах и больше уже не вернется.

— Может, все-таки поговорите? — осторожно обратился Север к Лютому, чуть подмигнув Свирепому, — Думаю, вам есть, что сказать друг другу...идем, Мия.

— Подожди...

Когда Лютый обернулся ко мне, я уставилась на него в полном удивлении, честно говоря, не ожидая ничего хорошего, когда Бер, на секунду словно смутившись, протянул мне свою большую руку, в которой висели четыре здоровенные рыбины по пол метра в длину.

— Возьми. Это та рыба, что ты ела в пещере...вроде она тебе понравилась.

Не знаю, почему слезы выступили на глазах и губы вдруг задрожали оттого, что буря эмоций поднялась внутри, сметая мысли в морозную пыль. Впервые я увидела в Лютом то, что он прятал внутри себя так тщательно и усердно, словно ежик, обрастая своими колкими ледяными иголками. Ежик, у которого было нежное розовое пузико, которое не хотело снова почувствовать боль....

Ну ладно...пусть не пузико и далеко не розовое, но душа у Лютого была однозначно, вот только Бер сморщился, шикнув и выставив вперед руку, словно защищаясь от меня:

— Стоп! На сегодня лимит обниманий исчерпан...мне еще с ним общаться, черт побери, — кивнул Лютый на своего брата, протягивая рыбин смеющемуся Северу, который подхватил меня одной рукой, закинув себе на плечо, чтобы второй взять еду, — Брат, забирай свою гипер эмоциональную жену и валите уже....

Понимая, что я все-равно начинаю плакать от внезапно нахлынувшего умиления, я упиралась в широченную спину мирно вышагивающего Севера руками в варежках, чтобы посмотреть на Лютого:

— Это пока мы тут с ума сходили от переживаний, ты на был на рыбалке?...

Бер лишь криво усмехнулся в ответ, цыкнув, и переводя взгляд своих ледяных голубых глаз на своего брата, который медленно и осторожно двинулся к нему, поравнявшись с нами, когда Север ему быстро прошептал, усмехаясь:

— Только без обнимашек.

— Я уже понял...а так хотелось.

От того, как фыркнул Лютый и рассмеялся Север, я улыбалась, словно сумасшедшая, чувствуя, что жизнь начинает налаживаться, готовая сломать себе шею, чтобы только увидеть, как произойдет встреча двух кровных братьев, которые не видели друг друга никогда так близко. Вот только Север легко шлепнул меня по заду, утаскивая почти за волосы прилипших ко входу Янтаря и Тумана, которые тоже были не прочь узреть картину воссоединения братьев, очень вовремя проснувшись:

— Или вы уснете сами, или я вам помогу хуком слева!

К счастью все прошло хорошо, и через пару часов два брата вошли в ледяные покои Белых Беров, спокойно вышагивая рядом. Только Лютый не обращал внимания на любопытные взгляды своего народа, их поклоны и уважительные кивки, когда деловито прошагал до нас, не глядя под ноги, где в прямом смысле расползались все, кто еще осмелился дремать на ледяном полу, упав у костра и уснув практически сразу же между храпящими Янтарем и Туманом.

Вот она — наша семья.

Странная. Разношерстная. Не всегда сговорчивая и дружная, но такая невообразимо любимая!

Я же была так рада, что сон убежал от меня куда-то далеко и явно не собирался возвращаться, принявшись готовить на костре принесенную рыбу, надеясь накормить как можно больше Беров, когда услышала напряженный голос Короля из-за ширмы:

— Козьявка, чем воняет?....

Тяжело вздохнув, я недовольно покосилась на ширму, где можно было рассмотреть неясные очертания лежащего Ледяного.

— Во-первых, не воняет, а пахнет. Я рыбу готовлю. А во-вторых...почему именно козьявка?

— Медвежья вша?...

— А нельзя меня просто по имени назвать?

— Я его постоянно забываю, — фыркнул Король, тут же забыв о нем снова, когда протянул, — и ты...готовишь?

Не понимая еще пока, что в этом такого странного, я медленно кивнула, добавив вслух на тот случай, если Король не мог видеть сквозь ширму:

— Ну да. Рыба, Костер. Горячая еда.

Видя, как Ледяной зашевелился за ширмой, приподнимаясь на локтях, и вытягивая голову вперед, я поморщилась, осторожно предупредив:

— Ваше холодное и ледяное, вам бы лучше лежать и не двигаться...

— Кто сказал?

— Я....

Ледяной лишь фыркнул так, что ширма трепыхнулась, пробухтев недовольно и явно превозмогая свою жуткую боль:

— Не родился еще такой человек, который будет указывать мне, что делать!

— Я не указываю, я вас прошу. Лежите. Если не хотите, чтобы ваши кишки болтались ниже коленей...

Ледяной снова фыркнул, захрипев, но гордо отчеканив:

— У Беров БОЛТАЕТСЯ только коса за спиной, все остальное...

— Я поняла! Можете дальше не продолжать!

Не выдержав, я улыбнулась, покосившись на Беров, которые делали вид, что спали, приглушенно посмеиваясь, пока по залу не раздалось грозное и яростное:

— ЦЫЦ, МАТЬ ВАШУ!

Не уверена, что несколько сотен Беров могли уснуть в одночасье, но что стало в миг тихо это было определено и забавно. К счастью, Король все-таки утомился, с тихими проклятиями снова растянувшись на своей кровати, только молчать долго не смог, когда снова раздался его голос:

— Козьявка...ты же понимаешь, что ты должна накормить Короля?

— Должна? — удивленно хохотнула я, почему-то совершенно не опасаясь ярости этого величественного Бера, наверное, осмелев оттого, что рядом со мной спали Север и Лютый, решив передразнить кое-кого, когда изрекла, — Не родился еще такой Бер, который...

— А вот и родился! Север!..

— От меня-то что надо? — недовольно пробурчал сквозь сон Север, чуть улыбнувшись, когда я тихо рассмеялась и, обхватывая мои ноги своими мощными руками, но по-прежнему не открывая глаз.

— Скажи своей мелкой жене, чтобы она меня покормила.

— Нормально попросите, покормит.

Поцеловав Севера в уголок улыбающихся губ, и настойчиво убирая от себя его руки, которые даже сквозь сон пытались шалить и залезть под мою одежду, я с интересом косилась на ширму, когда Ледяной снова притих, что-то недовольно бормоча себе под свой королевский нос.

— Так как ты говоришь тебя зовут?....

Закусив губу, чтобы не рассмеяться я выдавила кратко:

— Мия.

Как-то не верилось, что этот большой древний Бер с несносным характером опустит свое королевское высочество до самого льда, чтобы попросить меня о еде. Только, кажется, я все-таки знала его так же плохо, как его ледяного сына, который не был таким отрешенным и обмороженным, как казался сначала.

— Ага....Козьявка Мия, ты покормишь меня своей рыбой?

Даже не знаю, как этим холодным жестоким Берам удавалось становиться такими милашными, когда я снова вся растаяла, не смотря на мороз этой медвежьей страны, улыбнувшись и кивнув:

— Покормлю, конечно, ваше Величество.

— Слышали, говнюки, как надо обращаться к вашему Королю? А то батя, да батя.....Свирепый!

— ...я сплю....

— Не обманывай отца! Тащи ей тарелку и побольше, ваш Король голоден!

Я лишь сокрушенно покачала головой, виновато изогнув брови, глядя на Свирепого, который нехотя поднялся со своего места, где пытался уснуть, однако, не сказав отцу и слова против, неспеша покидая общий зал для сна и чуть подмигивая мне.

Скоро с половиной большой рыбины в пол метра длинной на большой тарелке, я осторожно перебиралась через спящих и притворяющихся спящими Беров, чтобы пройти за святая святых — ширму, которая отделяла некую спальню Ледяного от общего зала.

И снова я искренне поражалась тому, как он мог не только говорить и даже двигаться, а просто ВЫЖИТЬ! Его рана выглядела ужасающе — припухшие и покрасневшие края разодранной кожи, которые скреплялись рыбьими костями, буквально пульсировали от боли, на фоне мертвецки бледной, почти серой кожи. Вот только глаза Короля смотрели твердо и настойчиво, не поддаваясь приступам боли. Глядя в эти глаза, не возникало даже мысли о жалости — столько в них было силы и жажды жизни, — и я осторожно опустилась на колени у его кровати, поставив тарелку с дымящейся от жара рыбой на самый край, принявшись осторожно отделять небольшие кусочки, смутившись, когда поняла, что мне придется кормить его с рук, потому что здесь не было столовых приборов.

— Я не укушу тебя, — усмехнулся Ледяной, откидываясь на свернутые меха, которые заменяли собой подушку, сверкнув своими пытливыми пронзительными светло-голубыми глазами, — не бойся.

— Я не боюсь.

— Я знаю.... Смелая Козьявка.

— Вы хотели сказать МИЯ?

— Я сказал то, что хотел, а теперь корми меня уже...и не вздыхай так. Бывают Беры и похуже.

Чуть улыбнувшись, я потянулась вперед, осторожно положив кусочек горячей рыбы в рот Ледяного, стараясь сделать это так, чтобы не задеть пальцами его губ или клыков. Только Бер был осторожен, не шелохнувшись, пока я не убрала свою руку, чтобы отломить еще один кусочек.

— Я знаю...после вашего сына, кажется, уже ничего в этой жизни не страшно.

На самом деле я хотела пошутить, но растерялась, когда подняла глаза, увидев, как изменился взгляд Ледяного, словно внутри черного зрачка прорвалось что-то, выпуская океан боли и горечи.

— Прошу прощения...я не хотела....

Только Ледяной закрыл устало глаза, но на миг мне показалось, что в них блеснули слезы, отчего душу защемило, и я потянулась вперед, неожиданно испугавшись за него....

— Ваше Величество....

— ...моя человеческая жена готовила для меня...

Я даже не поверила сначала, что голос Ледяного может быть такой тихий и... сломленный...если бы не видела, как движутся его губы.

— Тридцать лет в этом месте не было аромата еды...тридцать лет мне казалось, что я похоронил свою боль подо льдами...я сына не видел тридцать лет....

Пока не появилась я и все не испортила.

Потянувшись вперед, я осторожно положила свою холодную ладонь на горячую руку Ледяного, чуть сжав ее, не в силах выразить того, как мне жаль и что моя вина за все происходящее не знает границ, только Бер чуть улыбнулся, приоткрыв глаза, в которых печаль не собиралась уходить надолго:

— Знаешь, я никогда не понимал, как можно любить рагу...а вот ее супы были просто божественны. А твой муж? Что любит он?

— Сырое мясо, — чуть улыбнулась я почему-то грустно, вид, как губы Ледяного растянулись сильнее, обнажив его клыки.

— Он истинный Бер.

Замешкавшись на секунду, я растеряно молчала, разрываясь между желанием узнать, что же стало с женой Ледяного и как во всем этом был замешан Лютый, и тем, чтобы сказать, что мне жаль...что мне так безумно жаль, что все повернулось таким образом. Только Король Белых чуть потянулся вперед, снова приоткрыв рот, куда я поспешно положила еще один кусочек рыбы, видя, как он снова улыбнулся:

— Приготовишь для меня завтра что-нибудь?

— Конечно, — радостно пообещала я, уже зная заранее, что это будет суп, почему-то снова смутившись, когда подумала, что вряд ли этому будет рад Лютый.

Берам не нужно читать мысли. Они чувствуют все так, что порой становится даже страшно. Вот и снова я подумала, что этот нюх меня пугает, когда Ледяной вдруг проговорил:

— Ты знаешь, что все Беры нарекаются именами только после перехода, когда могут показать себя в своей единой сущности?...А мой сын был наречен Лютым с рождения, потому что никто из Беров не был рожден в столь диких условиях, оставшись при этом в живых.

Я заморожено уставилась на Короля, в миг вспотев оттого, что услышала, и с каким-то внутренним трепетом понимая, что это только начало истории, а Ледяной был настроен на долгую беседу, словно за тридцать последних лет ему было не с кем пообщаться.

— Истинного Бера способна выносить и родить лишь медведица. Зверь от зверя, чей плод породится человеком.

Я ошарашено моргнула, пытаясь сообразить каким образом это может произойти, видя, как Ледяной потянулся вперед за новым кусочком рыбы, и прожевав снова заговорил:

— Так был рожден наш единый отец. Так были рождены все чистокровные Беры. Так рождаются Беры и по сей день...только не думай, что достаточно нарвать ромашек и поймать рыбу, чтобы самка приняла тебя, согласившись стать инкубатором для твоего потомства...мы так же чужды медведям, как и людям. Но если люди о нас ничего не знают, то звери чувствуют нашу силу, отвергая нас и ненавидя, потому что мы сильнее. Медведица, выносившая Лютого, была самой большой и сильной, — Король усмехнулся, сверкнув своими холодными умными глазами, — я гонялся за ней пару дней в желании подчинить себе, но она сопротивлялась и дралась, словно проклятая. Даже зверем мне пришлось нелегко, чтобы заполучить ее себе. Жизнь истинного Бера это сплошная война с момента его рождения, когда мир встает против тебя стоит новорожденному Беру лишь закричать...я преследовал медведицу всю ее беременность, подкидывая рыбу и еду, чтобы мой сын рос в ее теле сильным и здоровым, но она ничего не брала, чуя мой запах. Плод в ее теле был ей так же чужд и ненавистен... — Король тяжело выдохнул, сокрушенно покачав головой, и переводя взгляд на меня, — Не думай, что мишки косолапые комочки умиления. Медведи умны, проворны, а еще злопамятны. У них есть свои мысли, свои побуждения, о которых ты можешь даже не догадываться... только иногда ты понимаешь это слишком поздно. Новорожденные Беры такие же враги для медведей, как и взрослые, только их не составляет труда убить...

Видя, как я вздрогнула, потянувшись рукой к горлу, потому что первый приступ тошноты стал медленно, но верно подниматься к горлу, Ледяной лишь твердо кивнул, продолжая:

— Задача Бера знать, в какой момент его сын будет рожден на этот свет, чтобы его не успели убить. Поэтому мы месяцами преследуем медведицу, носившую наших детей, боясь опоздать. Когда пришло время Лютому появиться на свет, медведица знала, что я рядом. Она забралась на высокую льдину, которая врезалась в пролив, одной частью утопая в ледяном океане, но я не мог добраться к ней сразу, потому что ее защищали белые медведи.

Когда на секунду Ледяной замолчал, уставившись в одну точку, я едва могла дышать, понимая, что ужасающие картины прошлого снова разворачиваются перед его взором. Лишь спустя какое-то время Король смог продолжить дрогнувшим, слегка хриплым голосом, заговорив приглушенно, словно боясь, что снова может произойти что-то плохое, если он заговорит об этом вслух:

— ...я видел как рождается мой сын в крови и поте медведицы, пытаюсь прорваться сквозь два кольца могучих медведей, когда она...глядя мне в глаза...оттолкнула едва дышащего ребенка в ледяные воды, стоило лишь ему закричать, подав знак своего рождения...

Голос Ледяного оборвался, вместе со стуком моего сердца, когда в расширившемся зрачке Короля, я видела ужас и панику тех дней, которые он пронес в своем сердце на протяжении всей жизни, понимая, что слезы катятся по моим холодным щекам, капая звучно на медную тарелку, отдаваясь глухими тихими ударами.

— ... мои воины ринулись на помощь, а я ничего не помнил в тот момент...ничего не понимал...я видел лишь как крошечное тело моего сына поглотил безжалостный ледяной

океан, который убьет любого своими холодными тисками. Я нырнул за ним...

Король снова замолчал, переводя дыхание и, кажется, борясь с собой и своими эмоциями, которые были так несвойственны Берам и Белым в частности, когда хрипло выдохнул, снова переводя взгляд на меня, и потянувшись вперед, чтобы осторожно коснуться кончиками пальцев моих мокрых щек, вытирая слезы:

— Позже мне рассказали, что я убил два десятка медведей, утопив льдину в крови, но я нашел своего сына в черных водах...он был холоден, как лед и едва дышал, но был жив. Никто не верил, что он выживет..., - горячие ладони, вытирали мои слезы, щекоча мокрые ресницы, когда Ледяной, улыбнулся шире, показав кончики своих клыков, — 11 дней и ночей я носил своего сына на груди, боясь сомкнуть глаза и считая его едва слышное дыхание...

Я улыбнулась сквозь слезы, видя, как Бер положил ладонь на свою мощную грудь, словно и сейчас на ней был маленький комочек его счастья.

— На 12-ый день мой маленький сын открыл свои голубые глаза, доказав всему миру свою силу и стойкость духа. Ледяные волны океана закалили его, словно бриллиант, дав ту силу и стойкость, которой больше не обладал никто из нашего рода. Поэтому его нарекли Лютым с рождения, но сын доказал, что соответствует своему имени с самого младенчества.

Я лишь с улыбкой закивала головой, заставляя свои дрожащие пальцы работать и отламывая очередной кусочек рыбы, переваривая мысленно полученную информацию и не замечая, как пристально и пронзительно смотрит на меня Король.

— Получается, что чистокровных Беров вынашивают и рожают лишь медведицы, которые ненавидят собственных детей с рождения?

— Беры не являются их детьми. Медведицы никогда не будут любить тех, кто использует их тела, принуждая и заставляя вынашивать плод, который считают врагом....

Я тяжело сглотнула, чувствуя, как дрожь пронеслась по всему телу, поднимая колом каждый вибрирующий волосок, едва выдавив:

— ...у Беров всегда рождаются только мальчики?...

Я отгоняла от себя жуткие мысли о том, что не видела здесь ни одной женщины или девушки, надеясь лишь на то, что они живут где-то отдельно от основной группы Беров, находясь под постоянной защитой, только видя, как сверкнули холодные жестокие глаза Короля, поняла, что его ответ ввергнет меня в ужас:

— Нет...

— ...а где же ваши дочери?...

— Мы оставляем их медведицам, если рождается девочка....

-..но...вы же говорили, что Беры враги для медведей...даже новорожденные...

Видя, что Ледяной кивнул, глядя в мои глаза, я обхватила рот рукой, отшатнувшись от кровати, едва не уронив тарелку и боясь, что меня вырвет прямо здесь и сейчас от жуткой картины, стоящей перед глазами. Слезы снова полились из глаз, когда я едва не выла, не в силах перестать думать о тех ужасах, которые происходили с крошечными только что рожденными девочками, что были не нужны своим отцам, потому что не были воинами и были изначально прокляты на смерть...

Я просто не могла перестать думать об этом, задыхаясь от рыданий, которые застряли где-то в груди, внезапно ощутив родной аромат ночного леса и сильные руки, которые подхватили меня, прижимая к себе, когда над головой послышалось рычание Севера:

— Какого черта здесь происходит?!

Утыкаясь в его пылающую кожу, я кусала губы, чтобы не разрыдаться, слыша его отрывистое испуганное дыхание, отчего его большая грудь вздымалась и оседала, и ощущая на себе сильные руки, которые были готовы защитить от всего мира...включая Короля Белых.

Я вздрогнула, когда ширма, отделяющая спальню Ледяного от общего зала, просто улетела с грохотом, и над Королем навис разъяренный Лютый, готовый буквально растерзать собственного отца...снова.

— Что ты ей сделал?!..

Его огромная широкая ладонь тут же опустилась на горло Ледяного, придавливая к кровати, когда я забилась в руках Севера, понимая, что во второй раз могу опоздать, потому что Король еще не успел оправиться от первого нападения.

— Ничего!! Лютый, пожалуйста!!!! Он ничего не сделал, мы просто разговаривали!..

Холодные, полыхающие яростью голубые глаза Лютого, резко и колко просканировали меня, когда я замерла, давая ему возможность как можно скорее понять, что я говорю правду. Бер почувствует это.

И он почувствовал, недовольно покосившись на своего отца, но все-таки убирая свою мощную руку, прорычав, продолжая нависать над распластанным телом Ледяного, который даже в эту секунду едва ли выглядел сломленным и поверженным:

— Что ты говорил ей?

— Рассказывал о нашей жизни и рождении...

Я скорее почувствовала, чем увидела, как Север надо мной поморщился, и его губы осторожно поцеловали меня в макушку, тихо проговорив:

— Это мало приятная тема для беседы.

— Но это правда? — я вскинула голову, заглядывая в его красивые синие глаза, утопая в черных ресницах и с ужасом думая, что и мой Север был когда-то под угрозой убийства в момент своего рождения...как и все братья, — То, что вы оставляете на растерзание медведям новорожденных девочек, даже не пытаетесь их спасти?...

Черные длинные ресницы Севера опустились, пряча его взгляд и, содрогаясь, я понимала, что он не сможет сказать ложь...но и не станет говорить это вслух, боясь моих слез.

— Правда, Мия.

Прозвучал наконец голос Лютого, когда он выпрямился во весь свой огромный рост над кроватью своего отца, глядя в мои влажные от слез глаза:

— Изначально так происходило у всех Беров. Рожденные девочки не обращались в зверей, не обладали силой Беров и ничем не отличались от обычных людей... первые от этой практики отказались Бурые. Они оставляли всех детей себе еще несколько столетий назад, живя семьями, поэтому их род самый многочисленный...и один из самых слабых, потому что Бер, женившийся на такой девушке, породил полукровок, которые не обладали полной силой Беров. Скоро к ним присоединились Гризли. И только у Кадьяков и Белых Беры остались чистокровными и самыми сильными лишь потому, что не отошли от давних традиций....

Продолжая тихо плакать, я смотрела в глаза Лютого, который говорил об этом так спокойно и холодно, словно его душу совершенно не трогало то, сколько безвинных маленьких душ было погублено ради каких-то ужасающе-зверских традиций Беров.

— Правда и твой Король не без изъяна, — хмуро усмехнулся Лютый, покосившись на

своего отца, прежде чем повернуться ко мне, колко сверкнув своими холодными глазами, — спроси у этого сумасшедшего старика, сколько шрамов на его теле оставили медведи, пока он спасал, в том числе, и девочек, которые даже не были его дочерьми.

— Вы серьезно? — когда я с распахнутыми от восторга, все еще мокрыми от слез глазами уставилась в надежде на Короля, он чуть поморщился, дернув своим плечом и провожая взглядом старшего сына, который снова ушел спать, так и не водрузив на место отброшенную ширму, — Вы спасали девочек?...

Сердце колотилось так радостно, словно я была одной из них, когда Король нехотя кивнул, пробурчав:

— Должен же кто-нибудь заботиться о наших маленьких Берах, пока те не начнут ходить! — переводя взгляд на меня, Ледяной криво усмехнулся, как мне показалось, немного смущенно, — Так, Козывка! Вот только не надо тут делать из меня героя!

Но я все-равно была несказанно счастлива...почему-то, широко улыбнувшись Королю:

— А вы обниматься любите?...

Слыша, как он расхохотался, тут же со стоном обхватывая свой живот и откидываясь назад, я улыбалась, вытирая слезы и чувствуя, как улыбающиеся губы Севера, жадно касаются моей шеи сзади и горячее дыхание вырывается из губ, прошептавших:

— ...лучше меня обними...

— Вот уж нет! Знаю я, чем закончатся ваши обнимания, а она меня еще не докормила! — недовольно буркнул Ледяной, отмахиваясь от Севера, словно он был мухой. Такой двухметровой, волосатой, огромной мухой, — Ну-ка, марш отсюда! Иди, спи дальше! Тебя сюда никто не звал!..

Я бы сильно удивилась, если бы Севера послушно поплелся за Лютым спать, только Бер звучно фыркнул, все-таки отпуская меня и устраиваясь на полу рядом, когда я снова опустилась на меха, пододвинув к себе тарелку и снова занявшись рыбой.

— До чего ж все мужья приставучие засранцы, — недовольно хмурился Ледяной, косясь на Севера, который как ни в чем не бывало, положил свою голову на мои колени, ядовито усмехнувшись Королю:

— Кто бы говорил!..

Мужчины перепирались какое-то время, пока Король разразился очередными медвежьими ругательствами, и Север с пакостной улыбкой на своих красивых чувственных губах не уснул, а я все продолжала думать про этих спасенных девочек.

— А где они?

— Кто? — Ледяной успокоился, лишь когда его рот снова был занят рыбой и разговорами, позабыв о Севере, который теперь спал снова, буквально обернувшись вокруг меня.

— Те девочки, что вы спасли.

— В самом безопасном месте на нашей земле вместе с десятком маленьких Беров. Они ухаживают за ними, пока те не смогут жить самостоятельно и вступить в наше общество, став либо воином, либо простым Бером...

— Медвежьи няни, — улыбалась я, снова отламывая кусочек и протягивая его Королю.

— Скорее истинные матери...

Я замолчала, тихо улыбаясь и вспоминая про нашу тетюшку Зою, которая заменила нашим парням маму, даря столько любви и заботы, что с лихвой хватало на всех.

— Почему же они не Хранители ваших земель?...

Король лишь пожал плечом, снова принявшись жевать очередной кусок рыбы:

— Нам не нужны Хранители. Мы не нуждаемся в связи с людьми. Хранители ведь тоже из рода людей, а вы слишком хрупкие и бесполезные... с вами больше возни, чем реальной пользы, особенно в наших условиях вечного льда.

— А как же ваша жена? Она ведь тоже была человеком...

Я прикусила свой язык слишком поздно, виновато изогнув брови и опасливо глядя в пронзительные, пытливые глаза Ледяного, который в секунду перестал жевать, изменившись в лице. Нет, он не был зол из-за моей излишней смелости и очевидной глупости, он был... раздавлен.

Я испугалась, когда живой, пытливый блеск в этих холодных глазах просто померк, оставив лишь отблески глубокой непередаваемой боли, которую никто не мог понять... и разделить.

— ...моя жена была такой же глупой самоуверенной девчонкой, как ты, погибнув из-за собственной беспечности....

Сдерживая снова нахлынувшие слезы, боясь в этот раз, что Лютый принесется снова и примется душить своего отца, а Северу так и не удастся нормально поспать из-за моего излишне сентиментального характера, я протянула руку к Ледяному, раскрыв ладонь, и видя, как он дрогнул, помедлив, но все-таки положив свою большую горячую руку поверх, позволяя, обхватить его своими прохладными пальцами, чтобы выразить в этом прикосновении все то, что я не смогла бы сказать вслух, не разрыдавшись снова.

— Глупая Козявка....

На мой согласный кивок, Ледяной лишь приглушенно рассмеялся, шикнув и показывая на рыбу, когда пришлось отпустить его, чтобы снова оторвать кусочек уже остывшего позднего ужина.

— Не все люди плохие. Я понял это только когда увидел ее... — Король горько усмехнулся, — Глупые люди построили станцию на моей земле, чтобы изучать жизнь и поведение полярных медведей на воле, переживая, что их вид становится малочисленным. Только зверям не нужна человеческая забота и вмешательство, а нам и подавно, но убить пару десятков людей, не привлекая внимания, было просто невозможно...

Ледяной снова наклонился, подавшись вперед, чтобы я положила в его рот очередной кусочек рыбы, продолжив, лишь когда прожевал и его:

— Когда я впервые увидел ее, то слишком поздно вспомнил, что нашему роду запрещено даже смотреть на человеческих женщин. Я увидел ее издалека, понимая, что заморожен... тем, как она двигалась, как пахла, какой красивый у нее был голос... даже тем, как она говорила. Она тоже заметила меня, приняв за самого большого полярного медведя, которого она только видела в своей жизни.

Король фыркнул, горько усмехнувшись и сокрушенно качая своей белокурой головой:

— Три недели она гонялась за мной по льдам и непроходимым снежным заносам. Три недели я уходил от нее, возвращаясь каждую ночь к их станции, чтобы просто послушать ее голос внутри той коробки... а потом мне это надоело. Я знал, на что иду, когда остановился и позволил ей приблизиться ко мне максимально близко. Я рассчитывал напугать ее. Хотел, чтобы она боялась меня так сильно, чтобы в этот же день уехала с моих земель, и у меня больше не было бы соблазна заполучить её. Только она оказалась такой же смелой, как и безрассудной... я обернулся при ней. Сделал это, отчетливо понимая, что с этого момента она должна либо умереть...

— ...либо ходить с вашей меткой... — прошептала я, видя, как улыбнулся Ледяной, чуть дернув бровью.

— Да. Когда я притащил ее домой, она была без сознания, а затем пару дней билась в истерике, пытаясь понять, что я такое, — Король снова усмехнулся горько и так влюблено, — для человека, который был ученым, она не понимала, как такое как я, может действительно существовать на нашей планете. Только меня это мало волновало... вообще-то она должна была умереть после нашей первой ночи. Она бы не пережила... — Ледяной поморщился и вдруг тихо рассмеялся, — а она взяла и приготовила мне обед. Знаешь, Козявка, настоящие Беры не едят ничего кроме сырого мяса, и я никогда ничего кроме него не ел. А там, в кастрюльке было что-то такое странное, но пахло так вкусно...вобщем я не тронул ее. И так еще пару недель, пока не перепробовал все, что она готовила.

Ледяной снова горько рассмеялся, потянувшись ко мне за новым кусочком, только в этот раз он взял его в руку, словно что-то очень необыкновенное и ценное, отчего мое сердце снова дрогнуло, наполняясь болью и сожалением.

— ...я и сам не заметил, как в нее влюбился...как дорога она стала и необходима. Постепенно она узнавала наши истории, легенды и задалась целью понять, кто мы и откуда произошли...

Судя по тому, как внезапно изменился голос Ледяного, я застыла, с задрожавшим сердцем:

— Она решила проводить свои исследования, начав с полярных медведей...от них она и погибла...

— ...а Лютый?...

Почему-то страшно было услышать, что впервые увидев девушку, он влюбился в нее тоже.

— Мой сын...он пытался защитить ее, но медведей было слишком много...он принес мне ее тело...а я...

Ледяной судорожно выдохнул, и его голос оборвался снова, когда он закрыл глаза, собираясь с силами, как я пыталась собраться, чтобы не разрыдаться снова:

— ...я сошел с ума, увидев ее мертвой, и решил, что это он... мой сын...сделал это...

— Может, вы уже заткнетесь, и дадите нам поспать? — от рыка Лютого я вздрогнула, а Король горько усмехнулся, проговорив приглушенно:

— Спи, сын, спи...и ты ложись спать, Козявка. И... Спасибо за рыбу.

Я не ожидала, что он потянется вперед, чтобы осторожно и легко пожать мою руку, виновато пробормотав:

— Прости за мою болтовню...кажется, я головой стукнулся, когда упал. А теперь спи, спи скорее, пока твой муж не проснулся и не решил, что ему срочно нужно пообниматься.

От этого намека я покраснела, но послушно улеглась под горячий бок Севера, практически сразу уснув. Во сне я видела величественного белого медведя, что неспеша идет по льдам, закрывая собой хрупкую белокурую девушку, которая радостно улыбается зверю, держась за него рукой...

Я даже не знаю, от чего именно я проснулась....

Потому что стало прохладно? Что я перестала ощущать на себе горячие сильные руки моего огромного Бера? Или что над ухом назойливо звучал шипящий рык Янтаря?....

— Не делай этого, брат! Мы — одна семья, и хрена с два вы пойдете туда одни!

— Янтарь, успокойся и послушай...

— НИ-ХРЕ-НА!

Я села, кутаясь в меха и сонно потирая глаза, пытаюсь рассмотреть своих медвежьих братьев, которые возвышались надо мной, напряженные и злые, отчего сон сгинул под лед, словно его и не было.

Холодок предчувствия чего-то явно нехорошего прошелся по спине морозной поступью, и дело было не в том, что Север стоял рядом с Лютым, изогнув брови и пытаюсь уговорить разъяренного Янтаря, глаза которого буквально извергали огонь, а не рядом со мной, согревая своим жаром.

— Прекрати эту истерику. Мы решили. Точка.

Голос Лютого как всегда был подчеркнуто холодный и колкий, что никто в здравом уме и твердой памяти не рискнул бы с ним спорить, только Янтарь и Туман были явно не из этого числа, сжимая свои кулаки с такой силой, что костяшки пальцев хрустели.

— Может, соизволите нас спросить для начала? — прорычал Туман, хмуря свои черные брови, отчего я растерялась окончательно, неловко поднимаясь на ноги, оказываясь в самом эпицентре спора, пока совершенно не помяная по какому поводу были эти эмоции и рыки, но отчего-то содрогаясь уже заранее.

— Нет. Все решено. Вы только зря тянете время.

— ...что здесь происходит? — тихо спросила я, понимая, что мой голос уже дрожит, хотя я еще не понимаю смысла происходящего. Проблема была в том, что даже расположение Беров говорило о том, что в семье произошел какой-то раскол, разделивший братьев на две непримиримые стороны. С одной стороны стояли Север и Лютый, выглядя так, словно устали от пустой болтовни, только если Лютый от этого явно злился, то Север умоляюще глядел на своих братьев, словно взглядом просил успокоиться и понять. По другую сторону полыхали яростью Янтарь и Туман, что не собирались отступать от своей позиции, не боясь Лютого, и не принимая позицию Севера. Сбоку от всех стоял Ураган, который пока молчал, буровя недовольными глазами чистокровных Беров, но и не вступаясь за Янтаря и Тумана...и слева от Лютого стоял Свирепый, напряженный и скованный, отчего его ямочки на щеках появились снова, но в этот раз не от улыбки, а потому что Бер плотно сжал свои губы, хмурясь и находясь явно не в восторге от происходящего.

Я же была посередине между всеми, дрожащая и перепуганная.

— Все в порядке, девочка, ты зря проснулась так рано, — Север тут же потянулся ко мне, обвивая своими руками и осторожно целуя, только вот его синие глаза смотрели так, словно и у меня просили прощения.

— В порядке?! — снова взорвался Янтарь, дернувшись вперед, но остановившись, не сделав и шага, — ты хотя бы о ней подумай, брат!!

Сердце испуганно сжалось, когда я обхватила ладонями горячую руку Севера, сжав и боясь отпустить:

— О чем речь, Север? Что пытается сказать Янтарь?...

— Что ничего страшного не происходит....- начало было Север, сладко улыбаясь и касаясь свободной рукой моего холодного лица, только Янтарь снова злорадно хмыкнул:

— Серьезно? По твоему это простая прогулочка?

— Брат, ты преувеличиваешь значимость этого мероприятия....успокойся уже.

Понимая, что они так и будут перепираться до скончания века, я перевела взгляд на Свирепого, который, как мне казалось, был той серединой весов, которая всегда находится в центре, не принимая тяжести ни одной из сторон, уравновешивая и отрезвляя.

Бер удивленно моргнул, когда я тихо прошептала, зная, что он услышит даже сквозь рев двух Беров:

— Пожалуйста, скажи....

Растерянность Свирепого и его ясные голубые глаза, которые метнулись на секунду к Северу, словно спрашивая его разрешения, не сулили ничего хорошего, только Белый брат, вдруг склонил свою белокурую голову, ответив так же тихо и осторожно, словно как всегда тщательно подбирал каждое произнесенное слово во внезапно воцарившейся тишине:

— Братья совершили покушение на короля рода Белых. По законам Беров это не может остаться безнаказанным. Наши воины дали время, чтобы все поправились и отошли от ран, но теперь они требуют битвы, чтобы отомстить за тяжелые ранения, нанесенные их королю и отцу. Это дело чести, Мия...этим утром они официально заявили о своем желании братьям...

— ... и братья согласились, — едва слышно выдавила я, бледнея и теряя почву под ногами, потому что лишь сейчас увидела шестерых воинов, которые ожидали на улице у самого входа, глядя зло и пронзительно на мою семью, словно насмехаясь над тем, как мои родные Беры спорили между собой. Огромные. Специально обученные и чистокровные....

Я тяжело сглотнула, не чувствуя собственных конечностей, переведя взгляд на Янтаря, который растерял свою ярость, теперь встревожено глядя на меня:

— Тогда о чем вы спорите, если уже приняли это решение?...

Север поморщился, чуть дернув бровью, глядя на Янтаря так, словно говорил с ним в этот момент на языке жестов, только ведь Беры не умеют врать...и Янтарь, поморщился тоже, тихо проронив:

— Лютый и Север решили пойти вдвоем на этот бой.

— Двое против шестерых?!

Все Беры кивнули одновременно, когда я пошатнулась, и донесся насмешливый ядовитый голос одного из ожидающих на улице воинов:

— Передумали, девочки?...

Вот только насмехающееся лицо ретировалось сразу же, стоило только Свирепому резко повернуть голову в направлении выхода. Но ненадолго... скоро один из воинов решил войти обратно, только совсем не для того, чтобы объявить, что они принимают мир и не собираются драться.

Беров мясом не корми — дай кулаками помахать....

Нагло и вальяжно он вышагивал вперед, не отводя своих голодных серых глаз...от меня!

Его не пугал, не смущал и никак не корежил тот факт, что я нахожусь в руках моего мужа, которому принадлежу душой и телом, испугавшись еще сильнее, когда почувствовала, как под моими ладонями напряглось огромное тело Севера, и дыхание изменилось став звериным — один протяжный вдох и два резких выдоха.

— Это не все, — пробасил воин, откидывая за широкие плечи свою косу, и, сверкнув глазами по мне, повернулся к Северу, — я хочу ее.

— А слюной захлебнуться не хочешь?! — зашипела я, обхватывая могучий торс Севера своими руками, и чувствуя его руки на своей спине.

— Или поперхнуться языком в заднице? — тут же прорычал Янтарь.

— Или пообедать собственным членом? — в тон брату оскалился Туман, отчего Король Белых зашелся от хохота, закашляв и застонав, что пусть он помрет, но он обязательно должен это видеть.

— Еще варианты будут или остановимся на последнем? — усмехнулся хищно Лютый.

Я не боялась отцепить свои застывшие руки от горячего огромного тела своего Севера, когда он осторожно отодвинул меня за свою спину, шагнув вперед к наглому воину и встав с ним почти нос к носу, протянул спокойно и злобно:

— Проблемы с нюхом? Могу вылечить. Она — моя...

— Будет моей, когда мы победим в этой битве. — нагло заявил этот сумасшедший, сверкнув своими серыми глазами, и вытянувшись потому, что Север оказался выше его и крупнее. Только нужно отдать должное, даже это не испугало его...воистину психи не знают страха...и нюха!

Два Бера буквально вгрызались друг в друга глазами, когда Свирепый рыкнул что-то на своем языке, отчего воин оскалился, но все-таки вышел, оставляя меня в полном шоке и панике.

— Девочка моя, — Север настойчиво развернул меня к себе и его горячие ладони опустились на мое холодное бледное лицо, поглаживая и согревая, а в синих красивых глазах было столько тепла и нежности, что мир стал убегать из-под ног, — не бойся. Все будет хорошо. Как воины мы понимаем и принимаем позицию рода Белых. Мы на самом деле виноваты в том, что случилось с их Королем и должны быть наказаны. Нас не будут пытаться или мучить, это будет равный бой...

— ...две против шестерых! — выдохнула испуганно я, понимая, что первые слезинки потекли по щекам, — Они чистокровные!..

— Мы тоже не пальцем деланные, принцесса, — сухо заметил Лютый, выглядывая через плечо Севера на меня, и говоря как всегда излишне прямо и ядовито, — именно поэтому у нас с Севером больше шансов выжить и не получить смертельных ран, вдолби уже это братьям, пока мы будем заняты.

Когда он хлопнул по плечу Севера, развернувшись и зашагав по направлению к выходу, я была готова закричать от отчаянья, только горячие губы Севера закрыли мой дрожащий рот в легком, но настойчивом поцелуе, выдохнув напоследок:

— Ничего не бойся. Мы вернемся. Клянусь тебе.

Не выпуская меня из своих рук, он повернулся к застывшим братьям, тихо обратившись к ним с мягкой улыбкой:

— Попробуйте понять...просто встаньте на наше место и подумайте...Мия на вашем попечении, пока я не вернусь.

Отдав меня в руки Янтаря, Север быстро зашагал к выходу, где уже было не видно Лютого, когда я дрожала, пытаюсь не разрыдаться и не опозорить своего Бера. Как говорил Ледяной, теперь я была женой Бера. Женой великого воина. Огромного. Величественного. Чистокровного. Одного такого в своем роде. И я должна была соответствовать ему...должна была верить в его мощь и силу, только все-равно дрожала, даже когда Свирепый, повернулся, чуть склонившись надо мной, и быстро прошептал:

— Не бойся, я присмотрю за ними...они не просто чистокровные, Мия. В их жилах течет единая чистая первородная кровь.

Свирепый дождался, когда я смогу взять себя в руки и кивну ему в ответ, чуть улыбнувшись и поспешив на улицу тоже, когда раздался голос Ледяного:

— Уже началось? Тащите меня скорее на улицу! СКОРЕЕ, ОЛУХИ!!!!

Я оглянулась на него, видя, как Король вошкается на своей кровати, подгоняя несколько метнувшихся к нему Беров, которые пыхтели, приподнимая кровать с Ледяным так

осторожно, чтобы он не вывалился из нее, потащив ее к выходу. Вот только я бы не сказала, что Король был расстроен или сильно переживал за своего старшего сына, размахивая руками и осыпая ругательствами своим подданных.

— Идем, Козьявка! Идем скорее! Такое веселье пропускать нельзя!

Веселье?!..

Видя, какими глазами я уставилась на него, готовая в ту секунду завершить два неудавшихся покушения Лютого на своего отца, он лишь расхохотался, глядя на меня задорно и лукаво, махнув рукой Янтарю, который обнимал меня:

— Тащи ее ко мне! И сами идите!

— ...кажется, он и правда сильно головой ударился, когда падал, — прошипела недовольно я, обхватывая руками Янтаря, который двинулся вперед, подхватывая меня на руки, чтобы выйти на улицу, где буквально звенел лютый мороз. Только полуобнаженные воины не замечали ничего вокруг, отойдя на большую льдину и принявшись кружить в смертельном танце.

— Давай ее ко мне, пока не окочурилась, а то Север вам запчасти-то поотрывает! — от улыбки Ледяного хотелось попросить у него справки от психиатра, когда Янтарь, задумавшись на секунду, все-таки усадил меня прямо на кровать Ледяного, предварительно приняв меня, не задумав ли чего этот сумасшедший Король. Кусающий мороз отступил тут же, как только я оказалась под боком у Ледяного, который укутал меня сверху мехами, оставив открытым лишь лицо, чтобы я могла разговаривать и видеть.

— Остановите их...

— Шутишь? Такого веселья уже лет 80 не было!

— Там. Ваш. Сын!

Я вздрогнула, когда Ледяной повернулся ко мне, и его глаза светились так мягко в солнечном свете:

— Да, мой сын, Козьявка. Но знаешь, почему я так спокоен? Я знаю его. Знаю его силу. Знаю, на что он способен. И верю в то, что мой сын достоин своей великой крови...и ты знай, глупая. И верь в своего мужа.

Я растерянно заморгала, в очередной раз поразившись этому древнему Беру, который смотрел на разворачивающийся бой с каким-то трепетом и восторгом, забыв о собственных ранах и боли, приподнимаясь на одном локте и обнимая меня второй рукой.

Верить в своего мужа и его кровь...

И я верила. Искренне и совершенно. До кончика каждой волосинки.

Север одним ударом смог разбить камень! Он был способен снести деревья, ломая их, словно спички! Он был из рода Королей Беров!..

Постепенно мое сердце успокаивалось, перестав захлебываться от паники и слыша, одобряющее урчание Ледяного, я удивленно моргала:

— Молодец, Козьявка. Так держать!

Но только все-равно опускала глаза, закрывая ресницами мир, когда видела кровь на большом мускулистом теле Севера, содрогаясь, и впиваясь ногтями в свои ладони до крови, словно это могло забрать его боль, чувствуя, как напрягается тело Ледяного, когда и Лютому доставалось в этой неравной битве.

— Назад! — отталкивал Король своего младшего сына, который рвался помочь Лютому, оказавшему на лопатках, когда воин Белых Беров, завалил его, принявшись, что было дури, колошматить по лицу. Только Север и Лютый были слаженной командой, которые

научились держать оборону, защищая друг друга и доверяя так абсолютно и совершенно, что я буквально задыхалась от гордости за них. Страшно было представить, через что пришлось пройти моим Берам, что они бились так, словно делали это всю жизнь, день за день, доверяя свои жизни друг другу, без тени сомнения.

— Идеальный баланс воли, выдержанности, логики, силы и умения. — улыбался Ледяной, отчего-то не пытаясь даже пожалеть собственных воинов, которые в конце — концов были повержены и сброшены со льдины, когда окровавленные и тяжело дышащие Север и Лютый спрыгнули с нее, зашагав к нам.

— Не убьешь его? — коварно выгибал свою светлую бровь Ледяной, откидываясь назад, но продолжая обнимать меня под тонной меха, обращаясь к Северу и кивая на того наглого воина, который решил покуситься на меня.

Север покосился на него, но все-таки отрицательно покачал головой, стирая кровь с лица тыльной стороной ладони:

— Он хороший воин и понадобится нам в предстоящей битве.

— Хочешь вызвать его на битву один на один?...

— Север говорит о битве, в которой будем вынуждены участвовать все мы, — хмуро проговорил Лютый, поравнявшись с братом, и стоя прямо перед своим нахмурившимся отцом.

— О чем ты говоришь, сын?

Не в силах даже пикнуть я притихла, напряженно всматриваясь в глаза Ледяного, пока его старший сын холодно и коротко излагал суть того, почему мы решили прийти к Белому роду, не смотря на то, что сам Лютый был против. Что Кадыжки наступают и нет возможности избежать войны...что они уничтожили весь род Бурых и теперь продвигаются вперед по землям Гризли...и что только род Белых в силах помочь остановить это кровавое сумасшествие.

Я слышала, как тихо загудели Беры за спиной Короля, которые вышли из своего ледяного дома, чтобы поглазеть на битву и теперь услышали все то, о чем сдержанно и холодно поведал Лютый.

Лицо Ледяного менялось с каждым словом, произнесенным его сыном, становясь все более отрешенным и холодным.

— Нет.

Я застыла, забыв, как нужно моргать и дышать, услышав холодный голос Ледяного, что резко махнул рукой, заставляя своего младшего сына замолчать, когда тот дернулся, рыкнув в явном несогласии с решением Короля.

— Но отец!

— Молчи!

Даже окровавленные воины, нахмурившись, уставились на своего Короля, только молчали, не смея ему перечить.

— У твоего брата есть его новая семья. Ему не нужен наш род, наши Беры и наши традиции...он уйдет, как ушел когда-то, и у нас не останется будущего...

— Дело не в нем! — зарычал Свирепый, впервые при нас возразив своему отцу, и его голубые глаза горели так, что становилось страшно, — а в том, что у рода Беров скоро вообще не будет будущего! Если мы не поможем, если мы не остановим!..

— МОЛЧИ! — взревел Ледяной так, что под кроватью задрожал лед, откидывая от себя меха, — Это не наша война, и я не позволю никому из своего рода вступать в нее!

Я отшатнулась от Бера, который вызывал во мне столько противоречивых чувств, тут же оказавшись в руках Севера, который подхватил меня, прижав к себе. Я не понимала его, все еще надеясь на то, что сейчас Король Белых рассмеется и скажет, что мы всего лишь глупые дети и не справимся без него...

Только этого не происходило, и от взгляда трех пар холодных голубых глаз мир словно рвался по швам, стараясь сгинуть заранее, еще до того, как его сметут Кадьяки....

— Уходим, — холодно и колко отрезал Лютый, кивнув своим братьям, — заберите одежду Мии, и догоняйте нас.

Я поверить не могла, что Ледяной отказался помочь...

Зная о том, что его сын будет в смертельной опасности...

Видя, как его младший сын горит и пылает от возмущения, прорывав:

— Отец, ты не прав!

— Молчи! — снова рявкнул Ледяной, неожиданно подскочив с кровати и даже не содрогнувшись оттого, что едва мог держаться на ногах, однако пройдя босыми ногами по льду, встал нос к носу с младшим сыном, который не отшатнулся и не отвел своих полыхающих яростью глаз, — что ты понимаешь в этой жизни, мальчишка? Что ты видел кроме войн? Ничего! Уйдешь, как твой брат, бросив на произвол судьбы свой народ? А?

Ледяной толкнул сына в мощную грудь, шагнув вперед, когда тот отшатнулся:

— Рано или поздно я умру, и что станет с ними? — Король кивнул на застывших в изумлении Беров, столпившихся у входа, — Оставишь их умирать в этих ледниках? Одних? Без закона и высшей власти, которая держит их в узде? Знаешь, что будет, сын? Самые сильные поработят тех, кто слабее. Не будет равенства, не будет братства. Они сожрут друг друга, словно дикая стая, поддавшись зверю. Мы не дружелюбные Бурые. Не Гризли которые кричат больше, чем дерутся, мы — Полярные! И зов зверя в нас сильнее, чем в прочих родах...

Свирепый сделал еще шаг назад, и в его глазах было столько боли и растерянности, что мое сердце заныло. Бер стоял перед страшным выбором — пойти за братом и бросить свой народ, или остаться и больше никогда не увидеть Лютого. Только для Ледяного этот выбор даже не стоял, когда он снова пихнул своего сына в мощную грудь своими большими сильными ладонями:

— Я не позволю тебе забыть про твой долг! Эти знаки кое-что значат!

Я закрыла глаза, задрожав, когда Король ногтями впился в грудь младшего сына, проделав кровавые борозды поверх шрамов на груди.

— Ты принадлежишь своему народу и не вправе забывать об этом, как бы тяжело тебе не было!

— Старик прав, — неожиданно проговорил Лютый, стоя плечом к плечу с Севером, — не вини себя, брат. Ты должен остаться здесь... Если мы не удержим натиск Кадьяков у приграничного города, то вы станете последней обороной. Будь начеку.

Это были последние слова, сказанные ему братом, и, медленно кивнув, Лютый просто развернулся, зашагав прочь от своего дома, а я снова плакала, глядя на раздавленного Свирепого, который смотрел вслед уходящего брата, сжимая кулаки и, кажется, готовый броситься за ним бежать без оглядки. Обхватывая руками шею Севера, я плакала, глядя в глаза Свирепого, всей душой желая в тот момент подбежать к нему, крепко обнять и сказать, что он один из лучших Беров, которых я только узнала, и что так больно и невыносимо покидать его, оставляя здесь. Только понимала, что от этих прощаний будет только хуже.

— Мия...

Голос Ледяного был тихий, но твердый, когда я удивленно моргнула, переводя взгляд на него, и пока еще не веря в то, что он назвал меня по имени. Только Король смотрел прямо на меня так, словно прощался и переживал, добавив:

— Кадыяки страшный народ. Запомни одно — не попадайся им даже близко. Учув то, что ты принадлежишь Северу они не оставят тебя в живых. Ты — проклятье рода Севера, которая очернит его чистую кровь, и королевский род Кадыяков закончится, больше не возродившись. Но если они окажутся близко — не пытайся убежать или спрятаться...просто найди способ убить себя сама, чтобы не терпеть издевательств над собой...

Рычание Севера и Лютого заглушили последние слова Короля, но мне хватило и сказанного, чтобы сердце икнуло, тут же провалившись куда-то в область отбитого копчика, и холодный пот выступил на теле, тут же превращаясь в ледяные кристаллики.

— Не слушай этого сумасшедшего старика, принцесса, — Лютый накинул на меня пуховик поверх плеча Севера, глядя своими ледяными колкими глазами, принявшись неловко натягивать на мою голову шапку, — никто не допустит того, чтобы ты оказалась когда-то рядом с Кадыяками. И хватит уже разводить слякоть! Нечего рыдать, итак было ясно, что мы зря пришли.

Повиснув на плече Севера и уткнувшись в его горячую кожу, я старалась успокоиться и не думать о том, что Свирепый остался один в своем ледяном царстве, глядя на его застывшую поникшую фигуру, пока она не скрылась из вида. Старалась не думать о том, что случится дальше, когда Кадыяки придут с боем, а у нас не было главной силы и поддержки... старалась не думать о тех страшных словах, которые произнес Ледяной на прощание...

...я была проклятием рода Севера...

— Ты в порядке, девочка? — мой огромный муж прошептал на ухо, чуть касаясь своими горячими губами, продолжая шагать вперед за Лютым и своими братьями, неся меня на себе, словно ребенка, прижимая к груди и поддерживая за ягодицы, пока я висела на его торсе, обвив его ногами и цепляясь руками за мощную шею.

— Да... — едва выдохнула я, слыша тяжелый горестный выдох Севера:

— Ложь....

— Куда мы идем теперь?

— В город тех, кто отрекся от сущности зверей, живя рядом с людьми.

Приграничный город...

Место отверженных Беров.

Город тех, кто не боялся жить человеком, забывая о своей звериной сущности...

Вряд ли его можно было найти на карте. Едва ли у него было какое-то официальное название.

И, пройдя сквозь льды и снега, мы перебрались через то место, которое Свирепый называл Ледяным хребтом, оказавшись рядом с небольшим населенным пунктом с милыми двухэтажными домиками, с двух сторон тонущем в заснеженном лесу.

— А здесь красиво, — прошептала я, всматриваясь в вечерних сумерках в небольшой город, где в окнах уже зажигались огни, — где мы находимся территориально?

— Недалеко от Аляски, — Север осторожно поцеловал меня в холодный нос, прижимая к себе, чтобы согреть, и глядя поверх моей головы вперед, неожиданно чуть улыбнувшись, — а вот и наши ребята...

Вся вытянувшись, я пыталась рассмотреть хоть кого-нибудь, надеясь, что эти слова несли в себе положительный смысл, вот только, конечно же, все-равно никого не увидела сразу. Глаза, нос и восприятие Беров были за рамками моего несовершенного человеческого мира.

Находясь в руках своего Севера, согретая его жаром и успокоенная его родным запахом, я все-равно не могла полностью прийти в себя, почти не отрываясь, глядя на широченную спину Лютого...

Я не могла выкинуть из головы его славного брата...и отца, который, кажется, не был плохим Бером и вел себя весьма своеобразно, только я все-равно не могла понять, как ему хватило сил бросить своего сына...во второй раз.

— Мия, ты в моей спине решила дырку прожечь? Я тебе вид загораживаю?

Признаюсь, что я вздрогнула, даже не смотря на то, что была под полной и абсолютной защитой Севера, находясь в его руках, когда Лютый остановился, повернувшись ко мне и как всегда опустил свою голову, всматривался в мои глаза.

— Хватит уже мусолить эту тему. Перестань переживать. Сразу было понятно, что мы просто потеряем время впустую.

Странно, но в его пронзительных голубых глазах не было привычной колкости и холода. Наверное, именно поэтому я тихо выдохнула, заглядывая в его отрешенное красивое лицо:

— ...мы все умрем?...

Голубые глаза сверкнули, снова вбрав в себя весь лед и пронзительный холод этой жестокой белой страны. Беры не врут. И Лютый хмуро посмотрел на меня, выпрямляясь во весь свой огромный рост, сухо и холодно выдавив:

— Мы будем биться.

— Не думай об этом, девочка, — прошептал Север, чуть улыбаясь, вот только его руки напряглись, прижимая к груди сильнее, что было совершенно очевидно — все плохо. Он не говорил, что все будет хорошо. Не шутил и не пытался перевести разговор. Мой огромный сильный Бер просто шагал вперед за своим братом в крошечной тишине, когда даже Туман и Янтарь не могли выдавить из себя ни единой шутки.

А я не могла не думать... не было страха смерти. В конце — концов, я должна была умереть, еще как месяц назад от руки Лютого, когда Север был ранен из-за меня. Но сердце болело и ныло оттого, что я не хотела прощаться с теми, кого обрела так неожиданно и странно, но кто стал моей семьей...каждому из Беров хотелось бы сказать, как сильно я люблю их. Каждого в отдельности и всех вместе взятых. Они стали такими родными и необходимыми за это столь непродолжительное время, что хотелось кричать и просто выть на луну от жуткой несправедливости этого мира. Я стала частью семьи, которая должна была погибнуть....

Слезы снова висели на кончиках ресниц, и я старательно вытирала их, не желая тревожить своих Беров снова, когда на очередной льдине показалась огромная фигура. Одинокая и темная, словно сотканная из самой тьмы, и я бы испугалась, если бы не увидела очаровательную широкую улыбку Севера, отчего его белоснежные клыки сверкнули в свете восходящей луны.

— Вы раньше установленного времени, ребята.

Лишь услышав этот голос, который раздался в колком морозе, я заулыбалась тоже, радостно выдохнув:

— Сумрак!

Значит, Наставник Гризли был уже здесь?

Как и в прошлый раз, Сумрак был одет в обычную человеческую одежду — клетчатую рубашку с закатанными рукавами, потертые джинсы и ботинки, и лишь его огромный рост, сила и эти острые клыки выдавали в нем носителя единой чистой крови Беров.

Улыбаясь, я смотрела, как мои Беры подходят к нему, здороваясь по-медвежьи — обхватывая руки не ладонями, а в области локтя, и на несколько секунд прикасаясь лбами друг к другу.

— Кажется, все прошло не так гладко, как мы планировали? — кивнул Сумрак Лютому, проводя широкой большой ладонью по своим скулам, приглаживая аккуратную темную бороду с проблесками седины.

— А у кого-то была надежда на иной исход? — сухо поинтересовался Лютый, зашагав вперед, словно ответ его и не интересовал даже.

— Надежда есть всегда, — мягко улыбнулся Сумрак в широкую спину белокурого Бера. К счастью эта самая надежда все еще полыхала в его пронзительных серых глазах, даже не смотря на то, что исход битвы в тот момент, когда Ледяной отказался помочь, был явно не в нашу пользу.

— Как ты, дочка? — склонился мужчина надо мной, когда я неловко обняла его, все еще находясь в руках Севера, улыбнувшись:

— Хорошо...

— Точно? — черная широкая бровь Сумрака изогнулась.

— Ну....нет....

Бер рассмеялся, натянув на меня шапку поглубже, и приобнимая Севера большой крепкой рукой, поманил нас вперед за вышагивающим Лютым:

— Идемте, дети. Зоя уже вся извелась, пока вы дошли! Пироги стынут.

— Тетушка Зои здесь? — я радостно вытянулась в руках Севера, когда мужчины рассмеялись дружно и даже как-то облегченно, зашагав вперед гораздо быстрее, словно лишь в этот момент все учуяли аромат этих самых пирогов.

— И с мясом есть?

Низкий красивый голос Янтаря маячил за спиной Севера, как и сам огромный ясноглазый Бер.

— И с мясом, и с яблоками, и с....

Сумрак не успел договорить, потому что Туман и Ураган рванули вперед с такой скоростью, что за ними стоял столпом клубящийся снег и громогласное рычание Янтаря, убегающего следом:

— Прибью обоих!!!!!! Только троньте!!!!!!

Я лишь с улыбкой смотрела им вслед, с грустью и какой-то обреченностью, боясь подумать о завтрашнем дне, понимая лишь одно — эти медведи никогда не изменятся...и слава Богам!

Город оказался довольно большим, но мы не стали входить внутрь его...

Как пояснил Сумрак, здесь Беры никогда не выдавали себя, и жили много лет среди людей, не вызывая подозрений, а чистокровным не нужно было появляться, чтобы не испортить ситуации сверкая своими голыми торсами и особенно клыками.

На границе с лесом вдали от последнего милого домика было выстроено забавное строение — большое, деревянное и одноэтажное, уходящая вглубь леса. Огромное! С десятками комнат и двумя огромными общими кухнями. Своеобразное огромное общежитие для огромных Берсерков, которых здесь было, кажется, несколько сотен! В основном Гризли, которые пришли с Сумраком в полном составе, готовые к битве. И не одного Кадьяка....а так же немного Белых и Бурых среди тех, кто жил в этом городе. Когда-то они избрали жизнь вне леса, влюбляясь в человеческих женщин и уходя с ними сюда.

Они разительно отличались от моих братиков, выглядя более...цивилизованными. Все они были одеты, как и Сумрак, и вообще мало чем отличались от обычных людей, если бы не их габариты и огромная сила, скрытая за этим налетом человечности. Хотя, надо признаться, что они даже двигались иначе — спокойнее, аккуратнее, словно их непередаваемая сила не пыталась вырваться наружу, разрывая в клочья одежду.

В здании было уютно, тепло и вкусно пахло сушеной древесиной и домашней стряпней. И к огромному моему счастью, никто не ходил голым!..

— Дети мои! — из кухни вылетела тетушка Зои, раскинув объятая и стаскивая с меня меховую шапку, крепко обняла, окутав ароматом материнской любви и душистой стряпни, и обнимая ее крепко-крепко в ответ, я радостно визжала, когда поверх моих рук оплетались руки Севера, Янтаря и Тумана, которые без усилия приподнимали нас с тетушкой над деревянным полом.

— Не задушите, громилы! — раздался смешливый голос Сумрака, и Беры отступили назад, по — очереди обнимая ту, которая заменила им маму. Зная историю рождения Беров теперь, я понимала насколько действительно сложной и странной была их жизнь, и как же было важно иметь ту, которая любит всем сердцем, отдавая всю свою любовь, и, опускаясь на один из деревянных стульев, я снова была готова разрыдаться....

Господи, если ты есть на свете, ты не допустишь кровопролития....

Не отберешь у этой сильной, отважной и такой замечательной женщины ее детей, потому что она не заслужила этого! Потому что они заслуживали жить долго и счастливо! Потому что даже среди людей мало кто этого заслуживал....

Слезы предательски повисли на ресницах, пока я пыталась снова и снова собраться с духом, ведь каждый из Беров вел себя так, словно ничего не произошло, казалось, что одна я

схожу с ума от своих мыслей, путая себя и остальных.

— Крошка.... - синие бездонные глаза Севера тут же появились передо мной и его горячие ладони осторожно опустились на мои холодные щеки, когда Бер присел на корточки, все-равно даже в этом положении возвышаясь надо мной такой сильный и непобедимый, но такой родной и нежный, — не думай об этом, прошу...

И я кивала головой, закрывая глаза, потому что слезы никак не хотели проходить, и сердце ныло так сильно, что я готова была завывать как волк. Чтобы хоть как-то отвлечься, я прошептала, прижимаясь к большой ладони Севера мокрой щекой:

— ...Беры умеют выть?

— Выть? — недоуменно заулыбался Север, обнажая свои белоснежные клыки такой красивый и прям не по — медвежьему очаровательный.

— Если только от голода, — расхохотался за спиной брата Туман, который уже что-то активно жевал.

— Руки! — тут же хлопнула по бедру Бера тетушка, на что лицо Тумана удивленно вытянулось:

— Что?

— Мыл?...

— Ну....

— Быстро мыть!

— Ну что за детский сад, ей-богу...маааам!

— Быстро! Янтарь! Тебя это тоже касается!..

Я рассмеялась, когда Янтарь растопырил руки, словно он сдается, при этом быстро нагнувшись над тарелкой, и хватая горячие пирожки ртом, слыша гогот Севера и Сумрака:

— Впылесосил, как хомяк семечки!

Я и не думала, что могла скучать по цивилизации до тех пор, пока не попала в ванну! Самую что ни на есть настоящую, с горячей водой и паром, который капельками собирался на деревянных стенах, пропитанных прозрачным лаком. Вот без чего сложно представить себе счастливую жизнь...не то, чтобы я была против купания в ледяных ручьях, когда твои пальцы скручиваются под невообразимым углом и синеют губы...или озерах, где страшно ступить на скользкое дно, не опасаясь быть покусанной внизу любопытными рыбками, а сверху вечно голодным роем кровососущих...но ванна — это был определенно самый настоящий Рай! И я отмокала в этом блаженном раю до тех пор, пока в дверь не стал скрестись Север, озадаченный тем, что можно здесь делать так долго.

— Мия, с тобой все в порядке? Мы ждем тебя на ужин...

— Уже иду!..

А еще настоящим Раем было вот так сидеть всем вместе за одним столом, смеясь до слез от рассказов Сумрака про нашествие ос пару лет назад, и покусанных Гризли, и слушая бурчание Янтаря, который никак не мог поделить еду с вечно голодным Туманом. И я искренне наслаждалась каждой минутой этого волшебного времени, впитывая в себя улыбки и смех Беров, пытаюсь запомнить каждую черточку их красивых лиц и ярких глаз, отгоняя от себя мысли, что это может быть в последний раз...Сами Беры вели себя совершенно спокойно, словно ничего страшного не намечалось и все это великое сборище огромных мужчин в одном месте словно было привычным делом.

Только все рассеялось в тот миг, когда мы с тетушкой Зои отправились мыть гору посуды, оставив наших сытых и довольных Беров наедине, в другой части большой комнаты,

отведенной под кухню и столовую. Иногда тебе и не нужен слух Беров, чтобы услышать и понять...мои уши словно превратились в локаторы, улавливающие каждый звук, помимо шумящей из крана воды, когда мужчины принялись приглушенно переговариваться, хмурясь и, наконец, показав свои истинные чувства.

— Расклад такой. У нас есть почти 400 Гризли, плюс около 80 Беров, проживающих в городе, которые согласны нам помочь. Мы принесли с собой кое-какое оружие и защиту, которую можно использовать первое время, — говорил приглушенно Сумрак, подавшись вперед и опираясь своими мощными руками о край стола, огромный и спокойный, явно знающий толк в сражениях, — те, кто будет на передовой, и встретит основной удар Кадыяков, мы снабдим особыми браслетами и ошейниками с металлическими шипами, чтобы не дать сразу перегрызть глотку или сломать лапы...

— Бояться нужно не клыков, а когтей, — тихо и тяжело выдохнул Север, откидываясь назад на стуле, — Кадыяки не выйдут за пределы своих земель без парализующего яда.

Беры нахмурились, переглянувшись.

— А противоядие есть?..

Север лишь дернул плечом, устало почесав свою щетинистую широкую скулу.

— Не слышал о таком...

— Но мама же как-то вылечила тебя? — Туман подался вперед, положив массивную широкую ладонь на огромное мускулистое плечо Севера и заглядывая с синие глаза своего брата.

— Кадыяки едят эту ядовитую траву маленькими дозами почти с младенчества, чтобы яд всегда был в крови и не смог подействовать на нас в той мере, в которой действует на других. Это спало меня от смерти... но вряд ли сможет помочь вам...да и не растет она в этих краях, Туман.

Сумрак снова задумчиво пригладил свою аккуратную бороду, кивнув каким-то собственным мыслям:

— Зои что-то дала тебе, чтобы вывести излишки яда?

— Да.

— Жуткая штука, жуткая, — Янтаря всего передернуло при одном воспоминании о том, как он решил попробовать тот волшебный чаек, которым отпаивали Севера после ранения в доме тетушки Зои.

— Тогда попросим Зою приготовить ее для всех парней, пусть пьют эти дни до сражения...

— Да они сбегут сразу же, как попробуют!

— Значит, будем насильно держать и поить, — сверкнули холодные непреклонные голубые глаза Лютого, и светлые брови Бера сошлись на переносице, когда Янтарь не удержавшись, лукаво хохотнул:

— И сам пить будешь?

Только Лютый никак не поддерживал веселья, взглянув на брата резко и недовольно, что Янтарь виновато улыбнулся, подняв ладони вверх в знак того, что сдается.

— Сколько чистокровных? — перевел свой пронзительный холодный взгляд на Сумрака Лютый.

— Около сотни...

Судя по тому, как переглянулись Лютый и Север, вмиг нахмурившись, это было катастрофически мало.

— И всего трое с единой кровью?

— Четверо, — Сумрак отчего то опустил глаза, принявшись рассматривать стол.

— Кто четвертый?

— Мой брат...он обосновал этот город много лет назад и был первым из рода Гризли, кто переступил закон, влюбившись в человека и посвятив свою жизнь ей одной...я не смог убить его, как того требовали наши законы.

Я даже не заметила, как убрала подальше тарелку из рук, боясь случайно уронить, выключая воду. Беры не заметили этого, продолжая хмуриться и приглушенно переговариваться.

— Сколько Кадьяков может прийти к нам? — Лютый повернулся к Северу, глядя на брата пронзительно и напряженно, и внутри меня свернулся удушливый комок наступающей беды, потому что Север буквально изменился в лице, чуть поморщившись, словно его слова причиняли ему боль:

— ...около 400...и это с учетом того, что пара десятков могла остаться на своей территории для защиты...

После этих слов изменились в лице все, кто находился за столом...даже включая вечно позитивного Янтаря, который нахмурился так сильно, что его резко очерченные брови сошлись на переносице, когда Бер пророкотал своим раскатистым низким басом:

— Четыреста чистокровных головорезов, помешанных на мести и крови, которые всю свою жизнь с рождения только и знали, что тренировались и грызли друг друга?...

— ...боюсь, что так, — от тяжелого вздоха Севера и его растерянного взгляда, который тут же был спрятан за пеленой его черных длинных ресниц, мои ноги подкосились. И я упала бы на пол, если бы не прохладные крепкие и такие миниатюрные руки тетюшки Зои, которые обхватили меня, прижимая крепко к себе.

— ...это просто самоубийство...

Туман откинулся назад на стуле, убирая за плечи свои иссенья-черные волосы:

— У нас нет численного преимущества....а на одного чистокровного Бера нужно как минимум два обычных, чтобы была хоть какая-то возможность победить...

От резкого колкого взгляда Лютого, который он бросил на Тумана, казалось, можно сразу же умереть, словно от лезвия заточенного кинжала, и Бер сконфуженно замолчал, опуская свои необычные зеленые глаза в пол.

— Пусть нет преимущества. Возьмем реванш хитростью и тактикой боя, — от спокойного твердого голоса Сумрака и его ауры совершенного и абсолютного добра и веры, даже обстановка у стола изменилась, когда Беры перевели все взгляды на него, прислушиваясь к тому, кто понимал в сражениях явно больше всех Беров вместе взятых...а я не могла отвести своих глаз от Янтаря, начиная дрожать, погибая внутри.

Из всех братьев мне казалось, что я знала его лучше других...даже лучше своего Севера.

С самого начала он был всегда рядом. Всегда помогал. Всегда защищал. Всегда верил в то, что все у нашей семьи будет хорошо. И вот теперь я буквально кожей чувствовала его настрой...и он мне не нравился. Он меня пугал до морозных чертиков! Даже больше, чем может испугать ледяная ярость Лютого. Взгляд моего брата изменился став почти стальным...и эта уверенность убивала меня.

— ...не смей.... - прошептала я, едва дыша и дрожа в руках тетюшки, которая лишь сжала меня сильнее, словно боясь, что я смогу вырваться и помешать мужчинам, глядя прямо в эти удивительные глаза света душистого меда, прогретого осенними солнечными

лучами, взгляд которых остановился на мне. Темные брови Янтаря чуть изогнулись, перестав хмуриться, и губы дрогнули в улыбке, только я была готова разрыдаться...

Он не отступит. Янтарь все решил для себя и пойдет до конца, даже если я сейчас лягу на полу и скажу, что он пройдет только через мой труп. Предположим, что Север не даст этому случиться, но сможет ли он остановить брата...захочет ли...

— Янтарь, не смей....

Только Бер улыбнулся кончиками губ, повернувшись к Лютому, и проговорив осторожно и как никогда раньше серьезно:

— Я вернусь на наши земли и постараюсь отыскать свой род...

Все Беры замолчали, напряженно уставившись на Янтаря, глаза которого сияли непреклонностью и его удивительным солнечным теплом.

— Не верю, что Кадьяки смогли уничтожить всех Бурых Беров до одного. А тот, кто остался жив, захочет отомстить за смерть своих близких. Я найду их и приведу сюда... — Янтарь перевел свой взгляд на хмурящегося Севера, — когда Кадьяки доберутся до города?..

Медленно моргнув, Север погрузился в себя. Словно прислушивался внутри к каким-то неведомым процессам, сосредоточенно глядя в одну точку, прежде чем приглушенно выдохнул:

— Максимум 4 дня...

— Я успею вернуться.

— ... отпустишь его? — дрожащими губами прошептала я, уже завалившись, если бы не миниатюрные, но такие крепкие руки тетушки Зои, глядя на Лютого, который не стал смотреть на меня, но чуть повернул голову в нашу сторону, давая понять, что услышал каждое слово, как бы тихо я не говорила.

— Не могу держать насильно, Мия.

Станным было слышать, что Лютый обращается ко мне по имени и едва ли не впервые за время нашего с ним знакомства его голос не был насмешливым, холодным и отрешенным, отчего я испугалась лишь еще сильнее, видя, как Север повернулся ко мне, исследуя тревожными глазами. И, да, истерика была слишком близко, чтобы Беры могли ее не почувствовать.

Должно быть, поэтому Янтарь плавно поднялся со своего места, прошагав до меня и, улыбаясь тепло и так по родному, обнял меня поверх рук тетушки Зои, прижимая к своей широкой горячей груди, к которой я припала так, словно хотела стать ее частью и никогда не отлипнуть.

— Успокойся, сестренка. Не паникуй. Все просто. Мне нужно 1,5 дня, чтобы добраться до нашего леса и столько же времени, на обратную дорогу. Мне хватит пары часов, чтобы прошерстить наши земли в поисках тех, кто остался жив, потому что я не верю, что погибли все...

Горячие большие руки осторожно прижимали меня, поглаживая по спине и словно укачивая, только я все-равно не могла успокоиться, всхлипнув в обнаженную грудь брата:

— Везде Кадьяки. Злые. Чистокровные и кровожадные...

От приглушенного смеха Янтаря на затылке стало жарко, когда Бер, улыбаясь, пробасил:

— Я не собираюсь с ними драться. Я иду на поиски своего уцелевшего рода, девочка. Наши земли Кадьяки прошли самыми первыми, и вряд ли оставили после себя существенные силы. Основная их боевая часть сейчас пересекает земли Грizzlies, а затем придет сюда, так

что я даже нигде не смогу с ними встретиться по дороге.

Он говорил так сладко и складно, что из его слов получалось, что опасности не было совершенно никакой...только почему братья хмурились и не выглядели такими расслабленными?

— Не отпускай его, — в последней умирающей надежде сквозь мокрые от слез ресницы, я смотрела в голубые глаза Лютого, понимая, что даже он не сможет уже ничего поделывать против решения Янтара, и, видя, как Бер поджал свои губы, словно в ту секунду разрывался между двумя вариантами, я понимала, что проиграла.

— Что мне сделать, Мия? Приковать наручниками к батарее? Его этим не удержать...

— Да и батареей здесь нет, — усмехнулся Янтарь, и его большие ладони легли на мои плечи, чуть сжимая, когда янтарные солнечные глаза оказались прямо напротив моего лица, оттого что Бер пригнулся, мягко улыбаясь, — не волнуйся, сестричка. Чем быстрее я уйду, тем быстрее вернусь. Ничего страшного не случится, вот увидишь.

— Янтарь...если с тобой что-нибудь случится, я тебя сама убью, — снова всхлипнула я, даже если слышала его приглушенный смех, не в силах в этот момент совладать с собой и своими эмоциями.

Я была раздавлена. Просто уничтожена последними событиями и тем, что у нас совершенно не было надежды на положительный исход войны, даже если Сумрак был уверен в обратном.

В полной тоске я смотрела, как Янтарь быстро попрощался с братьями и тетушкой Зои, скрывшись в темноте зимней ночи, подмигнув напоследок своим ярким взглядом.

— Мам, вам бы передохнуть с Мией, — осторожно улыбнулся Туман, приобнимая нас и явно стараясь как можно быстрее выпроводить из кухни, чтобы мы меньше знали и лучше спали. И я была настолько обессилена своим горем и чувством полной беспомощности, что поплелась в комнату, отведенную мне и Северу, даже не пискнув ничего в свою защиту, чем, кажется, жутко удивила Лютого.

Я не запоминала, куда иду, наверное, даже не понимая, для чего иду, когда оказалась наедине со своими страшными мыслями в небольшой комнате, предназначенной явно для одного большого Бера. Здесь так же вкусно пахло сухими досками и смолой, и было даже по своему уютно с маленьким ночником на подоконнике, кроватью и небольшим комодом. С ума сойти — кровать! Настоящая, удобная кровать, даже с матрасом и двумя подушками, заправленная чистым бельем! Стоило провести в обществе Беров чуть больше месяца на лесных просторах и обычная кровать становилась чем-то совершенно сказочным и нереальным, словно я никогда раньше на ней и не спала, и все, что мне было нужно — это горячий бок моего огромного мужа и оглушительный храп моих медвежьих братьев, отпугивающий ночных бабаек.

Боже...мысли носились роем бешенных пчел, собравших очумелый нектар как минимум с конопли!

Мысли наскакивали друг на друга, кружа и сталкиваясь льдинами, когда я, то начинала тихо подвывать, глотая слезы в мыслях о Янтаре, который в эту секунду был уже далеко от нас, и мне оставалось только верить и надеется в том, что с ним на самом деле ничего не случится. То замирала, едва дыша, давясь крокодильими слезами при мысли о Свирепом, его отце и о том, что мы могли бы спастись и выжить, если бы Ледяной позволил своим Берам помочь...ведь они хотели этого, но не смели перечить своему королю.

Но громче всего звучал голос Ледяного, который раз за разом повторял одно и то же,

как заезженная пластинка: «Кадьяки страшный народ. Запомни одно — не попадайся им даже близко. Учувяв то, что ты принадлежишь Северу они не оставят тебя в живых. Ты — проклятье рода Севера, которая очернит его чистую кровь, и королевский род Кадьяков закончится, больше не возродившись...»

Проклятье рода Севера...

Я — его проклятье, из-за которого род Кадьяков потеряет последнего Бера, наделенного единой чистой кровью. Эти слова звучали так громко в моей голове, перемешиваясь с частым дыханием и стуком сердца, и голова гудела и трещала по швам настолько сильно, что я даже не услышала в какой именно момент в комнате появился Север, вздрогнув, когда его родной аромат окутал мое тело и горячие руки обвилились вокруг, притягивая к себе.

Осознание близкой неминуемой разлуки и ужасной боли от потери, открывала глаза за многое...

Особенно на силу твоих истинных чувств, когда сердце разрывалось на части от желания любить, утопая в этом опьяняющем чувстве, которое становилось просто невыносимыми от осознания того, каким коротким был наш век, разделенный на двоих...

Я его так любила, что не хотела жить, зная, что он может погибнуть в битве, бросая себя на защиту остальных Беров, как один из четырех самых сильных. Эту силу давала его кровь... кровь, которую я уничтожала собственной любовью, не давая ей шанса выжить и возродиться в новом Бере...

Кажется, Север что-то приглушенно говорил, пока его ладони гладили мое лицо, и мощная грудь прижималась к моей скованной спине, когда Бер замер, тревожно выдохнув, и разворачивая меня на спину, чтобы нависнуть сверху, заглядывая в глаза тревожно и растерянно:

— Девочка моя, что происходит?...

Если бы я только могла это сама понять и объяснить! Хотелось обхватить его своими руками за бесконечно широкие плечи и никогда больше не отпускать, даже если мне придется привязать его к себе веревками и цепями. Я хотела жить и умереть рядом с ним, чтобы наши души ушли в один миг, взявшись за руки...и с такой же силой хотелось просто убежать...бежать по заснеженному холодному лесу, замерзая и отдаваясь на волю лютomu морозу, чтобы Север мог продолжать жить...чтобы смог исполнить свой долг перед родом....

— Мия... — горячее сладкое дыхание Севера коснулось моих губ, когда я дернулась, закрывая глаза, чтобы не разрыдаться снова, видя его тревожный глубокий синий взгляд, в котором таили все мои мысли, оставляя лишь полыхающую боль и обжигающую любовь.

— Я не понимаю.... - горячие губы осторожно и совсем едва-едва коснулись моих, сжатых и дрожащих, — ты не боишься... не злишься...что происходит с тобой, девочка? Поговори со мной...

Только я не могла выдавить из себя ни единого звука, боясь просто закричать от отчаянья и того, как я запуталась в себе и собственных мыслях, чувствуя, как напряглось надо мной большое, дышащее жаром тело Севера.

— Мия.... - еще больше легких, осторожных поцелуев и этот глубокий растерянный голос, когда даже мои мурашки ныли и рыдали в обнимку, сморкаясь в свои малюсенькие платочки. А я ничего не могла сказать...ничего не могла объяснить, чувствуя, как начинаю тонуть в этой черной боли, задыхаясь и теряя контроль надо собой, когда упиралась ладонями в горячий стальной пресс Севера, отодвигая его от себя и неловко сползая с

кровати, чтобы убежать...

Мне нужен был поток морозного кусающего воздуха, который превратит мои слезы в кристаллики льда, и выветрит все мысли из головы, оставив лишь ледяные разводы и чувство полной опустошенности.

Я неслась по коридору, не совсем осознавая, куда я бегу, и в какой стороне выход на улицу, не задумываясь в тот момент, что неплохо было бы накинуть на себя как минимум пуховик, чтобы не обморозится в первые же секунды пребывания ночью в пределах безжалостной холодной Арктики, когда вскрикнула, потому что большая ладонь поймала меня буквально налету, затащив в темное помещение почти за шкурку, как вредного котика, и холодный насмешливый голос, мягко и как всегда колко поинтересовался:

— Не поздновато ли для прогулок?...

В помещении зажегся свет и пронзительные голубые глаза уставились на меня с высоты огромного роста Лютого, когда мужчина вынужден был, как всегда, склонить шею, чтобы смотреть на меня, заканчивающуюся где-то на уровне его пресса. Его глаза рассматривали меня хмуро и немного удивленно, пока Бер не выдохнул тяжелое и сухое: «Поняяаяаяятно...», усадив меня на стул и зашагав в другую часть комнаты, оказавшейся снова кухней.

— Если дернешься на этом стуле и попытаешься сбежать, я тебя привяжу к кровати. Северу понравится, а вот тебе едва ли.

Казалось, что у меня не было сил даже на простой ответ из нескольких слов, когда я сидела на стуле, рассеянно наблюдая, как Лютый что-то делает у плиты, отчего на его спине то и дело плавно двигались упругие выпуклые мышцы, больше не оборачиваясь ко мне и вздрогнув, когда снова услышала его голос:

— Север. Выйди из кухни. Я разберусь.

Приподняв голову, я увидела своего мужа бледного и растерянного, словно он не решался войти в кухню, оставляясь за порогом, и глядя на меня своими удивительно красивыми и такими ярким синими глазами умоляюще и потерянно, что сердце сжалось еще сильнее, отбирая последние крохи кислорода.

— ...но...

— Иди, брат, иди. В тетрис поиграй, овечек посчитай. Не маячь только перед глазами. Я приведу ее сам, когда мы закончим...

Звучало это весьма угрожающе, и я в последний момент умоляюще изогнула брови, чтобы остановить Севера и сказать ему забрать меня с собой, только он пристально всматривался в спину Лютого, очевидно принюхиваясь, когда неожиданно кивнул головой и просто ушел...

Вот те раз...

Левый глаз предательски дернулся, когда Север покорно оставил меня наедине с Лютым, даже не оглянувшись, отчего вмиг стало не по себе.

Но когда передо мной оказалась большая кружка с горячим шоколадом, приготовленным Лютым, которую он аккуратно поставил мне, опускаясь на стул рядом, дернулся и глаз правый так, что я едва не икнула.

Это что происходит?!

— Тебе говорили, что ты вредная? — белокурый Бер смотрел на меня лукаво, но вместе с тем и явно не слишком весело, когда я лишь отрицательно покачала головой, пока что все еще пребывая в немом шоке.

— А что ты глупая? — на очередной отрицательный кивок, Лютый криво усмехнулся, — Люди! Чему тут удивляться? Ни нюха, ни интуиции, ни мозгов. Пей свой шоколад, обдумай все то, что происходит в твоей голове и скажи все это мне...выспаться все-равно не получится, потому что ты расстроила моего брата так, что от его тоски у меня зубы сводит даже на расстоянии.

Покосившись на то, что я продолжаю заморожено сидеть, глядя огромными глазами на кружку, Лютый приглушенно рыкнул:

— Пей сказал!..

И я пила. Обжигалась, но пила, чтобы скрыть свою икоту и шок. И не получить оплеуху по затылку, которая мне вмиг организует не просто сотрясение мозга, но и полное раскрошение черепа.

— Что не так, Мия? — тихо проговорил Лютый спустя какое-то время, глядя на меня и почти не моргая.

— Очень вкусно...мне нравится...

— Я не про шоколад. Что с тобой происходит? Откуда эта паника и саморазрушение?...

Глаза Лютого смотрели пристально и пронзительно, но не насмехаясь и не пытаясь ранить, отчего я только растерялась еще сильнее, слыша его тяжелый вздох:

— Слушай, я понимаю, что собеседник из меня паршивый, так как я не любитель говорить в принципе. Но я могу выслушать и попытаться помочь распутать то, что ты сама не можешь.

Я не смогу...не получится...это было что-то такое слишком болезненное и глубокое, что вряд ли я смогу показать это все миру...да, мне нужен лед. Нужен холод, чтобы прийти в себя, но не такой...лютый?

Я едва не выронила кружку прямо на широченную грудь Лютого, когда он неожиданно пододвинулся, в секунду усадив меня на свои колени и обхватив одной рукой за талию, не пытаясь прижать мою напряженную спину к его груди.

— Шок? — усмехнулся он где-то над моим ухом.

— Угу...

— Отлично! То, что нужно для начала!..Дышать не забывай.

Точно! Я сделала шумный выдох, отчего Лютый вдруг легко рассмеялся.

ШОООООК!!!!!! Я вдруг поняла, что никогда не слышала его смеха! Более того, я не могла вспомнить даже момента, когда бы он улыбался! У него был приятный смех — мягкий, словно пушистый снег, который лежит ровным покровом на спящей земле, переливаясь, словно волшебные блестки в свете луны. Не такой низкий и рокошущий, как у Янтара. Не такой бархатный и обволакивающий, как у Севера. Невероятный! Он был просто невероятный!

— И кружку поставь, пока сама не обожглась и меня не ошпарила.

Лютый снова хохотнул, когда я сделала это в ту же секунду, совершенно не задумываясь.

— Всегда бы ты так слушалась. Проблем бы было меньше сейчас.

— Прости...

— Ладно. Не об этом речь сейчас, принцесса лесов.

Странно, но сидя на длиннющих ногах Лютого и ощущая его морозный аромат, я не чувствовала себя скованной. Моя семья. Моя поддержка. Мои медведи. Даже он. Ворчливый, холодный, отрешенный, вечно недовольный...но с розовым пузиком. Как тот морозный ежик.

— Любишь Севера...

Внутри задрожало все...даже напряженный копчик на коленке Лютого и наглые мурашки, стали радостно выползать из всех мест, даже труднодоступных, чтобы раздеться и с визгом забегать по коже, размахивая своими трусиками, спотыкаясь, когда понимали, что рядом не Север, а Лютый. Ну хоть с визгом не убежали и то ладно....

— Люблю...

— Я не спрашивал вообще-то. Это и без тебя видно. От ваших феромонов даже у Урагана каменный стояк круглосуточно... — на моё хихиканье и покрасневшие щеки, Лютый усмехнулся, продолжив, — а теперь вопрос на засыпку: если любишь, зачем сегодня убежала? Что в твоей голове опять творится, девчонка?....

Мурашки испарились, будто их никогда и не было, и к горлу снова стал подбираться колючий ком.

— ...я проклятье рода Севера...его кровь уникальная...а я...со мной она... пропадет.

Рука Лютого обняла меня сильнее, но Бер почему-то усмехнулся:

— Кто тебе такое сказал? Чистая кровь Бера не молоко, которое может пропасть, девочка...

Хотелось ущипнуть его! Я с таким трудом пыталась рассказать, а он совершенно не понимал, не чувствовал мою боль...

— Лютый...

— Не понимаю, в чем проблема.

— Не понимаешь?!..

— Нет. Ты в принципе не способна выносить Бера. Ты мелкая, хрупкая. Ребенок тебя изнутри порвет, потому что будет сильнее тебя даже в утробе. Север никогда не допустит, чтобы такое случилось, ты жизнь его.

Ой...так а мы же уже.... «пометились» и весьма конкретно!

— Лютый....а что если я уже?!.. — судорожно и смущенно пискнула я, отчего вцепившись в его руку.

Очередной смешок за моим затылком был весьма красноречивым и говорил, кажется, что можно было расслабиться?

— Нет, Мия.

— Может тесты сделать?

— Не глупи, во-первых я бы почувствовал. Я и все остальные Беры. А во-вторых, разве в дикой природе медведи...ээээ — Лютый почесал свою щетинистую щеку на секунду призадумавшись, -.....находят себе пару круглогодично, когда им вздумается?...

Таааак, уроки биологии пошли.

— Ну...нет. Только в определенный период года...

— Да. Вот и от Бера ты можешь забеременеть только в определенный период года, а не постоянно. А это период еще не наступил.

Лаааадно, хотя бы об этом не беспокоиться.... Пока что. Думать про беременность и прочие прелести вынашивания больших и сильных берчиков можно и попозже, а вот...

— Но, Лютый.... Кровь Севера...

— Уникальная, я помню. Но разве сумасшедший старик не рассказал тебе о том, как рождаются истинные Беры? Чистокровные. Чтобы сила крови сохранилась.

— Медведицы...

В голове щелкнуло еще до того, как Лютый вдруг ущипнул меня за щеку:

— И? Проблема в чем? Будешь ревновать к медведице? Считать ее любовницей своего мужа? Думаешь, Север будет бегать к ней ночами с ромашками и мед носить?... Поймает, когда надо...ээээ...ну вообще Бера заделает, потом подождете и будет вам сын. Ваш. Родной. Маленький. Будете воспитывать и не вспоминать больше про медведицу. Ты будешь живая и здоровая. Север довольный и спокойный. А ваш малыш большой и здоровый...так в чем проблема?...

Кажется, я так долго удивленно моргала, пытаюсь осмыслить то, что только что сказал Лютый, что Бер заглянул в мое лицо через плечо, снова усмехнувшись:

— Опять шок? — на мой очередной энергичный кивок, Лютый пошевелился, добавив, — ну хоть успокоилась?

— Да — чувствуя, что он прислушивается ко мне, явно пытаюсь своим острым нюхом определить говорю ли я правду или нет, Бер наконец удовлетворенно кивнул головой, подталкивая меня со своих колен, и осторожно поставив на ноги.

— А теперь иди к своему мужи и спи. Мия! СПИ! Успеете потом еще активнее пообщаться, у вас впереди много дней и ночей друг для друга, а сегодня давайте просто все поспим!

На мое смущение и покрасневшие щеки Лютый лишь сокрушенно покачал головой, поднявшись со своего места, чтобы унести пустую кружку в раковину, а я была до сих пор в немом шоке, пытаюсь собраться с мыслями, чтобы осторожно выдавить, улыбаясь:

— Лютый, это сейчас что было? Метеорит где-то упал или ледники стали неожиданно таять?...

Если бы еще пару дней назад мне кто-нибудь сказал, что я буду вот так запросто сидеть с Лютым. На кухне. На его коленях! Разговаривая по душам!! Я бы отправила этого человека самой короткой дорогой до психиатра за справкой о вменяемости. И вот я была с самым холодным и замкнутым Бером наедине, на кухне, при этом не испытывая страха, совершенно окрыленная и успокоенная его морозным присутствием рядом.

Куда катится мир? Я не содрогнулась и не испугалась, даже когда от моих слов спина белокурого Бера заметно напряглась, и он на секунду застыл у раковины, прежде чем повернуться, глядя на меня пронзительно...но спокойно.

— Ты вредная, шумная, плаксивая, мелкая, глупая, проблемная. Одним словом ты — человек...

Вот уж воистину миленькое начало! Наверное, не стоило мне говорить вслух то, что было в голове, и я поморщилась, опуская глаза в пол, потому что понимала, что в эту секунду перешла ту невидимую границу, которая, наверное, никогда не сможет стереться полностью, даже не смотря на сегодняшний странный разговор с Лютым. Только Бер хмыкнул, продолжив:

— ... а еще ты смелая, безрассудная и искренняя. Ты часть нашей семьи, Мия. Я давно понял это...но считай, что смог признать и понять это лишь сейчас.

Сердце дрогнуло от радости, какого-то совершенно щенячьего восторга и целым океаном тепла, словно и правда весь лед Арктики неожиданно растаял, окружив меня невероятным умилением и душевностью, отчего слезы снова выступили на глазах.

Нет...все-таки тесты нужно сделать...вроде все беременные такие излишне эмоциональные?...

— Стоп! Никаких...

Но было поздно, и я ломанулась к Лютому, мельком заметив, как он устало закатил

глаза, тяжело выдохнув, когда я повисла на его шее, крепко обнимая и вдыхая в себя морозный аромат ледяного океана. Я не ожидала, что он наклонится, чтобы я смогла достать до него и того, что горячие ладони Бера осторожно лягут на мою спину.

— Я же говорил, что не люблю обниматься, — сухо выдавил Лютый, однако даже не шевельнулся, фыркнув когда я с улыбкой проговорила, уткнувшись в его мощное плечо:

— Придется привыкнуть!

— Ладно... только установим лимит — не больше одного обнимания за сутки! Мия, у меня шея затекла!...

И я рассмеялась. Абсолютно спокойная и совершенно счастливая. Отбросившая на эту волшебную и такую неожиданную ночь мысли о неминуемой битве, умиротворенная тем, что теперь все мои мысли были разложены по полочкам и придавлены тонной льда логики Лютого. Все было просто идеально и для полного счастья не хватало лишь одного — моего Севера рядом!..

Убрав руки от Лютого и прошептав ему самое искреннее и душевное «Спасибо», я шла за огромным Бером, который проводил до нашей с Севером спальни, грозно изогнув на прощанье светлую бровь:

— Ты помнишь, о чем мы договорились? Сегодня вы спите, как ангелы — тихо и незаметно!

С улыбкой кивнув, и пожелав доброй ночи, я скользнула внутрь комнаты, тут же увидев Севера, одиноко сидящего на краю подоконника. Огромного сильного воина, чьи яркие синие глаза смотрели так потерянно и грустно, что сердце дрогнуло и раскрыло свои объятия, давая почувствовать, что мой настрой изменился и все в порядке.

— Мия? — чувственные губы Севера изогнулись в красивой, чуть удивленной улыбке, когда огромный Бер опустил ноги на пол, повернувшись ко мне всем своим мощным корпусом и на секунду замерев, словно прислушивался к тому, что происходит внутри меня. А в нутрии меня была лишь огромная любовь! Любовь, пылающая и принадлежащая ему без остатка!

Широкая улыбка, обнажившая острые клыки моего могучего Бера была такой очаровательной и счастливой, что я рассмеялась, утопая в его жарких объятиях, когда Север кинулся ко мне, обхватывая сильными руками и приподнимая над полом так, что мне пришлось обвить его торс ногами, снова повиснув на нем в позе маленькой бешеной обезьянки. Мой огромный, красивый, сильный Берсерк. Моя жизнь.

Чувствуя его горячие жадные губы, которые тут же проделали дорожку от шеи до уха, осторожно прикусив, отчего надоедливые мурашки с визгами высыпали на мою кожу, принявшись танцевать. Ламбаду. Обнаженными. Я пыталась не потерять себя в этой страсти и этом жаре, забываясь сразу же, опьяненная самым невероятным ароматом, в котором заключалось все то, что я так любила — лес, ночь и свежесть, пытаюсь донести до моего разгоряченного мужа, что сегодня у нас временные выходные в плане освежения моей метки.

— Север...Север...

Я пыталась хотя бы дышать в небольших промежутках, между горячими поцелуями, которые становились все более ненасытными и горячими, когда Бер, успел уложить меня на кровать, тут же нависнув сверху и не отпуская моих ног, которые продолжали обвиваться вокруг его стального пресса, и застонала, когда его ладонь скользнула под мои ягодицы, сжимая и заставляя раскрываться ему на встречу. Хитрые мурашки бегали, словно

сумасшедшие, кажется, пытаясь пробраться к губам, чтобы я онемела, молчала и не смела останавливать то, что так хотело мое тело. Душа. И разум.

Последние крупинки сознания смешивались в лаве эмоций, которые горели и пылали от каждого прикосновения Севера и этого мощного тела, которое вдавливало меня в матрас, не в силах сдержаться.

— Север, не надо...

Я упиралась ладонями в его пресс, чувствуя, как он подрагивает под моими руками, понимая, что Север уже увлекся настолько, что едва ли слышит мои ничтожные попытки остановить то, что я сама хотела.

— Нельзя!..

В этот раз получилось немного громче и вроде даже чуточку увереннее, вот только тело продолжало наливаться сладостной негой, требуя разрядки и фейерверка с полным крышесношением, и я не могла оторвать своих рук от горячей ароматной кожи Бера, даже когда он приподнял голову, облизнув свои влажные от поцелуя губы и пытаясь понять, что я там под ним пишу. В его синих глазах полыхало самое настоящее пламя, отчего зрачок походил на черную дыру, а яркая синяя радужка светилась с такой силой, что даже ночник на подоконнике скромно жался в сторонке.

— Нельзя? — хрипло выдохнул Север, не сдвинувшись с меня, лишь упираясь мощными руками по обе стороны от моей головы. Он словно пытался сосредоточиться на этом слове, совершенно не понимая его значения, даже когда я замотала головой, жестом показывая, что нет.

— Почему? Что-то случилось?

Север напрягся, и его черные брови нахмурились, пока он внимательно прислушивался ко мне, чего, кажется, делать совершенно не стоило, потому что тело вопило во все горло, чтобы он продолжал и не смел останавливаться. Проблема в том, что и разум подвывал о том же, поэтому испугавшись того, что все было против меня, я быстро выпалила:

— Я Лютому пообещала, что сегодня мы будем просто спать!

Черные брови резко взметнулись вверх, когда Север выдавил:

— Ты серьезно?

— Да.

— Ты уверена, что нам надо остановиться?....

АУЧ! Мурашки принялись бегать еще сильнее, буквально рисуя на моей коже жирное и большое «НЕТ», вот только я же пообещала. Поэтому тяжело сглотнув и собравшись с последними крохами своей выдержки, я выдохнула предательски хрипло, и явно дрожа:

— Да....

Бер снова не шелохнулся, и в его синих глазах было полное и абсолютное и лукавое осознание того, что я говорю совершенную ложь, которую он, конечно же, чувствует. Я ждала, что сейчас он промурлыкает в свойственной только ему бархатной и сладкой манере свое коронное и такое желанное: «Ллооооооожь», и мы начнем с того, на чем остановились, только Север, отрывисто кивнул, сползая с кровати, отчего матрас подо мной прогнулся, опускаясь почти до самого пола.

— Хорошо, девочка, как скажешь...только теперь мне придется спать на полу, чтобы мы выполнили обещание, данное тобой Лютому.

Огромное тело тут же исчезло из поля моего зрения, когда Север вытянулся возле кровати на полу, а я на секунду закрыла глаза, пытаясь не уползти к нему и заставляя себя

успокоиться, зашипев то, что часто слышала от Беров, как их мелодичное медвежье ругательство, и вздрогнув от хохота Севера.

— Я это вслух сказала?...

— Да, крошка. Спи...

Ох уж этот Лютый! Свернувшись вокруг подушки и запихав между ног одеяло, я все-таки провалилась в сон, окруженная родным ароматом своего Бера.

Следующее утро выдалось ясным и морозным, когда я проснулась, ежась от прохлады в комнате, укутанная в одеяло, словно в кокон. Севера в комнате уже не было, и, ощущая от этого пустоту и тревогу, я тут же поднялась, чтобы содрогаясь от морозца, быстро умыться и выйти из комнаты в поисках своего мужа.

Сложно было определить, сколько было времени, но общежитие Беров уже гудело, словно улей.

Огромные полуобнаженные мужчины деловито шныряли туда-сюда, переговариваясь и здороваясь со мной, пока я пробиралась вперед по деревянным коридорам в поисках своих братьев, которые оказались в полном составе как всегда на кухне. И отсутствие за столом Янтаря снова больно кольнуло внутри, заставляя содрогнуться.

— Иди к нам, крошка, — Север поднялся из-за стола, мягко улыбаясь мне и сверкая жадными синими глазами, когда я покосилась на Лютого:

— Выспался, надеюсь?

— Вашими стараниями, Мия, — тут же лукаво сверкнули его голубые глаза, и Бер похлопал по стулу, который пустовал между ним и Севером, — Иди уже, иди. Позавтракай и станет легче.

Ей-богу, я бы запульнула в него чем-нибудь, если бы под рукой что-нибудь было.

— Как Янтарь? — смотрела я в красивые большие глаза Севера, опускаясь рядом на стул.

— С ним все в порядке. К вечеру уже будет на землях Бурых...

С тех пор каждое утро начиналось с этого вопроса, и им же заканчивался каждый день, когда засыпая в крепких горячих объятьях Севера, я молилась о том, чтобы Янтарь скорее вернулся, отыскав много-много Беров, которые изменят ход надвигающейся войны.

Скоро я познакомилась с женами Беров, которые жили в этом городе. Их было около 30. Невероятные милые, улыбчивые и искренние подруги настоящих воинов, которые старались не падать духом, поддерживая своих медвежьих мужей теплыми взглядами и улыбками, проводя все дни в нашем медвежьем общежитии, с утра по поздней ночи готовя еду для оравы вечно голодных Беров. Я искренне восхищалась их моральной силе и выдержке, когда никто из них не показывал, настолько больно и страшно всем было от осознания того, что твой муж может не вернуться... настоящие боевые подруги. Совершенный пример для подражания, и я пыталась вести себя соответствующе, будучи самой молодой из всех. Теперь и я подскакивала, еще когда на улице было темно, отбиваясь шутливо от Севера и торопясь на одну из двух больших кухонь, где уже собирались жены Беров, чтобы начать приготовление к завтраку. А потом к обеду. И ужину.

Одно хорошо — мои Беры много времени проводили на кухне, часто собираясь не для того, чтобы в очередной раз урвать кусочек чего-нибудь вкусного, а чтобы обсудить планы, во главе которых всегда был наш мудрый и такой добрый Сумрак. Его уважали, любили и боялись.

Поэтому скоро Сумрак установил дежурство на кухнях, разделив всех Беров на группы и

заставляя их работать, неукоснительно соблюдая порядок и чистоту. Теперь каждый день на кухне в нашем полном подчинении были с десятков Беров, которые что-нибудь чистили или мыли, пока остальные кололи дрова, следили за отоплением или убирали территорию вокруг дома.

Но сегодня Сумрак ушел в дозор, чтобы что-то проверить и Беры расслабились, высыпав на улицу, как всегда полуобнаженными и радостными, словно студенты, сбежавшие с лекций, принявшись играть в какие-то свои медвежьи игры, отчего земля в буквально смысле гудела и деревянный пол под ногами содрогался.

— ...и шел день третий ожидания войны, а наши Беры развлекались, как могли, — пробормотала я себе под нос, улыбнувшись от хохота Тумана, и вздрогнула, когда послышался очередной треск и оры Беров на улице, которые, кажется, решили проверить, чья голова глупее, но сильнее и выдержит удар об дерево. Впрочем еще одно дерево было сломано на будущие дрова.

— Если они сами не покалечатся, то я им помогу с большой радостью! — начинал рычать Лютый, и увидев это Беры так же близко и четко, как я, вмиг бы уже разбежались по своим комнатам, притворившись спящими, а еще лучше мертвыми, только на улице этого было не заметно, и очень зря.

От очередного треска, который был страшнее всех предыдущих, словно небо упало прямо на нашу крышу, отчего задрожали не только пол, но и стены, я просто села на корточки, обхватив голову руками, решив, что крыша и впрямь сейчас обвалится на нас, тут же почувствовав на себе руки Севера, и озверевшее рычание Лютого:

— ПРИБЬЮ КО ВСЕМ ЧЕРТЯМ!!!!!!

— Спокойно, брат! Я разберусь! — поднимая меня с пола и быстро целуя, Север подмигнул перепуганным женщинам, уходя из кухни, когда входная дверь хлопнула, и послышались голоса Беров:

— Осторожнее, идиоты! Несите осторожнее!

— Да куда вы его вперед ногами, коновалы!

— Голову, голову! Да блин! Ты пол косяка снес головой!

— И ладно...он все-равно без сознания...

— Вот ведь придурки, — пробормотал Лютый, потеряв устало глаза, под хохот Тумана и Урагана, и, откидываясь на стуле, глядя на тетушку Зою, которой пришлось оставить все свои дела, чтобы скорее бежать в коридор на помощь пострадавшему.

— Несите его в мед. пункт, а остальные идите за мной, — прозвучал в коридоре голос Севера, и стало тихо, слышалось лишь шуршание удаляющихся шагов целой толпы Беров. Севера побаивались и сторонились все, хотя он всегда был спокоен и со всеми приветлив. Это все его чистая кровь...и род Кадьяка. Беры, как никто могли представить его силу и мощь, опасаясь лишь одного, что его зверь выйдет из-под контроля, оставив от этого места лишь тонну щепок и кровавое месиво.

Видя, как Север вышел на улицу, а вслед за ним и большая группа Гризли, которые держались на почтительном расстоянии, я подошла к окну, залюбовавшись своим огромным Бером, который возвышался надо всеми такой невероятно мощный, но не таивший в себе видимую угрозу. Его обнаженный торс был великолепен, на черных волосах тут же появилась изморозь, а синие глаза полыхали в лучах солнца, сверкая, словно драгоценные камни. Чего уж там греха таить, а все-таки Север был одним из самых красивых Беров, которых мне только удалось увидеть за свою короткую, но полную приключений жизнь.

— Почему они думают, что Север опасен? — тихо обратилась я к Лютому, который придвинулся на стуле к окну тоже, наблюдая за тем, как его брат стал что-то рассказывать столпившимся Гризли медленно, четко и очень серьезно, но явно не отчитывая.

— Потому что он Кадьяк.

— Это прям как проклятье какое-то...если Кадьяк, то обязательно плохой? Разве среди Гризли или Бурых нет плохих Беров?

Лютый чуть улыбнулся, на секунду переведя взгляд своих голубых глаз на меня, прежде чем снова стал наблюдать за Севером:

— Защитница мелкая. Род Кадьяков испокон веков был самым кровожадным и агрессивным. Мой дед был ворчливым и горластым, хуже отца, но он говорил одну очень правильную вещь, Мия. Все Беры как стихии — Бурые это земля. Они спокойные и добродушные. Стараются обходить острые углы и не терпят жестокости. Гризли — воздух. Любят покричать и пошуметь, импульсивные и резкие, но при этом не злобные. Они быстро прощают и быстро забывают обиды. Полярные — это лед. Холодные и жестокие в силу своей жизни в морозных условиях. А Кадьяки — огонь...они все сжигают на своем пути, не задумываясь и не жалея. Огонь в их крови, он правит зверем каждого из Кадьяков...ты знаешь, почему они страшны в бою? Потому что они не могут остановиться, пока не испепелят все вокруг и в том числе себя. Бой поглощает их, как пламя, он выжигает их души. Кадьяки всегда дерутся до последнего вздоха...Веками наши роды противостояли друг другу, сталкиваясь и сохраняя равновесие в мире Беров...

Замолчав, Лютый ущипнул меня за ногу, криво усмехнувшись:

— Дыши, глупая. И расслабься. Твой Кадьяк отличается от ему подобных.

Точно, дышать. Не разучится бы это делать, когда перед глазами появлялись ужасающие картины былых сражений, где огромные Беры сталкивались в схватах, которым не было числа.

— Отличается?... — прошептала я, не в силах оторвать взгляда от Севера, который продолжал что-то рассказывать Гризли, что стали подходить ближе хмурясь и прислушиваясь.

— Ты заметила, что у каждого рода Беров свои особенные имена?... — я закивала в ответ, уткнувшись носом в стекло, отчего на нем остались тонкие дорожки на запотевшем от дыхания месте.

— Род Бурых называет своих детей духами природы — Луна, Вода, Тайга, Восход. Гризли духами стихии — Туман, Ураган, Сумрак. Полярные духами зимы — Ледяной, Лютый, Морозный, Свирепый. А Кадьяки?...

— Камнями.... - прошептала я, запомнив, что отца Севера звали Алмаз, а дядю, поднявшего бунт против собственного брата Карат, в тот момент понимая, что у Севера далеко не каменное имя, отчего тут же повернулась к Лютому, который смотрел на меня чуть улыбаясь, и лукаво изогнув свою светлую бровь.

— Опа на, да? — усмехнулся Бер, сверкнув своими голубыми глазами, — А мозаика не сходится!..

— Почему так, Лютый?

Губы Бера растянулись шире, обнажив его белоснежные клыки, когда он чуть дернул плечом:

— Нам дают имена после перехода...

— ...кроме тебя...

— Да, но речь сейчас не об этом. Севера нарекли не свойственным для Кадьяка именем, потому что он отличается от своего рода, будучи носителем крови Кадьяка. Он Север, потому что способен контролировать свой внутренний огонь, выпуская его наружу лишь в редкие моменты. Он рационален и сдержан, что совершенно неприсуще роду Кадьяков...

Когда Лютый замолчал, я с трудом могла перевести дух, начиная улыбаться оттого, что Север был не просто красавчиком, но и совершенно уникальным Бером, когда Лютый вдруг выдохнул:

— Янтарь...

Как обухом по голове! Точно! А ведь и у него было имя, которое не соответствовало его роду!

— А почему у него... — я не договорила, вздрогнув, когда подскочили одновременно Туман и Ураган, а Лютый просто буквально растворился со стула, оставив за собой лишь размытый след белокурой шевелюры, почти в ту же секунду оказавшись на улице рядом с напряженным Севером.

Чуть заИкой не оставил мать его за ногу!

Можно было быть слепо-глухо-немым ежиком-альбиносом, а все-равно почувствовать, как в миг изменился воздух вокруг, буквально затрепав от напряжения Беров, что застыли на улице, глядя все в одном направлении куда-то вглубь леса.

— Туман, ради Бога, что происходит?! — кинулась я вслед за братьями, слыша, как женщины на кухне закричали мне, чтобы я обязательно оделась, иначе обморожусь, и, чувствуя руки Тумана, которые буквально на лету подхватили меня, и его звенящий от напряжения голос пророкотал:

— Янтарь идет.

— И? Почему вы все так всполошились? — сердце глухо ударилось о грудную клетку, отчего внутри все заныло, предчувствуя беду, — Брат, что происходит?!

Остановившись у входа, чтобы нацепить на меня пуховик и шапку, Туман выбежал на пристроенную веранду, прищурившись, глядя туда же, куда напряженно застыв, смотрели все Беры...многие из которых начинали скалиться и порывивать, явно принимая слишком воинственные позы.

— Он идет не один....

— Он нашел свой род?... — отчего-то задрожав, прошептала я, боясь услышать ответ, который прозвучал как звук опустившейся гильотины.

— Свой род...и Кадьяков.

Туман даже не почувствовал, как я вцепилась в его плечи, пытаюсь извернуться, чтобы увидеть, что происходит, пока сердце стучало истерично и с перебоями, захлебываясь волной истерики и ужасающей паники.

Откуда взялись Кадьяки?! Они взяли Янтаря в плен?! Пытали его?! Заставили показать, где мы?!

Хватаясь руками за огромные плечи Тумана, я дрожала так, что было слышно даже мне, как стучат друг об друга зубы, когда с краю леса показалась темная фигура, метнувшаяся к братьям словно призрак, едва заметный среди ветвей. Эту тень невозможно было бы рассмотреть, если бы не кристально белый снег, который отражал свет холодного солнца.

— Спокойно, девочка, это свои, — пробормотал Туман, прижимая меня к себе, потому что я взвизгнула от увиденного, не успев и моргнуть, когда возле Севера и Лютого появился Сумрак. Должно быть, он тоже почувствовал неладное, тут же вернувшись обратно.

Трое чистокровных самых сильных Беров стояли как всегда впереди, пронзительно всматриваясь в белеющий лес, напряженные и готовые к любому выпадку, заслоняя собой воинов, которые рычали и фыркали даже в обличии мужчин, предостерегая, что не допустят к дому никого, чего бы им это не стоило.

— ...не понимаю... — пробормотал Туман, щурясь от солнца, и его необычный зрачок сверкнул, словно в нем в ту секунду показалась луна, — их слишком мало....

— Мало для чего?

Только Туман не ответил, осторожно поставив меня на ноги, и шикнув, чтобы я никуда не уходила, а в случае опасности тут же забежала в дом и закрыла дверь, он плавно, но быстро двинулся к своим братьям, заняв место сразу за Лютым, словно вторая линия обороны, рядом с Ураганом.

Мне показалось, что из глубин леса на нас наступает тьма....

Словно черный туман она пробирается сквозь заснеженные деревья, надвигаясь плавно, но твердо и неумолимо. Мои человеческие глаза не сразу смогли рассмотреть, что этот туман состоял сплошь из темных медведей, которые стали обращаться с огромных мужчин, показывая себя и осторожно шагая вперед во главе с нашим Янтарем.

Ну, по крайней мере они вышли в образе мужчин, а это было уже добрым знаком....

А вот то, что Север и Лютый изменились в лице, в миг выпуская зверей в себе, отчего их зрачки расширились, дыхание стало звериным, а движения резкими и едва сдерживающими силу — это было ой как нехорошо...спокойным и собранным оставался только Сумрак. И он сделал шаг вперед, махнув остальным оставаться на месте. И Беры подчинились, уважая его опыт.

Я же, слезившимися от солнца глазами, пыталась судорожно рассмотреть между огромных напряженных тел Беров нашего Янтая, чтобы понять был ли он ранен. Кажется, крови нигде не было, да и шел он как всегда размашисто и спокойно, чуть хмурясь, оттого, что братья встретили его не с распростертыми объятьями.

Янтарь скорее бы умер, чем рассказал врагам, где наш лагерь....или я плохо знала своего брата.

Беры, следующие осторожно за ним остановились, словно по команде, не выражая агрессии, не рыча и не дергаясь, но при этом собранно ожидая любого выпада с нашей стороны. Справа от Янтая мужчины были большие и мускулистые, с волосами цвета каштана и коры, с теплой слегка загорелой кожей и светлыми глазами. Их было около 30 или около того, сложно было посчитать сразу...

Слева же мужчины были просто огромными. Чистокровные. Определенно. Все, как один черноволосые и светлоглазые, с правильными четкими чертами....как Север....

Кадьяки.

Они даже стояли каким-то особым строем, во главе которого выделялся один мужчина.

Господи, еще один красавчик, с зелеными глазами цвета драгоценного камня, черными волосами, зачесанными назад и щетиной на широких скулах. И было в нем что-то такое... цивилизованное. Ну начать хотя бы с прически!

При — чес — ки! Да, она у него определенно была! Да и щетина, такая аккуратная...встретить его в лесу, даже обнаженным, единственная мысль, которая придет в твою голову после падения в обморок от красоты и сексуальности данного типа, что он здесь явно на модельной съемке.

К счастью, никто из Кадьяков не реагировал на рычание и фыркание Беров по другую

сторону от спины Сумрака, держась так, словно их выставили красоты ради, как часовых...подходи, шупай, фотографируйся...если не описашься от двухметрового роста и ауры огромной силы и жестокости.

Тот Бер, что стоял впереди, неожиданно чуть улыбнулся, показав кончик своего острого клыка, подмигнув...

Мой бедный рот расхлопнулся сам собой, когда я уставилась на мужчину, который подмигнул Северу, что побледнел и отшатнулся бы назад, если бы за ним не стоял удивленный Ураган.

— Сын, с возвращением, — Сумрак и Янтарь остановились ровно посередине между двумя сторонами, как всегда поздоровавшись по медвежьи, — обхватывая руки в районе локтей и прижимаясь друг к другу лбами, — к добру ли?...

Когда Сумрак кивнул на застывших Кадыяков, которые стояли, не шелохнувшись и, кажется, даже не моргая, Янтарь кивнул, выступая вперед, и его раскатистый низкий голос отразился от стекол дома, когда Бер заговорил громче, обращаясь ко всем Берам:

— Братья. Прошу вас успокоиться. Они пришли с миром и готовы нам помочь....

— Кадыяки?! С МИРОМ?!!!!.. — тут же раздались возгласы Гризли, которые зашумели лишь еще больше, а я почему-то вспомнила слова бабушки Лютого о том, что Гризли шумные и любит больше кричать, чем драться. Мудрый-мудрый дедушка. Интересно было бы с ним пообщаться, если бы только он был жив.

К счастью у Гризли был Сумрак, которого они не просто уважали, но и явно побаивались, потому что стоило ему лишь резко повернуться полу боком к своим шумным Берам, нахмурив черные брови, как сразу же стало тихо, словно у радиоприемника сломался звук.

Смерив своих Беров недовольным грозным взглядом, Сумрак повернулся к Янтарю снова, чуть кивнув ему, и переводя взгляд с бледного Севера, на улыбающегося черноволосого Кадыяка, чьи глаза смешливо переливались в лучах солнца, осторожно проговорил:

— Чем обязаны вашему приходу?...

Север растерянно моргнул, медленно приходя в себя, когда судорожно выдохнул:

— ...как?...живой?....

Черноволосый мужчина, улыбнулся шире, показывая красивую улыбку и свои клыки, как принадлежность к королевскому роду Беров, осторожно двинувшись вперед:

— Позвольте мне объяснить ситуацию, пока мой брат приходит в себя от шока...

В этот раз моя челюсть во второй раз со звоном стукнулась о колени, там и повиснув — неужели это брат Севера? Тот, что убил его отца?!!!!!!!..

— Прошу, — вежливо кивнул Сумрак, когда мужчина поравнялся с ним и Янтарем.

— Я — нареченный Бер Нефрит. Единственный сын Бера Карата из рода Кадыяков. И я пришел, чтобы выказать свое уважение и сослужить долг перед единственным законным наследником нашего рода, Севером...

Ого! Вот же ж семейка! Мысли работали судорожно, подпिनывая одна другую. Таааак, а теперь медленно и по порядку. Бер Карат — это брат отца Севера, получается, что его дядя. Выходит, что этот очередной умопомрачительный красавчик с каменным именем Нефрит, двоюродный брат Севера? Только почему у Севера был такой вид, словно он и правда увидел приведение?

— Как ты выжил?.. — наконец смог прохрипеть Север, тоже шагнув вперед и

поравнявшись со своим братом.

— Поясню и это, — снова улыбнулся Нефрит красиво и очаровательно, — когда отец отправил за мной палачей, я смог убедить их, что буду полезнее живым и могу приносить из мира людей незаметно и осторожно все, что они захотят. Они не смогли отказаться. А когда вернулись, доложили отцу, что дело сделано, я мертв, проблема решена...странно, что старик проявил чувствительность, не потребовав от них моей оторванной головы в качестве доказательства, но оно и к лучшему. А я ушел жить к людям, что и делал до недавнего времени.

Лишь в этот момент смешливые глаза наполнились болью и сталью, когда Нефрит положил большую крепкую ладонь на плечо Севера, приглушенно проговорив:

— Прости, брат, я не знал, что происходит с нашим родом, и что замыслил мой отец...я бы вернулся раньше и встал рядом с тобой, плечом к плечу, чтобы предотвратить эту беду.

Затаив дыхание, я смотрела на двух гипер сексуальных, чертовски сильных и огромных Беров, которые просто смотрели в глаза друг друга, переживая события прошлого и сожаления о том, что его невозможно изменить, пока остальные Беры в буквальном смысле шевелили своими носами, принюхиваясь, чтобы понять правду ли говорит Нефрит. Как бы не принюхивалась я, а чувствовала только запах булочек от своей одежды и аромат уличного мороза, но мне казалось, что эти зеленые глаза не врут.

— Но теперь я вернулся. Я с тобой. И говорю это всем — ты наш единственный законный король, Север. Мы пойдем за тобой и поддержим любое твое решение, брат.

Север растерянно смотрел на своего брата, кажется, не в силах сказать что-либо, когда Лютый холодно сверкнул глазами на стан Кадыяков, что продолжали стоять, не шелохнувшись, словно ожидая команды — моргать и дышать:

— И вы? Вы тоже пойдете за Севером и поддержите его, даже если вам придется биться против своего рода?

Окружающая тишина стала такой пронзительно и напряженной, что казалось, что в небе сейчас прозвучит гром от столкновения эмоций огромных Беров с обеих сторон, и я вздрогнула, когда Кадыяки кивнули. Одновременно. Все, словно одно большое существо...долго репетировали?

— Нас всего 15, но мы отдадим свои жизни, не задумываясь за нашего короля, — пробасил один из Кадыяков, что стоял в первом ряду, — каждый из нас близко знал Алмаза, верил ему и доверял. За это Карат убил наши семьи, бросив нас умирать в каменной пещере...его воины каждый день ломали наши руки и ноги, чтобы мы не могли выбраться, не давая ранам заживать. Мы поддерживали Алмаза и его мысли относительно того, что пора менять уклад жизни Кадыяков, отступив от старых правил. Когда Карат с воинами ушли на чужие территории, нас оставили умирать от жажды и ран, но Нефрит спас нас, вытащив из заключения, и дал возможность отомстить за смерти близких. Мы идем с вами...если вы позволите.

Я едва не разрыдалась от облегчения, когда увидела улыбку Сумрака и его кивок:

— Мы рады вам, братья. Пусть все останется в прошлом...

УРА! Господи! Где тут аптечка и валерьянка? Я улыбалась так, что мои щеки, наверное, было видно даже со спины из-за ушей, глядя, как Сумрак прокусил свою ладонь клыками, протягивая руку Нефриту. Итак, процесс братания и принятия в одну большую, беспокойную и такую разношерстную семью начался! Прокусывая свои ладони, подобно Сумраку, каждый из вновь прибывших Кадыяков и Бурых подходили к братьям, здороваясь по медвежьей. И

пусть в округе стоял стойкий аромат крови, и ее капельки были на белоснежном снегу, я была рада, словно сумасшедшая, не удержав радостного визга, когда Янтарь подлетел ко мне с раскатистым хохотом, обнимая, и я буквально запрыгнула на него, крепко обнимая за мощную шею, и утыкаясь носом в горячее плечо.

Мой дорогой, мой любимый, мой самый родной братишка! Душа моя солнечная!

Я целовала его в щеки, вдыхая родной аромат сочной осени, совершенно счастливая и теперь спокойная, висая на брате и видя с высоты его роста за широченной спиной, как на крыльцо выходят улыбающиеся жены Беров, радостно обнимаясь и счастливо переговариваясь о том, что нужно подготовить новые комнаты для нашего пополнения.

— Мой дорогой сыночек! — тетушка Зои обнимала довольного Янтаря, когда он держал нас на руках одновременно, поднимая высоко над полом. — Боги хранили тебя!

— Хранили, но нифига не кормили, — смеялся Бер, целуя свою человеческую маму, — три дня не ел даже шишек! Поэтому в ближайшие сутки кухня исключительно моя!..

— Идем скорее, родной, идем.

Только тетушка Зои не успела ступить на пол, когда ее подхватил Сумрак, опять приподнимая и обнимая:

— Как думаешь, Зоюшка, может, стоит этих ребят поселить в разных концах? Все-таки Кадьяки и Бурые... как бы не начались потасовки между собой.

— Не начнутся, — фыркнул Янтарь, увлекая нас всех в дом, скорее к кухне, — они по дороге все передрались и выяснили отношения. Не думаю, что будут обниматься, но относятся они друг к другу уже спокойно.

Скоро все зашли в дом, и стало жить еще веселее, ибо теперь в нашем шумном улье были шмели, пчелы, осы... вообще кого у нас только не было!

Теперь круглосуточно стоял гул низких мужских голосов, которые постоянно что-то обсуждали, что-то говорили, о чем ту шутили и смеялись, а иногда даже начинали петь. Сумрак держал всех в узде, раздавая подзатыльники направо и налево, когда очередная рота Гризли была прислана на кухню в качестве помощников для чистки продуктов.

— Ну почему мы? — ныли Гризли над кастрюльками с очищенным луком, вытирая свои крокодильи слезы, и ругаясь по-медвежьи, что лучше бы им доверили мясо или хотя бы картошку.

— А кто сломал 8 деревьев вокруг дома и чуть не проломил крышу одним из них? Раз нет мозгов, то работайте руками! — сказал, как отрезал Сумрак, сам крутясь на кухне с каким-то картами.

Теперь утром Север и Нефрит во главе роты Кадьяков выводили всех на обучение, на своем примере показывая, как ведут себя в бою Кадьяки, чего стоит от них ожидать и как при этом выжить. Все 15 Кадьяков спокойно воспринимали, что их использовали, как груши для тренировки... вот правда некому не удавалось их уложить на лопатки... даже если Гризли действовали по трое в группе, и я старалась не думать, что будет происходить в настоящем бою, где Кадьяки не будут медлить и поддаваться.

Они и правда были просто огромные. Несравнимо большие по соотношению с остальными родами, но к их великой чести и моему большому удивлению, вели себя всегда скромно и очень тихо, лишней раз не произнося и звука, и вообще сами никогда разговоров не начинали, отвечая лишь на поставленные вопросы Сумрака или остальных братьев. Практически все время они проводили либо на учениях, где показывали приемы Кадьяков и учили от них отбиваться, либо за большим столом, где велись переговоры, как лучше вести

себя в бою.

Но лично я была в полном шоке от Нефрита! С первого момента его появления в доме, когда после небольшого разговора с Севером наедине, братья вошли в дом, и Нефрит тут же окинул меня долгим взглядом, широко улыбаясь и взяв осторожно за руку, чтобы поцеловать ее, низко склонившись из-за своего великого роста:

— Добрый день милая леди. Рад знакомству с той, кто покорила моего замкнутого солдата.

Я так растерялась, что икнула, отчего Нефрит очаровательно рассмеялся, склоняясь надо мной и лукаво заглядывая в глаза:

— Вкусная девчонка. Забавная! Хорошенькая и необычная! Как раз то, что нужно этому угрюмому типу, — пихнул он Севера, закатившего глаза, в бок.

Еще больше я удивилась, когда он вошел в кухню, сладко пропев:

— Удачного дня вам, прекрасные дамы! Моё имя Нефрит, и я буду рад помочь вам в вашем нелегком, но таком благородном труде!

Когда у кого-то из женщин при виде этого сексуального красавчика с пронзительным взглядом и сладкими речами, звонко выпала из рук тарелка, я понимала ее как никто другой. Жизнь на кухне просто замерла на пару секунд, пока все огромными глазами смотрели на невозмутимо улыбающегося Бера, начиная краснеть.

— Север, — обхватив своего мужа руками за стальной пресс, я снизу вверх всматривалась в его красивые синие глаза, думая, что каким бы красивым не был Нефрит, а он никогда не сможет переплюнуть в сексуальности Севера, — наш Янтарь Нефрита по голове не бил по дороге?....

Слыша смех Севера и его лукаво блестящие глаза за пеленой длиннющих черных ресниц, я улыбалась, ощущая на своей спине его горячие руки:

— С какого века выпал твой брат? Откуда эти манеры?...

— Он просто много лет живет среди людей и привык общаться именно так, крошка.

Надо ли говорить, что все жены Беров просто млели, пока этот зеленоглазый красавчик находился на кухне, развлекая женщин разговорами и тонной забавных историй из жизни Бера, который в человеческом мире стал моделью.

И если бы только эта наша дружная и шумная жизнь могла длиться до скончания века...

Но всему хорошему приходит конец.

Веселье и шутки закончились в тот момент, когда Лютый и Север хмуро переглянулись, сидя вечером как всегда за столом на кухне, и Лютый произнес слова, которые я боялась услышать больше всего в своей жизни:

— Кадыяки ступили на землю Белых. Утром они будут у границы с городом...

А это означало, что война была на пороге.

Закрыв глаза и задержав дыхание, чтобы справиться в миг нахлынувшей паникой, я уткнулась носом в горячее плечо Севера, повторяя про себя, как мантру, что все будет хорошо, и все мальчишки вернуться живыми... пусть даже не совсем здоровыми.

— Через пару часов выдвигаемся, — лицо Сумрака изменилось, став серьезным и уверенным, когда он посмотрел на каждого из Беров, сидящих плечом к плечу за столом, — делаем, как договаривались. Перехватим их на большой льдине до Ледяного хребта. Там самое идеальное место для сражения, все видно, как на ладони. Будьте парней, пусть начинают подготовку...

В эту страшную ночь никто не спал... просто не смог бы...

Впервые в нашем большом шумном доме было так непривычно и ужасающе тихо...

Никто не рычал, не ругался, не смеялся, не пытался стащить что-то с кухни на ночь глядя...

И все жены Беров были в сборе — бледные и такие же молчаливые, никто из них не позволил себе пролить и слезинки, помогая Берам собираться.

— Будь сильной, дочка, — крепко обняла меня тетушка Зои, в глазах которой была вся боль и скорбь мира, — ребята нуждаются в нашей силе и нашей вере. Не позволяй панике взять верх над собой и проводи своего мужа, как подобает истинной жене великого воина...

Господи...никогда в своей жизни я не молилась, никогда не рыдала в душе, разрываясь на части, когда накинув на себя пуховик и нацепив шапку и варежки, вышла на улицу, чтобы помочь обернувшимся Берам застегивать особенные стальные браслеты с шипами и такие же ошейники, которые спасут их от клыков безжалостных Кадьяков.

Медведи выстроились в 4 шеренги, стоя смиренно и обдавая своим горячим дыханием, когда я подходила к ним одним за другим, управляясь с застежками. Каждого из них я обнимала, прежде чем одеть и застегнуть ошейник, улыбаясь и говоря, что утром их будет ждать самый вкусный и сытный завтрак...хотя умирала в душе, боясь даже подумать, что с кем-то из них я могу видеться в последний раз. Я чувствовала себя женой Гектора, что был братом Париса, укравшего Елену и погибшего, чтобы спасти честь своего брата от рук Ахиллеса...потому что нет ничего страшнее, чем провожать своих любимых на войну...

Я не сразу заметила, что на пороге стопились мои братья во главе с Лютым, который всматривался в пелену полярной ночи, выглядя при этом весьма удивленным.

Лишь услышав вопль Янтаря: «Да лаааадно!!!!» и его хохот, я недоуменно обернулась, в желании покрутить пальцем у виска, понимая, что снова что-то происходит, потому что все мои Беры улыбались — кто-то недоуменно, как Нефрит, кто-то совершенно радостно, как Янтарь или Север, а кто-то был Лютым, чьи глаза, казалось, скоро просто полезут на лоб.

Слушайте, я начинала совершенно искренне любить заснеженный лес, что прикрывал собой одну сторону нашего большого общего дома, потому что из него каким-то волшебным образом всегда выходил тот, кто, в конце — концов, приносил только радость. И всматриваясь до ломоты в глазах в него снова, я понимала, что сейчас просто зарыдаю и завизжу от радости, потому что скоро на опушке леса, показались высоченные стройные фигуры тех, кого я бы смело назвала Беровыми эльфами — белокурые, высокие и сильные до невозможности — отряд Полярных вышагивал совершенно бесшумно и плавно, словно они были сотканы из лунного света...а во главе них шагал Свирепый, мягко улыбаясь в темноте тем, кто столпился на пороге, радостно приветствуя прибавление.

— Беги, брат, беги, — сокрушенно покачав головой, выдохнул Лютый, когда, взвизгнув, я помчалась сломя голову к тому, за кого мое сердце не переставало болеть ни единой секунды, с тех пор как мы оставили земли Белых. Лишь на секунду Свирепый явнс растерялся, видя, как я мчусь к нему, но не стал слушать совета своего брата, неожиданно опустившись на колени в рыхлый снег и чуть склонив голову, когда я со всего лету почти врезалась в его большое горячее тело, пытаясь затормозить, но безуспешно, и повиснув на мощной шее и ощущая его ладони, которые совсем чуть-чуть прикоснулись к моей спине.

— Здравствуй, Мия, — от звука этого голоса и очаровательной улыбки Свирепого, когда на щеках появились ямочки, я быстро вытерла слезы, улыбаясь так широко, что щекам было больно.

— Свирепый! Ты пришел!

— Все люди так здороваются? — как всегда осторожно и мило поинтересовался Бер, не пытаясь убрать меня от себя и подняться с колен, даже когда услышал насмешливый голос своего брата над нами

— Нет, это только наша лесная принцесса такая. Со временем привыкнешь, и не будешь удивляться.

Подняв меня за шкурку и отцепив от своего брата, Лютый протянул свою большую длинную руку, помогая Свирепому подняться для настоящего медвежьего приветствия, пробормотав:

— Ты как здесь оказался?

— Не смог оставаться в стороне от битвы.

— А старик?

— Перебесится, никуда не денется, — отмахнулся Свирепый, разворачиваясь к остальным братьям, которые уже были на подходе, широко улыбаясь и протягивая руки, чтобы поприветствовать того, кого мы не ждали, но были несказанно рады увидеть. Прижавшись щекой к прессу Севера, я с улыбкой наблюдала, как Беры здороваются, переговариваются и шутят, потому что Свирепый, словно ангел-хранитель, принес с собой то, что нам так не хватало — надежду. Теперь на нашей стороне было еще больше чистокровных, невероятно сильных и специально обученных войне Беров.

Кажется, силы должны были уравниваться.

На секунду замерев, когда в воздухе повисло напряженное молчание, оттого, что улицу вышли наши Кадьяки, а Полярные Беры тут же напряглись и застыли, я опасливо покосилась на Севера и Нефрита, который с улыбкой сделал шаг вперед, неспеша подойдя к нахмурившемуся и напряженному Свирепому, первым протянув ладонь, которую прокусил так сильно и смачно, что его багровая кровь тут же закапала на белый снег:

— Я — нареченный Бер Нефрит из рода Кадьяков. Нерадивый брат Севера и тот, кто должен был умереть от руки палачей еще 17 лет назад. Для меня будет честью сражаться и умереть рядом с родом Полярных.

Кажется, Нефриту впору было задуматься над карьерой актера, а не модели! Вот только моя душа застонала, оттого, что Бер произнес каждое слово искренне, без доли лукавства и шуток.

Свирепый растерянно моргнул, явно принохиваясь, и твердо протянул свою руку вперед, прокусив ее так же сильно и сжимая ладонь Нефрита, отчего из кровь, смешиваясь, закапала струйкой вниз:

— Я — нареченный Бер Свирепый, второй кровный сын сумасшедшего Бера Ледяного и брат Бера Лютого. И я приму твою смерть на себя, не задумываясь.

Ну и как тут было не заплакать, когда эти ребята были стол же огромными, сколько и сладкими?

Пока отряд Свирепого братался с отрядом Нефрита, тихо переговариваясь, Лютый пронзительно посмотрел на своего брата, чуть нахмурившись:

— Есть, что сказать?

От взгляда Свирепого стало не по себе, когда он медленно кивнул, поведя своим огромным мощным плечом:

— Кадьяки пересекли наши земли в двух местах.

— В двух?

— Да, основной отряд в количестве около 4 сот двигаются прямо к городу, и еще около

2 сотен пошли в обход...основная волна будет ударной, которая будет выматывать нас до последнего. Вторая волна завершит процесс.

Тело Севера напряглось под моими руками, и дыхание вдруг стало тяжелым и медвежьим.

— Север... — мой голос был едва слышим и дрожал, когда я выдохнула его имя, понимая, что все идет прахом, и Бер склонив голову, улыбнулся, обхватывая мое лицо руками и осторожно целуя в кончик губ, пытаясь успокоить своими синими глазами, только я все-равно понимала слишком отчетливо, что наши силы не рассчитаны на такое количество врагов. Целых 600 Кадыяков...

— Крошка, иди к женщинам, продолжайте снаряжать Беров, мы скоро вернемся.

Хмурые и сосредоточенные Беры исчезали один за другим в доме, что-то обсуждая с Сумраком.

Нам же оставалось только делать свое дело и...молиться.

Через пару часов наши Беры ушли в темноту, пока солнце еще не взошло...

Столпившись у порога, и обнимая друг друга с женщинами, мы провожали своих мужей и дорогих сердцу Беров на неравный бой, умирая с каждым их шагом...

Мне не хватило сил попрощаться с братьями и Севером...

Я не смогла бы держать себя в руках, обнимая их и вдыхая родной запах каждого из них.

Я боялась, что побегу за ними с криками, умоляя вернуться и остаться с нами, если бы только кто-нибудь из них обернулся, уходя...

Не было никаких пафосных речей о правильности выбора и о том, что они идут защищать правое дело...а я всей душой ненавидела законы Беров, которые стали причиной этой жуткой и по сути такой бессмысленной войны, решив для себя лишь одно — я не смогу жить, если мой Север не вернется.

И если у Беров не было истории о своих Ромео и Джульетте, то я была решительно настроена воплотить ее в жизнь. Он был моим миром, без которого все потеряет свой смысл...

Я не помнила, как и когда мы вошли внутрь, замечая лишь какие-то незначительные передвижения знакомых лиц... не знала сколько страшных минут прошло, когда взошло солнце... не чувствовала собственного тела, продолжая ежесекундно делать лишь одно — молиться...

— Нет ничего страшнее ожидания... — прошептала рядом одна из жен, закрыв лицо дрожащими руками, но не позволяя себе заплакать, иначе этот дом просто накроет массовая истерика и полное помешательство.

— Нет ничего страшнее незнания, — покачала головой другая женщина, бледная и с покрасневшими от бессонных ночей глазами, — даже знать о смерти любимого не так страшного, как бесполезно ждать, надеясь на чудо...

Я медленно моргнула, отчего-то ухватившись за эту мысль, особенно, когда кто-то еще проговорил:

— Если бы только была возможность узнать, что там происходит...

— Я узнаю!

Все женщины разом обернулись на меня, и в глазах большинства из них я увидела блеск надежды.

— Дочка, не глупи! Ты и представить себе не сможешь, как это опасно! Север мне голову оторвет, когда вернется, если не застанет тебя дома! — тут же подскочила тетушка Зои, но я метнулась к ней, крепко обнимая, и чувствуя, как слезы потекли по моим бледным холодным щекам:

— Прощу тебя, не держи меня, родная...я все-равно сбегу. Я не смогу оставаться здесь, зная, что мои братья жертвуют собой...пожалуйста...я буду очень аккуратной.

— Мия, даже не проси!..

Я не ожидала, что на мою сторону встанут некоторые из женщин. На самом деле, мне казалось, что меня понимали и поддерживали все из жен, просто некоторые приняли позицию тетушки, опасаясь, что я попаду в самое пекло жестокой схватки.

Но уже через пол часа, снаряженная по последнему слов техники, в легком и невероятно теплом специальном альпинийском костюме, с лыжами за плечами, рацией в карманах, электронным компасом, ножом и дымовой завесой, натертая хвойными ветками даже на лице, и восседающая на супер быстром и мощном снегоходе, я сломя голову неслась к ледяному хребту, за которым развернулся самый настоящий Ад...

Оставив снегоход в укрытии, и задыхаясь оттого, как колотилось мое сердце, я ловко и быстро взбиралась вверх по покатому склону Ледяного хребта, чтобы забраться наверх и увидеть все своими глазами, уже подошвами ощущая жуткую вибрацию льда под ногами, и слыша эхо ужасающего рычания нескольких сотен огромных Беров, столкнувшихся в схватке. Каждая минута подъема тянулась вечностью, но добравшись до вершины, я остолбенела, припав ко льду и глотая слезы...

Что я увижу внизу, когда проползу еще пару метров вперед по плоской вершине, которая была словно вертолетная площадка? Что, если с этой ледяной вершины, я увижу смерть тех, кого люблю?..

— ...спрыгнешь с отвесной стороны хребта и дело с концом... — прошептала я себе под нос, вытирая слезы, и стараясь заглушить биение разрывающегося сердца, я поползла вперед, накинув на голову белый капюшон, чтобы слиться со льдом и снегом воедино, содрогаясь с каждой секундой все сильнее и сильнее, от страшных звуков, которые эхом отражались от величественных льдин, словно сама земля стонала от происходящего на ней...

Мне хватило одного секундного взгляда вниз, чтобы желудок скрутило от спазма, и в горле застрял удушливый клубок боли и рвущегося крика. Зажмурившись и кусая губы в кровь, чтобы не закричать, я прижалась щекой ко льду, отчего-то не боясь к нему примерзнуть, пытаюсь выбросить из головы кровавый лед внизу...огромная льдина, которая стала местом битвы, была сплошь пропитана багровой кровью, и усеяна телами...мужчин и медведей....

Меня трясло так, что зубы едва не вылетали из челюсти, пока я пыталась заново научиться дышать, и раскрыть глаза, чтобы понять...чтобы увидеть...нет ли среди павших моих братьев. Как бы больно не было...ведь я заранее знала, что смерть каждого из Беров станет моей личной смертью...я буду страдать и умирать с каждым из них, видя их ночами и просыпаясь, задыхаясь от рыданий и стонов.

Я была женой великого Бера. Великого воина. И я пришла сюда не для того, чтобы пасть духом и сломить волю тех смелых отважных женщин, которые ждали от меня новостей... плохих или хороших.

Я ЖЕНА БЕРА....

Задержав в себе судорожное дыхание на несколько секунд, я глубоко и протяжно

выдохнула, раскрыв глаза и снова подползая к краю, в этот раз стараясь сосредоточиться на другом конце кровавой льдины, где шла ожесточенная битва, и где были наши Беры.

Глазам пришлось привыкнуть к огромному скоплению многочисленных Беров — черных, бурых и белых, когда я наконец четко увидела клин во главе с огромным белым медведем и таким же огромным черным, которые продвигались вперед, отбрасывая от себя черные волны больших медведей одну за другой, словно разбивая их на две части, каждая из которых попадала в лапы черного и белого крыла — отряд Нефрита и отряд Свирепого, что прочесывали раненных Кадьяков, оставляя за собой лишь тех, с которыми могла вполне справиться вторая волна, где были Бурые и Гризли в ошейниках и специальных браслетах.

Проблема была лишь одна — если Севера, Лютого, Нефрита, Свирепого и своих братьев я могла отличить в их медвежьем облики даже среди сотен других медведей, и то лишь потому, что они всегда держались вместе, и я уже видела, как они сражаются, защищая друг друга и слаженно работая вместе. То остальных Беров я просто не могла распознать по их мордам в этом сплошном медвежьем месиве. Тут уж никакой бинокль и очки с лупой не спасут....

На секунду я закрыла глаза снова, слизывая кровь со своих прокушенных губ, которые стало больно оттого, что я улыбалась...Боже! Это было так некрасиво и жутко с моей стороны, но мое сердце снова стучало истерично и радостно, давясь болью, ведь мои мальчишки были живы! Все! Моя семья была на передовой этого страшного сражения, но они держались вместе, прикрывая друг друга и поддерживая. От гордости я была готова раздуться и улететь, словно воздушный шарик, потянувшись за рацией, которая была в кармане, чтобы сообщить ожидающим женщинам хотя бы часть новостей и передать тетушке Зою, что наши Беры живы, только моя рука дрогнула, выронив рацию, когда за спиной раздался вкрадчивый низкий голос:

— А родители не рассказывали тебе, что подсматривать нехорошо?

Я развернулась так резко, что мир поплыл перед глазами, цепляясь перчатками за скользкую льдину, понимая судорожно лишь одно — я была в ловушке. Сразу за мной был резкий склон, где внизу была страшная кровавая резня, от которой содрогался лед и дрожали ледяные скалы...а сбоку крутой обрыв, который заканчивался огромной расщелиной, внутри которого плескался ледяной океан...

Бер, с интересом рассматривал меня, сев на корточки и улыбаясь как-то жутко и плотоядно, когда я понимала три важные вещи: он Кадьяк судя по черным волосам, светлым глазам и светлой коже; он чистокровный судя по габаритам и выпирающим клыкам; и он был настроен на долгую мучительную беседу с моей фееричной кончиной...

«Кадьяки страшный народ. Запомни одно — не попадайся им даже близко. Учув то, что ты принадлежишь Северу они не оставят тебя в живых. Ты — проклятье рода Севера, которая очернит его чистую кровь, и королевский род Кадьяков закончится, больше не возродившись. Но если они окажутся близко — не пытайся убежать или спрятаться...просто найди способ убить себя сама, чтобы не терпеть издевательств над собой...»

Я тяжело сглотнула, осторожно усаживаясь на свой вмиг окаменевший зад, видя, как этот Бер теперь не только с интересом присматривается, но и с явным интересом принохивается, когда его черная бровь вдруг удивленно выгнулась и Бер басисто хохотнул:

— Серьезно? Ты — избранница Севера?!..

Таааак...что делать теперь? Сказать, что это правда? Может этот Бер испугается этого? Или сказать, что ему показалось?...а ничего, что он сразу же почувствует ложь????...

Я так и не пришла к единому мнению, что именно говорить, когда Бер снова хмыкнул, поведя своим огромным мощным плечом:

— Не сказать, чтобы я был слишком удивлен... в конце — концов мой племянник всегда был излишне сильно похож на своего отца, совершая те же ошибки!

Вот могла ли я быть еще более невезучей?! Попасть в лапы самого Карата, который затеял эту войну, убил отца Севера, подговорил брата Севера восстать против отца и, в завершение ко всему, послал палачей убить собственного сына! Вааааай, Мия! Просто ВАЙ! Не забудь поплодировать стоя... если останешься в живых, что уже вряд ли....

Карат снова с интересом уставился на меня, хмыкнув:

— Ты всегда такая молчаливая и послушная?

— ...нет... очень редко бываю... — пролепетала я, видя, как его хищная улыбка расплзлась сильнее, а жуткие зеленые глаза вдруг полыхнули.

— Звучит как комплимент, человечек.

Бер поднялся на ноги, совершенно обнаженный... и до неприличия возбужденный... возвышающийся надо мной страшнее самой смерти, когда я стала отползать вбок и назад, понимая, что сама себя загоняю в угол, но не в силах находится близко с этим ужасным Бером, который явно не скрывал своих побуждений.

— Я принадлежу Северу, — прошептала я, видя, как его улыбка стала похожей на оскал, и он снова присел вниз, заглядывая мне в лицо и насмехаясь:

— И? В этот момент я должен испугаться?

— Да...

От его хохота подо мной затрясся лед, и я снова отползла назад, понимая, что мои руки упираются в пустоту, а если я пододвину свой онемевший зад еще чуть-чуть, то просто полечу с обрыва вниз...

Чудесно. Убей себя сама и не парься....

— Забаааавная... — проурчал Карат, неожиданно подавшись вперед и обхватив мой подбородок сильными пальцами, впившимися в кожу, повернул мою голову вправо, кивнув и прошептав, — Смотри, человечек... смотри и наслаждайся... скоро твой муж будет растерзан на сотни кусочков и разбросан по этой земле. Я позволю тебе насладиться сполна этим моментом, прежде чем займусь тобой лично.

Сердце замирало и превращалось в лед, когда с высоты хребта я видела, как, словно коса смерти, на моих Беров надвигается вторая волна Кадьяков, которые обогнули льды, приближаясь со спины сражающихся... если Кадьяки объединятся, то мои Беры просто окажутся в кольце врагов...

Я видела своего Севера... огромного мощного медведя, который своими лапами буквально разрывал на части тех, кто был его родом... видела то, о чем говорил Лютый... огонь битвы горел в синих глазах Бера, испепеляя его... Север не остановится пока не убьет всех до последнего... или пока не погибнет сам...

Карат снова рассмеялся, убирая руки от моего лица, где остались синяки от его пальцев, когда первые слезинки скатились по моим замершим щекам, вставая надо мной, и неожиданно рыкнул, резко поворачиваясь, потому что за спиной раздался знакомый голос:

— Тебе не говорили, что обижать маленьких девочек не хорошо?

О, БОЖЕ!!!!!! Не знаю, как я не запищала, когда мои глаза сквозь слипающиеся мокрые ресницы рассмотрели огромную фигуру белокурого Бера, с замотанным каким-то кровавыми тряпками боком:

— Мой Король!

— Ммммммммм, — Ледяной на секунду закрыл свои прозрачные голубые глаза, блаженно улыбнувшись и обнажая длинные клыки, — только послушай, как она это говорит! Сколько искренности, радости и почтения! У тебя с нюхом проблемы, Карат? Так унюхай и вразуми — мне она нравится, и она будет жить...

Слезы снова потекли из глаз, пока я пыталась горько улыбнуться, недоуменно заморгав, когда Ледяной вдруг подмигнул мне, кивнув головой в сторону, и лишь тогда я поняла, что рано прощаться с моими Берами и Севером, потому что позади второй клешни Кадыяков, окружившей моих Беров, словно крыло белоснежного ангела неслись пара сотен Полярных Беров, рассекающих черную полосу буквально стрелой, кончик которой прорвался в самое сердце битвы, где были мои мальчишки.

От моей улыбки нижняя губа все-таки треснула в одном месте, откуда сразу же потекла кровь, но я не могла даже поморщиться, вытирая слезы и с благодарностью глядя в глаза Ледяного, который уже не смотрел на меня, сосредоточившись на Карате, чья веселость испарилась с приходом новой Белой волны.

— Все еще питаешь слабость к спасению маленьких девочек? — злобно оскалился он, собравшись и пригнувшись, явно готовясь для нападения.

— Да, все еще питаю, — как и в чем не бывало улыбнулся широко Ледяной, — подумываю сделать это своим основным занятием на пенсии...

— ...если доживешь, — прорычал Карат, бросаясь вперед, даже не пытаясь обратиться в медведя, и я вскрикнула от ужаса, отчетливо понимая, что Ледяной находится не в самом лучшем состоянии для равного боя и его рана кровоточит, а может и раскрылась полностью под этими невообразимыми кровавыми тряпками.

— Мия, беги!!!

Блин, куда?!!!!

Цепляясь зубами за воздух, я упиралась ногами, как могла, пытаюсь отползти от опасного края обрыва, и при этом не угодить в клубок рычащих и борющихся громадных Беров, от которых словно весь хребет ходил ходуном, того гляди и разваливаясь на части.

Я должна была выжить!! Господи! Ты не можешь забрать меня, мы так не договаривались!!!

И, кажется, у меня почти получилось выползти, юркнув под рукой Ледяного и дернувшись вперед в последнем рывке, когда ужасающе сильная рука, схватила меня за щиколотку, буквально подбросив вверх....и я полетела...

...только не вверх, а вниз...

Говорят, что в последние секунды твоя жизнь проносится перед тобой....у меня проносился только обжигающе холодный морозный ветер и истощенный крик Ледяного...вот и понимай, как хочешь: то ли жизнь была такая короткая, то ли падала я слишком быстро, даже не успев представить себя птицей. В голове лишь промелькнула какая-то отстраненная мысль, что страшнее — разбиться в лепешку о лед? Или утонуть, замерзнув до смерти в ледяном океане?...в любом случае мне уже не быть рядом с Севером.

Жизнь решила по своему, когда я была оглушена шлепком, и мир вокруг вдруг стал приглушенным и размытым, когда волны сомкнулись надо мной, выбивая воздух и окружая мелкими пузырьками.

Значит все-таки океан...

Почему-то в голове снова звучал голос Ледяного...

«...-...я видел как рождается мой сын в крови и поте медведицы, пытаюсь прорваться сквозь два кольца могучих медведей, когда она...глядя мне в глаза...оттолкнула едва дышащего ребенка в ледяные воды, стоило лишь ему закричать, подав знак своего рождения... мои воины ринулись на помощь, а я ничего не помнил в тот момент...ничего не понимал...я видел лишь как крошечное тело моего сына поглотил безжалостный ледяной океан, который убьет любого своими холодными тисками. Я нырнул за ним... Позже мне рассказали, что я убил два десятка медведей, утопив льдину в крови, но я нашел своего сына в черных водах...он был холоден, как лед и едва дышал, но был жив. Никто не верил, что он выживет...»

Меня тянуло вниз одежда, и голову сжимало ледяными тисками, выбивая последние крупинки кислорода не только из тела, но и из головы, когда я отчего-то подумала, что а ведь изнутри вода совсем не черная...тонна ледяного океана надо мной была голубоватой, как глаза Лютого и прозрачной...а еще такой обжигающе холодной, словно меня окружал кипяток...

Рук и ног уже не было...оставались лишь проблески едва трепещущего сознания, в котором на меня смотрели синие красивые глаза моего Севера...и огромная когтистая лапа, рассекающая воду...

А потом тьма, забирающаяся под кожу и стоящая ледяными потоками в теле, пока меня лупили по спине с такой силой, что кости внутри буквально трещали. Может даже ломались? Вода не хотела уходить без боя, забирая меня снова и снова, сопротивляясь рычанию и аромату трескучего мороза и крови.

— Положи ее на бок! Скорее!..

Какой бок? Где он? У меня больше не было тела...рук, ног, пальцев...ничего не было... только трескучая боль, которая скручивала резко и неожиданно, выворачивая легкие наизнанку, словно чьи-то сильные руки выжимали меня, как мокрое полотенце, выпуская воду.

Казалось, что вода попала даже в мозг, потому что я не видела ничего, на секунду улетая и возвращаясь от очередного приступа жгучей кусающей боли, словно снова и снова подала с обрыва, разбиваясь в мокрую лепешку. Очень мокрую...я слышала голоса, которых становилась все больше и больше, понимая, что они знакомы мне, но не в состоянии растряссти свой мозг дальше, словно пузырьки воды попали в голову. А еще говорят, что у шампанского волшебные пузырьки! Сначала в Северном — Ледовитом океане искупайтесь! А потом я послушаю, что вы мне расскажите ваше шампанское!

— Снимай одежду! Скорее!!!!..давай я! Тебе лапами неудобно будет!..

Эй, минуточку! Ребята! Обо мне речь?!..

Послышался треск, вот только я ничего не чувствовала...может еще кого-то раздевали?

— Скорее, сын, скорее! Ложись!..

«11 дней и ночей я носил своего сына на груди, боясь сомкнуть глаза и считая его едва слышное дыхание...» — говорил в моей голове тот же голос, и ресницам стало почему-то щекотно, а мир снова утонул в бездне, словно на меня надели наушники, через которые я что-то слышала, но не всегда могла разобрать что именно, а главное понять — почему..

— Вот черт! Тихо-тихо!..

Кричали мужчины, и меня тряхануло, только я не ударилась, и снова стало щекотно на лице, словно я уткнулась в меховую подушку. Жуткие глухие удары сотрясали меховой матрас подо мной...и надо мной...и вокруг меня тоже, отдаваясь дрожью.

— Спокойно, сын! Он пытается согреть её!

— Север, остановись! Приди в себя уже!

Рычание зверя было таким оглушительным и жутким, что я клацнула зубами, устало подумав, что они у меня все еще были.

— Сумрак, вали его! Давай! Скорее!

Снова затрясся мой меховой кокон и послышались жуткие глухие удары, словно две горы или ледяные глыбы, размером с Титаник, столкнулись друг с другом.

— Да епа мать!!!!!! У меня еще эта дыра в пузе не заросла!!!!!!

— Пап, уйди, мы сами!

— Нефрит! Ноги держи!!!

— Да ты их сначала поймай!..

— ...да чтоб тебя порвало уже!!!!!! Приди в себя говорю!!!!!!

Очередные страшные хлопки и бешенное рычание, и новый крик издалека:

— Янтарь, ребята, тащите Лютого с Мией в дом! Мы останемся здесь, пока Север не вернется в человека!..

А потом стало тихо, и лишь хрипящий голос прощуршал где-то сверху:

— Слышь, брат, тебе бы на диету! Мы тебя втроем едва прем!

Я так и не успела понять, откуда именно прозвучал угрожающий недовольный рык, словно он был везде.

Сознание возвращалось постепенно и скрипя, словно вековая телега.

Только было совершенно не до мыслей, потому что первое, что я почувствовала — это боль. Жуткая. Тупая. Ноющая. Она не отступала волнами, словно прилипнув ко мне, как змея, пробравшаяся в каждую мышцу....болели даже ресницы, которыми я пыталась пошевелить.

Господи, я что пила с Янтарем?...

Мозг постепенно просыпался, начиная слышать приглушенные голоса и ощущать аромат ночного леса, окружающий меня, когда последние события моей жизни вдруг выпали, словно упав с обрыва и я судорожно дернулась, тут же ощутив на себе сильные горячие руки и родной бархатный голос прошептал, обдавая ухо горячим дыханием:

— Шшшшшшш, крошка. Все в порядке, мы дома. Ты в безопасности.

Север! Мой Север! Господи, кто бы мог подумать, что в теле способны болеть даже веки, которые я с трудом раскрыла, чтобы увидеть лицо своего красивого мужа, только вместо него на меня смотрели прозрачные голубые глаза — добрые, смешливые и блестящие. Ледяной сидел у кровати на корточках, прямо перед моим лицом, широко улыбаясь:

— Ну-ка! Скажи мне, кто самый живучий в мире людей!

— ...тараканы... — едва смогла прошептать я, даже не расслышав собственного шепота, поморщившись оттого, что горло словно усердно прощурили изнутри наждачкой, содрав наживо все, что там было, пытаюсь улыбнуться, когда раздался громогласный раскатистый хохот моих Беров.

Мои дорогие! Моя семья!

Я пыталась крутить головой, чтобы увидеть каждого и понять, что все они живые и пусть немного побитые, слыша их радостные голоса, которые тут же принялись галдеть, чтобы говоря одновременно. Бас Янтаря нельзя было спутаться с кем-либо еще. Туман и

Ураган снова что-то делили. Лютый сидел на стуле напротив, недовольно качая головой и глядя на меня сквозь свои ресницы сочувственно, но как обычно холодно и колко.

— Нефрит? — и снова не было даже шепота, но красивый мелодичный голос промурлыкал откуда-то из угла за моей спиной:

— На месте!

— Свирепый?...

Лютый с ухмылкой кивнул на окно, и пришлось изогнуть шею, чтобы увидеть очаровательную улыбку и сладкие ямочки на щетинистых щеках Бера, который привалился лбом к стеклу с стороны улицы, задорно подмигнув.

— А Сумрак?...

— Гоняет своих Гризли на улице, — прошелестел за моей спиной голос Севера и его горячие руки обвилились вокруг меня, — Все в порядке, девочка. Мы все с тобой.

Закрыв глаза, я задрожала от чувства покоя и огромной радости, разрывающий изнутри.

— Опять плачет! — фыркнул Ледяной, когда из глаз потекли слезы. Только в этот раз это были слезы радости. Теперь была не страшна никакая боль, если все они были живы и находились рядом.

— Тебя Лютый спас... — тихо проговорил Север, осторожно прикасаясь губами к моей шее, — увидел, как ты падаешь и тут же метнулся за тобой. К_н_и_г_о_л_ю_б_._н_е_т Не думай, что я не спрошу с тебя за то, каким образом ты оказалась на льдине, но сначала поправляйся.

Оттого, что голос Севера стал хриплым и томным, на моем болезненном теле вмиг забегали надоедливые мурашки, выползая с бинтами и костыликами, но все-равно готовые на все. Вот жеж неугомонные мелкие создания! Им бы валерьянки, обезболивающих и покоя, а они плясали и хихикали, раскупоривая коньяк в лечебных целях! Конечно же, Север в миг почувствовал их настрой, когда в мои ягодицы уперлась его величественная эрекция, а я отчего-то смутилась и покраснела в лишь теперь поняв, что мы лежим с ним на постели, под одеялом, совершенно обнаженные...и окруженные любопытными взглядами наших братьев.

— А с другой стороны, хорошо, что все так получилось! — хмыкнул Ледяной лукаво, — Если бы она не упала, вы бы до вечера развели махаловку. А так — хрясь-бась и всех раскидали, пока к ней неслись!

Я хохотнула, покосившись на нашего белого Короля, который выглядел весьма загадочно, когда откашлялся, поднимаясь на ноги, и принявшись выпихивать всех братьев из комнаты:

— Ну-ка, все на выход! Козявке нужно отдохнуть и подлечится!..

Братья послушно выходили, улыбаясь и подмигивая, с синяками и ранами, перебинтованные, но все-равно счастливые и как всегда позитивные, пихающие друг друга, когда не могли протиснуться в один дверной проем по двое. Беры — такие Беры! Любимые мои.

— Нефрит... — кашлянул Ледяной, глядя куда-то в угол комнаты и выгибая светлую бровь.

— Да?

— Иди чай попей.

— Не люблю чай...

— Кофе?

— У меня от него изжога.

— Какао?

— Я ребенок что ли?

— ПШОЛ ВОН!!!!!! Епа мать!!!!!!

Не удержавшись, я рассмеялась, не смотря на потрескавшиеся губы и боль во всем теле, слыша, как зашелестела газета и обиженный голос красавчика Нефрита, который фыркнул:

— Так бы и сказали сразу, чего орать-то?...

Я смеялась до слез, слыша смех своего Севера, и чувствуя, как сотрясается его огромное горячее тело рядом. Вот оно, мое счастье. Мой мир!

Говорите, Рая на земле не существует?

Вы просто никогда не были у нас в Арктике!..

Больше книг на сайте — Knigolub.net